

РУССКАЯ
СОЦИАЛЬНО ПОЛИТИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ

ХІХ — начала XX века

М. А. БАКУНИН

Москва
2014

Центр стратегической конъюнктуры Центр стратегических оценок и прогнозов

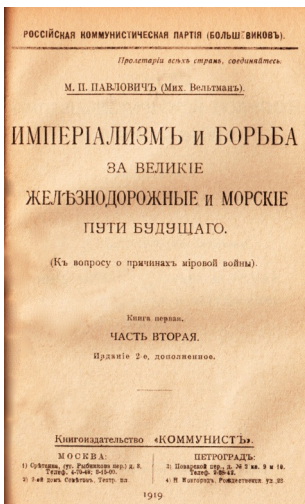
Павлович М.П. (Вельтман М.Л.). Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры; Центр стратегических оценок и прогнозов, 2014. Книга 1. Часть 1. 180 с.

ISBN 978-5-906233-55-4 ISBN 978-5-906661-01-2

Репринт первой части самой известной работы Вельтмана Михаила Лазаревича (псевдоним Павлович Михаил Павлович), оказавшего огромное влияние на отечественное востоковедение

первого ректора Московского института востоковедения, создателя и редактора журнала «Новый Восток».

Основная идея, которую Павлович М.П. проводил в своих работах еще до Первой мировой войны, заключается в подчеркивании роли тяжелой индустрии во внутренней экономике и внешней политике империалистических государств. Так как империализм есть монополистический капитализм, естественно, что металлургическая промышленность, как наиболее монополистическая по своему характеру, как ранее других созревающая к картеллированию, к организации в форме национальных и интернациональных трестов, синдикатов, концернов, является царицей современной капиталистической промышленности, гегемоном в современной индустрии.

Осень 2014 года будет переиздана 2-я часть книги

В книге рассматриваются:

- Трансперсидский путь.
- Трансафриканские пути.
- Панамский канал.

Через год после выхода в свет данного издания разразилась Первая мировая война, которая оправдала взгляд автора на империализм, как на современную форму завоевательной политики, диктуемой прежде всего, интересами металлургической промышленности.

ISBN 978-5-906233-78-3

9 785906 123378 3

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ
КАФЕДРА ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ
Центр стратегической конъюнктуры

Русская социально-политическая
мысль XIX — начала XX века

М.А. Бакунин

Москва
Центр стратегической конъюнктуры
2014

УДК 101.1::316
ББК 60.51(0)53
Р89

Печатается по решению Ученого Совета
факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕЦЕНЗЕНТЫ
доктор философских наук *М.А. Маслин*
кандидат исторических наук *К.М. Андерсон*

К ЮБИЛЕЮ Михаила Александровича Бакунина (1814–1878)

Серия основана А.А. Ширинянцем в 1995 году

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
А.А. Ширинянец (*председатель*), Д.В. Ермашов (*ответственный секретарь*)
К.М. Андерсон, В.Н. Ганичев, Й. Дец (Польша), Я. Клоостерман (Нидерланды), В.И. Коваленко,
И.А. Козиков, М.А. Маслин, И.Ю. Новиченко, С.В. Перевезенцев, Е.К. Прокудина

Р89 **Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: М.А. БАКУНИН** / Под ред. А.А. Ширинянца; Сост. П.И. Талеров, А.А. Ширинянец. — М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. — 324 с. — (Серия: Русская социально-политическая мысль, 22).

ISBN 978–5–906233–78–3

Книга посвящена творчеству теоретика анархизма — Михаила Александровича Бакунина (1814–1878). В издание, наряду с творческой биографией мыслителя, вошли републикации его трудов, сопровождаемые комментариями.

Для студентов гуманитарных факультетов университетов, всех интересующихся историей русской социально-политической мысли.

© Талеров П.И., Ширинянец А.А., составление 2014
© Центр стратегической конъюнктуры, 2014
© Воробьев А.В., оформление, 2014

ISBN 978–5–906233–78–3

Научное издание

Сдано в набор 17.02.2014. Подписано в печать 28.05.2014. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 20,25. Уч.-изд. л. 21,8. Тираж 500 экз. Заказ № 59.

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым*. Корректор *Е.В. Феоктистова*

Центр стратегической конъюнктуры. **centerconjunction@gmail.com**
141202, МО, г. Пушкино, ул. Набережная, д. 35, корп. 6. **+7(906) 075–00–22**

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.
Лицензия на типографскую деятельность ПД № 0059

СОДЕРЖАНИЕ

Талеров П.И., Шириняц А.А. Жизнь и идеи бунтаря 4

Михаил Александрович БАКУНИН

Реакция в Германии (Очерк француза) 43

Коммунизм..... 61

Речь, произнесенная 29 ноября 1847 г. в Париже на банкете
в годовщину польского восстания 1830 г. 68

Манифест съезда славянского к народам европейским..... 75

Основы новой славянской политики 78

Основы славянской федерации 80

Внутреннее устройство славянских народов..... 81

Воззвание к славянам русского патриота Михаила Бакунина,
члена Славянского съезда в Праге..... 82

Положение в России (Современная картина)..... 98

О России..... 119

Статьи из журнала «Народное дело = Le caused du peuple» 127

Несколько слов молодым братьям в России..... 155

Из работы «Усыпители» 159

Всестороннее образование 164

Всесветный революционный союз социальной демократии:
русское отделение к русской молодёжи..... 180

Письмо к С.Г. Нечаеву..... 209

Из работы «Парижская Коммуна и понятие о государственности:
первый опыт социальной революции» 242

Программа Интернационального братства 251

Из работы «Государственность и анархия». Прибавление А..... 267

КОММЕНТАРИИ 284

Жизнь и идеи бунтаря¹

Будущий основоположник русского анархизма родился 18 мая (по старому стилю) 1814 г. в деревне Премухино² Новоторжского уезда Тверской губернии. Бакунин происходил из старинной дворянской семьи. Его отец, Александр Михайлович, получил образование за границей, защитил диссертацию по философии в Падуанском университете, а затем долгое время служил при российских посольствах в разных государствах Италии. Возвратившись в Россию в конце царствования Екатерины II, Александр Михайлович не пожелал служить при дворе, вышел в отставку с чином надворного советника и поселился в своем родовом имении в Тверской губернии.

По матери Бакунин происходил из известного рода Муравьевых. До 14 лет Михаил, старший из шести братьев (всего в семье было десять детей) воспитывался дома. Александр Михайлович, отчасти под влиянием идей Жан-Жака Руссо, давал детям свободное воспитание в европейском духе. Он занимался с ними естественной историей, физикой, географией, историей; старался привить любовь к музыке, литературе, живописи. Позднее Бакунин тепло вспоминал в письмах к родственникам свои детские годы в премухинском доме, называя их «неотъемлемым сокровищем и чуть ли не лучшей эпохой жизни»³.

В конце 1828 г. Бакунин был отправлен отцом в Петербург для поступления в Михайловское артиллерийское училище. Нравы, царившие здесь, резко контрастировали с тем, что окружало его раньше. В январе 1833 г. Бакунин был произведен в прапорщики и переведен в офицерские классы. Однако осенью того же года за дерзость, допущенную в отношении начальника училища, он был отчислен и отправлен в расквартированную в местечке Молодечно Минской губернии армейскую артиллерийскую бригаду, которая осенью 1834 г. была передислоцирована в Гродненскую губернию.

Армейская служба, с ее примитивным, размеренным укладом, быстро наскучила Бакунину. Тяготила его и необходимость жить в глуши. В нача-

¹ В основу публикации положена исправленная и дополненная статья: *Ширинянец А.А., Матвеева Ю.А., Талеров П.И.* Михаил Александрович Бакунин // Бакунин М.А. Избранные труды / М.А. Бакунин; [сост. П.И. Талеров, А.А. Ширинянец; авт. вступ. ст. А.А. Ширинянец, Ю.А. Матвеева, П.И. Талеров; коммент., указ. имен П.И. Талеров]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С.5-47.

² В настоящее время - Прямухино.

³ *Бакунин М.А.* Собр. соч. и писем. 1828-1876 / Под ред. и с прим. Ю.М.Стеклова. Т. II. Гегелианский период. М.: Изд. Всесоюз. общ-ва политкат. и сельхозопос., 1934. С. 106.

ле 1835 г. он уехал в командировку в Тверь, а оттуда — в Премухино, где около года сказывался больным. Когда же ему было предложено подать в отставку, он немедленно этим воспользовался (декабрь 1835 г.). Отец пытался устроить старшего сына на статскую службу, но Михаил, вопреки родительской воле, оставил отчий дом и уехал в Москву с твердым намерением посвятить себя занятиям философией.

В Москве Бакунин познакомился с Н.В. Станкевичем, основавшим в то время один из наиболее известных кружков «мыслящей» молодежи. В этом кружке Мишель, как его называли друзья, познакомился с В.П. Боткиным, В.И. Красовым, И.П. Ключниковым, В.Г. Белинским, А.П. Ефремовым, К.С. Аксаковым, М.Н. Катковым. Под руководством Станкевича Бакунин приступил к углубленному изучению классической немецкой философии. Одновременно он занялся публицистической деятельностью, сотрудничая с журналом «Телескоп», который в то время возглавлял близкий к шеллингианству Н.И. Надеждин. Для «Телескопа» Бакунин перевел лекции немецкого философа, основателя системы субъективного идеализма И.Г. Фихте «О назначении ученых». Фихтеанские идеи о необходимости просвещения и пропаганды религиозно-этических взглядов отвечали стремлениям молодого Бакунина, поскольку уже тогда ему было органически свойственно учить других, звать их к неведомым горизонтам только что открывшейся ему истины, проповедовать словом и делом. В своих занятиях философией он в процессе саморазвития последовательно перешел от Шеллинга к Канту, перед которым, по его собственному признанию, «благоговел»; от Канта к Фихте, от Фихте к Гегелю.

Наибольшее влияние на формирование мировоззрения молодого Бакунина оказала философская система Гегеля. Владея немецким языком, он не только самостоятельно освоил труды немецкого философа: «Феноменологию духа», «Логику» и «Философию религии», но и стал их пропагандистом, пересказывая гегелевские идеи, в первую очередь, Белинскому. В апреле 1837 г. в редактируемом Белинским журнале «Московский наблюдатель», были опубликованы «Гимназические речи Гегеля» в переводе и с предисловием Бакунина. Истокованные в квиетистском ключе гегелевские фразы породили у будущего анархиста-бунтаря аполитичную позицию непротивления действительности, восстать против которой, как он писал, аналогично «убийству в себе всякого живого источника жизни», а примирение с нею и есть «великая задача нашего времени». В заключении предисловия Бакунин выразил надежду, что новое поколение, оставив пустую и бессмысленную болтовню и претензии на гениальность, поймет, что без строгой дисциплины нет знания, сроднится «с нашей прекрасной русской действительностью и <...> ощутит, наконец, в себе законную потребность быть действительно русскими людьми»⁴.

⁴ Бакунин М.А. Гимназические речи Гегеля // Бакунин М.А. Анархия и порядок: Сочинения / Сост. и предисл. М.А. Тимофеева. — М.: Изд. ЭКСМО-ИРЕСС, 2000. С. 30.

В 1840 г. в «Отечественных записках» вышла выдержанная в сугубо гегельянском духе первая статья Бакунина «О философии», которая получила высокую оценку соратников по кружку.

В октябре 1840 г. Бакунин выехал за границу с целью продолжить свое гуманитарное образование. Два года он прожил в Германии, занимаясь в Берлинском университете у К. Вердера и Ф. Шеллинга и изредка выезжая в Дрезден. Этот период стал поворотным в мировоззрении и судьбе мыслителя. Он познакомился с лидером левых гегельянцев А. Руге, потом-демократом Г. Гервегом, проповедником утопического коммунизма В. Вейтлингом, композитором Р. Вагнером, коммунистами К. Марксом и Э. Кабе, польским поэтом А. Мицкевичем, литератором К.А. Варнгагеном фон Энзе. Некоторое время Бакунин жил под одной крышей с И.С. Тургеневым. Постепенно конкретная, живая действительность сняла пелену абстракций, созданных гипертрофированным взглядом на философию Гегеля. Попав под влияние новых друзей, Бакунин примкнул к оппозиционно-демократическому лагерю. Постепенно он укрепился в мысли, что раз и навсегда необходимо разрешить антиномию между мышлением и действительностью, и для этого нет другого средства, кроме борьбы. И вот, в октябре 1842 г. в журнале «Немецкие ежегодники» Бакунин под псевдонимом Жюль Элизар опубликовал статью «Реакция в Германии», которая получила большой резонанс во всей Европе. Содержание статьи объясняет, почему автор скрылся под псевдонимом. Здесь, наряду с резкой критикой существующей реальности («О, воздух душен, он чреват бурями!»), прозвучал страстный призыв к кардинальным революционным изменениям, к освобождению человека. «Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, — писал Бакунин в последних строках, — что он есть неисчерпаемый и вечно созидающий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!»⁵. Этот девиз, как и статья в целом, определили всю дальнейшую судьбу революционера, развитие его социально-политического мышления. Более того, этот девиз был взят на вооружение многими его последователями-анархистами, хотя указанную статью вряд ли можно назвать анархистской, а самого автора в тот период — сторонником противогосударственных идей. Все еще было впереди, но в направлении к анархизму был сделан первый и весьма решительный шаг.

О том, что Бакунин в это время ещё стоял на позициях укрепления государственности, свидетельствует следующее его выступление в прессе. Оно было опубликовано там же, в Германии, в цюрихской газете демократического направления «Швейцарский республиканец», издававшейся Ю. Фребелем. В июне 1843 г. в ней без подписи была опубликована ста-

⁵ Бакунин М.А. Реакция в Германии // Бакунин М.А. Анархия и порядок: Сочинения / Сост. и предисл. М.А. Тимофеева. — М., 2000. С. 130.

тья «Коммунизм», в которой автор, полемизируя с реакционным журналом «Швейцарский обозреватель» и защищая гонимого последним планенного немецкого агитатора В. Вейтлинга, предложившего свой вариант построения нового общества на христианских принципах свободы и равенства, тем не менее высказался против коммунизма и против будущего государства по Вейтлингу. Бакунин признавал, что коммунизм — не фантом, не безжизненная тень, он произошел «не из теории, а из практического инстинкта, из народного инстинкта», который никогда не ошибается. Однако, вместе с тем, автор статьи определил коммунизм как «в высшей степени опасное явление», считая, что могущество и живая сила государства заключается именно в том, что оно «сохраняет себя и может сохранить себя от тысячи случайностей повседневности». Бакунин признавал коммунистический идеал непривлекательным, считая, что такое общество не может быть свободным, поскольку является не живым объединением свободных людей, а «невynosимым принуждением, насильем сплоченным стадом животных».

Вместе с тем обе эти публикации выдвинули Бакунина в круг политически значимых фигур, предопределив его участие в революционных событиях. В 1843 г. он переехал в Цюрих и вместе с Г. Гервегом организовал кружок, пропагандировавший революционные взгляды. Это событие знаменовало собой переход от размышлений к активным революционным действиям. В это же время деятельность Бакунина попала в поле зрения русских агентов III отделения Собственной Е.И.В. канцелярии и стала известна русскому правительству. За «преступные сношения с обществом злонамеренных людей» ему было предписано немедленно возвратиться в Россию. Реакцией на отказ Бакунина подчиниться этому требованию стало решение Сената о лишении его чина и дворянства, а в случае появления в России его, как минимум, ожидала ссылка в Сибирь на поселение.

Проигнорировав все эти напасти, Бакунин путешествовал из страны в страну, пока не остановился в Париже. Здесь он близко сошелся с социалистами-утопистами П. Леру и Л. Бланом, часто встречался с К. Марксом, вел длительные дискуссии с П.-Ж. Прудоном. В этом круге общения складывалось мировоззрение будущего классика анархизма. Собственно, книга Прудона «Что такое собственность? Изыскания о принципе права и правительственной власти» (1840) стала краеугольным камнем для последующего развития многих анархистских теорий. Анализируя природу государственной власти, Прудон доказывал необходимость упразднения «политической конституции» и государства, которое гарантирует неприкосновенность несправедливо нажитой собственности. На смену политической организации общества, по мысли французского мыслителя, должна прийти организация экономическая, которую Прудон предлагал в форме свободной ассоциации самоуправляющихся общин, построенной по принципу «сверху вниз», сближая тем самым состояние

анархии с республиканским федеративным устройством. Размышления о форме организации будущего общества, подобные прудоновским, позднее нашли отражение в ставших классическими работах Бакунина «Государственность и анархия», «Федерализм, социализм и антитеологизм». Кроме того, Бакунин выражал прямое согласие с формулой Прудона: «собственность — это кража». В заслугу своему французскому единомышленнику он ставил и то обстоятельство, что, в отличие от взглядов его современников-социалистов, которые «питали общую страсть к регламентации» и «все были более или менее авторитарными», прудоновская концепция была лишена каких бы то ни было авторитарных тенденций.

Не следует, однако, думать об абсолютном, некритическом восприятии Бакуниным прудоновских социально-политических идей. Бакунин обратил внимание на абстрактно-теоретический характер воззрений Прудона, считая его «идеалистом и метафизиком». Его точка отправления — абстрактная идея права. В отличие от прудоновского бакунинский анархизм предусматривал тесную связь теории с практикой революционной борьбы. Именно поэтому для Бакунина оказался неприемлем прудоновский вариант мирной, ненасильственной социальной революции, якобы обеспечивающий плавный переход к будущему общественному устройству.

29 ноября 1847 г. Бакунин выступил в Париже на банкете, посвященном годовщине польского восстания, где резко высказался против российского самодержавия, критикуя его за жестокость и деспотизм, отсутствие какой-либо защиты от гнета и произвола. В этом же выступлении определялись предполагаемые движущие силы грядущих социальных изменений: огромная масса крестьян, разночинная интеллигенция, армия и часть дворянской молодежи. Здесь же впервые была высказана составившая идейную основу дальнейшей революционной деятельности Бакунина мысль о том, что освобождение всех славянских народов повлечет за собой «окончательное падение деспотизма в Европе». Речь имела большой успех и была напечатана в газете «Реформа». Однако это выступление имело и негативные последствия для Бакунина, послужив причиной гонений со стороны французских властей, которые под давлением российского и австрийского правительств приняли решение о высылке русского эмигранта из страны. Бакунин был вынужден оставить Францию, и отправился в Брюссель.

В феврале 1848 г. в Париже вспыхнула революция, которая за короткий период охватила ведущие страны Западной Европы — Францию, Италию, Германию, Австрию, основательно встряхнув монархические режимы. Бакунин стремительно ринулся в гущу событий, став активным революционным деятелем и пропагандистом. Поселившись недалеко от Люксембургского дворца — в казармах гвардии Марка Коссидьера, префекта Парижа, одного из лидеров февральской революции, он активно участвовал во всех революционных собраниях, процессах, демонстрациях. Одновременно Бакунин активно увлекся славянским вопросом, представив

собственную концепцию объединения славянских народов в единое государственное образование. Бакунин считал, что все славяне составляют единую нацию; русские объединены с народами Восточной Европы одними и теми же историческими корнями, у них близкие по духу и звучанию язык, культура, традиции. В отличие, например, от австрославизма или нарождавшегося в России консервативного, имперского панславизма, революционный панславизм Бакунина⁶ был направлен на «русскую революцию и республиканскую федерацию всех славянских земель, — основание единой и нераздельной Славянской республики, федеративной только в административном, центральной же в политическом отношении»⁷. При этом в своих высказываниях о роли России, русского народа в деле освобождения славян «от глубокого внешнего и внутреннего рабства, в котором они ныне томятся»⁸, Бакунин даже несколько раньше, чем российские идеологи русской идеи, высказывался об особом миссионерском предназначении России. При этом он, обращаясь к братьям-славянам, не без пафоса говорил: «Когда вы ждете спасения от России, то предметом ваших упований должна быть не поработенная и закрепощенная Россия со своим притеснителем и тираном, а возмущенная и восставшая к свободе Россия, могучий русский народ»⁹.

Хотя революционная и пропагандистская деятельность Бакунина в период его первого пребывания за границей и принесла свои плоды, тем не менее, исторические и политические реалии складывались не в пользу бакунинских идей. Славянские государства Западной Европы были раздираемы спорами и национальными притязаниями, заслонившими от них интересы интегрированного целого. Поняв это, Бакунин даже попытался организовать тайное общество «Славянских друзей», распавшееся из-за неудачи Всеславянского съезда в июне 1848 г.

В своем выступлении на этом форуме Бакунин призвал к разрушению Австрийской и Российской империй и предложил «Основы новой славянской политики» — утопичный и малоконкретный, но демократический по смыслу план создания свободной славянской федерации. Закончить работу съезду, однако, не удалось: 12 июня в Праге вспыхнуло восстание. Бакунин принял в нем участие, но восстание потерпело не-

⁶ Сам Бакунин был против этого термина: «<...> не мешало бы как можно сильнее протестовать против имени “панславистов”, которым <...> нас награждают <...> я не был <...> никогда панславистом, но в движении славянском принимал горячее участие <...>» (Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огарёву. СПб.: В. Врублевский, 1906. С. 233–234).

⁷ Бакунин М.А. Исповедь // Алексеевский равелин: Секретная государственная тюрьма России в XIX веке: [В 2-х. кн.]. Кн. 1. — Л.: Лениздат, 1990. С. 269.

⁸ Бакунин М.А. Проект письма в редакцию берлинской «Реформы» // Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876. / Под ред. и с прим. Ю.М.Стеклова. Т. III: Период первого пребывания за границей, 1840–1849. — М.: Изд. Всесоюз. общ-ва политкат. и ссыльнопос., 1935. С. 321.

⁹ Бакунин М.А. Воззвание к славянам русского патриота Михаила Бакунина, члена славянского съезда в Праге // Там же. С. 357.

удачу, и он вынужден был ретироваться из Праги. Вначале скрывался в Бреславле, потом в Берлине, откуда в сентябре 1848 г. ему также было предписано выехать. Бакунин временно поселился в германском городе Кётен. Сложная обстановка, складывающаяся вокруг славянского вопроса, побудила Бакунина написать «Воззвание к славянам», в котором прозвучал призыв к славянским народам отбросить узконациональные рамки движения и скоординировать свои действия с западноевропейской демократией. Изданное отдельной брошюрой «Воззвание» вызвало резонанс в европейском обществе, одновременно встревожив и силы реакции в Австрии и России. Бакунин включился через своих агентов и единомышленников в подготовку нового пражского восстания. Находясь в Дрездене, он старался держать в своих руках все нити заговора. Однако планы выступления были сорваны, а непосредственные организаторы арестованы.

В начале мая 1849 г. уже в самом Дрездене вспыхнуло восстание, и в нем Бакунин принял самое активное участие. Но вскоре сопротивление восставших было сломлено, мятеж подавлен, Бакунин с подвижниками арестован и заключен в дрезденскую тюрьму. В июле узника перевели в укрепленную крепость Кёнигштейн, расположенную на берегу Рейна, а в январе 1850 г. саксонский суд первой инстанции приговорил его к смертной казни, которая спустя некоторое время по решению короля, к которому приговоренный обратился с прошением о помиловании, была заменена пожизненным тюремным заключением. После этого последовала выдача Бакунина австрийским властям и заключение в тюрьму в Праге для нового следствия. В марте 1851 г. его перевели в крепость Ольмюц, где несколько месяцев продержали прикованным к стене как особо опасного преступника. 15 мая после серии допросов австрийский суд приговорил Бакунина к смертной казни через повешение и к уплате судебных издержек. И сразу же смертная казнь была заменена пожизненным заключением. Однако все эти суды по сути были лишь разыгранным трагическим фарсом — участь преступника была решена заранее: он должен был быть выдан России.

В конце мая по требованию русского правительства Бакунина передали российским властям, и он был заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Сам император Николай I пожелал использовать политического узника как живой источник информации о европейской революции и, прежде всего, о польских делах. В русской тюрьме «кающийся грешник» Бакунин по требованию царя написал своеобразный отчет о своей революционной деятельности в Европе, ставший позже известным под названием «Исповедь», в которой на фоне автобиографии были изложены взгляды автора на западноевропейское освободительное движение и славянский вопрос. В этом документе, с учетом специфики адресата, много признаний вины и показного, как свидетельствовала дальнейшая судьба революционера, раскаяния. Однако здесь Бакунин

очень четко сформулировал цель и смысл своей жизни, своеобразное кредо: «Искать своего счастья в чужом счастье, своего собственного достоинства — в достоинстве всех меня окружающих, быть свободным в свободе других — вот моя вера, стремление всей моей жизни»¹⁰.

В марте 1854 г., в обстановке начавшейся Крымской войны в связи с возможной угрозой нападения англо-французского флота на Петербург, Бакунин высочайшим повелением был переведен в Шлиссельбургскую крепость, находящуюся в верховьях Невы возле Ладожского озера.

После смерти императора Николая I родные Бакунина стали активно хлопотать об освобождении узника. Последнему пришлось вновь заявить о своем полном раскаянии и стремлении посвятить «остаток дней сокрушающей обо мне матери и приготовиться достойнейшим образом к смерти»¹¹. 19 февраля 1857 г. царской милостью тюремное заключение было заменено длительной ссылкой в Сибирь на поселение. Бакунину было разрешено на одни сутки заехать в Премухино проститься с родными.

С 1857 по 1859 гг. Бакунин жил в Томске. 5 октября 1858 г. в возрасте 44 лет он женился на Антонии Ксаверьевне Квятковской, 17-летней дочери обедневшего польского дворянина, приехавшего в Сибирь из Могилевской губернии. Вскоре дальний родственник Бакунина по материнской линии граф Н.В. Муравьев-Амурский, генерал-губернатор Восточной Сибири, добился перевода ссыльного в Иркутск. В эти годы Бакунин выступал защитником существующего государственного порядка, чем настроил против себя многих ссыльных революционеров.

В июне 1861 г. Бакунин под видом служебных дел отправился в Читу, откуда пароходом добрался до Николаевска и далее перебрался в Японию. Это бегство из ссылки было предпринято при прямой и косвенной поддержке со стороны друзей и знакомых. Из Иокогамы Бакунин переправился в Сан-Франциско, а в декабре прибыл в Лондон, где встретился с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым и начал активную общественную деятельность. В 1862 г. выпустил брошюру «Народное дело» с подзаголовком «Романов, Пугачев или Пестель?», в которой изложил свои мысли о федеративной организации славянского мира и России.

В феврале 1863 г. с началом антироссийского восстания в Польше Бакунин посчитал необходимым встать в ряды сражающихся. Он отправился в Стокгольм, где был с восторгом встречен демократической общественностью, а в марте принял участие в окончившейся неудачей экспедиции на пароходе «Ward Jackson», на котором планировалось доставить восстав-

¹⁰Бакунин М.А. Исповедь // Алексеевский равелин: секретная государственная тюрьма России в XIX в. : в 2-х т. / Сост., авт. предисл. и примеч.: А.А. Магышев. Кн.1. - Л.: Лениздат, 1990. С. 305.

¹¹[Бакунин М.А.] № 593. Прошение на имя Александра II. (14 февраля 1857 года.) [Шлиссельбургская крепость.] // Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. 1828-1876 / Под ред. и с прим. Ю.М. Стеклова. Т. IV. В тюрьмах и ссылке. 1949-1861. — М.: Изд. Все-союз. общ-ва политкат. и ссыльнопос., 1935. http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0040.shtml

шим закупленное польскими эмигрантами оружие. Бакунин вернулся в Стокгольм, где его вскоре нашла прибывшая из России жена. В октябре 1863 г. чета Бакуниных переехала в Лондон, а затем предприняла большое путешествие по Европе: Брюссель, Париж, Лозанна, Женева. В первых числах января 1864 г. Бакунины отправились в Италию и остановились вначале в Генуе, затем во Флоренции.

1864 г. стал переломным в мировоззрении мыслителя. Вновь появившись на политической арене, Бакунин поначалу выступал в качестве идеолога «крестьянской России». Он пропагандировал идею присвоения народу исключительного права собственности на всю землю, общинного владения ею, за общинное самоуправление. В начале 1860-х гг. Россия все еще виделась Бакунину ведущей революционной силой в ряду остальных славянских народов, хотя он допускал, что и Польша может оказаться впереди на пути к социальной революции. Однако в России в тот момент революционная ситуация так и не возникла. Установка же на возможность объединения российского освободительного движения с польскими и скандинавскими революционерами вскоре обнаружила свою полную несостоятельность. Неудачи изолированных национальных движений привели Бакунина к необходимости скорректировать собственные социально-политические взгляды. Начиная с 1864 г., ключевым положением политической теории Бакунина становится идея общеевропейской революции. В это же время он начинает идейно-теоретическую разработку, которая должна была стать обоснованием далеко идущего замысла — создания тайной организации заговорщического типа, призванной координировать деятельность революционных активистов разных стран.

Разочаровавшись в идее панславизма и возможности скорого свершения революции в России, Бакунин стал возлагать серьезные надежды на Италию, где положение народа было крайне бедственным. Итальянский пролетариат привлекал Бакунина нищетой и отсутствием собственности, в то время как рабочие более развитых стран Европы, благодаря относительно высокой зарплате, стали проникаться «буржуазными началами». Однако наличием социальной базы для будущего революционного взрыва дело не ограничивалось. Не менее важным было то обстоятельство, что в Италии существовала общественная страда, которая виделась Бакунину потенциально готовой к тому, чтобы составить костяк тайной организации. Этой социальной силой выступала образованная молодежь.

Осенью 1864 г. Бакунин совершил поездку из Италии, где он в тот момент жил с семьей, в Швецию. Обратный путь его лежал через Лондон, и здесь 3 ноября он встретился с К. Марксом, который предложил Бакунину вступить в только что учрежденное Международное товарищество рабочих (I Интернационал). Как впоследствии признавался сам Маркс, он лично оформил это вступление, снабдил Бакунина учредительным адресом и статутами Интернационала и получил от своего нового союзника обещание способствовать распространению идей Международного това-

рищества рабочих в Италии. Однако по возвращении в Италию Бакунин так и не исполнил своего обещания. Он не только не занимался пропагандой идей и целей Интернационала, но и упорно не отвечал на письма Маркса. Его занимала более важная цель: Бакунин вплотную приступил к практической реализации собственных планов создания международного тайного общества, которое могло бы подготовить и возглавить мировую революции. Таким обществом должно было стать основанное им чуть ранее, в середине 1864 г., в Италии «Интернациональное братство».

Ключевым методом распространения идей «Интернационального братства» стала личная пропагандистская деятельность основателя. Небесталанному обладателю несомненной харизмы и выдающихся ораторских способностей, Бакунину не составляло особого труда подчинять своему влиянию представителей демократически настроенной итальянской интеллигенции, с которыми он вплотную общался, проживая во Флоренции. Членами «Интернационального братства» стали архитектор Дж. Фанелли, адвокат К. Гамбуцци, журналист С. ди Лука, врач С. Фриш — сначала участник заговоров против Бурбонов, а позже — походов Дж. Гарибальди. Параллельно с агитационной деятельностью в среде флорентийской интеллигенции Бакунин вел активную пропаганду и в других городах Италии, а также в других европейских странах.

С целью расширения деятельности общества в 1865 г. Бакунин переехал в Неаполь, а в 1867 г. — в Женеву, которая давно влекла его как центр русской эмиграции. Одновременно он стремился обрести широкую платформу для пропаганды революционной программы «Интернационального братства» в структуре уже существующей общественной организации. Таковой виделась Бакунину Лига мира и свобода — международная пацифистская организация, первый конгресс которой, начавшийся 9 сентября 1868 г., стал крупным событием в жизни всей Европы. Среди тех, кто поддержал его созыв, было много общественных деятелей, широко известных в демократических и либеральных кругах Европы, таких как Л. Блан, В. Гюго, П. Леру, Э. Кине, Ж. Фавр, И.-Ф. Беккер. Принял в нем участие и Бакунин. Он выступил с речью, в которой впервые сформулировал ключевые положения своей социально-политической теории в виде лозунга «федерализм, социализм, антитеологизм». Выступление Бакунина было направлено против централизованных государств и призывало к тому, чтобы «на их развалинах» могли развиваться «единства свободные, организованные снизу вверх, свободной федерацией общин в провинцию, провинций в нацию, наций в Соединенные Штаты Европы»¹². Речь имела успех, и Бакунин был избран чле-

¹² Бакунин М.А. Речь на Конгрессе Лиги мира и свободы в 1867 г. // Бакунин М.А. Избранные сочинения. Том III. Бернские Медведи и Петербургский Медведь. - Речи и Статьи по Славянскому Вопросу.- Народное Дело.- Речи на конгрессах Лиги Мира и Свободы.- Федерализм, Социализм и Антитеологизм. С предисловием Дж. Гильома. - Пб.-М.: Книгоиздательство Союза анархо-синдикалистов «Голос труда». 1920. http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0160.shtml

ном комитета, которому было поручено подготовить к следующему заседанию конгресса программу Лиги мира и свободы.

Участие в работе Лиги имело для Бакунина стратегическое значение. Истинной его целью был захват Лиги. Он и его сторонники представляли собой инициативное организованное меньшинство, которое, по убеждению мыслителя, могло и должно было взять на себя координацию действий радикально настроенной части этого общества. План Бакунина выглядел следующим образом: подготавливая ко второму съезду Лиги обширное (оставшееся незаконченным) «Мотивированное предложение Центральному Комитету Лиги Мира и свободы», он намеревался на этом съезде организовать с помощью своей фракции перевес и провести в Центральный Комитет Лиги своих сторонников. В случае успешной реализации этой стратегии Бакунин оказался бы во главе официальной и имеющей значительный вес в кругах европейской интеллигенции международной организации, которая смогла бы выполнять полезные общественные функции под незримым контролем тайного общества.

Однако планам Бакунина не суждено было сбыться. В комитете Лиги он оказался среди революционно ориентированного демократического меньшинства, а большая часть мест принадлежала либералам. Именно так распределились силы и на втором конгрессе Лиги, собравшемся в сентябре 1868 г. в Берне. В этой ситуации анархические призывы к разрушению государств и основанию всемирной федерации производительных свободных ассоциаций не возымели никакого влияния на аудиторию. Убедившись в тщетности собственных пропагандистских усилий, Бакунин и его сторонники (среди них были члены его тайной организации Э. Реклю, Дж. Фанелли, С. Фриш, В. Мрочковский, Н. Жуковский, а также друг Бакунина лионский революционер А. Ришар и еще несколько человек, симпатизировавших этому направлению) покинули конгресс.

Участие в деятельности Лиги мира и свободы убедило Бакунина в бесперспективности пропагандистской работы вне Интернационала. Он окончательно пришел к выводу, что для распространения революционно-анархических идей ему необходимы сила и авторитет этой международной организации.

В июле 1868 г. Бакунин вступил в Женевскую секцию I Интернационала, который намеревался использовать как трибуну для пропаганды своих взглядов среди рабочих. В это же время он вместе с русским эмигрантом Н.И. Жуковским начал издавать журнал «Народное дело».

После выхода из Лиги мира и свободы, Бакунин с 18-ю сторонниками основал в сентябре 1868 г. «Альянс социалистической демократии» — малочисленную, но довольно активную полуконспиративную организацию, создавшую в скором времени свои секции в Швейцарии, Испании, Италии и Франции. В марте 1869 г. Бакунин познакомился с С.Г. Нечаевым и подключил его к пропагандистской деятельности, рассчитывая на подъем революционной активности в России. Первоначально ничем не

выделявшаяся среди десятков подобных российских кружков «Народная расправа» Нечаева пользовалась особым покровительством Бакунина, который познакомил молодого революционера с Огаревым. Громкую известность нечаевская подпольная организация получила после политического убийства студента И.И. Иванова. За несогласие с практикой заговорщиков пятеро человек во главе с Нечаевым сначала зверски избили Иванова, а затем, застрелив, бросили труп в пруд. Этот случай всколыхнул общественность и вызвал всеобщую негативную реакцию такой силы, что термин «нечаевщина» стал нарицательным, а Бакунин был вынужден расторгнуть все связи с «Народной расправой», чтобы сохранить собственный авторитет.

Но вернемся к «Альянсу». Надеясь на широту принципов и демократизм Устава Интернационала, Бакунин направил Генеральному совету программу «Альянса» с просьбой принять эту организацию в Международное товарищество рабочих. Однако Энгельс ответил на просьбу Бакунина решительным отказом, мотивировав тем, что «Альянс» внутри Интернационала будет «государством в государстве». Узнав об этом, Бакунин вновь обратился в Интернационал с просьбой принять отдельные секции «Альянса» на том условии, что сама организация как самостоятельная международная единица будет распущена, но отдельные секции Швейцарии, Испании, Италии и Франции войдут в соответствующие секции Интернационала. На это ходатайство Международное товарищество рабочих ответило согласием. В июне 1869 г. отдельные секции «Альянса» влились в Интернационал; сам же «Альянс» как международная организация официально объявил себя распущенным, что в действительности, однако, не означало прекращения его деятельности. Фактически, легально действующие секции «Альянса» в составе Интернационала стали фасадом, за которым скрывалась тайная организация, ведущая активную пропагандистскую работу.

Цели и задачи своей тайной организации Бакунин объяснял следующим образом: это, по существу, «боевой союз», имеющий целью организовать мощь народных масс для разрушения всех государств и всех существующих в настоящее время установлений — религиозных, политических, судебных, экономических и социальных. При этом, по мнению Бакунина, само Международное товарищество рабочих не являлось учреждением, достаточным для организации и руководства таким разрушением. Свой вывод он обосновывал тем, что широта программ и легальность деятельности Интернационала лишают его возможности стать действенной боевой организацией, способной в ближайшее время инициировать и возглавить масштабные социальные преобразования международного характера. Такой возможностью обладает лишь «настоящее тайное общество», каким и является «Альянс».

После поражения французских войск во Франко-прусской войне 1870–1871 гг. международное революционное движение активизировалось.

В сентябре 1870 г. Бакунин уехал в Лион, где имел много сторонников, и принял участие в восстании, которое было без особых трудностей подавлено национальной гвардией. Еще одну безуспешную попытку поднять народ на бунт Бакунин предпринял в Марселе.

В апреле 1871 г. вышел первый выпуск книги Бакунина «Кнута-германская империя и социальная революция», в которой он поставил вопрос о движущих силах революции. В эти же дни была провозглашена Парижская Коммуна, но в ее деятельности Бакунин уже не имел желания участвовать, хотя бакунинские идеи широко пропагандировались коммунарами. В 1871–1873 гг. он напряженно работал над первой частью книги «Государственность и анархия» — главного своего труда, содержащего программу революционных действий и оказавшего наибольшее влияние на народническое движение в России. В знаменитом революционном манифесте — «Прибавлении А» к «Государственности и анархии», напечатанном в Цюрихе в 1873 г. на русском языке, Бакунин писал о саморазвитии русского народа, народном прогрессе, который совершается путем «естественного нарастания опыта и мысли, передаваемого из рода в род и необходимым образом расширяющегося, углубляющегося по содержанию, усовершенствующегося и облекающегося в свои формы». По мнению Бакунина, народу невозможно дать «новое умственное или нравственное содержание, новую истину», произвольно изменить течение его жизни, поскольку у него уже имеются пусть темные, но честные, инстинктивные стремления, соответствующие социально-революционной мысли¹³.

В широких народных массах существует идеал, выдвинутый самим народом из самой глубины своей жизни как «результат народных исторических испытаний, его стремлений, страданий, протестов, борьбы» и представляющий собой «как бы образное и общепонятное, всегда простое, выражение его настоящих требований и надежд». Но этот идеал не может быть реализован без поддержки извне. «Народ наш явным образом нуждается в помощи», поскольку в существующем идеале есть «существенные недостатки, которые мешали и мешают успеху» в деле собственного освобождения. И эту помощь, по мнению Бакунина, должна оказать пропагандистская деятельность революционной молодежи, на которую русский анархист возложил важную историческую миссию побороть недостатки «в самом народном сознании» и, в первую очередь, разбить замкнутость российских крестьянских общин, уединение и разъединение миров и «провести между этими отдельными мирами живой ток революционной мысли»¹⁴.

Эта работа Бакунина вместе с другими эмигрантскими изданиями, запрещенными царской цензурой к распространению в России, нелегально распространялась в империи и находила самый живой отклик в сердцах

¹³ См.: Бакунин М.А. Государственность и анархия. Прибавление А // Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М. 1989. С. 510–511.

¹⁴ См.: Там же. С. 509, 520, 521.

революционного студенчества. Не без воздействия бакунинских идей молодежь в то время решала великую задачу: «каким путем она может быть полезной народу?», и постепенно приходила к выводу, что «существует лишь один путь: нужно идти в народ и жить его жизнью»¹⁵. Народническое движение в России, положившее начало заключительной фазе монархического правления, наглядно подтвердило неисчерпаемость русской идеи, глубину смысла, заложенного в это понятие. Действительно, каким образом в головах юных созданий из благополучных состоятельных семей могло зародиться желание, невзирая на трудности и опасности, помочь своему народу освободиться от многовекового гнета самодержавия?..

Между тем деятельность тайного «Альянса», в значительной мере направленная против руководства Генерального Совета, вносила дезорганизацию в ряды последнего. Кроме того, в руки к Марксу попал документ «Тайные статуты Альянса», содержащий один из проектов устава заговорщицкой организации. Узнав о тайной деятельности Бакунина, руководство I Интернационала начало против него борьбу, результатом которой явилось исключение из Международного товарищества рабочих на Гаагском конгрессе в сентябре 1872 г. самого Бакунина и его швейцарского единомышленника Дж. Гильома.

В ответ на это 15 сентября Бакунин собрал в городе Сент-Имье альтернативный I Анархистский конгресс, на котором было провозглашено создание антиавторитарного Анархического интернационала. Однако новой организации, на которую Бакунин возлагал много надежд, так и не суждено было стать идейным центром международного революционного движения. Уже в 1874 г. ее основатель и идейный вдохновитель оказался отстраненным от центрального руководства организацией. Просуществовав еще три года, Анархистский интернационал распался сам собой, но еще раньше был распущен I Интернационал.

С августа 1873 г. по июль 1874 г. Бакунин жил в Италии на вилле «Бароната» близ Локарно, которую купил на его имя итальянский друг Карло Кафиеро. В августе 1874 г. Бакунин вновь предпринял, на этот раз свою последнюю и вновь неудачную, попытку принять участие в очередном восстании — в Болонье, а после уже совсем отказался от любых активных революционных действий, ссылаясь на ухудшение здоровья. Последние годы жизни Бакунин провел с семьей в Лугано в достаточно стесненных материальных условиях. В июне 1876 г. Бакунин направился в Берн к своему другу А. Фогту, заболел, попал в больницу и 1 июля скончался. «В нем мы схоронили, — писал А. Рейхель, — глубоко страстную натуру, которая вся выразилась в пламенной ненависти против всего, что без права ставило препятствия человеческой свободе, благодаря силе или по преданию»¹⁶.

¹⁵ Кротошкин П.А. Записки революционера. СПб. 1906. С. 272.

¹⁶ Рейхель А. Воспоминания о Бакунине // М.А. Бакунин. Речи и воззвания. [СПб.]: Издание И.Г. Балашова, 1906. С. 294.

По характеру своей индивидуальности, во многом обусловившей жизненные перипетии Бакунина и ярко отразившейся в особенностях его теоретического поиска, он предстает перед нами прежде всего «практическим революционером», человеком, в котором, по свидетельству А.И. Герцена, «лежал зародыш колоссальной деятельности»¹⁷.

Эта революционная энергия, жажда «реального дела», бившие в Бакунину через край, во многих случаях приводили его к результатам, неадекватным революционной идее, объективно вредящим революционному движению, порождали, образно говоря, «нетерпение» — желание поскорей, любыми средствами достичь цели, торопливость, граничащую с революционным авантюризмом. Этой чертой отмечены не только революционные предприятия Бакунина, она очень хорошо прослеживается и в его теоретических работах¹⁸.

Объясняется это отчасти тем, что в работах Бакунина, многие из которых были не завершены, отразился определенный скептицизм по отношению к теории, догме, возникший у него в результате многолетней и разносторонней практической революционной деятельности. В этой связи, на наш взгляд, Бакунина-теоретика в полной мере характеризуют его же слова о людях, «которые жертвуют собою ради великой идеи, повинуются возвышенной страсти и, удовлетворяя эту личную страсть, вне которой самая жизнь теряет в их глазах всякую цену, обыкновенно не думают о возведении своих дел в доктрину»¹⁹.

С другой стороны, говоря о скептицизме Бакунина в отношении «доктрин» и его преимущественном интересе к практической революционной деятельности, необходимо отметить, что этот скептицизм не перерастал у него в «голое», абсолютное отрицание теории, ее связи с практикой. Бакунин понимал, что «без теории и ясно определенной цели нет и полезной политики»²⁰.

Бакунин никогда не ставил перед собой задачи создания «догмы» — стройной, универсальной, абстрактной теории; напротив, важнейшим исходным моментом его «теоретизирования» являлся принцип ориентации на «трепет реальности и индивидуализма, чувствительности, страданий, радостей, стремлений, потребностей и страстей», то есть на саму жизнь, «творящую реальные вещи и существа»²¹.

¹⁷ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч.: в 30-ти тт. Т.Х. Былое и думы. 1852-1868. Часть V. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 315.

¹⁸ Например, работа «Кнуто-германская империя и социальная революция» (1871), которую Бакунин замыслил как свое «завещание», в окончательном виде далеко не соответствует первоначальному замыслу автора. (См.: Дж.Гильом. Предисловие к последнему французскому изданию 1907 года // Бакунин М. Кнуто-германская империя и социальная революция. М.: «Fraternite», 1907. С. 5–6, 8–9).

¹⁹ Бакунин М. Бог и государство. М.-Пг.: Изд-во «Бунтарь». 1918. С.38.

²⁰ Бакунин М. Федерализм, социализм и антитеологизм (перев. с франц.). СПб.: «Мысль», 1906. С. 8.

²¹ Бакунин М. Бог и государство. С. 57–58.

Отсутствие стройной системы своих взглядов Бакунин, в известной мере, компенсировал страстностью, публицистичностью постановки насущных проблем, активным неприятием всех форм эксплуатации и произвола, бичующей критикой религии и эксплуататорского государства — всего, что подавляло и уничтожало человеческое достоинство и справедливость, стояло преградой на пути достижения подлинной свободы как отдельных личностей, так и в целом «чернорабочего люда».

Без единства мысли, слова и дела, искренности страсти и героизма самопожертвования «революционаризм», считал Бакунин, «неминуемо впадает в риторику и становится отвратительной ложью»²². Революционная страсть, порыв, действие были в полной мере присущи самому Бакунину.

Бакунин был ярким трибуном, пламенным пропагандистом, свободно владеющим и пером, и словом. Об этом свидетельствуют его публичные выступления и почти всегда — адекватная многократно усиленная ответная реакция. За период чуть больше десятилетия он прошел колоссальный путь нравственного развития, «от метафизики и философии — до революции», от мечтаний и размышлений в кабинетной тиши — до полной опасности революционной деятельности, от смирения и покорности окружающей действительности — до вывода о необходимости наискорейшего ее изменения. Такой переворот в мировоззрении доступен далеко не каждому мыслителю. Но, с другой стороны, очевидно, что все эти изменения были достаточно логичны и отражали естественный процесс формирования личности. Дальнейшая же эволюция мировоззрения привела мыслителя к отрицанию государства со всеми его атрибутами и разработке анархистской доктрины, которая оказала заметное влияние на развитие российской социально-политической мысли.

Важной особенностью подхода Бакунина к анализу явлений социальной действительности был антропологический принцип.

Для Бакунина жизнь мира человеческого — результат длительной естественной эволюции «от мира, называемого неорганическим, к миру органическому, растительному, животному, а затем человеческому, от материи как химического элемента к материи как живому существу и от живого существа к существу мыслящему»²³. Он неоднократно подчеркивал прогрессивный характер — «движение, развитие человеческого общества на земле»²⁴. «Вся история человечества, — писал Бакунин, — есть не что иное, как прогрессивное удаление его от животного состояния путем развития человечности»²⁵.

²² Бакунин М. Государственность и анархия: [Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих]. Введение. — Ч. 1. — [Женева], 1873. — (Изд. Социально-революционной партии. — Т. I). С. 194.

²³ Бакунин М. Бог и государство. С. 13.

²⁴ См.: Бакунин М. Бог и государство. С. 9, 10, 12; Бакунин М. Федерализм, социализм и антитеологизм. С. 40.

²⁵ Бакунин М. Федерализм, социализм и антитеологизм. С. 44–45.

Конкретизируя понятие «человечность», «человечное», Бакунин указывал, что под ним подразумевается «размышление, сила отвлечения, ум, мысль, словом, способность создавать идеи»²⁶. Именно благодаря абстрактному мышлению человек создает идеал и согласно последнему изменяет условия природы и общественной среды.

«Человек, по происхождению родич, если не прямой потомок гориллы, начал глубоким мраком животных инстинктов, чтобы добраться до сияния разума»²⁷. И первым актом, обозначившим грань между животным и собственно человеческим существованием, по Бакунину, стало «возмущение мышления»²⁸.

У всех животных Бакунин находит «инстинкт эгоистический» (инстинкт сохранения индивида) и «инстинкт социальный» (инстинкт сохранения рода). Чем больше индивидуальности — тем выше существо. С этой точки зрения, существо «самое индивидуальное и самое свободное» — человек, «но он также самое общественное (социальное)» существо среди животных. Поэтому «естественным видом существования совокупности людей» является общество²⁹.

В своих размышлениях мыслитель постоянно апеллирует к природе человека: его инстинктам, страстям, потребностям и благу, подчеркивая, что стремиться навязать народу свою мысль, чуждую его инстинктам — значит хотеть его поработить. Именно природа человека служит, по мнению Бакунина, исходным моментом всей социальной динамики. Конструируя собственный политический идеал и предлагая методы его достижения, теоретик анархизма опирается, прежде всего, на имманентно присущие русскому народу черты — инстинкт солидарности, выражающийся в приверженности к общинному устройству, а также инстинкт свободы, проявляющийся в готовности к бунту.

Другой базовой посылкой теоретических построений Бакунина выступает телеологизм, т. е. представление о целесообразности истории. Убежденность мыслителя в том, что высшей целью, «последним пределом» всего человеческого развития является свобода, позволяла ему давать качественную оценку социальным фактам и теориям других мыслителей в категориях «справедливый — несправедливый», «хороший — плохой». Следует отметить, что в социально-политической философии Бакунина свобода носит статус не только конечной цели будущего общественного устройства, но и всеобщего естественного закона, который говорит о том, что сама природа в своих прогрессивных изменениях стремится к освобождению, и большая индивидуальная свобода является несомненным признаком более высокого развития. Признание телеоло-

²⁶ Там же. С. 52.

²⁷ Там же. С. 44.

²⁸ Бакунин М. Бог и государство. С. 12.

²⁹ Бакунин М. Федерализм, социализм и антитеологизм. С. 70.

гичности исторического развития исключает для него возможность реализации иных политических проектов, кроме как нацеленных на максимизацию человеческой свободы, то есть, по Бакунину, анархических.

Закономерным продолжением рассуждений о свободе стал бакунинский антитеологизм, прямо заявленный в названии его программной работы «Федерализм, социализм и антитеологизм» и понимаемый как отрицание существования какой бы то ни было надчеловеческой инстанции, мистической или субстанциональной. Бакунин напрямую связывает антитеологизм с освобождением людей, с уничтожением политической власти и ликвидацией государства. Исчезновение «божественных призраков» выступает в его системе взглядов необходимым условием «торжества человечества», с одной стороны, и «неизбежным следствием его освобождения» — с другой.

Важным методологическим основанием политической теории Бакунина является интуитивизм. Интуитивный способ мышления во многом соответствовал психологическим особенностям личности Бакунина, который по своему характеру был отнюдь не кабинетным ученым, а пламенным революционером и агитатором. «С страстью проповедования, агитации... пожалуй, демагогии, с непрерывными усилиями учреждать, устраивать комплоты, переговоры, заводить сношения и придавать им огромное значение у Бакунина прибавляется готовность первому идти на исполнение, готовность погибнуть, отважно принять все последствия»³⁰, — вспоминал о своем друге-бунтаре А.И. Герцен. Особенности психологического склада мыслителя во многом объясняют то обстоятельство, что, конструируя собственную политическую теорию, он не боялся опираться на догадки, умозрительные заключения и интуитивные прозрения, а не только и не столько на рациональные аргументы.

Прогрессивное «человеческое развитие» Бакунин связывал с борьбой трех основных элементов — животной природы человека, мысли и духа возмущения. «Сферой первого элемента являются социальные и частные экономические отношения, сферой второго — наука, третьего — свобода»³¹.

Основной предпосылкой развития человечества в схеме Бакунина выступает животный мир как источник элементов «животного начала» человека. А так как «всякий процесс развития приводит в конце концов к логическому отрицанию своих основных предпосылок, то и развитие человечества есть последовательное и неуклонное освобождение от элементов животности»³². С этой точки зрения история человеческого общества представляется «то тихим апатичным, то страстным и могучим революционным отрицанием прошлого»³³.

³⁰ Герцен А.И. Былое и думы. // Герцен А.И. Собр. соч. Т.ХI. Былое и думы. 1852–1868. Часть VI–VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 359.

³¹ Бакунин М. Бог и государство. С. 8.

³² Там же. С. 9.

³³ Там же. С. 10, 19.

«Последнее слово, высшая цель всякого человеческого развития, — по Бакунину, — это свобода»³⁴. Достижение свободы или «коллективной и индивидуальной эмансипации и гуманизации» в конечном итоге является не только целью развития индивидуального человека, но и целью всего исторического прогресса общества³⁵.

Источник этого процесса Бакунин находит в природе человека, в стремлении «реализовать жизненные условия своего вида» посредством удовлетворения потребностей. Человек, пишет он, преобразует внешний мир «согласно более или менее прогрессирующим потребностям и передает ему некоторым образом подобие своей человечности»³⁶.

По мысли Бакунина, существует целый комплекс человеческих потребностей, включающий высшие («собственно человеческие») и низшие («животные, основные»). Раскрывая механизм их взаимодействия, он говорит о том, что естественно-необходимую подкладку жизни человека составляют животные потребности. Это потребности «родиться, развиваться и расти, работать для пропитания, приобретения убежища и защиты, поддерживать свое индивидуальное существование в социальном равновесии своего рода, любить, размножаться и умереть»³⁷. Человек подмечает и понимает эти «естественные необходимости», которые, отражаясь в его мозгу, возрождаются там «творческим физиологическим процессом, еще мало известным, как логическая последовательность его собственных мыслей, и эта сознательность, среди его нисколько не нарушенной абсолютной зависимости, дает ему чувство самоопределения, разумной самозарождающейся воли, свободы». В этом случае, потребности мыслить и познавать («собственно человеческие») достигают такой властной и преобладающей силы, что человек, не имея возможности освободиться вполне от «животного начала», от своих природных влечений, может их упорядочить и умерить — «приноровить их к тому, что <...> он сочтет справедливым и прекрасным»³⁸. Именно эти потребности «осознания своей человечности» становятся реальной основой социальной активности человека — «частной инициативы». «Естественное общество» развивается «вследствие толчков, получаемых от частной инициативы»³⁹. Именно «частная инициатива» человека, проявляемая им в борьбе с внешним миром природы и собственным животным состоянием, постепенно создает «эмансипированное», «гуманизированное» общество.

С этой точки зрения Бакунин рассматривает взаимоотношения личности и общества.

³⁴ Бакунин М. Федерализм, социализм и антитеологизм. С. 54.

³⁵ См.: Бакунин М. Бог и государство. С. 27.

³⁶ Бакунин М. Федерализм, социализм и антитеологизм. С. 54.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 70.

«Естественным» обществом управляют обычаи и традиции, или «власть духа коллективной общественности», являющаяся отражением «социальной жизни». Современная жизнь, считал Бакунин, основана на «поклонении божеству, а не на уважении к человечеству; на власти, а не на свободе; на привилегиях, а не на равенстве; на эксплуатации, а не на братстве людей; на несправедливости и лжи, а не на истине и справедливости»⁴⁰. Все эти антигуманные принципы в «систематизированном и урегулированном» виде представляются государством и освящаются религией.

Именно деятельность государства и институтов религии в социально-политической схеме Бакунина выступает главным препятствием реализации важнейшей потребности индивида — «возвыситься до сознания своей человечности» и «реализовать человеческую натуру». Государство и религия являются главными источниками социального зла, освобождающего и стимулирующего все животные инстинкты и стремления человека, вследствие чего «“дух коллективной общественности” влияет более на умножение и распространение пороков, чем на добродетель»⁴¹.

Бакунин обосновывает необходимость изменения современных ему экономических и социальных условий в направлении «полной справедливости»⁴². Только социальная революция, ликвидирующая государство и церковь, по его мысли, может привести к равенству и безвластию, сделать всякого человека действительно нравственным, и «собразовать» интересы каждого человека с его обязанностями, сделать «власть духа коллективной общественности» действительно человеческой⁴³.

В этой связи представляется интересной постулируемая Бакуниным концепция, объясняющая роль народа и интеллигентного меньшинства в социальном перевороте. Эту концепцию можно назвать концепцией «равновесия сил».

С точки зрения Бакунина, конкретное социальное устройство — политические, гражданские порядки конкретной страны — «результат борьбы, столкновения, взаимного уничтожения, переселения и вообще комбинации и взаимного действия всех разнородных *внутренних* и внешних сил, действующих в этой стране и на эту страну»⁴⁴. Чтобы изменить существующие порядки, необходимо изменить равновесие между силами, действующими в обществе.

В целом такой подход Бакунина перекликается с позитивизмом. Бакунинская концепция «равновесия сил» представляется нам своеобразной социально-политической интерпретацией концепции развития Г. Спен-

⁴⁰ Бакунин М. Федерализм, социализм и антитеологизм. С. 99.

⁴¹ Бакунин М. Бог и государство. С. 43.

⁴² Бакунин М. Федерализм, социализм и антитеологизм. С. 55.

⁴³ Бакунин М. Наука и насущное революционное дело. Вып. 1. Б. м.: Колокол, 18... [дать ссылку на наст. издание] С. 17; См. также: Бакунин М. Бог и государство. С. 43.

⁴⁴ Бакунин М. Наука и насущное революционное дело. С. 5.

сера, исходным пунктом эволюции, изменения, представляющего «неравновесное состояние системы»⁴⁵.

Сумма сил отдельных людей — а Бакунин считает, что в обществе «самое ничтожное человеческое существо представляет собою частицу общественной силы» — может иметь большее или меньшее влияние на ход общественного развития в зависимости от большей или меньшей степени сознательности, целенаправленности и организованности их усилий. Когда люди соединяют свои усилия для достижения общей цели, создают план действий и в соответствии с этим планом распределяют наилучшим образом свои силы, т. е. при условии «разделения работы и сговора», считает Бакунин, — «между ними зарождается новая сила, далеко превосходящая простую арифметическую сумму их частных усилий»⁴⁶.

Именно таким образом, с помощью «сговора», возникает в истории как сословно-бюрократическое государство эксплуататоров, так и в противоположность этой «организации грабежа и утеснения» — «организация народного бунта»⁴⁷.

Нужно заметить, что народнические идеологи, испытывая серьезные трудности в подлинно научном социальном анализе, обращались за помощью к «социальной арифметике». Так же, как Лавров вполне серьезно подсчитывал количество революционеров, необходимое для успеха борьбы⁴⁸, Бакунин, в свою очередь, с увлечением производит арифметические действия — сложение и вычитание «сил» общества.

С точки зрения Бакунина, на протяжении всей человеческой истории, во всех странах «вся сумма общественных сил» делится, во-первых, на «сумму сил бессознательных, инстинктивных, традиционных, как бы стихийных, и совсем почти не организованных, хотя и исполненных жизни» и, во-вторых, на несравненно меньшую сумму сил «сознательных, сговоренных, соединенных намеренно, и действующих по заданному плану, и сообразно плану механически организованных»⁴⁹.

Первой «силой» является «многомиллионная масса народа» и во многих отношениях значительное большинство образованных и непривилегированных сословий, и даже вся низшая бюрократия и рядовое войско, т. е. вся масса людей «более или менее сознательно эксплуатируемая». Этой «силе» противостоит «меньшинство, состоящее из эксплуататоров». В России — это соотношение сил 70-ти миллионов простых людей, эксплуатируемых 200 тысячами «верховных правителей и высших чинов всех ведомств»⁵⁰.

⁴⁵ См.: *Спенсер Г.* Опыты научные, философские и политические // Спенсер Г. Сочинения. — Т. II. СПб., 1899. С. 86–87.

⁴⁶ *Бакунин М.* Наука и насущное революционное дело. С. 5–6.

⁴⁷ См.: там же. С. 10.

⁴⁸ См.: *Лавров П.Л.* Роль народа и роль интеллигенции // Вперед! — Л., 1876. — № 34, 14 июня (20 мая). С. 312–313.

⁴⁹ *Бакунин М.* Наука и насущное революционное дело. С. 6.

⁵⁰ Там же.

Изменить существующий порядок вещей можно только нарушив равновесие общественной системы, основанной на невежестве большинства, т. е. изменить соотношение сил в пользу «народной силы», рост которой Бакунин связывает с «новым сознанием» масс.

Именно «новое сознание» — сознание своей «повсеместной солидарности» и своей «громадной численной силы» превратит народные массы из зрителя или, в лучшем случае, статиста исторической драмы, выполняющего указания и замыслы режиссера (господствующих сословий) — в главное действующее лицо истории.

Опыт человеческой истории, говорит Бакунин, свидетельствует, что во всех государствах в борьбе сословных партий за власть и богатство («два неразлучные вида эксплуатации народного труда и народной неорганизованной силы») народ призывался на помощь каждой партии, «а после победы или сделки этих партий — обещания забывались, а убытки вознаграждались за народный счет», т. е. народ всегда был жертвой обмана. Но уроки истории, которые «записывались на его шкуре», не забывались народом, и потому «рядом исторических глупостей» он все же дойдет до «разумного состояния»⁵¹.

В народе, указывает Бакунин, движение вперед никогда не останавливается. «У него есть две настольные книги, по которым он учится беспрестанно: первая — горький опыт, нужда, притеснения, обиды, грабеж и мучения, претерпеваемые им каждодневно со стороны правительства и сословий; другая книга — это живое изустное предание, переходящее от поколения к поколению и становящееся с каждым новым поколением полней, разумней и шире»⁵². И, таким образом, рост «ума» народа и «нового сознания» — по Бакунину, — хотя и медленный, но неуклонно прогрессирующий процесс, имеющий объективный характер.

Сущность «нового сознания» Бакунин связывает с социализмом. Народ, по его мнению, уже своей жизнью поставлен в условия, неизбежно ведущие к социализму, к социалистическому сознанию. «Всякий народ, взятый в своей совокупности, и всякий чернорабочий человек из народа — социалист по своему положению»⁵³.

Суть социализма — решение «экономического вопроса» — «вопроса о хлебе». Именно этот вопрос — движущая сила народных масс: «Чернорабочий народ <...> во всех своих инстинктивных стремлениях, попытках на религиозном или политическом поприще <...> чувствовал только его, и стремился к его разрешению»⁵⁴.

Революционность и «социалистичность» стремлений народа и его сознания строится, по Бакунину, на готовности жертвовать собственно-

⁵¹ Бакунин М. Наука и насущное революционное дело. С. 15.

⁵² Там же. С. 11.

⁵³ Там же. С. 13.

⁵⁴ Там же.

стью, т. е. на «положительной страсти к разрушению», на вере в идеал социально-экономической свободы.

Однако Бакунин хорошо понимает разницу между «инстинктивным заявлением и сознательным, ясно определенным требованием социального переворота»⁵⁵. Сознательность и определенность требований социального переворота, по его мысли, обеспечит народному движению деятельность «лучших людей», представителей «чернорабочего люда» и «сословно-государственного мира». Это люди, выдвигающиеся из рабочей среды в силу своего «убеждения, революционного сознания и разумной, энергической страсти и воли». Они, по мнению Бакунина, — «лучшие люди» не только в классе рабочем, но и в целом обществе. Соединяя в себе, в своем понимании социального вопроса «все преимущества свободной и самостоятельной мысли и сознания научного со всею искренностью самого инстинкта <...>, они проникнуты солидарною страстью и не понимают свободы и счастья иначе, как вместе со всеми миллионами порабощенных человеческих братьий»⁵⁶.

Необходимо, считает Бакунин, соединить усилия этих «лучших людей» — работников с усилиями революционеров из среды господствующих классов, порвавших со своей средой всякие связи. Народ дает последним жизнь, элементарную силу и почву, деятельность же «лучших людей» из среды образованного и развитого меньшинства должна принести народу «положительные знания, привычку отвлечения и обобщения и умение организовываться и создавать союзы, которые, в свою очередь, создают ту сознательную боевую силу, без которой немислима победа»⁵⁷.

Обращаясь к передовой русской молодежи, он заявляет, что она — «наш умственный пролетариат» — призвана быть «приготовителем, т. е. организатором народной революции»⁵⁸.

Итак, история человечества, по Бакунину, — это прогрессивное восхождение к свободе в борьбе «мысли и бунта» против «животности». «Мысль» и «бунт» олицетворяют «человечное» в истории, победа которого неизбежна. Отсюда пристальное внимание Бакунина к проблеме субъективного фактора истории — в частности — к вопросу свободы воли и связанному с ним вопросу исторической инициативы. Решение этой проблемы было чрезвычайно важным и актуальным для русского радикального движения 70-х годов XIX века. Сложность решения обуславливалась реальными процессами социально-политической жизни России. Проблема ведь, в сущности, сводилась к определению реальных сил об-

⁵⁵ Бакунин М. Государственность и анархия. Введение. Часть 1. С. 230.

⁵⁶ Бакунин М.А. Всесветный революционный союз социальной демократии. Русское отделение к русской молодежи. Genève : M. Elpidine, 1888. С. 42.

⁵⁷ Бакунин М. Государственность и Анархия. Введение. Ч. 1. С. 7.

⁵⁸ Бакунин М. Прибавление А // Бакунин М. Государственность и Анархия. Введение. Ч. 1. С. 22.

щественного переворота, к решению вопроса о месте и роли революционной интеллигенции и консервативного (что объективно на тот момент) крестьянства. В отличие, например, от Лаврова, Бакунин призывал не «учить» народ, а бунтовать. По его мнению, в России давно готова почва для революции, свидетельство этому — угнетенное положение, нищета и отчаяние народных масс. Поэтому русская «социально-революционная» молодежь должна идти «в народ», чтобы «поднять вдруг все деревни» на бунт для разрушения русского самодержавного государства⁵⁹.

Одним из критериев свободы человека в интерпретации Бакунина является возможность познания и применения в своих целях объективных законов природы и общества. Он указывает два важнейших препятствия на пути к свободе: 1) невежество, религиозность народных масс, насаждаемые всеми церквями с их «спиритуалистической пропагандой» и всеми государствами, представляющими «лишь светские владения этих церквей»⁶⁰; 2) неразвитость науки, заключающаяся в том, что законы человеческого общества ею «не признаны и должным образом не установлены»⁶¹.

Необходимо, считает Бакунин, развивать общественную науку, создать целесообразную систему народного образования, тогда эти законы перейдут в сознание всех и каждого, и будет достигнута свобода⁶².

Казалось бы, что логическим продолжением данных рассуждений должно стать признание и обоснование тезиса о громадной важности науки, образования в деле подготовки революционных кадров, как и самой революции. Однако Бакунин направляет свои теоретические рассуждения в противоположную сторону, развивая мысль о ее ненужности и даже вредности науки для народа, правда, — до свершения социального переворота; о том, что молодежь — «приготовитель» революции — должна отвернуться от «патентованной науки», презреть теоретические рассуждения и «броситься» в народ, чтобы у последнего «учиться» инстинкту социальному и революционному, «перевоспитать» себя в среде народной. Данные рассуждения Бакунина связаны с пониманием им науки как «идеального отражения жизни» и противопоставлением ей «жизни реальной».

«В действительном мире, — писал Бакунин, — прежде всего появляются факты, созданные взаимодействием влияний и условий, затем вместе с мыслящим человеком является сознание этих фактов и изучение <...> пути, способов, какими они создавались»⁶³. Именно мышление человека, его способность «сочетать представления о предметах, как внешних, так и внутренних, данные нашими чувствами, образовывать из них группы; сравнивать и сочетать эти различные группы, уже не реальные предметы, воспринимаемые

⁵⁹ См.: Бакунин М. Государственность и Анархия. Введение. Ч. 1. С. 17–21.

⁶⁰ См.: Бакунин М. Бог и государство. С. 47.

⁶¹ См.: Там же. С. 27.

⁶² Там же.

⁶³ Бакунин М. Федерализм, социализм и антитеологизм. С. 47.

нашими чувствами, но выводы, сделанные <...> суждением, усвоенные нашей памятью, и дальнейшее сочетание которых <...> создает то, что мы называем идеями, чтобы потом вывести из них заключения и логически необходимые приложения»⁶⁴, — т. е. способность «отвлечения», абстракции и составляет, по мысли Бакунина, «начало» науки вообще.

Наука, по его мнению, имеет основанием наблюдение и опыт и должна, «руководствуясь опытом природы, следовать от низшего к высшему, от простого к сложному, от мира, называемого неорганическим, к миру органическому, растительному, животному, а затем человеческому, от материи как химического элемента к материи как живому существу и от живого существа к существу мыслящему»⁶⁵. Таким образом, предметом изучения «рациональной» науки «является реальный и доступный познанию мир», — считает Бакунин⁶⁶. Но этот реальный мир любая наука описывает в понятиях, общих идеях. А так как «общая идея есть всегда абстракция и в силу этого, в некотором роде, отрицание реальной жизни», то наука, по Бакунину, «обнимает лишь идею реальности, идею жизни, а не самую жизнь»⁶⁷.

Единственная миссия науки, указывает Бакунин, «установить общие законы, формулирующие развитие явлений физического и социального мира; она устанавливает, так сказать, сигнальные вехи, указывающие путь прогрессивного шествия человечества, отмечает общие условия, которые необходимо строго соблюдать, и забывать или игнорировать которые всегда бывает пагубно»⁶⁸.

Представляя собой идеальное воспроизведение объективных законов природы, наука так же как они «неизменна, безлична, обща, отвлеченна, бесчувственна», она только «воспринимает, дает имена творениям жизни», но ничего не творит. Реальный человек в его индивидуальности остается за пределами науки, он также «только абстракция»⁶⁹.

«Наука, — делает вывод Бакунин, — это компас жизни, но не жизнь». Преходящая и временная жизнь «одна самопроизвольно творит реальные вещи и существа». Она вся — «трепет реальности и индивидуализма, чувствительности, страданий, радостей, стремлений, потребностей и страстей». И если наука, считает Бакунин, «через посредство своих официальных дипломированных представителей» (даже если эти представители — «позитивисты, ученики Огюста Конта, или же последователи доктринерской школы германских социал-демократов») начинает предъявлять права на руководство жизнью, «тотчас же обнаруживается ее жизненная несостоятельность и даже ее вредное влияние»⁷⁰.

⁶⁴ Там же. С. 49.

⁶⁵ Бакунин М. Бог и государство. С. 13.

⁶⁶ Бакунин М. Федерализм, социализм и антитеологизм. С. 38.

⁶⁷ Бакунин М. Бог и государство. С. 57.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 57–58, 61.

⁷⁰ Бакунин М. Бог и государство. С. 57–58.

Эти рассуждения легли в основу проповеди Бакуниным «протеста жизни против науки, или если можно так выразиться, против науковластия»⁷¹.

«До сих пор, — писал Бакунин, — вся история человечества была постоянным и кровавым жертвоприношением миллионов бедных человеческих существ в честь какой-нибудь безжалостной отвлеченности, Бога, отечества, государственной власти, национальной чести, исторических и юридических прав общественной свободы и благосостояния». Бакунин выделяет две составляющие этого процесса. Во-первых, безрассудное, самопроизвольное движение в темных и невежественных народных массах, чье «глубокое недовольство сердца» в инстинктивном и страстном процессе против узости, плоскости, горестей и стыда худой жизни создает отвлеченные идеалы, «идолы», такие, например, как Бог; и, во-вторых, деятельность теологов, политиков и юристов, метафизиков и даже представителей «позитивной науки», оправдывающих и рационализирующих все нелепое и несправедливое, претендующих на руководство жизнью, и при этом рассматривающих народ «самое большее как <...> материал интеллектуального и социального развития»⁷².

Эти ученые, считает Бакунин, — люди, у которых «нет ни ума, ни сердца для индивидуальных и живых существ», они — «патентованные жрецы», чей бог — «научная абстракция»⁷³.

«Радость жизни» любого ученого, — по мнению Бакунина, — составляет препарирование трупов. И лишь «всемогущий протест жизни» не дает им препарировать живого человека так, как они анатомируют кролика. С тем большим удовольствием эти ученые готовы проводить подобные эксперименты над «социальным телом», «чему надо непременно помешать», — делает вывод Бакунин.

Для этого, прежде всего, необходимо «растворить специальную организацию ученых во всеобщем, равном для всех, образовании, чтобы массы перестали быть стадом, которое пасут и стригут привилегированные жрецы, и взяли бы управление своей судьбой в свои собственные руки»⁷⁴; наука же должна сделаться достоянием каждого, «вплестись» в непосредственную и реальную жизнь каждого — и тем самым представлять не интересы меньшинства, а «коллективное народное сознание»⁷⁵.

Бакунин мечтает об «акте интеллектуального братства» интеллигенции с народом, о «Народных Академиях», в которых «не будет ни учеников, ни учителей, куда народ будет свободно приходить, чтобы запастись нужными для него знаниями, и где он, богатый собственным опытом, будет, в свою очередь, учить многим полезным вещам своих профессоров»⁷⁶.

⁷¹ Там же. С. 62.

⁷² Там же. С. 61, 63, 64.

⁷³ См.: Там же. С. 58, 59.

⁷⁴ Бакунин М. Бог и государство. С. 68.

⁷⁵ Там же. С. 67–68.

⁷⁶ Там же. С. 41.

Это и будет проявлением величайшей силы «коллективного чувства или духа общественности» — «естественной и неизбежной солидарности, которая связывает всех людей», и в конечном итоге — высшим проявлением жизни, «социальной власти» общественного мнения, в противоположность власти божественных, теологических, метафизических и прочих абстракций официальной науки.

Но пока массы достигнут образованности, считает Бакунин, «для них лучше обходиться вовсе без науки, чем позволить ученым управлять собою». Революционной же молодежи, указывает он, необходимо ориентироваться на «стремление жизни», «социальные инстинкты», на «самопроизвольную деятельность самого народа», а не на «патентованную» науку⁷⁷.

Таким образом, из двойственности решения проблемы «наука и революция» вытекают и различные требования Бакунина: с одной стороны, наука «до» революции «не имеет ни малейшего смысла», «не доступна и не нужна» народу и молодежи, которая должна ориентироваться на инстинкты и «воспитываться» в среде народа, не должна «рассуждать» о будущем⁷⁸; с другой — значение науки «после» революции — огромно, в системе будущего «всестороннего образования» наука ставится Бакуниным во главу угла.

В ряду социально значимых идей и концепций Бакунина важное место занимает его идеал «всестороннего образования», концепцию которого русский мыслитель обосновывает в ряде работ конца 1860-х — начала 1870-х гг. Нужно отметить, что концепция «всестороннего образования» своей критической стороной направлена против «буржуазных социалистов», выдвигающих требование частичного просвещения трудящихся как панацеи классовой борьбы, при сохранении классов, выполняющих каждый свою функцию (одни — трудятся, другие — думают); и тем самым — несправедливости и неравенства.

Образование, указывает Бакунин, «должно распространяться без всякого ограничения среди массы народа»⁷⁹. Содержанием образования и в целом — воспитания должны быть «не дрессировка характера, ума и сердца, а пробуждение их для свободной, независимой деятельности». Так как эволюция воспитания протекает по пути отрицания своей исходной точки — авторитета, применения власти и принуждения, «всякое рациональное воспитание, — указывает Бакунин, — есть в сущности не что иное, как это постоянное принесение авторитета в жертву свободе, так как конечной целью воспитания непременно должно быть создание свободного человека, полного уважения и любви к свободе других»⁸⁰.

⁷⁷ Там же. С. 59, 60, 67–69; см. также: *Бакунин М.А.* Государственность и Анархия. Введение. Ч. 1. С. 209–213 и др.

⁷⁸ См.: *Бакунин М.А.* Начала революции // *Речи и воззвания*. СПб., 1906. С. 249.

⁷⁹ *Бакунин М.* Бог и государство. С. 40.

⁸⁰ Там же. С. 41.

Цель совершенной системы воспитания — это свобода, культ свободы, уважение свободы каждого и всех; человеческая справедливость («не юридическая»); «создание простого взгляда не теологического, не метафизического, но научного; создание мускульной и нервной работы, которая служит основанием и обязанностью каждого, основанием его чувства достоинства, его свободы и его права»⁸¹.

Труд — важнейший фактор воспитания. Свободный и разумный труд — это деятельность, направляемая умом и разумной волей человека на реализацию комплекса человеческих потребностей⁸². Поэтому одним из основных моментов выдвигаемой Бакуниным концепции «всестороннего образования» являются принципы единства умственного и физического труда, политехнического образования, воспитания в труде социалистической нравственности.

Развернутую характеристику данных принципов воспитания и образования Бакунин представил в четырех статьях 1869 г., объединенных заглавием «Всестороннее образование».

Для Бакунина очевидно, что из двух людей, одаренных от природы одинаковыми способностями, тот, который больше знает и лучше понимает естественные и социальные законы среды, «будет чувствовать себя более свободным в этой среде, окажется на практике способнее и сильнее другого»⁸³. Исходя из положений о том, что «тот, кто больше знает, будет неизбежно господствовать над тем, кто знает меньше», и что «различие в воспитании между классами» неизбежно приводит к разделению человечества «на массу рабов и небольшую кучку господ», Бакунин выдвигает требования «Полного Всестороннего Образования».

Во-первых, всестороннего и равного образования для всех — «все должны работать и все должны быть образованными».

«Мы убеждены, — пишет Бакунин, — что обе эти силы, мускульная и нервная, должны быть одинаково развиты в каждом живом и цельном человеке и не только не могут вредить друг другу, а напротив, каждая должна поддерживать, расширять и укреплять другую: знание ученого будет плодотворнее, полезнее и шире, если ученый будет знаком и с ручным трудом, труд образованного человека будет осмысленнее, и следовательно, более производителен, чем труд невежественного рабочего»⁸⁴.

Во-вторых, полного образования — «оно должно готовить каждого ребенка, обоих полов, к умственной жизни и к труду, для того, чтобы все могли быть одинаково цельными людьми»⁸⁵.

⁸¹ Бакунин М. Федерализм, социализм и антитеологизм. С. 99.

⁸² Там же. С. 55–56.

⁸³ Бакунин М.А. Всестороннее образование // Бакунин М.А. Избранные сочинения: [В 5 т.]. Т. 4 : Политика Интернационала; Письма к французам; Парижская Коммуна. Пб.-М.: Голос труда, 1920. С. 43.

⁸⁴ Там же. С. 49.

⁸⁵ Там же. С. 54.

Это образование, по мысли Бакунина должно идти в двух направлениях — теоретическом и прикладном.

Первое — теоретическое или научное образование, целью которого является «полное развитие ума», а основанием — изучение природы и общества. Оно будет делиться на две части: на общую — обязательную для всех детей, которая будет знакомить с главными элементами всех наук без исключения и давать не поверхностное, а действительное понятие о взаимном их отношении и, таким образом, будет представлять «человеческое образование ума», и специальную часть, разделенную по необходимости на несколько групп или факультетов, каждый из которых будет обнимать во всей их полноте известное число дополняющих друг друга предметов⁸⁶.

По глубокому убеждению мыслителя, выбор специализации (т. е. профессии) должен быть безусловно прерогативой самих выпускников общеобразовательной школы. При этом, говорит Бакунин, даже если они и ошибутся в своем выборе, то «сама эта ошибка послужит им действительным уроком для будущего; а общее образование, которое все они будут иметь, поможет им без большого труда вернуться на истинный путь, указанный им их собственной природой»⁸⁷.

Теоретическое образование должно подкрепляться образованием прикладным, т. е. техническим обучением, дающим, во-первых, общую идею и первые практические сведения относительно всех индустрий без исключения, в их совокупности, а затем — и более специальные знания по группе индустрий, более тесно связанных между собой, и первые практические навыки.

Завершает систему «всестороннего образования» практическое или трудовое воспитание, имеющее своей задачей привить ребенку понимание того, что «только одной работой человек становится человеком»⁸⁸.

По мнению Бакунина, лишь таким образом возможно воспитать цельного человека — работника понимающего и знающего, нравственного и свободного.

Рассматривая вопрос о возможности осуществления принципов совершенствования системы образования и воспитания, Бакунин ставит с головы на ноги тезис буржуазных идеологов о том, что индивидуальные различия людей с неизбежностью будут порождать и различия социальные. Природные различия в способностях и «степени энергии» людей, считает Бакунин, будут всегда, они составляют, говоря словами Фейербаха, «богатство человечества» и компенсируются в массе людей. Кроме гениев и идиотов, представляющих два полюса развития индивидуальности человека, большинство людей — «не одинаковы, но, так сказать,

⁸⁶ См.: Там же. С. 54–55.

⁸⁷ Там же. С. 55.

⁸⁸ Там же. С. 56.

эквивалентны, а, следовательно, и равны», неравенство же создают социальные причины — «индивидуальная собственность и наследственное право»; уничтожьте последние, и все личности будут способны возвыситься до одинаковой степени образованности⁸⁹.

Чтобы люди были действительно нравственными, т. е. совершенными людьми, указывает Бакунин, необходимы три условия:

1) рождение в гигиенических условиях, являющихся основой здоровых, непатологических природных способностей человека;

2) рациональное и всестороннее образование, сопровождаемое воспитанием, основанным на уважении к труду, разуму, равенству и свободе;

3) общественная среда, в которой каждая человеческая личность, пользуясь полной свободой развития всех своих способностей и независимостью от воли других (т. е. законов авторитарных, произвольных — политических, религиозных, уголовных, гражданских — созданных привилегированными классами), была бы действительно равна всем другим людям.

Однако, так как ни одно из этих условий невозможно осуществить при современном порядке вещей, — делает вывод Бакунин, — необходимо радикальное изменение всех экономических, политических и социальных порядков, в первую очередь — экономическое освобождение народа, «которое необходимо и непосредственно влечет за собою его политическое, а вслед затем и умственное и нравственное освобождение»⁹⁰. Таким образом, рассуждения Бакунина о «всестороннем образовании» в конечном итоге приводят его к подтверждению мысли о необходимости социальной революции.

Вместе с тем именно в этой части теории Бакунина наиболее ярко «высвечивается» двойственность его воззрений. Декларируя в публичных выступлениях и печатных работах в целом справедливые и хорошие цели формирования нового человека — знающего и умеющего трудиться, свободного и нравственного; изменения среды — экономических, политических и социальных порядков эксплуататорского общества — как необходимого условия достижения данного идеала личности; средства для достижения этих высоких целей Бакунин провозглашает отнюдь не высокие. Не говоря уже об апологии «бунта», «разбоя», стихии «разрушения» и «ликвидации» как сущности социальной революции, тезисе Бакунина о необходимости использования в революционной борьбе любых средств, даже выходящих за рамки общечеловеческой морали, показательны в этом отношении его взгляды на проблему этики революционера — норм взаимоотношений революционеров между собой, которые Бакунин разрабатывал в не предназначенных для посторонних, тем более для печати, «тайных статутах» революционной организации диктатуры меньшинства.

⁸⁹ Там же. С. 52.

⁹⁰ Там же. С. 62.

Вскоре после бегства из Сибири в одном из воззваний 1862 г. Бакунин, приветствуя «крестьянскую Россию», призывает всех русских — людей «живой мысли и доброй воли» — отбросить «полуконституционные и конституционные» попытки и «крепко между собою *соединиться*, дабы организовать *Народную партию* и силу *сознательную*, целесообразную, действенную, вне и против официальной силы»⁹¹.

Однако, если в доанархистский период своей деятельности Бакунин ставил задачу создания «народной партии», то встав на позиции анархизма и выступив в качестве идеолога бунтарского направления в революционном народничестве, он меняет свою точку зрения. К этому моменту взгляды Бакунина на организацию революционного движения определялись, во-первых, его пониманием народа как имманентно и перманентно готового субъекта революционного действия; во-вторых, надеждами на скорый революционный взрыв в России в силу своеобразно понимаемой «революционной ситуации» как объективно возрастающего процесса, с одной стороны — обострения нужды и отчаяния низов в совокупности с ростом инстинктивного «социалистического» сознания масс, «очищения» от «вредных» патриархально-консервативных наслоений, царистских иллюзий «народного идеала», сопровождаемого растущей «верой» в этот идеал, с другой — разброда и шатания в государственном аппарате, его неспособности изменить, улучшить положение народа; в-третьих, противоречивостью антиинтеллектуалистской направленности его лозунгов и определения «приготовителем всеограшающей революции» — «грамотной молодежи», соединяющей народный инстинкт со светом знания; в-четвертых, отрицанием политической борьбы, отождествляемой с «гнилым» либерализмом, с борьбой за конституцию или, в лучшем случае, — за авторитарную диктатуру меньшинства над народом; апологией бунта, разбоя, террора и разрушения, вседозволенности средств «революционного» действия. В конечном итоге все это привело Бакунина к отрицанию политической организации самих народных масс и противопоставлению этому — тайной, узкой, диктаторской организации избранных революционеров, строящейся по принципу иезуитского монашеского ордена средневековья.

Важным этапом, предвещающим обращение Бакунина-анархиста к России, явились основание и устройство им в 1864–1868 гг. «интернационального революционно-социалистического тайного общества» в европейском рабочем движении, разработка проектов программы и устава данной организации⁹². Основные положения данных документов были

⁹¹ Бакунин М.А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Речи и воззвания. СПб., 1906. С. 156. Ср.: Бакунин М.А. Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель? // Избр. соч. Т. 3. С. 84–86.

⁹² См.: Бакунин М.А. Международное тайное общество освобождения человечества (1864) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Т. VI. М., 1974. С. 313–355; Бакунин М.А. Принципы и организация международного революционного общества // Мате-

интерпретированы Бакуниным в приложении к России и нашли свое отражение в ряде его работ 1869–1870-х гг., подготовленных со специальной целью внедрения анархистских начал в русское революционное движение и рассчитанных на внимание русской молодежи. Два этих года — 1869 и 1870 — проходят в биографии Бакунина под знаком «нечаевщины». Не случайно «вершиной» (а правильной всего сказать — «дном»), обозначившим всю глубину падения Бакунина как революционного мыслителя, стал пресловутый бакунинско-нечаевский «Катехизис революционера». Не предназначенный для посторонних глаз и потому наиболее полно сконцентрировавший все отрицательные моменты ультра-революционности, «Катехизис», как справедливо отмечает Е.Л. Рудницкая, развивал «до логического конца идеи, принципы и тактику, которые прокламировались в нечаевско-бакунинских изданиях 1869 г.». Анализ произведений Бакунина и Нечаева позволил сделать ей верный вывод о том, что «в этом документе (“Катехизисе” — авт.) слились воедино стремления и установки, которые выражали и Нечаев и Бакунин. И какова бы ни была доля практического участия Бакунина в создании “Катехизиса”, он также несет за него полную идейную ответственность»⁹³. Мы же в свою очередь добавим, что данный вывод не нов, к нему пришли еще в 1873 г. Маркс и Энгельс⁹⁴. И даже сам Бакунин, отмежевываясь от идей «Катехизиса» в 1870 г., все же вынужден был признать, обращаясь к Нечаеву, что «Ваша программа, по крайней мере в прошлом году (1869), не только соответствовала моей программе, но и вполне совпадала с нею»⁹⁵.

Прежде чем перейти к характеристике «памфлетов» 1869–1870 гг., как результата совместной деятельности Бакунина и Нечаева, необходимо

риалы для биографии М. Бакунина / Под ред. Вяч. Полонского. Т. 3. М. — Л., 1928. С. 33–113; *Бакунин М.А.* Программа общества международной революции // Бакунин М.А. Анархия и порядок: Сочинения. М., 2000. С. 307–321; *Бакунин М.А.* Интернациональное братство. Программа и цель // Материалы для биографии М. Бакунина / Под ред. В.П. Полонского. Т. 3. М. — Л., 1928. С. 114–116; *Бакунин М.А.* Тайный устав для Alliance de la democratie Socialiste // Бакунин М.А. Речи и воззвания. М., 1906. С. 209–226; *Бакунин М.А.* Программа Интернационального братства // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические науки. 2006. № 5. С. 27–43.

⁹³ *Рудницкая Е.Л.* Русская революционная мысль. Демократическая печать 1864–1873 годы. М., 1984. С. 173.

⁹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс и международное товарищество рабочих // Соч. Т. 18. С. 419; см. также: С. 415.

⁹⁵ *Confino M.* Bakunin et Nečaev: les Débuts de la Rupture introduction à deux lettres in édités de Michel Bacunin — 2 et 9 June 1870 // Cahiers du Monde russe et soviétique. Paris, 1966. Vol. VII. № 4. P. 597. Программа, о которой идет речь, заключалась в следующем: «всестороннее разрушение государственно-юридического мира и всей так называемой буржуазной цивилизации, посредством народно-стихийной революции, невидимо руководимой отнюдь не официальной, но безыменной и коллективной диктатурой друзей полнейшего народного освобождения из-под всякого ига, крепко сплоченных в тайное общество и действующих всегда и везде ради единой цели, по единой программе». (Письмо) М.А. Бакунин — С.Г. Нечаеву, 2 июня 1870 г. // Литературное наследство. Т. 96. С. 500; см. также: С. 505). [дать ссылку на наст. издание!]

сказать несколько слов об одном из выступлений «апостола анархизма», предваряющем эту деятельность. Имеется в виду речь Бакунина на бернском конгрессе Лиги мира и свободы (1868 г.). Речь эта замечательна тем, что четко фиксирует предрасположенность Бакунина к мистификации и «громким фразам», его готовность, мягко говоря «вводить в заблуждение» международное общественное мнение по поводу состояния и перспектив революционного движения в России. В своей фактической части данная речь примыкает к его выступлению на банкете в Стокгольме в 1863 г., где Бакунин сообщил восторженным слушателям фантастические сведения о «Земле и воле» и ее революционных потенциях⁹⁶. В 1868 г. он развертывает не менее фантастическую картину приближающейся «кровавой революции» в России, роста пятидесятитысячной «революционной фаланги» людей, «полных энергии и ненависти ко всему существующему строю», готовых соединиться с народом в «силу грозную» и разрушить империю⁹⁷. На наш взгляд, эта склонность русского революционера выдавать желаемое за действительное в какой-то мере объясняет то мгновенное большое влияние, которое сумел оказать на экзальтированного Бакунина экстравагантный «русский революционер» Нечаев, появившийся в Европе весной 1869 г.

Об этом влиянии явно свидетельствуют произведения Бакунина 1869–1870 гг., в которых, наряду с обоснованием анархистской доктрины в приложении к России, содержатся и указания по поводу организационного оформления, принципов и норм революционной борьбы — иезуитских по своей сути.

Нужно отметить, что именно в «фанатике» и «подлом мошеннике» (слова Бакунина) — Нечаеве Бакунин видел человека, способного возглавить заговорщицкую организацию и осуществить на русской почве анархистскую модель «социальной ликвидации»⁹⁸. Личность Нечаева, впечатление, произведенное им, определили и представления Бакунина о русской революционной молодежи в целом, о ее настроениях и стремлениях. С этими представлениями был связан образ «коллективного Стеньки Разина», под которым подразумевался «легион бессословной и безымянной молодежи, живущей уже теперь народной жизнью и сплоченной между собой одной мыслью и целью»⁹⁹. Призывая «молодых друзей» не хлопотать о науке, об учебе в университетах, академиях и школах, а «утопиться в народе», Бакунин декларировал, что «грамотная молодежь должна быть не учителем, не благодетелем и не диктатором — указателем для народа, а только повивальной бабкою самоосвобождения народ-

⁹⁶ См.: Бакунин М.А. Неизданные материалы и статьи. М., 1926. С. 45–46.

⁹⁷ См.: Бакунин М.А. Речи на конгрессах Лиги Мира и свободы... II. Речь 1868 г. // Бакунин М.А. Избр. соч. Т. 3. С. 111–112.

⁹⁸ См.: Материалы для биографии М. Бакунина. М.-Л., 1928. Т. 3. С. 258, 266; М.А. Бакунин — С.Г. Нечаеву. 2 июня 1870 г. // Литературное наследство. Т. 96. М., 1985. С. 499.

⁹⁹ Бакунин М.А. Несколько слов к молодым братьям в России // Речи и воззвания. С. 233.

ного, сплотителем народных сил и стремлений»¹⁰⁰. Однако эта «пови-
вальная» роль русской молодежи в интерпретации Бакунина приобретает
своеобразный смысл.

Если в 1862 г. Бакунин ставил в качестве первоочередных задач рус-
ской революционной молодежи — организацию кружков, сбор денег и
пропаганду «пришествия народного царства»¹⁰¹, а в сентябре 1868 г. —
необходимость народной революции подчинял задаче просвещения на-
рода и видел в русской молодежи «посредницу между революционной
мыслью и народом»¹⁰², то уже в 1869 — начале 1870-х гг. он выступает с
апологией стихии разбоя и террора — с одной стороны, с другой же —
декларирует необходимость для успеха «настоящей революции» — тай-
ной, заговорщицкой организации.

Так, например, в прокламации «Постановка революционного вопро-
са» (май 1869 г.) Бакунин, отрицая не только борьбу за политические ре-
формы, не только стремление молодежи к устройству артелей и ассоциа-
ций, но и создание тайных кружков, выдвигает в качестве единственной
формы революционной деятельности русской молодежи участие в на-
родных бунтах. Именно в этой работе Бакунин впервые выступил с апо-
логией «разбойничьего мира» и разбоя как «одной из почетнейших форм
русской народной жизни», как «мира русской революции». «Разбойник, —
утверждал Бакунин, — это герой, защитник, мститель народный; непри-
миримый враг Государства и всего общественного и гражданского
строга <...>; борец не на жизнь, а на смерть против всей чиновно-
дворянской и казенно-поповской цивилизации». Это — «настоящий и
единственный революционер»¹⁰³. И тем, кто хочет «конспирировать не на
шутку» в России, кто хочет «революции народной», Бакунин рекоменду-
ет броситься «дружно в народ, в народное движение, в бунт разбойничий
и крестьянский», чтобы сплотить «все разрозненные мушкетские взрывы в
народную революцию, осмысленную и беспощадную»¹⁰⁴.

В работе «Начала революции» (июнь 1869) Бакунин проповедует пол-
ное, всеобщее разрушение, как начало революции, на котором должна
быть сосредоточена вся энергия и все устремления подлинных револю-
ционеров. «Данное поколение, — указывает Бакунин, — должно разру-
шить все существующее сплеча, без разбора, с единым соображением
“скорей и больше” <...> этому поколению не может принадлежать дело
созидания, дело тех чистых сил, которые вырабатываются в дни обнов-
ления»¹⁰⁵. Единственный путь для революционера — это террор —

¹⁰⁰ Там же. С. 235.

¹⁰¹ См.: Бакунин М.А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Речи и воззвания. С. 156.

¹⁰² См.: [Бакунин М.А.] Постановка революционных вопросов. Статья первая. Наука и народ // Народное дело. 1868. № 1, 1 сентября. С. 23.

¹⁰³ Бакунин М.А. Постановка революционного вопроса // Речи и воззвания. С. 239–240.

¹⁰⁴ Там же. С. 241.

¹⁰⁵ Бакунин М.А. Начала революции // Речи и воззвания. С. 248.

«истребление высокопоставленных лиц». Формы этой деятельности «разнообразны» — «яд, нож, петля и т. п. ... Революция все равно освящает в этой борьбе». Революции нужны «личности <...>, быстро отыскивающие врагов и не задумывающиеся над их уничтожением»¹⁰⁶ и т. д. и т. п. Ставка на безотлагательность «дела» истребления, по мнению Бакунина, требует создания тайной организации, члены которой, «скрытые незаметно в самой толпе», «незаметно» связывают одну толпу с другой, дают «незаметно одно и то же направление, один дух и характер движению».

Отношения между членами такой организации ярко характеризует прокламация Бакунина «К офицерам русской армии» (январь 1870 г.). Нужно отметить, что данная работа — квинтэссенция, во-первых, неразборчивости самого Бакунина в выборе средств, во-вторых, успеха мистификаторской деятельности Нечаева, легко убедившего Бакунина в существовании многочисленной и сильной тайной организации, действующей в России во главе с «единственным Комитетом, который все знает и которого никто не знает», чьей власти и «подчинился безусловно» Бакунин и по чьему «приказу» (т. е. Нечаева, в сущности) он обращается к офицерам¹⁰⁷. О силе влияния Нечаева говорит и то, что писалась эта прокламация уже после ареста «нечаевцев» (декабрь 1869 г.), однако Бакунин не верит в то, что организация разгромлена, он убеждает русских читателей (но прежде всего — самого себя), что это — ложь, что правительство «ровно ничего не захватывало»¹⁰⁸. В письме к Альберту Ришару от 7 февраля 1870 г., Бакунин следующим образом характеризует Нечаева и его мифический «Комитет»: «...какая дисциплинированная и серьезная организация и какая мощь коллективного действия, где все личности стираются, отказываются даже от своего имени, от своей репутации, от всякого блеска, от всякой славы, принимая на себя лишь риск, опасности, самые суровые лишения, но в то же время сознавая, что они сила, что они действуют <...> Он (Нечаев — *авт.*) совершил такие подвиги, что у вас даже не поверят. Он перенес ужасные мучения, схваченный, избитый до полусмерти, затем освобожденный, он снова принимается за старое с удвоенной энергией. И все они таковы. Личность исчезла, а на месте личности — невидимая, неведомая, вездесущая рать, действующая повсюду, каждый день умирающая и каждый день возрождающаяся... Вот та организация, о которой я мечтал, мечтаю до сих пор...»¹⁰⁹.

Однако, развернутую Бакуниным характеристику качеств революционера — члена организации — уже нельзя отнести только на счет влияния Нечаева, так как здесь Бакунин наряду с изложением некоторых пунктов «Катехизиса революционера» повторяет положения своих «тайных ста-

¹⁰⁶ Там же. С. 250.

¹⁰⁷ Бакунин М. А. К офицерам русской армии // Речи и воззвания. С. 252.

¹⁰⁸ Там же. С. 257.

¹⁰⁹ Материалы для биографии Бакунина. Т. 3. С. 258.

тутов Альянса». «Тайная организация» — главный штаб армии «коллективного Стеньки Разина» — сильна «своей дисциплиной, преданностью и самоотверженностью своих членов, и своим пассивным повиновением всем распоряжениям единственного Комитета...»¹¹⁰.

В ряду качеств революционера — члена тайной организации на первое место Бакунин выдвигает абсолютное самоотречение — отречение от своей жизни, от собственной мысли и воли. Далее следует «истинная вдохновенность» революционной страстью, уничтожающей в человеке все «личные страстишки». «Строгая и абсолютная» дисциплина в совокупности с «серьезностью», под которыми Бакунин понимает «неумолимое преследование» в себе и в других чувства любопытства и «точное и безусловное» подчинение приказам свыше и т. п.¹¹¹

Эта мифическая многочисленная организация, окружающая всех и каждого, по утверждению Бакунина, «найдет сама того, кто ее ищет...». Для тех же, кто вступит в эту организацию, выход из нее невозможен¹¹². Словом, перед нами организация, построенная на принципе «Perind ac cadaver»¹¹³.

Апология революционного насилия получила свое теоретическое объяснение в статье Бакунина «Бернские медведи и петербургский медведь» (февраль 1870 г.). «Революция, — пишет Бакунин, — не детская игра, не академические дебаты, где наносятся смертельные удары лишь тщеславию и не литературное состязание, где проливаются лишь чернила. Революция, это — война, а когда идет война, происходит разрушение людей и вещей <...> каждый новый шаг в истории рождался лишь в крови <...> Невозможно, стало быть, быть истинным революционером, не совершая актов, которые с точки зрения уголовного или гражданского кодекса законов, являются проступками или даже преступлениями, но которые, с точки зрения реальной и серьезной практики реакции или революции, лишь неизбежное зло»¹¹⁴.

Если работы Бакунина в период совместной деятельности с Нечаевым несли на себе явную печать ультра-революционаризма и иезуитства, его, как писал Герцен, тешило «быть пугалом одних, подавлять других смелостью беспардонности»¹¹⁵, то после разрыва с Нечаевым Бакунин уже более осторожен в выражениях, пишет о том, что ложь в революционном деле недопустима, что «народ никогда и ни под каким предлогом и для какой бы то ни было цели обманывать не следует», что готовить революционные кадры нужно «серьезно и с любовью» и т. д.

¹¹⁰ Бакунин М. А. К офицерам русской армии // Речи и воззвания. С. 252.

¹¹¹ См.: там же. С. 253–254.

¹¹² Там же. С. 253.

¹¹³ точно труп (лаг.). Выражение взято из устава монашеского ордена иезуитов, где оно было символом безусловного, беспрекословного повиновения.

¹¹⁴ Бакунин М.А. Бернские медведи и петербургский медведь // Избр. соч. Т. 3. С. 12–13.

¹¹⁵ См.: Герцен А.И. Огареву Н. П. 3 октября 1869 г. Париж // Герцен А.И. Собр. соч. Т. 30, кн. первая. Письма 1869–1870 годов. Дополнения к изданию. М.: Наука, 1964. С. 207.

Корректирует он свои взгляды и на революционную организацию, дополняя положения статьи 1868 г. — «Постановка революционных вопросов. Статья первая. Наука и народ». Об этом говорят как его брошюры 1870 г. — «Наука и насущное революционное дело», «Всесветный революционный союз социальной демократии. Русское отделение — к русской молодежи», письмо Бакунина Нечаеву от 2 июня 1870 г., так и книга «Государственность и анархия» (1873), особенно приложенное к этой книге «Прибавление А». Оно важно для нас как определение Бакуниным конкретных задач русской молодежи в деле пропаганды и организации революционного бунта. Русской молодежи, писал Бакунин, нужно: «втолковать <...>, дать почувствовать <...>, показать <...>, доказать» русскому мужику, «что у него нет врага пуще царя»; «провести между <...> отдельными мирами (крестьянскими общинами — *авт.*) живой ток революционной мысли, воли и дела», лично связав между собой лучших крестьян, где возможно — фабричных работников и крестьян; убедить передовых людей в том, что только в единстве — сила народа, устроив для этого «род народной печатной, литографированной, писаной или даже устной газеты», которая доносила бы до народа весть о всяких частных бунтах в России и о крупных революционных движениях пролетариата Западной Европы. При этом, указывает Бакунин, необходимо действовать «по строго обдуманному и положенному плану», подвергать в этом отношении «все свои действия самой строгой дисциплине, для того, чтобы создать то единодушие, без которого не может быть победы»¹¹⁶.

Для характеристики взглядов Бакунина на взаимоотношения революционеров внутри организации очень важно упомянутое выше его письмо Нечаеву от 2 июня 1870 г., в котором автор, откешиваясь от «нечаевщины» (по его словам — «макиавеллизма»), выдвигает свой, отличный от нечаевского, свод правил поведения революционера.

В этом письме Бакунин дает наиболее развернутую характеристику качеств революционера, рисует «идеал заговорщика», призванного быть членом ядра тайной организации. «Тайная организация, в особенности же основное ядро этой организации, — пишет он, — д[олжно] б[ыть] составлено из людей с[амых] крепких, с[амых] умных и по возможности знающих, т. е. опытно-умных, самых страстно, непоколебимо и неизменно преданных людей...»¹¹⁷.

Революционер, по мнению Бакунина, должен быть прежде всего человеком, всецело поглощенным единой страстью всенародного освобождения. Такая страсть образуется совокупным действием мысли и жизни и имеет две стороны — отрицательную и положительную. Отрицательная —

¹¹⁶ См.: Бакунин М.А. Прибавление «А» // Государственность и анархия. Введение. Часть 1. С. 8, 13, 20–22.

¹¹⁷ См.: М.А. Бакунин — С.Г. Нечаеву 2 июня 1870 г. // Литературное наследство. Т. 96. С. 512.

это ненавистный протест против всего существующего и гнетущего, положительная — коллективное созидание нового идеала.

«Отрицательно-положительная страсть», а не сознание абсолютного долга, не внешний контроль, опутывание и принуждение, указывает Бакунин следующую черту, приводит революционера к полному самоотречению от всех личных интересов, от материальных удобств, наслаждений, удовлетворения тщеславия, чиновлюбия и славолюбия, к отказу от «личного исторического значения при жизни и даже от исторического имени после смерти». Только глубокая, неискоренимая и непоколебимая страсть, как основа личности революционера, даст последнему силы выдержать до конца борьбы против страшного, подавляющего всех общественно-политического могущества; устоять против возможных разочарований; «у человека без страсти, — считает Бакунин, — не будет ни силы, ни веры, ни инициативы, не будет отваги...»¹¹⁸.

Страсть, требующая революции, неизбежно порождает в человеке энергию, однако энергия бесплодна без разумного руководства. Поэтому, наряду со страстью, революционеру необходим «разум холодный, расчетливый, реальный, практический прежде всего, но вместе с тем теоретический, воспитанный и знанием и опытом». Мышление революционера не должно быть мечтательным и произвольным, а напротив — «схватывать действительность, отношения и условия общественной жизни во всех слоях и проявлениях, в их настоящем виде и смысле»¹¹⁹. Революционеру, считает Бакунин, необходимо также «положительное знание и России, и Европы, и настоящего социального и политического положения и настроения и той и другой». Выступает Бакунин и против торопливости, «горячки» в революционном деле, указывая, что революционная страсть, руководствующаяся разумом и знанием, должна «сделаться холодною и сильнейшею страстью»¹²⁰. Таким образом, страстный, энергичный, самоотверженный, думающий и знающий человек — это готовый кадр революционной организации. По мнению Бакунина, десяток таких людей, вооруженных «крепкими нервами, богатырскою силою, страстным убеждением и железною волею», или еще как он любил говорить — «одержимые бесом», и пятьдесят — шестьдесят человек, способных и готовящихся сделаться таковыми, вполне хватит, чтобы создать «штаб революции».

Далее в своем письме Бакунин развертывает свод правил организации «идеальных заговорщиков». Эту организацию он называет «Народным братством». Практически половина пунктов из 21-го пункта «плана организации» противопоставляется Бакуниным «Катехизису революционера» с его иезуитской системой опутывания и лжи. Пункты плана пестрят

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же. С. 512–513.

¹²⁰ Там же. С. 513.

словами «равноправность», «абсолютная искренность», «право члена», «взаимное доверие», «открытый братский контроль» и т. д. и раскрывают смысл деятельности такой организации, представляющей, по Бакунину, «народовспомогательную силу». Будучи «практическою школою нравственно воспитания для всех членов», такая организация призвана «морализовать», и «организовать» разночинную молодежь и одновременно расторгать связи и разрушать силы враждебных партий и правительства. В практическом деле организации русской революции «чистоплотничать нечего»¹²¹. «Итак, — заключает Бакунин, — в основании всей нашей деятельности должен лежать этот простой закон: правда, честность, доверие между всеми братьями и в отношении [к] каждому человеку, который способен быть и которого вы бы желали сделать братом: ложь, хитрость, опутывание, а по необходимости и насилие, в отношении к врагам»¹²².

Главным «обвинением» против Бакунина в глазах его современников и исследователей традиционно служит то обстоятельство, что ни в одной его работе не прописаны сроки и механизмы роспуска тайной революционной организации. Получается, что тем самым он фактически опровергает «священные» основы анархизма, перенося в постреволюционное общество принцип власти и иерархии, то есть, по сути, государства. Однако и этому обстоятельству можно найти логическое объяснение в самой теории Бакунина. Он предполагал, что его международная революционная организация будет тайной, а значит, лишенной любой формальной и неформальной власти и не претендующей, как государство, на надличностный статус. Согласно бакунинской теории, безликая и безымянная организация не сможет вызвать рецидив государственности, поскольку изначальная альтруистическая интенция революционеров не позволит им воспользоваться властью в своих целях. В том случае, если революционеры все же попытаются реализовать преимущества своей организованности и осведомленности, конвертировав их во власть, сформировавшееся свободное общество не допустит подобного рецидива. Это означает, что у тайной революционной организации, даже построенной по авторитарным принципам, не останется иного выбора как самораспуститься после окончательной победы революции. В случае отказа от этого решения и попытки все же навязать свое доминирование эта организация будет уничтожена революционными массами так же, как и свергнутые ранее государственные институты.

Именно такое объяснение, на наш взгляд, можно предложить одному из основных логических противоречий в теории Бакунина — между декларируемым анархическим принципом свободы и законспирированными инструкциями авторитарной направленности. А отсюда социально-политическая доктрина классика российского анархизма приобретает в наших глазах законченный, целостный характер.

¹²¹ Там же. С. 508.

¹²² Там же. С. 516.

Михаил Александрович БАКУНИН

Реакция в Германии (Очерк француза)

Свобода, реализация свободы, кто станет отрицать, что сейчас эти слова стоят на первом месте в порядке дня истории? И друг, и недруг признают и должны это признать; да, никто не решится дерзко и открыто объявить себя врагом свободы. Однако слово, признание, как известно еще из Евангелия, сами по себе ничего не значат, ибо, к сожалению, до сих пор людей немало, которые в действительности, в глубине своего сердца не верят в свободу. Уже *в интересах самого дела* стоит познакомиться также и с этими людьми, ибо по природе своей они отнюдь не одинаковы.

Прежде всего встречаются среди них высокопоставленные, пожилые и опытные люди. В юности они сами по-дилетантски увлекались политической свободой — ведь для знатного и богатого человека в разговорах о свободе и равенстве заключено некоторое пикантное удовольствие, к тому же это делает его вдвойне интересным в общении; ныне же, когда способность к юношеской восторженности у них прошла, они пытаются скрыть свою физическую и духовную расслабленность под маскою «опытности» — слово, которое так часто давало повод к злоупотреблениям. С такими людьми вообще не стоит разговаривать, они никогда не принимали свободу всерьез, и никогда свобода не была для них религиею, доставляющею величайшее наслаждение и высочайшее блаженство лишь на путях глубочайших противоречий, горчайших страданий и полного, безусловного самоотречения. Вести с ними разговор не стоит уже потому, что они стары и им волей-неволей скоро предстоит умереть.

Но, к сожалению, существуют также немало молодых людей, разделяющих с ними те же самые убеждения или, вернее, такое же отсутствие всяких убеждений. Они принадлежат большей частью к аристократии, в сущности, политически давно умершей в Германии, или же к буржуазному, торговому и чиновничьему классам. И с этими также не стоит начинать никакого разговора и даже меньше, чем с первой категорией — умных и опытных [стариков], стоящих так близко к смерти: у тех хоть

была по крайней мере видимость жизни, тогда как эти — с самого начала безжизненные и мертвые люди. Целиком погрязшие в своих мелочных карьеристских или меркантильных интересах и совершенно поглощенные своими повседневными заботами, они не имеют ни малейшего представления ни о жизни, ни о том, что вокруг них происходит. Так что, если бы не школа, в которой они что-то услышали об истории и развитии духа, они, вероятно, думали бы, что на свете всегда было то же самое, что и теперь. Это — бесцветные, похожие на призраков натуры; от них не может быть ни вреда, ни пользы; нам нечего их бояться, потому что действует только живое, а так как теперь прошла мода общаться с привидениями, то и мы не намерены терять на них свое время.

Но существует еще третья категория противников принципа революции: это возникающая вскоре после Реставрации¹ и распространившаяся по всей Европе *реакционная партия*: в политике она носит название *консерватизма*, в правоведении — *исторической школы*², а в спекулятивной науке — *позитивной философии*³. С нею мы хотим поговорить. С нашей стороны, было бы нелепым игнорировать ее существование и вести себя так, будто бы мы не придаем ей никакого значения. Напротив, мы совершенно откровенно признаем, что она повсюду теперь является правящею партией, более того, мы готовы признать, что ее нынешнее могущество не есть игра случая, а глубоко коренится в развитии современного духа.

Я вообще не придаю случайности в истории никакой реальной силы: история представляет собой свободное, но вместе с тем необходимое развитие свободного духа. Так что если бы я назвал теперешнее господствующее положение реакционной партии случайным, то я этим оказал бы плохую услугу демократическому вероисповеданию, которое основывается единственно лишь на безусловной свободе духа. Прибегать к столь дурному и ложному успокоению было бы для нас тем опаснее, что мы, к сожалению, до сих пор далеки от осознания своего положения и что — при слишком частых ошибках в определении как истинного источника нашей силы, так и природы нашего врага, — будучи подавлены печальным зрелищем повседневности, мы или совершенно утрачиваем мужество, или — что, пожалуй, еще хуже, поскольку состояние нерешительности у живого человека долго продолжаться не может, — предаемся необоснованному, ребяческому и бесплодному задору.

Для демократической партии ничто не может быть полезнее признания своей временной слабости и относительной силы своего противника. Только благодаря этому признанию она из области неопределенной фантазии вступает в действительность, в которой должна жить, страстно бороться и в конце концов победить. Благодаря такому признанию ее одушевление становится осмотрительным и сдержанным. И лишь тогда, когда демократическая партия пройдет болезненные перипетии действительности и придет к осознанию смысла своего святого, жреческого служения, когда она увидит из бесконечных трудностей, повсюду стоящих

на ее пути и проистекающих не только из обскурантизма ее противников (как она, по-видимому, слишком часто думает), но скорее из полноты и целокупности человеческой природы, не исчерпывающейся одними отвлеченно-теоретическими положениями, лишь тогда, когда из этих трудностей она постигнет все несовершенство своего теперешнего существования, поймет, что враг ее находится не только вовне, но и в намного большей степени внутри ее самой и что она должна начать с победы над этим внутренним врагом, лишь тогда, когда она убедится в том, что демократия заключается не только в оппозиции властям предрержащим, не только в каком-то особом конституционном или политико-экономическом преобразовании, но знаменует полный переворот всего мирового уклада и предвещает еще небывалую в истории, совершенно новую жизнь, лишь когда из всего этого она поймет, что демократия есть религия, и, уразумев это, сама станет религиозною, т. е. *проникнутою* своим принципом не только в мышлении и в суждениях, но и преданною ему в действительной жизни, в мельчайших ее проявлениях, только тогда демократическая партия действительно победит весь мир.

Этим мы хотим открыто признать, что нынешнее могущество реакционной партии не случайно, а необходимо. Оно коренится не в несовершенстве демократического *принципа* (ибо последний состоит в равенстве людей, реализующемся в свободе, а значит, составляет глубочайшую, наиболее общую и всеобъемлющую — словом, единственно проявляющуюся в истории сущность духа), а в несовершенстве демократической *партии*, которая еще не пришла к твердому осознанию своего принципа и потому существует *только* как *отрицание* настоящего положения вещей. В качестве такового, в качестве только отрицания она прежде всего непременно стоит вне всей полноты жизни, — полноты, которую она еще не может развить из своего принципа, понимаемого ею почти исключительно в отрицательном смысле. Но потому-то она и является до сих пор только партией, а вовсе не живою действительностью — будущим, а не настоящим. Уже одно то, что демократы образуют только партию, и притом по своему внешнему положению партию слабую, и что они, будучи всего лишь партией, предполагают существование другой, им противоположной, сильной партии, — уже одно это должно было бы открыть им глаза на их собственные, необходимо присущие им недостатки. По своему существу, по своему принципу демократическая партия есть всеобщее, всеобъемлющее, но по своему существованию в качестве партии она представляет собой некую обособленность — *отрицательное*, которому противостоит другая обособленность — *положительное*. Всё значение и вся непреодолимая сила отрицательного состоят в разрушении положительного; но вместе с положительным оно осуждает на гибель и себя, как несовершенное, обособленное и не соответствующее своей сущности бытие. Демократизм наличествует еще не таким, каков он есть сам по себе, в своей утвердительной полноте, а лишь как отрица-

ние положительного, и потому он в этой несовершенной форме должен погибнуть вместе с положительным, чтобы затем из своего свободного основания воспрянуть в возрожденном виде, как живая полнота самого себя. И это внутреннее изменение демократической партии будет не только *количественным* изменением, т. е. не только расширением ее нынешнего обособленного и потому дурного существования, — боже упаси, подобное расширение привело бы только к всеобщему опошлению, и конечным результатом всей этой истории было бы абсолютное ничтожество, — но и *качественным* преобразованием, новым, живым и животворящим откровением, новым небом и новою землею, юным и прекрасным миром, в котором все современные диссонансы разрешатся в гармоническом единстве.

Еще менее можно способствовать преодолению несовершенства демократической партии устранением односторонности ее существования в качестве партии посредством внешнего примирения ее с положительным. Это было бы тщетною попыткою, потому что положительное и отрицательное друг с другом совершенно несовместимы. Отрицательное, поскольку оно в своем противоположении положительному берется изолированно и само по себе, на первый взгляд кажется бессодержательным и безжизненным; и эта кажущаяся бессодержательность является в то же время главным упреком, который позитивисты⁴ делают демократам. Однако этот упрек основан на недоразумении, ибо отрицательное вовсе не есть нечто изолированное — как таковое оно было бы ничем, — оно существует лишь как противоположное положительному; вся его суть, содержание и жизненность заключаются в разрушении положительного. «Революционная пропаганда, — говорит Пентархист, — по своей глубочайшей сути есть *отрицание* существующего государственного строя, потому что по своей внутренней природе она не имеет никакой другой программы, кроме разрушения существующего»⁵. Но возможно ли, чтобы то, чья жизнь состоит лишь в разрушении, могло внешне мириться с тем, что оно по своей внутренней природе должно разрушить? Так могут думать только бездушные получеловечки, которым так же мало дела до отрицательного, как и до положительного.

Реакционная партия внутри себя разделяется теперь на две главные части: на чистых, *последовательных*, и на непоследовательных, *склонных к соглашению реакционеров*. Первые осознают указанное противоположение в его чистом виде: они прекрасно чувствуют, что положительное и отрицательное столь же несоединимы, как огонь и вода, а так как они в отрицательном не видят его утверждающей сути и потому не могут верить в отрицательное, то они делают отсюда совершенно правильный вывод, что положительное должно быть обязательно сохранено путем полного подавления отрицательного. То, что они при этом не понимают, что положительное является *данным* отстаиваемым ими положительным, лишь постольку, поскольку ему противопоставляется отрицательное, и что,

следовательно, в случае полной победы над отрицательным и устранения противоположения оно перестало бы быть положительным и скорее было бы завершением отрицательного, — то, что они этого не замечают, простительно для них, ибо слепота составляет основную характерную черту всего положительного, пронизательность же свойственна только отрицательному. Ведь в наше скверное и беспринципное время, когда столь многие из трусости стараются скрыть от самих себя строгие следствия из своего собственного принципа, дабы таким путем избегнуть опасности быть потревоженными в искусственном и шатком здании своих надуманных убеждений, следует отдать справедливость этим господам: они искренни, честны, они хотят быть цельными людьми. Много разговаривать с ними не удастся, потому что они никогда не желают вступать в разумный разговор. Им так тяжело приходится теперь, когда разлагающий яд отрицания распространился повсюду; им так трудно, даже почти невозможно удержаться на позиции чистой позитивности, что они должны абстрагироваться от собственного разума и бояться самих себя, малейшей попытки доказать свои убеждения, ибо это было бы опровержением последних. Они это хорошо чувствуют и потому бранятся даже там, где им надо было бы говорить. Но все-таки они — честные и цельные люди или, вернее, хотят быть честными и цельными. Как и мы, они ненавидят всякую половинчатость, ибо знают, что хорош только цельный человек и что половинчатость есть гнилой источник всякой скверны.

Эти фанатичные реакционеры объявляют нас еретиками; если бы это было возможно, они, пожалуй, извлекли бы из кунсткамеры истории даже адское могущество инквизиции, чтобы пустить его в ход против нас. Они отрицают в нас наличие всего доброго и человеческого, они не видят в нас ничего другого, кроме воплощенного антихриста, против которого все средства хороши. Станем ли мы платить им тою же монетою? Нет, это было бы недостойно нас и того великого дела, орудиями коего мы являемся. Великий принцип, служению которому мы себя посвятили, дает нам между многими другими выгодами прекрасное преимущество быть справедливыми и непартийными, не вредя этим нашему делу. Всем тем, что основано только на односторонности, истина не может пользоваться даже как оружием, ибо истина противоположна всякой однобокости. Все одностороннее непременно пристрастно и фанатично в своих проявлениях; оно непременно выражается в ненависти, ибо не может утвердиться никаким другим путем, кроме насильственного подавления всех других противоположных ему и столько же, как и оно само, оправданных односторонностей. Одна односторонность уже самим своим существованием предполагает существование других односторонностей, и все же она в силу свойственной ей природы должна исключать их, чтобы саму себя утвердить. Это противоречие есть проклятие, тяготеющее над нею, врожденное ей проклятие, превращающее все лучшие чувства, присущие каждому человеку уже как человеку при внешнем их проявлении в ненависть.

В этом отношении мы бесконечно счастливее. Как партия мы противостоям позитивистам и боремся с ними, и в ходе этой борьбы все дурные страсти пробуждаются также и в нас. Сами принадлежа к определенной партии, мы также бываем весьма часто пристрастны и несправедливы. Но мы — не только партия отрицания, противопоставленная позитивистам, у нас имеется живительный источник во всеобъемлющем принципе безусловной свободы, в принципе, который содержит в себе и все хорошее, что только есть в позитивизме, и который стоит выше позитивизма, равно как выше нас самих как партии. Как партия мы заняты исключительно политикой, но в качестве таковой мы оправданы только нашим принципом; в противном случае у нас не было бы лучшего основания, чем у позитивистов, а потому мы должны, хотя бы в интересах самосохранения, оставаться верными нашему принципу свободы как единственному источнику нашей силы и нашей жизни, т. е. мы постоянно должны стараться возвысить это одностороннее, чисто политическое существование до религии нашего всеобъемлющего и всестороннего принципа. Мы должны действовать не только политически; в нашей политике мы должны действовать и религиозно, религиозно в смысле свободы, единственно истинным выражением которой являются справедливость и любовь. Да, только нам одним, именуемым врагами христианской религии, нам одним предназначено и даже вменено в высочайший долг в самый разгар борьбой действительно выполнять высочайшую заповедь Христа⁶, в которой единственно заключена сущность истинного христианства — любовь.

Поэтому мы хотим быть справедливыми и по отношению к нашим врагам: мы хотим признать, что они *действительно стремятся* быть доброжелательными, что они, очевидно, по своей природе призваны к добру, к живой жизни и только по непостижимой, нелепой случайности уклонились от своего предназначения. Мы говорим не о тех, кто примкнул к партии лишь для того, чтобы найти там свободное применение своим дурным страстям Тартюфов⁷, которых, к сожалению, немало во всех партиях. Мы же ведем речь только об искренних защитниках последовательного позитивизма. Последние радеют о добре, но не могут проявить по-настоящему действенной воли; их величайшее несчастье заключается в их внутреннем раздвоении. В принципе свободы они усматривают лишь холодную и бессодержательную абстракцию (чему немало способствовали также некоторые пустые и сухие ее защитники) — абстракцию, исключаящую все живое, прекрасное и святое. Они не понимают, что принцип этот отнюдь не следует смешивать с его современным дурным и чисто отрицательным проявлением и что он может победить и осуществиться только как живое утверждение себя самого, одинаково уничтожающее как положительное, так и отрицательное. Они полагают — это мнение, к сожалению, даже разделяется некоторыми приверженцами самой партии отрицания, — они полагают, что отрицательное стремится к распространению как таковое, и думают, как и мы

сами, что распространение последнего привело бы к опошлению всего духовного мира. В то же время непосредственность их чувства внушает им вполне справедливое стремление к живой, полной жизни, а так как в отрицательном они видят лишь опошление этой последней, то они возвращаются к прошлому, к тому прошлому, какое существовало до возникновения противоположности между положительным и отрицательным. Они правы постольку, поскольку это прошлое действительно было некой живой цельностью и как таковое представляется теперь более жизненным и богатым, чем разорванное настоящее. Но их большая ошибка состоит в том, что они считают возможным восстановить теперь это прошлое в его былой жизненности; они забывают, что минувшая цельность им самим может ныне представляться не иначе как в разлагающем и расщепляющем эту цельность отражении от ныне существующей, неизбежной и из самой этой цельности возникшей противоположности; они забывают, что эта цельность в качестве положительного есть обездушенный, т. е. подвергшийся механическому и химическому процессу рефлексии труп самой этой цельности. Будучи приверженцами слепого позитивизма, они не понимают этого, но, как живые по природе люди, они очень хорошо ощущают этот недостаток жизненности. А так как они не знают, что уже только потому, что они — позитивисты, в них самих есть нечто от отрицательного, то они и сваливают на отрицательное начало всю вину за этот недостаток жизненности и всю тяжесть своего стремления к жизни и истине, превратившегося благодаря их бессилию доставить себе удовлетворение в ненависть. Таков неизбежный внутренний процесс, протекающий в каждом последовательном позитивисте, и потому-то я и говорю, что они действительно достойны сожаления, так как источник их стремлений все-таки почти всегда чист.

Позитивисты-соглашатели занимают совершенно другую позицию. От последовательных позитивистов они, с одной стороны, отличаются тем, что, будучи больше их подвержены современной болезни рефлексии, они не только не отвергают совершенно отрицательное начало как абсолютное зло, но даже признают за ним условное, временное право на существование; а с другой стороны, тем, что не обладают такою же энергической чистотою — чистотою, к которой последовательные позитивисты по крайней мере стремятся и которую мы назвали признаком полной, цельной и честной натуры. Точку же зрения соглашателей мы, наоборот, можем определить как позицию *теоретической недобросовестности*, я говорю «теоретической», так как старательно избегаю всякого конкретного, личного обвинения и не верю, чтобы личная злая воля могла с действительным успехом задерживать развитие духа, хотя приходится признать, что теоретическая недобросовестность по необходимым свойствам своей природы почти всегда переходит в практическую.

Позитивисты-соглашатели умнее и проницательнее последовательных. Они — умницы, теоретики *par excellence*⁸, а потому и являются

главными представителями современности. Мы могли бы применить к ним то, что в начале Июльской революции⁹ было сказано одним французским журналом по поводу «*juste milieu*»¹⁰: «Правая сторона говорит: дважды два = четыре, левая — $2 \times 2 = 6$, а “*juste milieu*” говорит $2 \times 2 = 5$ ». Но они, пожалуй, обидятся на нас за это, а потому попробуем исследовать их темную и сложную сущность самым серьезным образом и с глубочайшим почтением перед их мудростью. Но с ними справиться гораздо труднее, чем с последовательными позитивистами. Последние обладают практической энергиею своих убеждений; они знают, чего хотят, и в ясных словах высказывают это; подобно нам, они ненавидят всякую неопределенность, всякую неясность, ибо, будучи практическими, энергичными натурами, они могут свободно дышать только в чистом и прозрачном воздухе. С соглашателями же дело обстоит совершенно по-особому: они хитры, о, они умны и мудры! Никогда не дадут они практическому порыву к истине разрушить затейливую постройку своих теорий; они слишком опытные, слишком умны для того, чтобы сочувственно прислушаться к повелительному голосу просто практической совести. С высоты своей точки зрения они с важностью взирают на нее сверху вниз, и если мы говорим, что только простое истинно и действительно, ибо единственно оно способно творчески действовать, то они, напротив, утверждают, что истинно только сложное, так как им стоило величайшего труда состряпать это сложное и так как оно является единственным признаком, по которому их, умных людей, можно отличить от глупцов и необразованной черни. С ними очень трудно справиться уже потому, что они все знают, ибо они, будучи людьми, умудренными житейским опытом, считают для себя непростительной слабостью приходиться от чего-либо в смущение, ибо они со своею рефлексиею обшарили все уголки физического и духовного мира и после этого долгого утомительного идейного путешествия пришли к убеждению, что действительный мир не стоит того, чтобы вступать с ним в действительно живое соприкосновение. С этими людьми трудно до чего-либо договориться, потому что они, подобно немецким конституциям, правою рукою отнимают то, что дают левою. Они никогда не отвечают «да» или «нет», а говорят: «*До известной степени вы правы, однако все-таки...*», а когда им уже совершенно нечего сказать, они заявляют: «Да, это — особая статья».

И всё же мы хотим попробовать вступить в разговор с ними. Партия соглашателей, несмотря на свою внутреннюю бессодержательность и на свою неспособность что-либо произвести из себя, является сейчас могущественной, пожалуй, самой могущественной партией. Само собою разумеется, что она обязана этим только своей численности, а не своему внутреннему содержанию. Она — одно из наиболее важных знамений времени, а потому нельзя ее игнорировать или обходить.

Вся ее мудрость состоит в утверждении, что два противоположных направления уже как таковые являются односторонними, а значит, не-

верными. А если оба члена противоположения, взятые абстрактно сами по себе, неверны, то истина должна лежать между ними, а потому для получения истины нужно объединить их друг с другом. С первого взгляда это рассуждение кажется неопровержимым. Ведь мы сами согласились с тем, что начало отрицательное, поскольку оно противопоставляется положительному и при этом противоположении замкнуто в себе, является односторонним. Ведь разве отсюда не следует с необходимостью, что оно находит свое существенное дополнение и завершение в положительном начале? И не правы ли соглашатели, желая объединить положительное с отрицательным? Да, правы, если только слияние возможно; но действительно ли оно возможно? Разве не в разрушении положительного заключается весь смысл отрицательного? Если соглашатели обосновывают свою точку зрения на природе противоположения, а именно на том, что две противоположные односторонности взаимно предполагают друг друга как таковые, то они должны признать эту природу и считаться с нею во всем ее объеме. Они должны сделать это ради последовательности, чтобы остаться верными себе самим и своей точке зрения, так как выгодная им сторона противоположения неразрывно связана с невыгодной для них. А эта невыгодная сторона заключается в том, что предположение одного члена противоположения другим имеет не утвердительный, а *отрицательный*, разрушительный характер. Этим господ надлежит отослать к Логике Гегеля¹¹, где так хорошо истолкована категория противоположности.

Противоположение и его имманентное развитие составляют один из главных, узловых пунктов всей Гегелевой системы, а так как эта категория является главной категорией, выражающей самую суть нашего времени, то и Гегель, безусловно, является величайшим философом современности, высочайшею вершиною нашего современного односторонне *теоретического* образования. Но тогда именно в качестве этой вершины, именно потому, что он понял и таким образом разрешил эту категорию, именно потому он является также началом необходимого самораспада современного образования. В качестве такой вершины он уже перерос теорию (сначала, конечно, в пределах самой теории) и постулировал новый практический мир, мир, который никоим образом не будет рожден путем формального приложения и распространения готовых теорий, а будет создан только самобытным деянием практического, самостоятельного предписывающего себе законы духа. Противоположение составляет внутреннюю суть не только всех определенных частных теорий, но и теории вообще, а потому момент постижения теории есть вместе с тем и момент ее завершения; завершение же ее есть ее саморазрешение в самобытный и новый практический мир, в действительное царство свободы. Здесь, однако, еще не место для подробного развития этой мысли, а потому обратимся вновь к выяснению логической природы противоположения.

Противоположение само по себе, как объемлющее оба своих односторонних члена, целостно, абсолютно, истинно. Его нельзя упрекнуть в односторонности и необходимости связанных с нею поверхности и бедности [содержания], так как в нем содержится не только отрицательное, но и положительное и так как оно в качестве всеобъемлющего есть цельная, абсолютная полнота, вне которой ничего нет. Это обстоятельство дает соглашателям право требовать — не держаться только одного из обоих односторонних членов, а постигать их в их необходимой связи, в их неразрывности, как нечто цельное: только противоположение истинно, говорят они, а каждый из противоположных членов, взятый сам по себе, односторонен и потому неверен; следовательно, чтобы обладать истинною, мы должны постигнуть противоположение в его цельности. Но тут-то и начинается трудность. Противоположение действительно есть истина; но оно существует не как таковое, оно наличествует не как эта цельность, оно есть лишь сама по себе сущая, скрытая цельность, а его существование есть именно противоречащее себе раздвоение обоих его членов — положительного и отрицательного. Противоположение как целостная истина есть неразрывное единство простоты и самораздвоения в одном; это его сама по себе существующая, скрытая, а вместе с тем его ближайшим образом непостижимая природа, и именно потому, что единство это — скрытое, противоположение тоже существует односторонне, лишь как раздвоение его на члены; оно наличествует лишь как положительное и отрицательное, а эти последние столь решительно взаимно исключают друг друга, что это их взаимоисключение и определяет целиком их природу. Но как же тогда постигнуть цельность противоположения? Здесь, по-видимому, могут представиться два выхода. Или сознательно отвлечься от раздвоения и обратиться к простой, предшествовавшей раздвоению противоположения цельности, но это невозможно, потому что непостижимое все же остается непостижимым и потому что противоположение как таковое непосредственно существует только как раздвоение, а помимо него не существует. Или можно попытаться по-матерински примирить противоположные члены, в чем и состоит все стремление соглашательской школы. Посмотрим, удастся ли им это в действительности.

Положительное представляется на первый взгляд покоящимся, неподвижным; оно ведь только потому и является положительным, что оно без помехи покоится в себе и не содержит в себе ничего могущего его отрицать, только потому, что внутри его самого нет никакого движения, ибо всякое движение есть отрицание. Ведь положительное именно и есть нечто такое, в чем заложена неподвижность как таковая: нечто мыслимое само по себе как абсолютная неподвижность. Но мысль о неподвижности неотделима от мысли о движении, или, вернее, обе они суть одна и та же мысль. Итак, положительное, абсолютный покой, является положительным лишь по отношению к отрицательному, абсолютному покою. Положительное внутри самого себя связано с отрицательным, как со

своим собственным живым определением. Таким образом, положительное занимает двоякую позицию по отношению к отрицательному: с одной стороны, оно покоится в самом себе и в этом апатическом, самодовлеющем покое ничего в себе от отрицательного начала не имеет; но, с другой стороны, именно благодаря этой неподвижности оно, как нечто в самом себе противоположное отрицательному, деятельно исключает из себя отрицательное; но эта деятельность исключения есть некое движение. А потому положительное, как раз благодаря своей положительности, становится само в себе не положительным, а отрицательным: исключая из себя отрицательное, оно исключает себя из самого себя и само осуждает себя на гибель.

Следовательно, положительное и отрицательное не равноправны, как это думают соглашатели; противоположение есть не равновесие, а *перевес* отрицательного, которое составляет преобладающий момент противоположения. Отрицательное, как определяющее жизнь самого положительного, содержит в себе одном цельность противоположения, а потому является наделенным абсолютным правом. «Как, — быть может, спросят меня, — разве Вы сами не признали, что отрицательное, взятое отвлеченно, само по себе, столь же односторонне, как и положительное, и что распространение его в его современной несовершенной форме было бы опощением всего мира?» Да, но я говорил только о современной форме существования отрицательного, об отрицательном, поскольку оно, будучи исключено положительным, неподвижно замыкается в себе и, таким образом, само становится положительным. Именно являясь таковым, оно отрицается положительным, и последовательные позитивисты выполняют одновременно и логически необходимую, и священную обязанность, отвергая такое существование отрицательного, его спокойное замыкание в себе, хотя и не ведают, что творят. Они думают, что отрицают отрицательное, но выходит наоборот: они отрицают его лишь постольку, поскольку оно само становится положительным; они пробуждают отрицательное из филистерского покоя, к которому оно не предназначено, и возвращают его к его великому призванию — безостановочному и безоглядному разрушению всего положительно установленного.

Мы согласны с тем, что положительное и отрицательное равноправны, когда последнее спокойно и эгоистично замыкается в себе и таким образом само себе изменяет; но отрицательному началу не пристало быть эгоистичным, оно должно с любовью предаться положительному, дабы вобрать его в себя и в этом религиозном, исполненном веры жизненном деле уничтожения явить неисчерпаемую и чреватую будущим глубину своей природы. Положительное отрицается отрицательным, и, наоборот, отрицательное отрицается положительным — что же в обоих общее, превосходящее их обоих? Отрицание, осуждение на гибель, страстное уничтожение положительного, даже если последнее пытается хитро укрыться под личиною отрицательного. Только в качестве такого безогляд-

ного отрицания отрицательное оправданно, и как таковое абсолютно оправданно, ибо в качестве такового оно является деянием практического духа, незримо присутствующего в самом деле противоположении, — духа, который с помощью этой разрушительной бури властно зовет к покаению грешные души соглашателей и возвещает свое близкое пришествие, свое близкое откровение в истинно демократической и всемирно-человеческой церкви свободы.

Это саморазложение положительного есть единственно возможное сочетание положительного с отрицательным, ибо оно-то и есть имманентное, цельное движение и энергия самого противоположения, а потому всякий другой способ объединения этих начал является искусственным, и всякий, кто ставит целью объединить их как-либо по-другому, этим только доказывает, что он еще не проникся духом времени, а значит, или глуп, или беспринципен, ибо человек является умным и нравственным лишь в том случае, если он всецело предается этому духу и проникнут им. Противоположение цельно и истинно; против этого не возражают и соглашатели; а как цельное оно насквозь жизненно, и энергия его всеобъемлющей жизненности состоит, как мы только что видели, именно в этом беспрестанном самосожжении положительного в чистом пламени отрицательного.

Что же делают теперь соглашатели? Они во всем этом соглашаются с нами, они, подобно нам, признают цельность противоположения, но зато отнимают или, вернее, пытаются отнять у последнего его движение, его жизненность, всю его душу, ибо жизненность противоположения есть практическая, для их половинчатых и бессильных душ непереносимая и именно потому возвышающаяся над всеми их попытками задушить ее сила. Положительное, как мы сказали и доказали, взятое само по себе, не является правомочным; правомочным оно является лишь в том случае, когда оно отрицает покой отрицательного, его замкнутость в себе самом, когда оно безусловно и решительно исключает из себя отрицательное и этим поддерживает его деятельность, когда оно само превращается в деятельное отрицательное начало. Эту деятельность отрицания, до которой возвышаются даже позитивисты под влиянием непреодолимой силы противоположения, незримо присутствующей во всех живых натурах, и которая одна дает им право на существование и служит единственным признаком их жизненности, именно эту деятельность отрицания и хотят запретить им соглашатели. По какому-то странному и непонятному злему року или, вернее, по вполне понятному злему року своей практической беспринципности, своего практического бессилия, они признают в позитивистах именно то, что в них мертво, гнило и достойно только уничтожения, и отвергают в них все, что как раз составляет их жизненность — живую борьбу с отрицательным, живое присутствие в них противоположения.

Они говорят позитивистам: «Господа, вы правы, охраняя прогнившие и высохшие остатки старины; так мило и приятно живется в этих разва-

линах, в этом противном разуму мире рококо, воздух которого в такой же мере полезен нашему чахлому духу, как воздух стойла для чахоточного организма; что касается нас, то мы с величайшей радостью устроились бы в вашем мире, в мире, в котором мерилом истинности и святости являются не разум и неразумные определения человеческой воли, а длительная устойчивость и неподвижность и в котором, следовательно, Китай с его мандаринами и бамбуковыми палками должен признаваться абсолютно истинною! Но что же делать, господа? Настали плохие времена; наши общие враги, отрицатели, отвоевали очень много места; мы ненавидим их так же, как и вы, а может быть, даже и больше, ибо они в своей развязности позволяют себе нас презирать; но они стали сильны, и с ними волей-неволей приходится считаться, чтобы не быть ими совершенно уничтоженными. Не будьте же такими фанатиками, господа, предоставьте им немного места в вашем обществе: что вы потеряете, если они займут в вашем историческом музее место некоторых, *прежде* весьма почтенных, а *ныне* совершенно развалившихся руин? Проверьте нам, что они будут совершенно осчастливлены честью, которую вы им этим окажете, и станут вести себя в вашем почтенном обществе очень спокойно и скромно; ведь в конце концов это — всего только молодые люди, “озлобленные” нуждой и недостатком “обеспеченного существования”¹², лишь потому так громко кричащие и поднимающие так много шума, что надеются таким путем приобрести известный вес и создать себе выгодное положение в обществе».

Затем они обращаются к отрицателям и говорят им: «Стремления ваши благородны, господа! Мы понимаем ваше юношеское одушевление чистыми принципами и питаем к вам величайшую симпатию. Но, верьте нам, чистые принципы в их чистоте неприменимы к жизни; жизнь требует некоторой доли эклектизма; мир не поддается такой переделке, какую вы хотите ему придать; надо кое-что уступить ему, чтобы получить возможность на него воздействовать, — иначе вы совершенно скомпрометируете свое положение в нем». И как о польских евреях рассказывают, что они во время последней польской войны старались одновременно служить обеим боровавшимся сторонам, как русским, так и полякам, и вешались теми и другими, так хлопочут эти жалкие люди вокруг невыполнимого дела внешнего примирения и в благодарность добиваются презрения со стороны обеих партий. Жаль только, что наше время слишком слабо и неэнергично, чтобы применить к ним закон Солона!¹³

Все это фразы, возраят мне; соглашатели — в большинстве случаев почтенные и научно образованные люди; между ними есть много всеми уважаемых и высокопоставленных личностей, а вы представили их людьми без ума и без убеждений. Но что же я могу поделать, если это действительно так? Я не хочу никого задевать лично; внутренний мир

* См. мнение, высказанное Маргейнеке в деле Б. Бауэра, с. 86

каждого индивидуума для меня неприкосновенная святыня, нечто ни с чем не соизмеримое, о чем я никогда не позволю себе судить. Для самого индивидуума этот внутренний мир может обладать бесконечной ценностью, но для внешнего мира он действителен лишь в той мере, в какой он проявляется вовне, и будет лишь таким, каким он проявляется вовне. Каждый человек есть в действительности только то, чем он является в действительном мире, — ведь не могу же я называть черное белым.

Конечно, возразят мне, Вам их стремления кажутся черными или, вернее, серыми; на деле же они хотят и имеют единственной целью только прогресс, которому они способствуют гораздо больше вас самих, так как они подходят к делу рассудительно, а не самонадеянно, подобно демократам, желающим перевернуть весь мир. Но мы видели, что представляет этот мнимый прогресс, к которому стремятся соглашатели; мы видели, что он, по существу, является не чем иным, как удушением единственно живого принципа нашей и без того скудной современности, удушением творческого и многообещающего принципа разрешающего движения. Они так же ясно, как и мы, осознают, что наше время есть время противоположения; они соглашаются с нами, что это — дурное, в самом деле разорванное состояние, но вместо того, чтобы, доведя его до конца, помочь ему перейти в новую, утвердительную и органичную действительность, они хотят путем бесконечной «постепенности» вечно сохранять это в его нынешнем существовании столь убогое и чахоточное состояние. И это есть прогресс? Они говорят позитивистам: «Сохраняйте старое, но одновременно позвольте отрицателям мало-помалу разрушать его»; отрицателям же они говорят: «Разрушайте старое, но не сразу и не совсем, чтобы у вас всегда оставалось какое-нибудь дело», т. е. «оставайтесь каждый в своей односторонности, а мы, избранные, сохраним наслаждение цельностью для себя» — жалкая цельность, какую могут удовлетворяться только скудные души! Они отнимают у противоположения его движущую, практическую душу и радуются тому, что могут произвольно расправляться с ним. Великое нынешнее противоположение вовсе не есть для них практическая сила современности, которой безоглядно должен предаться каждый живой человек, если он хочет остаться живым, а не только теоретическою забавою. Они не проникнуты действительным духом времени, а потому они — безнравственные люди. Да, они, столь много похваляющиеся своею моральностью, являются людьми безнравственными, ибо нравственность вне блаженнотворящей церкви свободного человечества невозможна. Им нужно повторить то, что автор Апокалипсиса¹⁴ говорил современным ему соглашателям:

«Ведаю дела твои; ты не холоден и не горяч; о, если бы ты был холоден или горяч!»

«Но раз ты тепел, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих.»

«Ты говоришь; я богат, сыт и ни в чем не имею нужды, а не знаешь, что ты несчастен и жалок, нищ, слеп и наг.»

Но, скажут мне, не возвращаетесь ли Вы с Вашими абсолютно, вне друг друга находящимися крайностями к абстрактной точке зрения, давно преодоленной Шеллингом¹⁵ и Гегелем? Разве этот так высоко ценный Вами Гегель не сделал сам весьма важного замечания о том, что в чистом свете можно увидеть столь же мало, как и в абсолютной темноте, и что только конкретное единство обоих делает вообще возможным зрение? И разве великая заслуга Гегеля не состоит как раз в доказательстве того, что каждое живое существо лишь потому жизненно, что его отрицание находится не вне его, а в нем, как имманентное условие жизни, и что если бы оно было только положительно и имело отрицание вне себя, то оно было бы неподвижно и безжизненно? Все это, господа, я знаю прекрасно! Я согласен с вами, что, например, живой организм только потому и жизнен, что носит в себе зародыш своей смерти; но если вы хотите цитировать мне Гегеля, то цитируйте его полностью. Тогда вы увидите, что отрицание остается условием жизни данного организма лишь до тех пор, пока оно находится в нем, как определенный момент в его цельности, но что в известном пункте постепенное действие отрицания внезапно прекращается, так что последнее превращается в самостоятельный принцип, и этот момент есть смерть этого определенного организма, момент, который в философии Гегеля характеризуется как переход природы в качественно новый мир, свободный мир духа.

То же повторяется и в истории: принцип свободы в теории, к примеру, давал о себе знать еще в былом католическом мире с самого начала его существования; принцип этот был источником всех ересей, которыми так богат был католицизм. А без этого принципа католицизм был бы инертен, так что этот принцип был вместе с тем принципом его жизненности, но лишь до тех пор, пока он оставался просто элементом в цельности католицизма. Вот так-то постепенно и зарождался протестантизм; начало его относится к началу самого католицизма; но однажды эта постепенность оборвалась и принцип теоретической свободы возвысился до самостоятельного, независимого принципа. И только тут противоположение проявилось во всей чистоте, и вы, господа, вы, называющие себя протестантами, очень хорошо знаете, что ответил Лютер¹⁶ соглашателям его времени, когда они предложили ему свои услуги.

Вы видите, что мой взгляд на природу противоположения не только логически верен, но подтверждается и историческими фактами. Но я знаю, что вам никакими доказательствами не поможешь, потому что вы в своей безжизненности ни за какое другое дело не беретесь так охотно, как за переделку истории по-своему. Недаром вас прозвали сухими правщиками!

«Мы еще не разбиты, — быть может, ответят мне соглашатели, — всё, что Вы говорите о противоположении, — верно; только в одном мы с Вами согласиться не можем, а именно: в том, что в наше время дела обстоят так скверно, как Вы утверждаете; конечно, в настоящем есть много

противоположений, но они вовсе не так опасны, как Вы уверяете. Взгляните: везде спокойно, движение повсюду улеглось. Никто не помышляет о войне, и большинство народов и живущих ныне людей напрягают все свои силы, чтобы сохранить мир, ибо они хорошо знают, что материальные интересы, которые, по-видимому, стали теперь главным делом политики и общей культуры, без мира не получают удовлетворения. Сколько представлялось серьезных поводов к войне и к ниспровержению существующего порядка вещей, начиная со времени июльской революции и до наших дней! На протяжении этих 12 лет создавались такие запутанные положения, что трудно было ожидать их мирного разрешения; бывали такие моменты, когда всеобщая война была почти неизбежна и когда нам угрожали страшные бури, — и все же постепенно все трудности разрешились, все оставалось спокойным, и мир, по-видимому, навсегда снизошел на землю!»

Мир, говорите вы; и это вот называют миром! Я, напротив, утверждаю, что еще никогда противоположности не выступали в такой резкой форме, как сейчас, что вечное противоположение, остающееся всегда одним и тем же во все времена, только все более усиливается и развивается на протяжении истории; что противоположение свободы и несвободы в наше время, столь сходное с критическими периодами языческого мира, дошло и поднялось до своего последнего и высшего предела. Разве вы не читали на фронте воздвигнутого революцией храма свободы таинственных и страшных слов: *Liberte, Egalite и Fraternite*¹⁷ — и неужели вы не знаете и не чувствуете, что эти слова означают полное уничтожение существующего политического и социального строя? Разве вы ничего не слышали о бурях революции, и разве вы не знаете, что Наполеон¹⁸, этот мнимый укротитель демократизма, в качестве достойного сына революции распространил победоносною рукою ее нивелирующие принципы по всей Европе? Быть может, вы что-нибудь слышали о Канте¹⁹, Фихте²⁰, Шеллинге и Гегеле? Или же вы действительно ничего не знаете о философии, выдвинувшей в интеллектуальном мире тот же нивелирующий, революционный принцип, а также принцип автономии духа, и неужели вы не понимаете, что этот принцип находится в глубочайшем противоречии со всеми ныне существующими положительными религиями, со всеми современными церквями?

«Да, — ответите вы мне, — но ведь все эти противоречия отошли уже в области истории; революция в самой Франции побеждена мудрым правлением Луи-Филиппа²¹, а новейшая философия недавно превзойдена одним из ее величайших основоположников, самим Шеллингом. Противоречие ныне разрешено повсюду, во всех областях жизни». И вы действительно верите в это разрешение, в это преодоление революционного духа? Неужели вы слепы и глухи и не видите и не слышите того, что вокруг вас происходит? Нет, господа, революционный дух не побежден; он только снова ушел в себя, после того как его первое появление потрясло

весь мир в его основаниях; он только углубился в себя, дабы вскоре снова проявиться в качестве утверждающего, созидającego принципа и, если мне дозволено будет употребить здесь выражение Гегеля, роется теперь, как крот под землю; а что он трудится не напрасно, это вы можете увидеть по тем многочисленным обломкам, которыми покрыта наша религиозная, политическая и социальная почва. Вы говорите о разрешении, о примирении! Оглянитесь только вокруг и скажите мне, что осталось живого от старого католического и протестантского мира? Вы говорите о преодолении принципа отрицания! Неужели вы ничего не читали из *Штрауса*²², *Фейербаха*²³, *Бруно Бауэра*²⁴ и не знаете, что их сочинения есть у всех на руках? Разве вы не видите, что вся немецкая литература, книги, брошюры, газеты, даже сочинения позитивистов бессознательно и невольно проникнуты этим духом отрицания? И это вы называете примирением и спокойствием?!

Вы хорошо знаете, что человечество, следуя своему высокому назначению, может умиротвориться и успокоиться только на универсально-практическом принципе, принципе, который мощно охватывает тысячекратно различные проявления духовной жизни. Но где же этот принцип, господа? Ведь и вам в течение вашей иначе столь печальной жизни тоже приходится переживать живые, человеческие моменты, — моменты, когда вы отбрасываете мелочные побуждения своей повседневной жизни и тянетесь к истине, к великому, к святому. Ответьте же мне откровенно, положа руку на сердце, нашли ли вы где-нибудь что-либо живое? Нашли ли вы среди окружающих нас обломков тот страстно желанный мир, где вы могли бы целиком отречься от себя и вновь возродиться в этом великом союзе со всем человечеством? Не является ли этим миром протестантизм? Но он отдан во власть ужасающей анархии; на какие только разные секты он не распался! «Без великого всеобщего энтузиазма могут существовать только секты, но никак не общественное мнение», — говорит Шеллинг²⁵, а современный протестантский мир как небо от земли далек от того, чтобы быть проникнутым всеобщим энтузиазмом, это — самый трезвенный мир, какой только можно себе представить! Может быть, искомым миром является католицизм? Но где его бывшее величие? Разве не превратился он, некогда царивший над миром, в послушное орудие чуждой ему, безнравственной политики? Или, может быть, вы готовы успокоиться на современном государстве? Да уж действительно, хорошенькое это было бы успокоение! Государство охвачено сейчас глубочайшими внутренними противоречиями, так как государство невозможно без религии, без сильного общего всем настроения. Если вы хотите в этом убедиться, взгляните только на Англию и Францию; о Германии же и говорить нечего.

Загляните, наконец, в самих себя, господа, и скажите мне откровенно: довольны ли вы сами собою и можете ли вы быть собою довольны? Разве сами вы без исключения не представляете печальное и убогое явление

нашего печального и убогого времени? Разве вы не исполнены противоречий? Разве вы цельные люди? Верите ли вы действительно во что-нибудь? Знаете ли вы, чего вы желаете, и можете ли вы вообще желать? Разве современная рефлексия, эта чума нашего времени, оставила в вас хоть одно живое место и разве вы не проникнуты ею насквозь, не парализованы, не изломаны ею? В самом деле, господа, вы должны признать, что наше время — печальное время, а все мы — еще более печальные его дети!

Но, с другой стороны, вокруг нас появляются признаки, возвещающие нам, что дух, этот старый крот, уже почти закончил свою подземную работу и что скоро он явится вновь, чтобы вершить свой суд. Повсюду, особенно во Франции и в Англии, образуются социалистически-религиозные союзы, которые, оставаясь совершенно чуждыми современному политическому миру, почерпают свою жизнь из совершенно новых, нам неизвестных источников и развиваются и расширяются в тиши. Народ, бедный класс, составляющий, без сомнения, большинство человечества, класс, права которого уже признаны теоретически, но который до сих пор по своему происхождению и положению осужден на неимущее состояние, на невежество, а потому и на фактическое рабство, — этот класс, который, собственно, и есть настоящий народ, принимает везде угрожающую позу, начинает подсчитывать слабые по сравнению с ним ряды своих врагов и требовать практического приложения своих прав, уже всеми признанных за ним. Все народы и все люди исполнены каких-то предчувствий, и всякий, чьи жизненные органы еще не парализованы, смотрит с трепетным ожиданием навстречу приближающемуся будущему, которое произнесет слово освобождения. Даже в России, в этом беспредельном, покрытом снегами царстве, которое мы так мало знаем и которому, может быть, предстоит великая будущность, — даже в России собираются мрачные, предвещающие грозу тучи! О, воздух душен, он чреват бурями!

И потому мы зываем к нашим заблудшим братьям: покайтесь! покайтесь! царство божие близко!

Позитивистам мы говорим: «Откройте ваши духовные очи, предоставьте мертвецам погребать своих мертвых и убедитесь наконец, что духа вечно юного, вечно рождающегося нечего искать в обрушившихся развалинах!» А соглашателей мы увещеваем раскрыть свои сердца для истины и освободиться от своей убогой и слепой мудрости, отказаться от своего теоретического высокомерия и холопского страха, который сушит их души и парализует их движения.

Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно созидающий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!

*Жюль Элизар*²⁶

Коммунизм

Последний номер «Наблюдателя»²⁷ содержит статью или, вернее, начало статьи о коммунизме, которая очень приятно нас поразила. Она написана с таким достоинством и спокойствием, которые в «Наблюдателе» действительно изумляют.

1

Есть люди, которые утверждают, что такой тон в «Наблюдателе» всегда является плохим признаком, и мы признаемся, что очень часто разделяли этот мнение. Но на сей раз, как нам кажется, дело обстоит несколько иначе: по-видимому, «Наблюдатель» уразумел всю опасную серьезность коммунизма и решил теперь отказаться от своей обычной манеры, недостойной серьезного человека и серьезной души, и исследовать этот в высшей степени важный предмет с достоинством и добросовестностью.

Дальнейшее покажет нам, ошиблись ли мы. Однако известно, что ничто не действует столь деморализующим образом на человека, как сознание, что от него не ожидают ничего хорошего и благородного. И если «Наблюдатель» действительно хочет исправиться, то мы не хотим преждевременным заподозриванием его цели сделать для него эту задачу невыполнимой. Напротив, мы всеми находящимися в нашем распоряжении средствами будем стараться удержать его на этом более похвальном пути.

Во всяком случае, коммунизм представляет весьма важное и опасное явление, и этим очень многое сказано. Ибо опасным, действительно опасным может быть для общества явление лишь постольку, поскольку оно содержит в себе по крайней мере относительную истину и находит свое оправдание в самом состоянии общества. То, что является только случайным, не может быть опасным для благоустроенного государства, ибо все могущество и живая сила государства заключаются именно в том, что оно сохраняет себя и может сохранить себя от тысячи случайностей повседневности. Государство должно и может быть выше всяких бед, которые возникают из злонамеренности отдельных лиц. Для этого существует полиция, для этого существуют законы и суды, для этого существует вся организация государства. Вор и даже большая банда разбойников могут быть опасны для тех или иных отдельных лиц в государстве, но не для самого государства, покуда оно остается здоровым и хорошо устроенным организмом.

Совершенно иначе обстоит дело с явлением, которое имеет своим источником не произвол и злую волю отдельных личностей, а недостатки государственного организма, государственных учреждений, всего политического тела. По отношению к такому явлению государство имеет только два выхода: или воспринять в свой организм заключающееся в нем право и

постольку реформировать себя самого мирным путем, или же прибегнуть к силе. Но на этом втором пути каждое государство, наверное, пойдет к гибели, так как право, вошедшее в сознание, непреодолимо.

Вот те причины, по которым мы вместе с «Наблюдателем» считаем коммунизм весьма важным и в высшей степени опасным явлением. Во избежание недоразумений мы раз навсегда заявляем, что мы лично — не коммунисты и что у нас столь же мало охоты, как и у господ из «Наблюдателя», жить в обществе, устроенном по плану Вейтлинга²⁸. Это — не свободное общество, не действительно живое объединение свободных людей, а невыносимое принуждение, насилием сплоченное стадо животных, преследующих исключительно материальные цели и ничего не знающих о духовной стороне жизни и о доставляемых ею высоких наслаждениях. Мы даже не думаем, чтобы такое общение когда-либо могло быть создано, ибо мы настолько верны в снятую, более или менее сознательно присущую всем людям силу истины, что можем быть в этом отношении вполне спокойны.

Но, с другой стороны, мы вполне убеждены, что коммунизм в самом деле содержит элементы, которые мы считаем в высшей степени важными, даже более чем важными: в основе его лежат священнейшие права и гуманнейшие требования, и в них-то и заключается та великая, чудесная сила, которая поразительно действует на умы. Коммунисты сами не понимают этой незримо действующей силы. Но только в ней и только благодаря ей они представляют нечто, без нее же они — ничто. Только эта сила в короткое время сделала коммунистов из ничего чем-то сильным и грозным, ибо не следует скрывать от себя: коммунизм стал теперь мировым вопросом, который ни один государственный деятель не может *игнорировать*, а тем более *разрешать просто силой*.

2

По-видимому, «Наблюдатель» думает, что коммунизм является непосредственным результатом немецкой философии и радикализма и отличается от них обоих только тем, что имеет смелость и добросовестность высказывать открыто и ясно такие взгляды, которые этими последними или облекаются в непонятный философский жаргон, или совершенно замалчиваются.

Что касается мнимого замалчивания у философов и радикалов, то мы не думаем, чтобы «Наблюдатель» всерьез высказал это обвинение. Это было только шуткой с его стороны, ибо в действительности он сам, напротив, убежден и отлично знает, что вся сила радикалов заключается в публичности и что замалчивание есть необходимая участь так называемой консервативной партии, которая нуждается в народе только как в средстве и не видит в нем цели. Он отлично знает, что самоуправление народа составляет принцип, лежащий в основе всех взглядов радикалов, и что эти последние специально работали над улучшением школы и развитием народного образования, ибо были убеждены, что народ сможет

сам собою управлять лишь постольку, поскольку он является совершеннолетним и самостоятельным, и что только путем образования он может быть поднят до совершеннолетия и самостоятельности. Одним словом, «Наблюдатель» отлично знает, что главная цель радикалов есть освобождение народа от опеки знатных и богатых как таковых, и потому мы не будем больше тратить время на опровержение обвинения, которое, впрочем, как уже сказано, было простой шуткой.

Философия и радикализм имеют, правда, много общего с коммунизмом. Чтобы действительно понимать явление, конечно, недостаточно подчеркивать только ту сторону, которая является общою с другими явлениями. Необходимо также ознакомиться с его существенными отличиями, иначе мы неминуемо должны будем прийти к утверждению, что все оказывается одним, ибо нет ни единой вещи в физическом и духовном мире, которая не имела бы ничего общего со всеми другими вещами.

Во всяком случае, философия в очень многих пунктах соприкасается с коммунизмом. Да иначе и быть не могло. Жизнь и ход развития человечества являются не безразличным сборищем случайных событий, а необходимым и внутренне разумно организованным шествием единого духа, который целиком отражается в каждом отдельном проявлении своей внутренней сущности точно так же, как общая жизнеспособность и общая чувствительность человеческого организма коренятся в мельчайших частях его.

Поэтому современная философия необходимо должна иметь с коммунизмом очень много общего, так как оба они родились из духа нашего времени и представляют собой самые значительные его откровения. Какова цель философии? Познание истины. Но истина не есть нечто вполне абстрактное и воздушное, а потому она может и даже должна оказывать значительное влияние на общественные отношения, на организацию общества. Уже в Евангелии сказано: «Познают истину, и истина освободит их». В этих немногих словах высказано все стремление философии, а что это стремление не осталось бесплодным, об этом можно судить по новейшей истории и по истории французской революции. Еще незадолго до революции трудящаяся, лучшая часть французского народа находилась в самом печальном положении. Она не владела даже одной третьей частью земли, самый труд ее, единственное средство ее существования, был отягчен всевозможными препятствиями, и однако именно на эту часть населения ложилось все бремя государственных налогов, а сверх того она принуждена была платить особые подати в пользу духовенства и аристократии. Мы уже не говорим о других унижительных повинностях, возложенных на бедный народ. Суды были так устроены, что знатные всегда оказывались правыми против народа. Народ, одним словом, во всех отношениях угнетался знатью. А почему? Не потому, что он был слаб, боже упаси, народ никогда не бывает слаб, а потому, что он был невежествен и давал себя обманывать католическим попам, которые толковали ему, что король, дворянство и духовенство даны ему божьей милос-

стью и что народ должен служить им, склоняться перед ними и терпеть от них унижения, дабы получить за это царствие небесное. «Ты глуп, ты не способен правильно понимать нас, положишься поэтому на нас, мы будем тобою руководить» — так говорили попы народу, и бедный народ, в котором всегда скрыто так много веры и так много здравого смысла, действительно поверил, что он глуп, и подавлял в себе, как порождение дьявола, всякие сомнения, всякие освободительные мысли. Что освободило народ от этого духовного рабства? Философия. Философы прошедшего столетия во многом ошибались, немало святого и красивого они рассмотрели, но свое провиденциальное назначение, заключающееся в том, чтобы заставить народ почувствовать себя самого, привести его к сознанию своего достоинства и своих неизменных святых прав, — это назначение они верно выполнили. История судит всегда лучше и великодушнее, чем мелкие, слепые и потому злопыхательские партии, и по этой причине она, несомненно, сохранит их имена среди имен освободителей и лучших слуг человечества.

Вплоть до настоящего времени философия продолжает еще свою упорную борьбу, борьбу на жизнь и смерть, со всеми предрассудками, со всем тем, что мешало людям достигнуть их высокой святой цели, осуществления свободного и братского общества, осуществления царства божия на земле. Ей остается еще многое сделать, еще против многого бороться, чтобы сорвать покров лжи, который консервативные друзья народа в эгоистических интересах набрасывают на народ. Но она имеет мужество истины, и она победит и должна победить, так как истина, познание истины есть ее единственное оружие. Она сражается при свете, а ее враги — во мраке ночи. Ее враги пробуждают в народе грубые, темные страсти, демоническое, она же, наоборот, опирается только на богоподобную, светлую сторону человеческой природы, она апеллирует к высокой страсти свободы, любви и познания. А бог, истина, в конце концов, одержат же победу над тьмою.

Вот в чем пункт соприкосновения между философией и коммунизмом: оба стремятся к освобождению людей. Но здесь же начинается и их существенное расхождение. Философия по существу своему только *теоретична*, она движется и развивается только в рамках познания; коммунизм же в своей нынешней форме, наоборот, является только практическим. Этим указаны как преимущества, так и недостатки каждого из этих явлений по отношению к другому. Правда, мысль и дело, истина и нравственность, теория и практика составляют в последнем счете одно и то же, единую нераздельную сущность. Правда, величайшая заслуга новейшей философии и заключается в том, что она признала и познала это единство, но с этим познанием она дошла до своего предела, — предела, которого она как философия не может перешагнуть, ибо по ту сторону этого предела начинается более высокая сущность, чем она, — действительно, одушевленное любовью и вытекающее из божественной

сущности первобытного равенства *общение* свободных людей, посюстороннее осуществление того, что составляет божественную сущность христианства, истинный коммунизм.

3

«И для него (Вейтлинга), — говорит “Наблюдатель”, — как и для “Швейцарского республиканца”²⁹, всякое национальное чувство является глупостью, бессмыслицей. Существуют только люди, а не собственно народы, только граждане мира, а не *граждане государств*».

Опять мистификация! О, «Наблюдатель» — плут, правда христианский, но все-таки плут. Иногда он шутит так тонко, что его шутки можно принять за правду, но он слишком умен, чтобы действительно быть такого мнения о «Республиканце», и слишком нравствен, чтобы говорить всерьез то, чему он сам не может верить. Как, «Республиканец» объявляет всякое национальное чувство глупостью и бессмыслицей? Разве «Наблюдатель» не знает, что «Республиканец» всегда считал возмутительной, позорной государственной изменой, если кто-либо ради победы своих собственных политических взглядов, верны ли эти взгляды или неверны, станет способствовать вмешательству иностранцев в дела своего отечества? Самостоятельность и гордая независимость Швейцарии по отношению ко всем влияниям иностранных правительств — разве это не было постоянной целью «Республиканца» и разве он это недостаточно доказал своим поведением, например, в деле Совета, в осложнениях с Луи Бонапартом³⁰ и в деле Гервега?³¹

В том, что Вейтлинг игнорирует значение национальности, мы его упрекать не станем: это — ошибка, но необходимая ошибка, неизбежная ступень в развитии коммунизма. Всякое великое историческое явление, даже христианство, остается вначале односторонним, только отрицанием существующего. Так, христианство вначале, безусловно, отрицало искусство, потому что искусство было тогда нераздельно связано с язычеством. Но впоследствии оно снова признало искусство, как возрожденное из христианского начала. И таким образом возникло христианское искусство. Точно так же обстоит дело и с коммунизмом. Сейчас он отрицает всякую национальность не потому, что принцип национальности по самому существу был плох. Об этом коммунизм пока еще ничего не знает, потому что он вообще теоретически, научно еще очень малоразвит, потому что он еще далек от того, чтобы уразуметь свой собственный принцип во всей его истинности и во всей полноте вытекающих из него выводов. Но коммунизм отрицает все национальности потому, что в своем нынешнем виде они не проводят своего принципа и вместо того, чтобы быть живыми и свободными носителями и органами единого человечества, черство и эгоистически восстают против того божественного единства, в котором они только и могут достигнуть своего истинного значения.

Надо остерегаться смешения космополитизма коммунистов с космополитизмом прошлого столетия. Теоретический космополитизм³² прошлого века был холодным, индифферентным, рефлексивным, без почвы и страсти. Он был мертвой и бесплодной абстракцией, теоретическим построением, лишенным хотя бы малейшей искры продуктивного, творческого огня. Против этой безжизненной и бездушной тени демоническая отрицательная стихия национальности была, безусловно, права и действительно одержала над ним полную победу.

Напротив, коммунизм нельзя упрекнуть в недостатке страсти и огня. Коммунизм — не фантом, не тень. В нем скрыты тепло и жар, которые с громадной силой рвутся к свету, пламень которого уже нельзя затушить и взрыв которого может стать опасным и даже ужасным, если привилегированный образованный класс не облегчит ему любовью и жертвами и полным признанием его всемирно-исторической миссии этот переход к свету. Коммунизм — не безжизненная тень. Он произошел из народа, а из народа никогда не может родиться тень. Народ — а под народом я понимаю большинство, широчайшую массу бедных и угнетенных, — народ, говорю я, всегда был единственной творческою почвою, из которой только и произошли все великие деяния истории, все освободительные революции. Кто чужд народу, того все дела заранее поражены проклятием. Творить, действительно творить можно только при действительном электрическом соприкосновении с народом. Христос и Лютер вышли из *простого* народа, и если, герои французской революции могучей рукой заложили первый фундамент будущего храма свободы и равенства, то это удалось им только потому, что они возродились в бурном океане народной жизни.

Таким образом, протест коммунизма против принципа национальности гораздо важнее и значительнее протеста просвещенных космополитов прошлого века. Коммунизм исходит не из теории, а из практического инстинкта, из народного инстинкта, а последний никогда не ошибается. Его протест есть могучий вердикт человечества, святое и единоспасующее единство которого до сих пор еще нарушается узким эгоизмом наций.

Или, быть может, «Наблюдатель» не желает ничего знать о человечестве? Разве для него идея человечества действительно бессмыслица, пустое слово? Это было бы странно! Ведь он не только «Наблюдатель», но и христианский «Наблюдатель», а как таковой он должен был бы хорошо знать, что подчеркивание идеи человечества перед лицом обособленных и строго замкнутых в себе наций языческой эпохи было одним из величайших дел христианства.

Все люди, все без исключения, — братья, учит Евангелие, и только тогда, когда они любят друг друга, в них присутствует незримый бог, искупительная и освобождающая истина, присовокупляет к этому Иоанн³³. Следовательно, отдельный человек, как бы высоки и нравственны ни были его побуждения, не может причаститься истине, если он не живет в

обществе. Не в отдельном лице, а только в общении присутствует бог, и, таким образом, добродетель отдельной личности, живая, плодотворная добродетель, возможна только путем святого и чудотворного союза любви, только в общении. Вне общения человек — ничто, в общении — всё. И когда Библия говорит об общении, то она меньше всего понимает под этим отдельные, узко замыкающиеся в себе общины или нации. О национальных различиях первобытное христианство ничего не знает, а проповедуемое им общение есть общение всех людей человечества.

Таким образом, Вейтлинг вполне верен первобытному христианству, когда во имя единого и неделимого человечества отвергает разъединяющий принцип национальности. Христианство также выступало вначале односторонне как отрицание, как разрушение всех национальных различий. Впоследствии внутри христианского мира снова образовалось разумное различие. Но до тех пор, пока христианство сохраняло еще свою мощь, оно в отдельные великие исторические моменты было также в состоянии снова устранять обособление наций и объединять их все в одной великой общей цели. Лучшим доказательством этому могут служить крестовые походы.

Теперь власть христианства над государством исчезла. Современные государства, правда, еще называют себя христианскими, но они уже таковыми не являются. Христианство служит для них только средством, а не источником и целью их существования. Они живут и действуют на началах, которые совершенно противоположны христианству. А то, что они еще называют себя христианскими, есть лицемерие, более или менее сознательное лицемерие. В дальнейшем изложении мы надеемся доказать это ясно и неопровержимо. Мы исследуем важнейшие стороны современной государственной жизни и покажем, что христианство оказывается здесь только слабой тенью и что только нехристианское здесь действительно.

Но с тех пор как христианство перестало быть связующим и одухотворяющим европейские государства цементом, что же еще связывает их, что сохраняет в них святыню согласия и любви, которые были возведены им христианством? Святой дух свободы и равенства, дух чистой человечности, в громе и молнии открывшиеся людям во время французской революции и, подобно семенам новой жизни, разнесенные повсюду посредством революционных войн. Французская революция есть начало новой жизни. Многие так слепы, что думают, будто побороли и укротили ее мощный дух. Жалкие люди, как ужасно будет их пробуждение! Нет, революционная драма еще не закончена. Мы родились под революционной звездой, мы живем и все без исключения умрем под ее влиянием. Мы находимся накануне великого всемирно-исторического переворота, мы — накануне новой борьбы, тем более опасной, что она будет носить не просто политический, но и принципиальный религиозный характер. Не следует предаваться иллюзиям: речь будет идти не меньше чем о но-

вой религии, о религии демократии, которая под старым знаменем с надписью «Свобода, равенство и братство»³⁴ начнет свою новую борьбу, борьбу на жизнь и смерть.

Вот дух, породивший коммунизм. Этот дух ныне невидимо сплачивает воедино все народы без различия национальности. Этому духу, блестящему преемнику христианства, противятся ныне так наз[ываемые] христианские правительства и все монархические правители и владыки, ибо они прекрасно знают, что их мнимое христианство, их корыстные дела не в состоянии будут вынести его пламенного взора. И что они делают, какие средства они употребляют, чтобы помешать его победе? Они стараются развить в народе национальное чувство за счет человечности и любви, они, христианские правительства, пропагандируют ненависть и убийство во имя национальности!

Против них Вейтлинг и коммунисты, несомненно, правы, ибо по принципам самого христианства должно быть уничтожено все, что противится духу любви³⁵.

Речь, произнесенная 29 ноября 1847 г. в Париже на банкете в годовщину польского восстания 1830 г.

Господа,

Настоящая минута для меня очень торжественна. Я русский и прихожу в это многочисленное собрание, которое сошлось, чтоб праздновать годовщину польского восстания, и которого одно присутствие здесь есть уже род вызова, угроза и как бы проклятие, брошенное в лицо всем притеснителям Польши; — я прихожу в него, господа, одушевленный глубокою любовью и непоколебимым уважением к моему отечеству.

Мне не безызвестно, насколько Россия не популярна в Европе. Поляки смотрят на нее, не без основания, быть может, как на одну из главных причин их несчастья. Люди независимые в других странах видят в столь быстром развитии ее могущества опасность, постоянно растущую, для свободы народов. Повсюду имя русского является синонимом грубого угнетения и позорного рабства. Русский, во мнении Европы, есть не что иное, как гнусное орудие завоевания в руках ненавистнейшего и опаснейшего деспотизма.

Господа, — не для того чтоб оправдывать Россию от преступлений, в которых ее обвиняют, не для того чтоб отрицать истину, взошел я на эту

трибуну. Я не хочу пробовать невозможное. Истина становится более, чем когда-либо, нужною для моего отечества.

Итак, да — мы еще народ рабский! У нас нет свободы, нет достоинства человеческого. Мы живем под отвратительным деспотизмом, необузданном в его капризах, неограниченном в действии. У нас нет никаких прав, никакого суда, никакой апелляции против произвола; мы не имеем ничего, что составляет достоинство и гордость народов. Нельзя вообразить положение более несчастное и более унижительное.

Извне наше положение не менее плачевно. Будучи пассивными исполнителями мысли, которая для нас чужая, воли, которая также противна нашим интересам, как и нашей чести, мы страшны, ненавидимы, я хотел даже сказать, почти презираемы, потому что на нас повсюду смотрят как на врагов цивилизации и человечества. Наши повелители пользуются нашими руками, для того чтоб сковать мир, чтоб поработить народы, и всякий успех их есть новый позор, прибавленный к нашей истории.

Не говоря о Польше, где с 1772 и особенно с 1831 г.³⁶ мы позорим себя каждый день жестокими насилиями, гнусностями, которым нет имени, — какую только несчастную роль не заставляли нас играть в Германии, в Италии, в Испании, даже во Франции, повсюду, куда наше вредоносное влияние могло только проникнуть!

После 1815 г.³⁷ было ли хоть одно благородное дело, которое бы мы не подавляли, хоть одно дурное дело, которое бы мы не поддерживали, хоть одна великая несправедливость политическая, в которой мы бы не были подстрекателями или соучастниками? — Вследствие фатальности, поистине плачевной, и губительной прежде всего для самой России, эта Россия, с самого начала ее поднятия до чина первостепенного государства, стала поощрением к преступлению и угрозою всем святым интересам человечества. Благодаря этой ненавистной политике наших государей, русский, в официальном смысле слова, значит раб и палач!

Вы видите, господа, — я вполне сознаю свое положение; и все таки я являюсь здесь, как русский, — не несмотря на то, что я русский, но потому что я — русский. Я прихожу с глубоким чувством ответственности, которая тяготеет на мне, равно как и на всех других личностях из моего отечества, так как честь личная нераздельна от чести национальной: без этой ответственности, без этого внутреннего союза между нациями и их правительствами, между личностями и нациями, не было бы ни отечества, ни нации. (Аплодисменты).

Этой ответственности, этой солидарности в преступлении никогда, господа, я не чувствовал так больно, как в эту минуту; потому, что годовщина, которую вы сегодня празднуете, господа, для вас — великое воспоминание, воспоминание святого восстания и геройской борьбы, воспоминание об одной из прекраснейших эпох вашей национальной жизни. (Продолжительные аплодисменты). Вы все присутствовали при этом великолепном возбуждении народном, вы принимали участие в этой

борьбе, вы были в ней деятелями и героями. В этой святой войне, казалось, развили, распространили, истожили все, что великая душа польская содержит в себе энтузиазма! Подавленные численною силою вы, наконец, упали. Но воспоминание об этой эпохе, на веки памятной, осталось записанным пламенными буквами в ваших сердцах; но вы все вышли возрожденные из этой войны: возрожденные и сильные, закаленные против искушений несчастья, против печалей изгнания, полные гордости за ваше прошлое, полные веры в ваше будущее!

Годовщина 29 Ноября³⁸, господа, для вас не только великое воспоминание, но еще и залог будущего освобождения, будущего возврата вашего в ваше отечество. (Аплод.).

Для меня, как для русского, это годовщина позора; да, — великого позора национального! Я говорю это громко: война 1831 г.³⁹ была с нашей стороны войной безумной, преступной, братоубийственной. Это было не только несправедливое нападение на соседний народ, это было чудовищное покушение на свободу брата. Это было более, господа: со стороны моего отечества это было политическое самоубийство. (Аплод.). Эта война была предпринята в интересе деспотизма и никоим образом не в интересе нации русской, — ибо эти два интереса абсолютно противоположны. Освобождение Польши было бы нашим спасением; если бы вы стали свободны, мы бы стали также; вы не могли бы ниспровергнуть пут царя польского, не поколебав трона императора России... (Аплод.). Мы дети одной породы, и наши судьбы нераздельны, наше дело должно быть общим. (Аплод.).

Вы это хорошо поняли, когда вы написали на ваших революционных знаменах эти русские слова: «за нашу и за вашу вольность». Вы это хорошо поняли, когда, в самый критический момент борьбы, вся Варшава собралась в один день, под влиянием великой братской мысли отдать честь публично и торжественно нашим героям нашим мученикам 1825 г., Пестелю⁴⁰, Рылеву⁴¹, Муравьеву-Апостолу⁴², Бестужеву-Рюмину⁴³ и Каховскому⁴⁴ (Аплод.), повешенным в Петербурге, за то что они были первые граждане России!

Ах, господа, вы ничем не пренебрегали, чтоб убедить нас в вашем симпатическом расположении, чтоб тронуть наши сердца, чтоб вытянуть нас из нашего фатального ослепления. Напрасные попытки! Потерянный труд! Солдаты царя, глухие к вашему призыву, не видя, не понимая ничего, мы пошли против вас — и преступление совершено! Господа, из всех утеснителей, из всех врагов вашей страны, наиболее заслужили ваши проклятия и вашу ненависть — мы.

И однако ж я являюсь перед вами не только как русский кающийся. Я осмеливаюсь провозгласить в вашем присутствии мою любовь и мое почтение к моему отечеству. Я осмеливаюсь еще больше, господа, осмеливаюсь пригласить вас на союз с Россией.

Я должен объясниться.

Около года тому назад — я думаю, после убийств в Галиции⁴⁵, — польский дворянин, в очень красноречивом и сделавшимся известным письме, адресованном к князю Меттерниху⁴⁶, делал вам страшное предложение. Увлеченный, без сомнения, ненавистью, впрочем совершенно законною, против австрийцев, он предлагал вам ни более, ни менее, как подчиниться царю, отдаться ему телом и душою, вполне, без условий и оговорок; он вам советовал захотеть добровольно то, чему вы до тех пор подчинялись, и обещал вам в вознаграждение за это, что лишь только вы перестанете позировать как рабы, ваш господин против своей воли, станет вашим братом. Вашим братом господа, слышите ли вы? — император Николай⁴⁷ вашим братом! (Нет, нет! Живое движение).

Угнетателя, врага самого ожесточенного, врага личного Польши, палача стольких жертв (браво!...), похитителя вашей свободы, того, кто вас преследует с такою адскою настойчивостью, столько же по ненависти и инстинкту, как и из политики, — вы приняли б за брата? (Нет! нет!).

Всякий из вас предпочел бы погибнуть (Да!...) я это хорошо знал; всякий из вас предпочел бы видеть погибель Польши, чем согласиться на такой чудовищный союз. (Удвоенные браво). Но допустите на мгновение это невозможное предположение. Знаете ли, какое было бы самое верное средство для вас нанести вред России? Это было бы подчиниться царю. Он нашел бы в этом освящение для своей политики и такую силу, которую отныне ничто бы не могло остановить. Горе нам было бы, если б эта антинациональная политика воспребладала над всеми препятствиями, которые еще противятся ее полному осуществлению! И первое, самое большое препятствие, это бесспорно Польша, это отчаянное сопротивление этого геройского народа, который спасает нас, борясь с нами. (Шумные аплодисменты).

Да, — потому что вы враги императора Николая, враги России официальной, вы натурально, даже того не желая, друзья народа русского. (Аплод.).

Я знаю, в Европе вообще думают, что мы с нашим правительством составляем нераздельное целое, что мы чувствуем себя очень счастливыми под управлением Николая, что он и его система, притеснительная внутри, и наступательная вне, прекрасно выражают наш национальный дух.

Все это неправда.

Нет, господа, народ русский не чувствует себя счастливым! Я говорю это с радостью, с гордостью. Потому что, если бы счастье было возможно для него в той мерзости, в которую он погружен, это был бы самый подлый, самый гнусный народ в мире. Нами тоже управляет иностранная рука, монарх происхождения немецкого, который не поймет никогда ни нужд, ни характера русского народа, и правление которого, странная смесь монгольской грубости и прусского педантизма, совершенно исключает национальный элемент. Таким образом, лишенные политических прав, мы не имеем даже той свободы натуральной, — патриархаль-

ной, так сказать, — которую пользуются народы наименее цивилизованные и которая позволяет, по крайней мере, человеку отдохнуть сердцем в родной среде и отдаться вполне инстинктам своего племени. Мы не имеем ничего этого; никакой жест натуральный, никакое свободное движение нам не дозволено. Нам почти запрещено жить, потому что всякая жизнь предполагает известную независимость, а мы только бездушные колеса в этой чудовищной машине притеснения и завоевания, которую называют русской империей. Но, господа, — предположите, что у машины есть душа и, быть может, вы тогда составите себе понятие об огромности наших страданий. Мы не избавлены ни от какого стыда, ни от какой муки и мы имеем все несчастья Польши без ее чести.

Без ее чести, сказал я, — и я настаиваю на этом выражении для всего, что есть правительственного, официального, политического в России.

Нация слабая, истощенная, могла бы нуждаться во лжи, для поддержания жалких остатков существования, которое угасает. Но Россия не в таком положении, слава богу! Природа этого народа попорчена только на поверхности: сильная, могучая и молодая, — ей только надо опрокинуть препятствие, которым смеют ее окружать, — чтоб показаться во всей первобытной красоте, чтоб развить все свои неведомые сокровища, чтоб показать наконец всему свету, что русский народ имеет право на существование не во имя грубой силы, как думают обыкновенно, но во имя всего, что есть наиболее благородного, наиболее священного в жизни народов во имя человечности, во имя свободы.

Господа, Россия не только несчастна, но и недовольна, — терпение ее готово истощиться. Знаете ли вы, что говорится на ухо даже при дворе в Петербурге? Знаете ли, что думают приближенные, фавориты, даже министры и литераторы? Что царствование Николая похоже на царствование Людовика XV⁴⁸. Все предчувствуют грозу, — грозу близкую, ужасную, которая пугает многих, но которую нация призывает с радостью. (Шумные аплод.).

Внутренние дела страны идут ужасно дурно. Это полная анархия со всеми видимостями порядка. Под внешностью иерархического формализма, крайне строгого, скрываются отвратительные раны; наша администрация, наша юстиция, наши финансы — все это одна ложь: ложь, чтоб обмануть заграничное мнение, ложь, чтоб усыпить чувство безопасности и сознание императора, который поддается ей тем охотнее, что действительное положение дел его пугает. Это, наконец, организация на большую руку, организация, так сказать, обдуманная и ученая, несправедливая, варварства и грабежа, — потому что все слуги царя, начиная от тех, которые занимают наивысшие должности и оканчивая самыми мелкими уездными чиновниками, разоряют, обкрадывают страну, совершают несправедливости самые вопиющие, самые отвратительные насилия, без малейшего стыда, без малейшего страха, публично, среди белого дня, с нахальством и грубостью беспримерными, не давая себе даже труда

скрывать свои преступления перед негодованием публики, настолько они уверены в своей безнаказанности.

Император Николай принимает иногда вид, будто он хочет остановить рост этой страшной испорченности, но как может он устранить зло, которого главная причина в нем самом, в самой основе его правительства, — и вот где тайна его глубокого бессилия к добру. Потому что правительство, которое кажется таким импозантным извне, внутри страны бессильно: ничто ему не удастся, все преобразования, которые оно предпринимает тотчас же обращаются в ничто. Имея опорой своей только две самые гнусные страсти человеческого сердца: продажность и страх, действуя вне всех национальных инстинктов, вне всех интересов всех полезных сил страны, правительство России ослабляет себя каждый день своим собственным действием и расстраивает себя страшным образом. Оно волнуется, кидается с места на место, переменяет ежеминутно проекты и идеи, оно предпринимает сразу многое, но не осуществляет ничего. У него есть одна только сила — вредить, и ею оно пользуется широко, как будто оно хотело само ускорить минуту своей гибели. Чуждое и враждебное стране, посреди самой этой страны, оно отмечено для будущего падения.

Враги его повсюду: во-первых, эта страшная масса крестьян, которые не ждут более от императора своего освобождения и бунты которых с каждым днем умножаются, показывают, что они устали ждать; далее, — класс промежуточный, очень многочисленный и состоящий из элементов очень различных, класс беспокойный, буйственный, который бросится со страстью в первое революционное движение.

Наконец и особенно, — это бесчисленная армия, которая покрывает все пространство империи. Николай смотрит, правда, на своих солдат, как на своих лучших друзей, как на самую твердую опору трона: но это странная иллюзия, которая не преминет сделаться для него гибельною. Как! Опора трона, эти люди, вышедшие из рядов народа, так глубоко несчастного, люди, которых отрывают грубо от их семейств, которых ловят, как диких зверей, по лесам, где они прячутся, часто изуродовавши сами себя, чтоб избавиться от рекрутства⁴⁹, — которых ведут закованными в полки их, где они приговорены в течение 20 лет, т. е. всю жизнь человека, к одному существованию, где их бьют каждый день, угнетают ежедневно новыми тяжкими работами и где они постоянно умирают с голода! Чем были бы они, великий боже! эти русские солдаты, если бы, посреди таких пыток они могли любить ту руку, которая их мучит! Верьте мне, господа, наши солдаты самые опасные враги теперешнего порядка вещей, — особенно гвардейские, которые, видя зло у источника его, не могут обманываться на счет единственной причины всех их страданий. Наши солдаты — это сам народ, но еще более недовольный, это народ совершенно разочарованный, вооруженный, привыкший к дисциплине и к общему действию. Хотите ли доказательства? Во всех последних бунтах крестьянских отпускные солдаты играли главную

роль. Чтоб окончить этот обзор врагов правительства в России, я должен, наконец, сказать, господа, что в дворянской молодежи есть много людей образованных, великодушных патриотов, которые краснеют от стыда и ужаса нашего положения, которые оскорбляются чувствовать себя рабами, которые все питают против императора и его правительства неугасимую ненависть. Ах, верьте мне право, элементов революционных достаточно в России! Она оживляется, она волнуется, она считает свои силы, она узнает себя, сосредоточивается, — и минута не далека, когда буря, великая буря, наше общее спасение, поднимется! (Продолжительные аплод.).

Господа, — я вам предлагаю союз от имени этого нового общества, этой настоящей нации русской! (Аплодисменты).

Мысль о революционном союзе между Польшей и Россией не нова. Она уже зародилась, как вы знаете, между заговорщиками обеих стран в 1824 г.⁵⁰

Господа, воспоминание, которое я назвал сейчас, наполняют мою душу гордостью. Русские заговорщики первые тогда переступили через пропасть, которая, казалось, нас разделяла. Слушаясь только своего патриотизма, не обращая внимания на предубеждения, которыми вы были естественно одушевлены против всего, что носило имя русское, они обратились к вам первые, без недоверия, без задней мысли; они предложили вам общее действие против нашего общего врага, против нашего единственного врага. (Аплод.)

Вы простите мне, господа, эту минуту невольной гордости. Русский, который любит свое отечество, не может холодно говорить об этих людях; они наша самая чистая слава — и я счастлив, что могу провозгласить это посреди этого большого и благородного собрания, посреди этого польского собрания (аплод.) — они наши святые, наши герои, мученики нашей свободы, пророки нашего будущего. (Аплод.). С высоты своих виселиц, из глубины Сибири, где они стонут до сих пор, они были нашим спасением, нашим светом, источником всех наших добрых вдохновений, нашу охрану против проклятых влияний деспотизма, нашим доказательством перед вами и перед всем миром, что Россия содержит в себе все элементы свободы и истинного величия! Стыд, стыд тому из нас, кто не признает этого! (Шумные аплод.).

Господа, — призывая их великие имена, опираясь на их могучий авторитет, я являюсь перед вами, как брат, — и вы меня не оттолкнете. (Нет! нет!)

Я не уполномочен формально говорить вам так; но без малейшей суетной претензии я чувствую, что в эту торжественную минуту моими устами говорит вам сама русская нация. (Аплод.). Я не единственный в России, который любит Польшу и который питает к ней чувство горячего удивления, страстную горячность, глубокое чувство, смешанное с покаянием и надеждой, которое я никогда не смогу вам передать. Друзья, известные и неизвестные, которые разделяют мои симпатии, мои мнения, многочисленны (аплод.), и мне было бы легко доказать это вам, называя вам факты и имена, если бы я не боялся бесполезно скомпрометировать многие лица.

От имени их, господа, от имени всего, что есть живого и благородного в моей стране, протягиваю я вам братскую руку. (Живые аплод.). Прикованные друг к другу судьбою фатальною, неизбежною, долгою и драматическою историей, печальные последствия которой мы теперь терпим, наши страны долго взаимно ненавидели одна другую. Но час примирения пробил: пора уже нашим разногласиям окончиться. (Аплод.).

Наши преступления перед вами велики! Вам надо много простить нас! Но наше раскаяние не менее велико, и мы чувствуем в себе силу доброй воли, которая сумеет исправить все зло нами нанесенное, и заставить вас забыть прошлое. Тогда наша вражда заменится любовью, любовью тем более пламенною, чем больше наша вражда была неугасимою. (Живое согласие).

Пока мы оставались разделенными, мы взаимно парализовали друг друга. Ничто не сможет противиться нашему общему действию.

Примирение России и Польши — дело огромное и достойное того, чтоб ему отдаться всецело. Это — увольнение 60-ти миллионов душ, это освобождение всех славянских народов, которые стонут под игом иностранным, это, наконец, падение, окончательное падение деспотизма в Европе (Аплод.).

Да наступит же великий день примирения, — день, когда русские, соединенные с вами одинаковыми чувствами, сражаясь за ту же цель и против общего врага, получают право запеть вместе с вами национальную песню польскую, гимн славянской свободы: «Jeszcze Polska nie zginęła!»⁵¹

Манифест съезда славянского к народам европейским

Съезд славянский в Праге есть явление новое, как в Европе, так и между самими славянами. Первый раз, с тех пор как мы стали известны в истории, сошлись мы, разделенные члены великого народного племени в большом числе из далеких краев, чтобы, познавши друг друга, как братья, обсудить спокойно свои общественные дела. И мы поняли друг друга не только нашим прекрасным языком, которым говорят 80 миллионов, но и созвучным биением сердец наших и одинаковых душевных наших стремлений. Правда и прямота, которые вели к нашему единению, привели нас к тому, чтобы мы также перед богом и светом высказали, чего мы хотели и какими принципами руководились в этом нашем единении.

Народы романские и германские, некогда славные в Европе, как могучие завоеватели, не только обеспечили себя силой меча свою политическую независимость, но умели также всячески удовлетворять свои стремления к господству. Политическое умение их основывалось главным образом на праве сильного, имело в виду свободу только высших классов, правило посредством привилегий, а народу давало только одни обязанности. Теперь, в новейшее время, удалось силе общественного мнения, расширяющегося, как дух божий во всех землях, поколебать все оковы феодализма и возратить личностям всюду неотъемлемые, вечные права человека и человечности. Напротив, у славян, у которых свобода искони была любима тем горячее, чем меньше у них проявлялась тяга к господству и завоеванию, между тем как стремление к независимости всегда препятствовало образованию какой-нибудь высшей средней государственной силы, с течением времени одно племя за другим попадало в зависимость от чужих. Путем политики, которая давно уже осуждена по заслугам перед очами всего света, лишен был наконец и рыцарский народ польский, наши благородные братья, своего государственного существования. Целый великий свет славянский, казалось, очутился всюду в порабощении, которого добровольные слуги не упустили отрицать у славян даже и способность к свободе. Однако же, это нелицеприятное мнение, наконец, падает перед словом божьим, которое говорит к сердцу каждого в огромных переворотах настоящего времени: дух, наконец, дошел до победы; волшебство старой клятвы сломано; тысячелетнее здание, которое строило и защищала суровая сила, вместе с хитростью и помрачением умов, рассыпается перед глазами нашими в прах; свежий дух жизни, веющий по широким нивам творит новые миры; слово свободное, действие свободное стали, наконец, действительностью. Теперь поднял голову и долго притесненный славянин, он сбрасывает с себя насилие и требует могучим криком своего старого наследия — свободы. Сильный числом, еще сильнейший своею волею и новоприобретенным единодушием своих племен, он, тем не менее, остается верен природным свойствам и принципам своих отцов: не желает ни господства, ни завоевания, но желает свободы как для себя, так и для каждого, желает целиком, безусловно, чтобы она была признана за наисвятейшее право человека. Поэтому мы, славяне, отрицаем и ненавидим всякое господство грубой силы, которая идет наперекор законам; отрицаем всякие привилегии и преимущества, как и всякие политические разделения государств, — желаем безусловно равенства перед законом и равной меры прав и обязанностей для каждого; где среди миллионов родится хоть один порабощенный, там еще настоящей свободы не знают. Да, *свобода, равенство и братство* всех живущих есть наш девиз, как тысячу лет назад, так и теперь!

Однако же мы поднимаем голос свой и излагаем наши требования не только в пользу отдельных личностей в государстве. Не менее, чем человек с его природным правом, свят нам и *народ* с суммою его душевных

благ. Жизнь и история присудила некоторым народам более совершенное человеческое развитие перед другими, но при этом все-таки указывает, что стремление к развитию этих последних никогда не может быть ограничено. Природа, не зная народов благородных и неблагородных по существу, не призвала никакой народ к господству над другим и не предназначила никакой народ к тому, чтобы он служил другому средством для его собственных целей; равное право всех на благороднейшую человечность есть закон божий, которого никто не смеет преступить без наказания. Грешно поэтому, если этот закон у самых цивилизованных народов еще не признан и не соблюдается, как следовало. То, от чего отреклись добровольно по отношению к отдельным лицам, а именно владычество и опекуновство, — то еще присваивается везде по отношению к отдельным народам; претендуют на господство во имя свободы, не умея делить ее в общем пользовании. Так, свободный британец отказывается признать ирландца вполне ему равноправным, так немец грозит насилем многим племенам славянским, если те не захотят помогать сооружению величия Германии, так мадьяр не стыдится присваивать лишь себе право национальной самостоятельности в Венгрии. Мы, славяне, просто презираем все такие претензии, и отвергаем их тем решительнее, чем несправедливей они прикрываются движением свободы. Однако, верные своим природным особенностям и не допуская в себе мести за прежние неправды, мы подаем братскую руку всем соседним народам, которые готовы наравне с нами признавать, а если нужно, то и защищать полную равноправность всех народностей, без различия их политической силы и величины⁵².

[Подобным образом порицаем и презираем ту политику, которая позволяет поступать с землями и народами, как с материалом, подчиненным государственной силе, брать, менять и делить их, по произволу, без внимания к племени, языку, правам и наклонностям народов, их природной связи, их прав на самостоятельность. Суровая сила меча решала одну судьбу подавленных народов, от которых не требовалось ничего другого, кроме войска и денег к обеспечению насилия и наружной лести к насильнику.]

Основываясь на убеждении, что могучее духовное движение теперешнего времени требует и нового политического устройства государств, если не в новых границах, то на новых основах, мы предложили императору австрийскому, под которого конституционною властью живет большая часть из нас, чтобы империя его превратилась в союз равноправных народов, на отдельные потребности которых столько же должно обращать внимания, как и на единство государства. Мы видим в таком союзе спасение не только нас самих, но и для свободы, просвещения и гуманности вообще и верим в сочувствие Европы к осуществлению его. В всяком случае мы решили добиться в Австрии всеми доступными нам способами признания за нашими потребностями таких же прав в государстве,

какими уже пользуются народы немецкий и мадьярский, полагаясь при этом на крепкую поддержку, которая найдется для нас в каждом действительно свободном сердце.

[Неприятелям наших народностей удалось напугать Европу пугалом политического панславизма, которым будто бы грозит гибелью всему, что приобретено для свободы, просвещения и гуманности. Но мы знаем то волшебное слово, которого одного достаточно, чтобы заковать это пугало: слово это — *справедливость*.]⁵³

ОСНОВЫ НОВОЙ СЛАВЯНСКОЙ ПОЛИТИКИ

После того как славяне пережили времена рабства, тяжелой борьбы и жалоб, которые были последствием их разделения, соединяются они теперь в первый раз на общем съезде и подают взаимно руки в знак братского единения, заявляют они перед богом и народами, что следующие основные положения составляют основы их новой политической жизни:

1) Как последние пришельцы в развитии европейского образования, опытные и способные, чувствуют они себя призванными к осуществлению того, что другие народы Европы приготовили через развитие, то есть к осуществлению того, что теперь считается за конечную цель всякой гуманности, особенно величия, свободы и счастья всех, принимающих участие в святом и братском единении, как отдельных личностей, так и народов.

2) Очень долгое время они были жертвою чуждого притеснения, видели очень хорошо печальные того последствия: упадок родных (национальных) нравов и дисгармонию в обществе, которая выходит из притеснения не только для притесненных, но также и особенно для притеснителей; кроме того, они слишком возненавидели чуждое иго, чтобы когда-нибудь пожелать наложить свое иго на чужие народы. Уважение и любовь к свободе других есть в их глазах первое условие собственной свободы.

3) Кроме того, они слишком долго были жертвою хитрости и насилия, чтобы начать черпать новую жизнь и новую силу в чем-либо другом, кроме как в чистой и святой истине, в чистой свободе, в чистой справедливости без всякого ограничения, без всякой задней коварной мысли; поэтому они устраняют столько же во внутренней, сколько и во внешней

политике дипломатию и ее соображения, все что искусственно и что могло бы иметь целью какую бы то ни было центральную власть насчет свободы, будь то индивидуума, будь то народов. Новая политика славянских народов будет не государственная политика, а политика народов, политика независимых свободных людей.

4) Они основывают свое новое могущество на неразрывном и братском союзе всех народов, составляющих славянское племя, и не будут искать никакой другой централизации, кроме той, которая вытекает из соединения всех славян. Все их несчастье было в разделении: соединенные они были бы непобедимы, и, однако же, они были разделены и так страстно держались того, что они забывали святую связь рода и крови, которая непременно их соединила для исполнения общего призыва. Одни из них дали себя соблазнить для братоубийственной войны. Другие, наконец, забывались до того, что пользовались чужими племенами и анти-славянской политикой для уничтожения своих братьев. Но в наказание за это Бог попустил, чтобы одно славянское племя за других подпало игу немцев, не исключая и тех, которые сохранили призрак национальной и независимой жизни, или стали мучителями своих братьев столько же, сколько и несчастными исполнителями немецких замыслов.

Однако ж уже исчезли времена страданий, — час освобождения пробил для славян. По прибытии в Прагу от противоположных границ, они нашли себя братьями, — признали себя и прочувствовали братьями один к другому не только в сердце, но поняли друг друга на их языках, которые только разные диалекты одного, оттенки одного прекрасного и благозвучного языка, который распространялся от берегов Адриатических до границ Белого моря и Сибири^{*54}. Они увидели себя соединенными общностью их дел и еще сильнее они увидели себя соединенными великим признанием, которое им приготовляет будущее. Они поблагодарили Бога за то, что он положил конец их долгим страданиям, что он их сохранил в полной чистоте братского чувства; они простили себе взаимно прошедшее и видят перед собою только настоящее и будущее, в сознании долга более не нарушать своих судеб.

* Как бы там ни было, а историк Шпрингер, вообще мало симпатизирующий Пражскому съезду, говорит, что сведения о том, будто собравшиеся там славяне могли понимать друга при посредстве немецкого языка, — есть «выдумка злых языков». (A. Springer, Geschichte Oesterreiche seit dem Wiener Freiden 1809, II, 334). (Прим. издателя).

Основы славянской федерации

1) Признается независимость всех народов, составляющих славянское племя.

2) Все эти народы, впрочем, состоят между собою в союзном единении. Это единение должно быть настолько тесно, что счастье или несчастье одного должно быть в то же время счастьем или несчастьем другого, и никто не может чувствовать себя свободным и считать себя таковым, если другие не свободны и наоборот; притеснение одного есть притеснение другого.

3) Общий союз всех славянских народов есть выражение и осуществление этого соединения. Он представляет все славянство и называется славянский совет (Rada Slowenská).

4) Славянский совет руководит всем славянским народом, как первая власть и высший суд; все обязаны подчиняться его приказаниям и исполнять его решения.

5) Всякое несправедливое действие какого-либо славянского народа, которое бы стремилось учредить особый союз в среде соединенного все-славянства, или подчинить себе другое славянское племя, посредством дипломатии или насилия, в намерении основать сильную центральную власть, которая бы могла уничтожить или ограничить власть всего соединенного славянства, — всякое стремление к какой бы то ни было гегемонии над соединенными народами, в пользу ли одного народа, или некоторых соединенных, но к невыгоде других, будет считаться за преступление или за измену всему славянству. Славянские народы, которые хотят составить часть федерации, должны отказаться вполне от своего государственного значения и передать его непосредственно в руки совета и не должны искать себе особенного величия иначе, как в развитии своего счастья и свободы.

6) Только Совет имеет право объявлять войну иностранным державам. Никакой отдельный народ не может объявлять войну без согласия всех, так как вследствие соединения, все должны участвовать в войне каждого и ни один не может оставить братское племя в минуту несчастья.

7) Внутренняя война между славянскими племенами должна быть запрещена как позор, как братоубийство. Если бы возникли несогласия между двумя славянскими народами, то они должны быть устранены Советом и его решение должно быть приведено в исполнение, как священное.

8) Из последних трех пунктов ясно вытекает, что, если какой славянский народ подвергнется нападению другого славянского народа, находящегося в возмущении, раньше, чем Совет имел бы время постановить что-нибудь или приложить разные посреднические меры, то все соседние племена обязаны помогать его освобождению. Поэтому будет считаться из-

менником всякий славянский народ, который нападет на другой с оружием, или который при нападении чужого не поспешит на помощь подвергшемуся нападению брату. Защищать брата есть первая обязанность.

9) Никакое славянское племя не может заключать союза с чужими народами; это право исключительно предоставлено Совету; никто не может отдать в распоряжение чужому народу или чужой политике славянское ополчение.

Внутреннее устройство славянских народов

Славянские народы независимы, поэтому каждый народ может себе, по своей воле, дать такое правление, которое соответствует его обычаям, потребностям и обстоятельствам. Но первые основания его должны лежать в славянском характере, который должен образовывать основу новой жизни соединенных славянских народов, и без святого сохранения тех основ никакой народ не может приступить к общему союзу.

1) Принципы, которые составляют эти основы, суть: равенство всех, свобода всех и братская любовь. Под небом свободного славянства нет никого не свободного ни по праву, ни на деле. Подданство (крепостная зависимость) под каким бы видом она не показывалась, навсегда отменяется. Все славяне одинаково свободны, одинаково братья. Между ними нет никакого неравенства, кроме того, какое создала природа. Сословий (каст) нет никаких. Где еще господствует аристократия, привилегированное дворянство, оно должно, если хочет быть славянским, на будущее искать себе преимуществ и привилегий в богатстве своей любви и величии своей жертвы. Аристократия ученых и художников, старшая сестра в народе, должна распуститься в массе народа, чтобы черпать из нее новую жизнь и чтоб вести ее взаимно к просвещению, приобретенному временем.

2) На великом и благословенном пространстве, которое заняли славянские племена, есть довольно места для всех, поэтому каждый должен иметь часть во владении народа и быть полезным всем.

3) Каждое лицо, которое принадлежит к какому-либо славянскому народу, имеет через то право поселения во всяком другом славянском народе, и единение, которое связывает славянские народы, должно считаться за братское и господствовать также и в отношениях между отдельными славянскими лицами.

4) Совет имеет право и обязанность смотреть за тем, чтобы эти принципы свято соблюдались и точно исполнялись во внутренних учреждениях всех народов, которые составляют весь союз. Он имеет право и обязанность вмешательства, если эти принципы будут уничтожены каким-либо постановлением, и всякий славянин имеет право обращаться к Совету против несправедливого действия своего отдельного правительства.

Воззвание к славянам русского патриота Михаила Бакунина, члена Славянского съезда в Праге

Братья!

Решительный час пробил. Дело идет о том, чтобы открыто и отважно решить, чью сторону взять, сторону ли развалины старого мира, чтобы поддержать ее еще на короткое мгновение, или сторону нового мира, которого заря занимается, который принадлежит будущим поколениям и которому принадлежат будущие поколения. Для вас дело идет о том, ваша ли будет молодая будущность, или вы еще раз хотите впасть на целые века в могилу бессилия, во тьму тщетных надежд, в проклятие рабства. От вашего выбора зависит, удастся ли остальным народам, стремящимся к освобождению, достичь цели быстрым и безостановочным шагом, или же эта цель, если она и не может никогда исчезнуть, то все же должна опять отодвинуться в необозримую даль. На вас обращены глаза всех, полные ожидания. На том, какой будет ваш выбор, покоится решение ближайшей и дальнейшей судьбы мира. Решайтесь, что вам выбрать, — спасение себе или гибель, быть ли вам благословением или проклятием мира. Этот выбор лежит перед вами, — выбирайте!

Мир разделен на два стана. Между ними не проложено никакой средней дороги. И ни одна часть не может безнаказанно отделиться от великого неразрывного союза, в котором стоят все, кто преследует одинаковую цель, и кто все вместе должны победить или покориться.

Мир разделен на два стана. Здесь *революция*, там *контрреволюция*, — вот лозунги. На один из них должен решиться каждый, и мы, и вы, братья, должны решиться.

Средней дороги нет. Те, кто ее указывают и прославляют, или обманутые, или обманщики.

Обманутые, если верят в ложь, будто можно вернее проскользнуть к цели, уступая понемножку обоим борющимся партиям, чтобы обе успокоить и помещать взрыву необходимой открытой битвы между ними.

Обманщики, если хотят уверить нас, будто вы, по примеру хитрых дипломатов, должны стать вне обоих лагерей, чтобы, улучивши время, примкнуть к сильнейшему и при его помощи счастливо обделать ваше собственное дело.

Братья! Не доверяйте дипломатическим уловкам. Поляки уже бросились в гибель, они столкнут и вас туда.

Что говорит вам дипломатическая хитрость? Она говорит вам, что стоит только вам воспользоваться ею, как средством, и вы победите врагов. Но не видите ли вы, что пока вы ею воспользуетесь, она, вместо того, чтобы употребить вас, чтобы, при вашей помощи, разбить наголову своего теперешнего врага, а потом, справившись с ним, поработить и вас, стоящих одиноко и потому слишком слабых для сопротивления? Разве вы не видите, что постыдная хитрость контрреволюции именно в том и заключается, что она старается разрознить передовых бойцов молодого, нового времени, прилагая старое правило всех угнетателей: «разделяй и управляй», чтобы их поодиночке поработить и заковать в оковы?

Чего же иного можете вы от нее надеяться? Разве может дипломатия отречься от своей матери, которая есть ни что иное, как самая старая деспотия? Может ли она стараться помогать победе каких-либо интересов, кроме тех, благодаря которым она сама началась? Может ли она работать для рождения того нового быта, который есть ее проклятие и смерть? Может ли одна быть союзницей той демонической силы, мир обновляющей, которая *нам*, братья, прокладывает дорогу, чтобы мы могли перелили нашу внутреннюю полноту, как свежие весенние соки в жилы окоченелой европейской народной жизни? Никогда! Взгляните только твердо и пронизательно в искаженное злостью лицо вероломной дипломатии и вы проникнетесь страхом и отвращением от ее своднических приманок и с ужасом и омерзением оттолкнете ее прочь от себя. Никогда не выйдет правда из лжи, великое из посредственности, и свобода завоевывается только свободой.

Ваш гнев был справедлив; справедливо дышали вы мезтью против той достойной проклятия немецкой политики, которая замышляла только вашу гибель, которая веками держала вас в рабстве, которая во Франкфурте говорила с презрением о ваших справедливых надеждах и требованиях, которая в Вене злорадно ликовала над поражением вашего полного жизни пражского съезда! Но не заблуждайтесь, присмотритесь! Эта политика, которую мы осуждаем, которую мы проклинаем и которой мы страшно отомстим, не есть политика будущего немецкого народа, не есть политика немецкой революции, немецкой демократии; это политика старой государственности, политика княжеского права, аристократов и привилегированных всякого рода, политика камариллий и генералов, управ-

ляемых ими как машины, Радецких⁵⁵, Виндишгрецов⁵⁶, Врангелей⁵⁷, эта политика, для гибели которой мы все, юношески оживленные современным духом, отважно и радостно должны схватить протянутые руки демократов всех стран и, в тесном союзе с ними, должны сражаться за их и наше общее спасение, за их и нашу общую будущность.

Что делают реакционеры для своего неправого дела, и неужели мы не сделаем того же для нашего правого дела?

Если реакция конспирирует по всей Европе, если она при помощи принятой организации действует соединено и сплоченно, то и революция должна создать себе соответственную силу действия. Священная обязанность нас всех, борцов революции, демократов всех стран, соединить наши силы, постараться друг друга понять и сплотиться вместе, для того, чтобы в союзе мы могли отразить и победить врагов нашей общей свободы.

Именно первым признаком жизни революции, — вы это знаете, — был крик ненависти против старой политики угнетения, крик сочувствия и любви ко всем угнетенным национальностям. Народы, которых так долго водила на аркане лицемерная и предательская дипломатия, почувствовали, наконец, позор, каким старая дипломатия покрывала человечество, и признали, что благо наций не обеспечено, пока хоть один народ в Европе живет под гнетом, что свобода народов, для того, чтобы укорениться где-либо, должна укорениться везде, и в первый раз действительно потребовали они, словно из одних уст, свободы для всех людей, для всех народов, свободу истинную и цельную, свободу без условий, без исключений, без границ. «Прочь угнетателей!» раздалось словно из одних уст, «да здравствуют угнетенные, поляки, итальянцы, и все! Не надо более завоевательных войн», еще только одно последнее сражение революции для окончательного освобождения всех народов! Долой искусственные границы, насильно проведенные конгрессами деспотов ради так называемых исторических, географических, коммерческих, стратегических необходимостей! Не должно быть никаких других границ разделения между нациями, кроме границ, согласных с природою, проведенных справедливо в духе демократии, которые начертает верховная воля самих народов на основании их национальных особенностей!» Так пролетел клич по всем народам.

Вы внимаете, братья, кличу величественному, полному предчувствия? Помните, как в Вене вы внимали ему, когда, сражаясь с другими за спасение всех, вы, между немецкими баррикадами, воздвигли большую славянскую баррикаду со знаменем *нашей будущей свободы*.

Велико и прекрасно было это движение, которое прошло всю Европу. Как поднялись, трепеща от радости, тронутые дуновением революции, итальянцы, поляки, славяне, немцы, мадьяры, валахи, те, что в Австрии, и те, что в Турции, словом все, которые до тех пор стонали в домашних цепях или под чужим игом! Самые дерзкие мечты пришли в исполнение. Народы видели, как с могилы их независимости свалился, словно сдви-

нутый невидимой рукой, тяжелый камень, тяготевший над ней целые столетия; волшебная печать была сломана, и дракон, стороживший болезненное оцепенение стольких заживо погребенных наций, лежал там убитый и хрипящий. Занялась красная, как кровь, заря весны народов. Старая государственная политика погрузилась в ничто; новая политика вступила в жизни, политика народов. Революция объявила разрушенными ее совершенную властью деспотические государства, — объявила разрушенную прусскую державу, признавши доставшиеся ей польские части края отделенными, — объявила разрушенную Австрию, это чудовище, сплетенное хитростью, насилием и преступлением из самых разнородных национальностей, объявила разрушенной турецкую державу, в которой едва семьсот тысяч османов попирали ногами двенадцатимиллионное население славян, валахов и греков, — наконец, объявила разрушенным последнее утешение деспотов, последнее обманщицкое укрепление разбитой наголову дипломатии, русскую державу, чтобы три поработанные ею нации, великороссы, малороссы и поляки, предоставленные самим себе, могли подать свободную руку остальным славянским братьям. Так был разрушен, опрокинут и наново устроен весь север и восток Европы, Италия освобождена и конечной целью всего поставлена была — всеобщая федерация европейских республик.

Тогда мы вместе, как братья, вступили в Прагу: представители всех славянских народностей встретились, наконец, как братья, после долгой разлуки, и с восторгом говорили друг другу, что отныне их дороги не должны расходиться. Живо чувствуя общую связь истории и крови, клялись мы не допускать более, чтобы наши судьбы шли розно. Проклиная политику, жертвой которой мы были так долго, мы сами себе создали право, основанное на совершенной независимости и обещали, что она отныне будет общей всем славянским народам. Мы признали за чехами и хорватами самостоятельность. Мы решительно отразили нахальные претензии франкфуртского парламента⁵⁸, этого сборища, ставшего теперь уже посмешищем всей Европы, которое хотело онемечить нас, и в то же время мы протянули братскую руку немецкому народу демократической Германии. Во имя тех из нас, которые живут в Венгрии, мы предложили братский союз мадьярам, бешеным врагам нашей расы, им, которые, едва насчитывая четыре миллиона, осмеливались стараться наложить свое иго на восемь миллионов славян. И тех наших братьев, которые вздыхали под гнетом турок, не забыли мы в наш союз освобождения. Мы торжественно прокляли ту преступную политику, которая трижды разорвала Польшу и еще раз хочет разорвать ее печальные остатки, и выразили живую надежду, что воскресение этого благородного, святого народомученика скоро подаст нам знак к освобождению нас всех от старого рабства. Наконец, к великому русскому народу, тому народу, который один из всех славянских народов сумел удержать в полной мере свою политически-национальную самостоятельность, мы обратились с воззвани-

ем, с убеждением помнить о том, что он сам слишком хорошо знает, что вся эта самостоятельность и величие есть ничто, пока народ сам в себе не освободится и пока он терпит, чтобы его сила была чумой для несчастной Польши и вечно угрожающим бичом для всей европейской цивилизации. Все это мы высказали и, вместе со всеми демократами всех народов, потребовали: свободы, равенства и братства всех наций, в среде которых, свободные как они и в братских отношениях со всеми, славянские народы должны завязать между собой тесный братский союз для образования одного большого союзного тела.

Мы чувствовали себя тогда уверенными в нашем деле; в его успехе нельзя было сомневаться, если бы только мы стояли при нем до конца; потому что справедливость и человечность были всецело на нашей стороне, на стороне же наших врагов ничего, кроме несправедливости и варварства. Не пустым грезам предавались мы; нет, это были мысли о единственно верной и необходимой политике, политике самоосвобождения, революции, единодушного действия вместе с народными восстаниями всех стран, в братском единении с демократиями всего мира. Мы отбросили противную политику, которая нам была предлагаема, политику лицемерия и предательства, политику дипломатов, государственных умников, которые преподавали вам мудрость, будто вы должны искать избавления в возрастании самодержавия императорской власти и в спасении Австрии, потому будто бы, что если вы опять возвратите силу императору, то вы, австрийские славяне, образуете независимое славянское государство и будете свободны при помощи восстановленной вами императорской власти. Что нас эта политика может совратить, в этом была в Праге единственная опасность, от которой я тогда предостерегал на съезде. Тогда мы избежали опасности, и партия государственных политиков уступила перед нашим воодушевлением общим делом всех славян и всех свободных наций.

Но что же тогда сделали рабы отвергнутой нами государственной политики? Они были благосклонны к нашему съезду, пока надеялись воспользоваться им для своих политических целей и для подавления немецкой и мадьярской революции в Австрии, но тотчас начали свирепствовать против него, как только увидели, что он обращается против их планов и хочет служить не интересам государственной политики, а чистым интересам национальной свободы и братства народов. Теперь они достигли того, что разбили наш съезд и допустили Виндишгреца бомбардировать Прагу. Напрасно было пятидневное геройское сопротивление вдохновленного народа; город принужден был покориться, преданный теми, кто призван был защищать его, и славянский съезд был распущен. Но мы еще ничего не потеряли. С сердцами, волнуемыми верой в наше святое и правое дело, расстались мы и рассеялись, чтобы повсеместно работать для него и везде готовить почву для нашего будущего освобождения; мы желали друг другу увидеться снова в великий день нашего общего славянского восстания.

Деспоты дрожали, несмотря на их кажущуюся победу в Праге. Они дрожали от страха, что мы страшно исполним те клятвы, которые мы произнесли, пылая мстью, перед развалинами и грудями трупов, купаясь в крови наших храбрых братьев, под громом бомб, которыми Виндишгрец, палач нашей свободы, осыпал золотую Прагу. Они дрожали перед восстанием славянских народов, которых прежде они мечтали водить на помочах, как послушных детей.

Что сделали тогда деспоты? Они говорили между собою: восстание славян грозит нам гибелью; поищем средств, чтобы превратить славянское восстание в якорь нашего спасения! Какие же средства? Вот они: натравим славян на немцев, а немцев на славян! Собьем с толку этих еще неопытных в политике детей разными кажущимися доводами и обаятельными обманами, пусть они воображают себя мудрецами, ступая по дороге, ведущей к нашей цели. Вызовем для этого опять всю старую законенную ненависть, все справедливые и несправедливые предрассудки, все едва поколебленные причины взаимного подозрения и недоверия, возмутим умы, ослепим души и распалим их друг против друга! Мы раздуем в неугасаемый пожар этот зажженный нами огонь лживыми обещаниями с нашей стороны, которых мы никогда не исполним.

Так они говорили, так они сделали. И врагам свободы, врагам справедливости, мастерам предательской государственной политики удалось на одно мгновение заморочить наши головы, братья! Вы допустили опутать себя на одну минуту изобретением этих лукавых политиков, которое состояло в том, будто дело революции все равно, что дело тех немецких пожирателей страны в парламентах, на которых обращен ваш справедливый гнев, все равно, что дело ваших врагов и притеснителей, властолюбивых мадьяр, и вы, сбитые с толку, обратились против основы вашей собственной и нашей общей свободы, *против революции*, и пристали к своему заклятому опаснейшему врагу, к династической политике и деспотизму. Нашего же естественного друга и союзника, демократию, вы оставили в Вене страдать и нести наказание за вас. Славяне! Как прежде грешила против вас старая немецкая государственная политика в Вене, так грешила подогретая деспотическая система во Франкфурте. Правда, славяне мстили в Вене за совершенные против них преступления, но они выместили не на преступниках, а именно на прирожденных судьях преступника и естественных союзниках мстителя. И партия государственных политиков, трусливо уступившая в венском парламенте в решительный час опасности, когда только одни народные интересы должны были считаться и все должны были соединиться, эта партия старалась потом уверить вас в Праге, что последнее венское восстание вовсе не было народным движением, и было сделано мадьярскими деньгами. Но, братья, кто из нас был бы так жалок, так глуп, чтобы поверить этим бабьим сказкам, будто революции делаются деньгами? Нет, деньги всего мира не могут подвинуть народ к возмущению, ни один народ не имеет такой

скверной молодежи, которая бы дала себя подкупить. Императорская австрийская государственная политика, — говорила вам еще эта партия государственных политиков, — это враг ваших врагов, так как она враг разбойничьей мадьярщины, то она и враг неметчины, пожирающей страны! Ложь! Не видите ли вы, что австрийская государственная политика идет рука об руку с политикой центральной власти во Франкфурте, с политикой угнетения во что бы то ни стало и подавления всякой свободы? Правда, во Франкфурте, в этом фальшиво названном народном представительстве большинства, сидят такие жалкие, детски глупые люди, которые против воли действительной немецкой нации, только и мечтают о расширении немецкого владычества и о покорении всех ненемецких народов, живущих на так называемой немецкой земле. Но заблуждением и глупостью этих людей злоупотребляет центральная власть Германии, так же как австрийская государственная политика злоупотребляла доверчивостью одной части славян, чтобы поссорить этот чуждый народ с его истинным немецким другом, с друзьями свободы, равенства и братства всех наций, с народом жаждущим свободы, с демократами Германии, со всеми теми, которым вы должны протянуть братскую руку, потому что они не ваши враги, а враги ваших врагов. Вы были бы свободны, так вам морочат эти государственные политики, — вы были бы свободны, если бы помогли австрийской государственной политике победить ее врагов. Но какая ложь! Вена пала, — что же, вы видите какой свободой вы пользуетесь теперь, после этой ужасной катастрофы в Праге, видите, как дипломатия держит свои обещания; вы видите, какие горькие плоды приносит ее сотрудничество? Где свобода Праги? Ищите ее с фонарем!

Да, обман уже исчезает, вы опять пришли в себя, братья, вы опять прозрели. Что сделал Елачич⁵⁹, вам это видно, так же как и те цели, которые он преследовал, теперь они уже ни для кого не тайна. Его первоначальная задача была защищать славянскую свободу против угнетательной политики господствующей партии мадьяр и помочь народу победить враждебную государственную политику, на которую работала эта партия при Кошуте⁶⁰. Вместо этого он пошел в Вену и помог там победить народное восстание, демократию. Он изменил правой и святой цели, хорошему демократическому движению южных славян и продал их именно этой безбожной политике, ради ниспровержения которой возмущенные славянские племена доверили его представительству свою молодую буйную силу. Его призвание было поддерживать наше нуждающееся в помощи братское племя, словом, силами, доставленными ему южнославянским восстанием. Презрев это святое призвание, он предпочел стать слугой австрийского государства и повести свое войско против столицы империи, чтобы сделать из нее очаг деспотизма для всей Австрии, для всей Европы. Вместо того, чтобы работать для свободы всех народов, он работал для выкованного в Инсбруке и Вене, радостно принятого и поощренного в Потсдаме и санкционированного франкфуртской централь-

ной властью, как и в Петербурге, комплота притеснителей народных, опустошителей городов, массовых убийц, старых деспотов.

Вы должны быть австрийцами, этого хочет государственная политика, этого хочет предатель Елачич, который отважился провозгласить открыто и громко эту политику, как спасение славян.

Вы должны быть австрийцами. Что значит быть австрийцами? Это значит: помогать деспотии ослаблять рознь и ненавистью каждую из разнообразных напиханных в Австрию народностей, чтобы, усилившись слабостью и взаимной ненавистью их, она наложила на всех их иго. Это значит сделать для деспотии возможной уловку, состоящую в том, чтобы помешать слиться свободно в нации людям, родным между собою по крови, языку и нравам, по великим историческим воспоминаниям и еще большим надеждам в будущем, чтобы оторвать от них куски, и из этих оторванных и обесиленных отделением кусков сковать одно искусственное, всякой природе противное, государственное целое, которого части гнулись бы легко под скипетр деспотии, так как они были бы слишком чужды и враждебны одна другой, чтобы вместе держаться и сопротивляться. Это значит: дать деспотии возможность возобновить старую игру, которая разорвала Польшу на куски, и продала один кусочек одному, другой другому государству, и все еще продолжает разгрызать тело этого прекрасного народа, чтобы задушить всякую надежду на возрождение Польши, если бы это было возможно⁶¹. Это значит: оторвать от общего славянского дела дело чехов, словаков, сербов, кроатов и всех других народов нашего племени, живущих под австрийским владычеством.

Вы должны быть австрийцами. Что же вы выиграете, братья, если станете австрийцами?

Одно из двух: или австрийское государство остается тем, чем оно есть, смесью народностей, которым будут даны из милости равные права, и вы будете долго посреди этого хаоса тем, чем были, низкими, бессильными, презираемыми рабами произвольного полка, смиренно и послушно покорными предписаниям, посылаемым вам из Вены, без свободы, без собственной силы, без влияния на развитие будущности всех соединенных славян, на общечеловеческую будущность.

Или же австрийскому государству только тем удастся утвердиться прочно как государство, что оно действительно сдержит свое притворное обещание, данное вам, и превратится совершенно в славянское государство, но что же вам от этого? Будете ли вы велики и свободны в этом последнем, лучшем случае? Нет, вы тогда будете с одной стороны угнетателями ваших братьев чужой национальности, деспотами итальянцев, мадьяр, немцев австрийских. Вы будете делать другим то, чего не хотите, чтобы с вами случилось. И вы сделаетесь опять рабами, рабами своей собственной деспотии; потому что никто не может обращать другого в рабство, не делаясь рабом сам: я как русский, говорю это вам. Вы навлекете на себя ненависть не только тех, которых вы будете угнетать, но и

всего свободолюбивого мира, ненависть, негодование, презрение и проклятие всех народов, и наконец погибнете сами как губители.

Скажите, на что вы можете опереться после того, как покроетесь позором тирании, когда придет на вас день суда, когда та самая сила, которая толкает вас теперь на борьбу с вашими притеснителями, революция, встанет против вас и вы тогда, не только как враги порабощенных вами, но и как враги ваших собственных братьев по племени, от которых вы преступно отделились, для свободы которых вы ничего не сделали, которых бедствие вы помогли продлить, — когда вы как враги всего человеческого рода будете стоять, отвергнутые всем миром? Скажите, к чему будет ваша сила, если вы ее не там будете искать, где ее только и можно найти, а именно в святом единении, в общности всех славянских братьев на земле? Император ли Фердинанд⁶² ваша сила, это несчастное слабоумное создание, которое дает себя гонять с места на место женщинам и придворным и без воли дает себя делать палачом и убийцей тех, добрым отцом которых он себя называет, этот император, в груди которого, даже если это была бы грудь мужчины, не может жить никакого чувства к нашему национальному стремлению, к нашему спасению и будущности, так как что бы ни билось в этой груди, это не будет славянское сердце? — Или ваша сила в этой интригующей крамольной камарилье, которая только живет вашим ослеплением и которой существование только и поддерживается ценой ненависти, возбужденной ею к вам во всех, кого она гнет вместе с вами в одно ярмо, которая пользуется вами для усмирения их, а их употребляет, чтобы не дать вам возгордиться, которой последнее утешение, если уж провалятся все ее хитрости, есть армия императора Николая, главы и стража всей народопредательской крамолы в Европе? — Или вы сами себе будете силой, вы, двенадцать миллионов славян против целого мира противников и врагов, без симпатии и помощи отвергнутых и оставленных вами ваших братьев по племени в России и Польше, этих ваших естественных союзников из шестидесяти миллионов, — вы, которые уже теперь думаете, что не можете устоять сами, не опираясь на черно-желтую камарилью и на ее государственные уловки?

Что выйдет из вас при такой обособленности и заброшенности? Ничего! Чем бы вы могли стать в союзе с вашими братьями? Громадной силой из восьмидесяти миллионов, сильным знаменем свободы, радостью и гордостью всего соединенного, юношески пробужденного, человечества.

Братья! Я русский, я говорю вам как славянин. Я вам изложил откровенно на съезде в Праге мои намерения, чувства и мысли. Вы знаете, что я, как русский, вижу спасение моих земляков только в общности со всеми остальными братьями, в федерации свободных племенных союзов. Вы знаете, что я поставил задачей своей жизни стремление к этой великой и святой цели. Это дает мне право говорить с вами так, как я говорю теперь, потому что ваши обстоятельства вместе с тем и мои собственные, ваше дело есть наше, ваше спасение — наше спасение, ваш позор — наш

позор, ваша гибель — наша гибель. От племени шестидесяти миллионов славян я обращаюсь к вам с речью, от имени шестидесяти миллионов ваших братьев, которые устали от долгого тяжелого рабства и которые как только узнали о собрании Славянского съезда, стали смотреть на него, как на избавителя и спасителя. Быть членом этого съезда и принимать участие во всех советах и решениях, предпринятых для нашего общего спасения, я со своей стороны считаю за величайшую честь в своей жизни. Вы тоже признаете величие и силу того могучего племени, которого представителем я был на нашем общем совете и от имени которого взываю к вам теперь, я это знаю; я знаю, что вы с гордостью смотрите на народ, которому одному из всех славян удалось сохранить в целостности свою национальную независимость, что вы верите в его будущность, которая, наверное, будет опорой и силой славянства.

Но различайте хорошо, братья славяне! Если вы ждете спасения от России, то предметом вашего упования должна быть не порабощенная, холопская Россия со своими притеснителями и тираном, а возмущенная и восставшая для свободы Россия, сильный русский народ.

От имени этого народа говорю я вам, я, русский: *наше все спасение в революции и нигде более.*

Не в императоре Николае, не в его войсках, не в его могуществе и политике искать вам избавления и спасения, а в той России, которая как раз скоро свергнет эту императорскую Россию и сотрет ее с лица земли.

Верьте мне, указы царя, деспота России, не выражают наших чувств, наших желаний, нашей воли. Нет, и еще раз нет! Это искажение того, что живет в глубине нашего русского сердца. Наше племя глубоко чувствует срам и позор рабства, в котором его деспот держит его; оно наибольший враг того, кого еще многие из вас считают истинным представителем русской народности, наибольший враг этого палача, этого мучителя и посрамителя его чести, Николая.

Ведь кто этот Николай? Славянин? Нет, голштинско-готторпский господин⁶³ на славянском троне, тиран чужеземного происхождения! — Друг своего народа? Нет, расчетливый деспот, без сердца, без всякого чувства ко всему русскому, ко всему славянскому, без малейшего понятия о том, что тихо и скрыто кипит и клопочет в его народе. Защитник общеславянских интересов? Нет, настолько нет, что он ежедневно изменяет им и, страшное слово, «панславизм» употребляет только как угрожающее средство, чтобы при помощи его обеспечить свое влияние в Германии, которое немцы проклинают, и свое господство над немецкой политикой, которое есть гибель для немцев. Иметь силу в Германии, которой отдельные деспоты его ученики и вместе почитатели, ползающие перед ним в пыли поклонники и обожатели его мудрости и силы, вот чего он ищет и добивается: Россия, славянство нужны ему только как орудия для проведения его старой, насквозь немецкой и на Германию метящей политики разделения и господства, которая состоит в том, что он предает сла-

вян при помощи неметчины для того, чтобы потом предать немцев при помощи преданного славянства. Как мало для него значит славянство, это вы видите из того, что он посылал свой высочайший похвальный лист Виндишгрецу, убийце славянски мыслящих славян в Праге, в знак благодарности ему за резню, произведенную над защитниками славянского дела! Вы видите это из того, как он давал поддержку южным славянам деньгами, оружием и войском, но не как славянам, восставшим для спасения всех нас, а только потому, что их восстание, по его расчету, должно было послужить на пользу его любимому детищу, австрийской деспотии, и только под условием, чтобы отделить их дело от польского дела! Вы видите из того, что он держал наготове своих солдат, чтобы по первому знаку австрийской камарильи ворваться в Галицию! Вы видите это по тому, как он делает все, что только в его силах, чтобы помешать возрождению Польши, так как возрождение Польши было бы концом его силы.

Но его час пробил.

Я говорю вам еще раз: русский народ пресыщен и утомлен порабощением и позором, он устал служить жалким орудием достойной проклятия политики.

Братья, не обманывайтесь внешним видом, будто этот народ-великан до сих пор еще лежит скованный по всем членам железным волшебным сном! Я вам говорю, он спит уже не глубоко, он только тихо дремлет, он уже начал пробуждаться. Не обманывайтесь упованием Николая, его уверенностью в своих деспотических кознях, в верности его войска, в подчинении масс, в ее вере в его силу.

Я вам говорю: эта вера везде пошатнулась, а удары кнута, лишения прав и имущества, ссылки в Сибирь и на Кавказ, все это плохие средства, чтобы оживить ее.

Я вам говорю: деспотические козни разбиваются все более и более о каменную грудь революционного духа, для отражения которого от русской земли тиран, внутренне уже дрожащий, хотя наружно сохраняющий притворное спокойствие и твердость, напрасно выставляет на своих границах страшные пограничные войска и готовится даже выступить против него, духа революции, на прусской и австрийской земле, напрасно, говорю я, потому что дух невидимо ступает вперед, и, словно азиатская холера, смеется над всякими пограничными стражами и заставами.

Я вам говорю: верность русского войска надломлена сочувствием славян к славянам, влечением русского сердца к братскому польскому сердцу. Да, русское сердце обливается кровью от стыда и боли, что немецкие обладатели русского скипетра так жестоко предали братский славянский народ германским тиранам и так бесчестно разделили славянскую страну с германскими тиранами; оно обливается кровью, это русское сердце, и возмущается ужасной судьбой этого геройского славянского племени, которое опередило нас всех по дороге свободы и пролило по капле свою драгоценную кровь в долгом мученичестве за нашу общую свободу, ко-

торое, однако, среди всяких унижений и терзаний не отступает и не устает, и которого окончательное восстановление в ряду народов подаст вам огненный сигнал, который, прорезывая тьму нашего рабства, поведет всех славян по пути к освобождению и спасению. Да, Польша, это стрела в русском теле; через униженную Польшу истекает кровью русская деспотия; крест, на котором она распинала мученика, будет ее собственным позорным столбом, у которого она кончит свою мерзкую жизнь. Николай это предчувствует, он знает это и поэтому все глубже и глубже запускает свои ястребиные когти в судорожные члены несчастного растерзанного польского тела, мучимый страхом и дрожащий перед возможностью, что эти бессмертные члены все же наконец соберутся и вновь соединятся в одно одушевленное тело, чтобы воздать давно уготованную, но не выполненную, ужасную месть своему и всеславянскому палачу. Его смертельно мучит проглоченный кусок этого величия, которого деспотам никогда не переварить во внутренностях своей власти и великолетия. Он это чувствует и знает, но он только одному не хочет верить, что яд уже свирепствует по всем жилам и сосудам его власти, что его войско, его солдаты и начальники, как только тотчас чувствуют магическую силу этой святыни нашей национальности, освященной безмерными страданиями, этой скинии завета нашего освобождения, этого огненного и дымового столба, который день и ночь указывает нам дорогу через пустыню нашего рабства в обетованную землю свободы всех славян. Да, они чувствуют вместе с Польшей, они вдохновлены для Польши, они видят в спасении Польши свое собственное спасение, они уже не против Польши, а только за ее дело могут сражаться.

А подчиненность масс, — если ты и рассчитываешь на нее, ослепленный царь, ты, который так умен и хитер в мелочах да на запутанных дорожках твоих низких хитростей, действующих чудесно только на старчески слабую Европу, ослепленный царь, ты строишь на песке! Правда, крестьянский бунт в Галиции плох, потому что он обращается, питаемый и покровительствуемый тобою, против демократически настроенных, духом свободы проникнутых дворян; но он скрывает в своих недрах зародыш новой, неожиданной силы, вулканический огонь, взрыв которого похоронит под горами лавы благоустроенные искусственные сады твоей дипломатии и господства, потрясен и истребит без следа в один миг твою власть, ослепленный царь. Крестьянский бунт в Галиции это ничто, но его огонь разгорается все больше на подземном огне и уже вырастает огромный кратер между крестьянскими массами чудовищной русской державы. Это демократия России, пламя которой пожрет державу и осветит всю Европу своим кровавым заревом. Чудеса революции встанут из глубины этого пламенного океана, Россия есть цель революции, ее наибольшая сила, — там развернется и там достигнет своего совершенства. Этой первобытной твердостью в железной настойчивости, с которой русский народ охранял свою внешнюю независимость при всяких бурях, потрясавших славянский

мир, он укрепится теперь для революции, чтобы добыть и удержать свою внутреннюю свободу. В Москве будет разбито рабство всех соединенных под русским скипетром славянских народов, а с ним вместе и все европейское рабство и навеки будет схоронено в своем падении под своими собственными развалинами; высоко и прекрасно взойдет в Москве созвездие революции из моря крови и огня, и станет путеводной звездой для блага всего освобожденного человечества.

Встаньте же, славянские братья! Вы, которых призвание в том, чтобы сражаться в передовых рядах, встаньте! Во имя миллионов, которые должны скоро дать главное сражение, во имя северных славян, которые когда-нибудь потребуют от вас строгого отчета, что вы сделали для нашего святого дела, во имя этого народа еще и еще раз взываю я к вам: *порвите с реакцией раз навсегда, порвите с дипломатией, порвите со всякой половинной и недостойной вас политикой и бросьтесь отважно и всецело в объятия революции!*

В ней все, — ваше пробуждение, ваше воскресение, ваша надежда, ваше спасение, ваша будущность! В ней и только в ней! Доверьтесь ей! Вы должны довериться, потому что, наверное, она не плохой союзник. Вам говорят: она уже упала под ударами контрреволюции. Это неправда. Оглянитесь, посмотрите на ее дело! Не изменилось ли все в европейском мире? Разве он не сделался вдруг хаосом, в котором те именно, которые стараются восстановить порядок старого мира, вносят только еще большее внутреннее замешательство своими созывами войск, своими бомбардировками и осадами, своими громко вопиющими о мести насилиями, своими бойнями и опустошениями? Разве не стала анархия постоянной и всякая попытка обуздать ее не бывает ли еще более анархической, чем первоначальная анархия? Оглянитесь вокруг вас, революция везде. Она одна царит, она одна сильна. Новый дух со своей разрушающей, разлагающей силой вторгнулся бесповоротно в человечество и проникает общество до самых глубоких и темных слоев. И революция не успокоится, пока не разрушит окончательно одряхлевшего мира и не создаст нового прекрасного. Поэтому в ней и только в ней вся наша сила, мощь и верность победы. Только в ней жизнь, вне ее — смерть. Только тот, кто идет за ней и ведет ее дело, увидит свое дело увенчавшимся, потому что она одна раздает все прекрасные военные награды; кто против нее, тот должен рано или поздно погибнуть и не увидит дня спасения. Она не терпит никакой середины, двойственности, заигрывания немножко с ней, немножко с ее врагом, никакой колеблющейся, лицемерной предупредительности; она требует, чтобы ей отдавались безусловно, откровенно, доверялись и принадлежали ей вполне. Она сила, она право, она правда, она спасение этого времени, она единственная практика, ведущая к добру и удаче; вне ее нет ума, мудрости, политики, она один ум, мудрость, политика и все, что ведет к цели. Она одна может создать полноту жизни, даровать непоколебимую уверенность, придать силы, тво-

рять чудеса, превратить в одну живую и жизнь производящую массу мир из восьмидесяти миллионов людей, который деспотизм держит в тысячелетнем сне. Верьте революции. Отдайтесь ей вполне и всецело! Без нее нет славянства!

Вы должны отдаться революции всецело и безусловно.

Как это будет?

Так, что вы будете преследовать извне и изнутри чисто революционную политику.

Какая должна быть ваша политика извне?

Вы должны быть друзьями и союзниками всех народов и партий, сражающихся за революцию.

Какие народы и партии сражаются за революцию?

Все, которые сражаются за свою собственную независимость и вместе с тем за свободу всех, и потому в союзе против одного общего врага, против конспирации деспотов.

Что поставила себе ближайшей целью конспирация деспотов?

Сохранение Австрии. Австрия есть центральный пункт сражения.

Чего должны мы вследствие этого желать?

Противоположного тому, чего они желают: *совершенного разрушения Австрийской империи*. Деспоты совершенно правы в своем интересе, делая Австрию главным пунктом сражения; потому что как русская империя служит внешней опорой деспотизма, так Австрия служит систематическим проведением его в сердце Европы. Австрия это окаменелое бесправие, плоть, о которую так долго разбивались в бессилии волны стремления к свободе в Европе. Поэтому и мы вправе желать распада и уничтожения Австрийской империи в интересах свободы; потому что распад этой Австрии будет освобождением и поднятием многих поработанных австрийскому единству народов и освобождением сердца Европы. Кто за Австрию, тот против свободы. Поэтому мы, стоящие за свободу, должны быть против Австрии. Мы должны произвести разрушение этой империи.

Как это случится?

Так, что мы посрамим все теперешние широко расставленные планы австрийского императорского двора.

Как мы узнаем эти планы?

Мы видим, что делают слуги Австрии.

Кто главный слуга?

Виндишгрец.

Куда идет теперь Виндишгрец?

В Венгрию. После того, как он бомбардировал Прагу и убил в ней свободу, после того, как он бомбардировал Вену и в ней убил свободу, он идет в Венгрию, чтобы и там убить свободу.

Что же мы должны вследствие этого делать?

Это ясно: *мы должны теперь заявить себя и в Венгрии за мадьяр и против Виндишгреца.*

Братья! Я знаю, какое я тяжелое слово произнес при этом. Что сделали мадьяры нашим славянским братьям, какие преступления совершили они против нашей национальности, как они попирали ногами наш язык и независимость, — все это я знаю; я знаю, что они даже теперь, хотя научены опытом, который побудил их бежать на помощь венцам, все-таки не уважают и не признают свободы славян. Несмотря на это все, братья, та политика, которую мы установили еще на съезде в Праге, а именно предложить мадьярам федерацию обеих народностей, под условием взаимного уважения прав и обоюдной совершенной независимости, на эту политику мы и теперь должны решиться. Это политика возвышенная, великодушная, предложение союза народу, который теперь находится в такой опасности, как народ мадьярский, не может унижить наше достоинство, напротив, вы этим возвысите вашу честь. Эта политика не может остаться без успеха. Наверное есть между мадьярами люди, которые поймут все достоинство подобного предложения и не отвергнут условий, связанных с ним, ради блага Венгрии; дух, предписывающий эти условия, всегда ведь будет увеличивать свою власть над мадьярами, ведь найдется и между ними теперь демократическая партия, которая только в свободе всех народов увидит обеспечение свободы отдельного народа, и которая в это время повсеместной нужды несомненно легче, чем когда-нибудь, приобретет себе всеобщий голос, но если бы было и не так; если бы даже ваша протянутая рука была бы отвергнута, то вы были бы свободны от всякой ответственности и только на голову тех, которые дерзко и с презрением оттолкнули благороднейшее предложение общего спасения, пал бы неизгладимый позор и упрек. Потому что политика, которую я здесь советую, это политика не только великодушная и благоразумия, но и мудрости, заботящейся о будущем. Потому что этим актом вашего великодушия вы сделаете сильнейшую пропаганду принципов свободы всех народов: это акт, который даст решительный поворот не только борьбе в Венгрии, но и общей борьбе революции против деспотов, который поставит вас во главе революционного движения и вы будете, как и прилично вам, гордо и отважно освещать факелом путь освобождению европейских народов.

Не нанесет ли славянин себе вреда, если протянет руку своему натуральному врагу?

Наверное нет! Мы так сильны, что можем быть благородны. О, наверное, славянин не пострадает, а выиграет. Наверное, он будет жить. И мы будем жить. Пока у нас будут оспаривать малейшую часть наших прав, пока будет отделен или оторван хоть один из членов нашего общего тела, мы будем бороться не на жизнь, а на смерть, до последней капли крови, пока наконец славянство станет посреди мира великое и совершенно свободное и независимое. Но именно потому мы должны смотреть выше малого на большее, выше отдельного на целое и направлять полную силу нашего сопротивления на упрямого врага союза, и если какой-либо народ,

хотя бы одна часть его и была некогда частью нашего врага, признает, наконец, наше право и пожелает сражаться за одно с нами против большого общего врага, то мы должны протянуть ему навстречу руку.

Вы должны подать руку немецкому народу. Не деспотам Германии, с которыми вы теперь в союзе, нет, этого именно вы не должны делать. Не тем немецким педантам и профессорам во Франкфурте, не тем плохим, узким литераторам, которые, по ограниченности или ради денег, наполнили большую часть немецких газет ругательствами против вас и ваших прав, против поляков и чехов, не тем немецким мещанам, которые радуются всякому несчастью славян. А тому немецкому народу, который происходит от революции, который станет свободной немецкой нацией, той Германии, которая еще не существует и которая поэтому еще ни в чем не провинилась против вас, которой отдельные и по всей Германии разбросанные члены, разбитые так же, как и наши славянские народности, так же преследуемые и угнетаемые, как и мы, достойны нашей дружбы и готовы с распростертыми объятиями быть нашими друзьями.

Прежде всего мы должны сломить военную силу Австрии; эту силу, благодаря которой Австрия есть австрийским государством; эту силу, которая задерживает и тормозит всякое свободное народное восстание и противится победе всеобщей свободы, равенства и братства всех народов. Вы видели в Праге, что такое эта военная сила, как она отвратительна. Что за люди бомбардировали Прагу? Были ли это мадьяры? Были ли это немцы? Были ли это итальянцы? Нет, это были славяне и только славяне: чехи, поляки, словаки. И что такое австрийский генерал, это вы видели недавно на Елачиче. Это иезуит во главе дисциплинированных банд, которые без своей воли, без своих целей, сильно повинуются его приказаниям, это человек, у которого нет ничего святого, которого не воодушевляет ни любовь к отечеству, ни чувство к своей нации, а только ревность к службе для пагубной австрийской камарильи и, чтобы угодить этой камарилье, он готов совершить какое угодно преступление. И вот это чудовище, которое натравливает братьев на братьев, которое душит и убивает в человеческой груди всякое человеческое движение, эту военную организацию, которая превращает людей в машины деспотии, вы и должны разрушить, если вы хотите сделать свободным славянство.

Вы должны отозвать ваших солдат из Италии, загубленной австрийским рабством Италии, потому что не позор ли это, что славяне, которые сами борются за свою независимость, прилагают свои руки, чтобы поработить благородный народ, который не нанес им ни малейшего оскорбления, не сделал им ни одной несправедливости? Вы должны повсюду отозвать славянских солдат из австрийской службы, которая их позорит, чтобы ими не пользовались более, как палачами, потому что это дает право и другим быть палачами по отношению к вам, вы должны суметь создать из них чистые славянские сердца, войско для служения революции, войско, которое бы сражалось за свободу всех славянских народов и Европы.

Вы не можете изменить своей внешней политики, пока не измените внутренней.

Не надо более этой администрации австрийскими чиновниками!

Не надо этих вождей, которые наполовину возбуждают, наполовину успокаивают народ. Пусть погибнут эти злые люди, которые вечно говорят вам: агитируйте, но не слишком, потому что опасно возбуждать народ; можно достигнуть цели более короткими, парламентарными, дипломатическими средствами. Не верьте этим людям. Дух нового времени говорит и действует только среди бури. Наша славянская натура не такова, как у отжившего старика, которому подходит только ослабленное и разжиженное, она не погибла и не испортилась, она проста и велика, и только прямота и цельность действуют на нее. Славяне должны быть огнем, чтобы творить чудеса. Агитируйте среди славянских масс без оглядки, без удержу! Зажигайте в них святой огонь. Идите апостолами пробуждающегося славянства! Соединитесь, вы, славянские народы Австрии! Соединитесь все вместе и заключите между собою священный оборонительный и наступательный союз! Союз не под прикрытием австрийской династии, а союз против нее, союз для освобождения от Австрии! Союз для основания федерации, которая скоро должна соединить между собою все славянские народы. Будьте опять, как уже были однажды в золотой Праге, для нас, для всех славян севера и Турции, предвестниками, сверкающей грозовой тучей всех нас освобождающей революции.

Тогда воскреснет славянство!

Положение в России (Современная картина)

I. Войско

В тот момент, когда последняя решительная схватка реакции с революцией и демократией вообще стоит на очереди как неизбежная перспектива, когда кровотокающая из тысячи мелких ран деспотическая власть, с ее приспешниками из родовитой и денежной знати, из армии и церкви, упорно обращает свои взоры на своего друга и защитника — русского царя — и угрожает нам казаками, — познакомиться с этим противником необходимо. В то время как одни полагают, что простого имени России достаточно, чтобы загнать демократию в мышиную нору, и верят в силу

русской армии и неистощимость государственного казнохранилища Петропавловской крепости, как в Евангелие, другие выудили фразу, что Россия, это — колосс на глиняных ногах, и считают себя, таким образом, вправе смеяться над ее мнимой силой. Обе стороны ошибаются: мы не должны ни презирать, ни бояться этого врага. Задача этой и последующих статей заключается в том, чтобы правдивым изображением положения России дать немцам возможность правильного суждения.

Оборонительное, спокойное поведение России по отношению к бурям, которые в прошлом году потрясли Францию и Германию, грандиозные приготовления к войне и все же упорное пребывание в состоянии вооруженного мира, скопление войск на германской границе и все же безучастное наблюдение того, как у союзных дворов Потсдама и Вены была вырвана конституция, дали основание ученым предположениям и толкованиям. Как, спрашивают, ведь царь же знает, что и он погиб, коль скоро демократия победила во Франции и в Германии, почему же он не прискачет на помощь своим союзникам со всей силой, над которой он может повелевать? Уж не приходится ли ему бояться беспорядков внутри страны или даже бороться с ними? Хочет ли он дожидаться официального приглашения для интервенции или же он боится в этом случае силы Англии и Франции? И теперь, когда он фактически вступил уже в Семиградью⁶⁴, почему он сделал это с такими незначительными силами, раз уже повод к войне налицо? Мы не хотим оспаривать веса подобных политических соображений, но действительное основание этого видимого спокойствия мы находим в состоянии самого русского войска; не в его внешнем состоянии, не в его снаряжении и вооружении, а во внутреннем, — в настроении солдат и младших офицеров. Никакую армию в мире — утверждаем мы — нельзя с большей легкостью деморализовать, чем русскую. Причины этого начинают действовать с момента призыва новобранца и продолжают еще влиять после увольнения ветерана. Приходит указ, требующий от той или иной губернии выставить столько-то тысяч человек, и тут открывается ряд насилий, предательств, хитростей и подкупов, связанный с каждым рекрутским набором. На намеченную жертву набрасываются ночью, отрывают мужа от жены, от детей, от слепой матери, вырывают сына из объятий расслабленного от старости отца, часто только потому, что сын имеет красивую жену или же что он-де обидел управляющего господским именем при отправлении барщины; ему забривают лоб, он принадлежит теперь императору. Но его село и его родные говорят, что он принадлежит смерти, и провожают его причитаниями и пением похоронных песен, они прощаются с ним навеки. Они правы: как раз среди новобранцев смертность наиболее велика; можно принять, что она доходит до 10%, так как человек должен в разгаре зимы сменить привычную шубу на убогую солдатскую одежду, дать остричь свои длинные густые волосы, причем по дороге его обжуживают на харчевых деньгах, так что он приходит в гарнизон еле живым от голода. Те-

перь он солдат, правда, в настоящее время только на десять лет, но он русский солдат, т. е. машина, животное, которое должно выносить высокую степень голода и побоев, и если оно падает под бременем обоих, то умирает, не вызывая чьего-нибудь сожаления. Солдат на службе постоянно травим, у него нет спокойной минуты, вся его жизнь заключается в маршировках, караулах, учениях, чистке обмундирования и оружия; единственное слово, которое ему можно вымолвить, прав ли он или виноват, это — «слушаю» (Sluschy), т. е. повинуюсь. Как туго натянута царем тетива принудительной службы и как легко она может при благоприятных условиях порваться, показывает случай, происшедший всего несколько недель тому назад на восточно-прусской границе. Расположенные там батальоны получили в подкрепление новобранцев из глубины страны, несчастных, еле живых от голода людей, которые в первые дни не были в состоянии носить оружие. Для того, чтобы сразу привести их в строевой вид, учение производилось шесть раз в неделю, на глинистой, размякшей от дождя почве, так что у людей все время уходило на учение и чистку вещей. Одновременно получился приказ из Петербурга, чтоб учение производилось и по воскресениям для ускорения подготовки этих войск. Когда приказ был им прочитан, вспыхнуло общее человеческое негодование, командир положил приказ в карман, и все осталось по-прежнему. Одни из офицеров этих частей вернулись с учения промокший, весь в грязи, и стал срывать с себя в присутствии товарищей кивер, мундир, все, вплоть до рубашки, и проклинать царя и эту собачью жизнь, не заботясь о том, что какой-нибудь доносчик может его выдать. Вдали от своих, без всяких прав и ежедневно еще обкрадываемый своими офицерами наполовину получаемого им нищенского жалования в размере около 4 талеров в год, питаемый плохим непропеченным хлебом и небольшим количеством гречневой каши, солдат принужден красть, чтобы досыта наесться или напиться, а этот источник радости превращается для него снова в источник побоев даже тогда, когда, давая ему за это на чай, его посылает на кражу капитан. Правда, и в России существует так называемая инспекция полков, производимая генералом, во время которой солдат, на бумаге, имеет право жаловаться на свое начальство. Полковник, главный мошенник в полку, должен только поскорее дать генералу несколько тысяч рублей, и его полк будет найден в прекрасном состоянии. Если солдат осмелится пожаловаться, то с ним может случиться то, что описывает Тургенев: «Один кавалерист изложил генералу жалобу и получил в качестве ответа пощечину перед всем полком. Возмущенный этим полковник тотчас же удалился; генерал не мог этого понять и сказал: если я заткнул глотку этому наглецу, то сделал это я одинаково как в ваших интересах, так и в интересах дисциплины»⁶⁵. Если больной солдат приходит в госпиталь, то он должен быть благодарен только своему собственному организму, если он не умрет от лекарств или от мошеннической диеты, которая введена больничными чиновни-

ками в интересах их собственного кошелька. Все это известно всей России, новобранец знает свою участь во всех подробностях из рассказов кончивших службу, и эти злоупотребления ожесточают его также в высшей степени, и он старается бежать от этих оков, куда только возможно. Ведь имеется же солдатская поговорка: только ленивый нас не бьет.

Подготовленный таким образом приходит армейский солдат на три года в Польшу, и, несмотря на строгий надзор, несмотря на страшные наказания, он уходит оттуда сильно пропитанный демократическими идеями. Обучение гвардейского полка берет на себя сам император и, в особенности, великий князь Михаил⁶⁶, — обучение при помощи бессмысленного служебного мучительства, которому он подвергает своих марионеток. Гвардейцы видят близко двор и все дворцовые дела; они знают, что император смертен. Как раз у гвардейцев, с которыми царь особенно кокетничает, при помощи которых он, очевидно, собирается раздавить в настоящий момент Германию и демократию, царит раздражение против царской фамилии, выявляющееся самым безбоязненным образом в ужаснейших ругательствах, которыми так изобилует русский язык. При императорских смотрах офицеры часто принуждены отходить в сторону, чтобы только не слышать тех проклятий, которые замученные солдаты бросают по адресу царя. Когда в прошлом году царь выпустил свой знаменитый военный манифест против «неверных»⁶⁷ и изобразил перед гвардейцами прелести похода против Франции и Германии, то на лицах этих людей, намеченных царской военной прихотью на роль пушечного мяса, не показалось ни малейшего выражения радости, и, несмотря на трехкратный вызов, обязательное воодушевленное ура! не сорвалось с сомкнутых губ. Император вернулся во дворец, — и гвардейцы не пошли в поход. Мы уже говорили о Польше как о высшей демократической школе для русских. И это верно как в отношении офицеров, так и в отношении солдат. Поляки знали, что делали, когда они в 1831 г. написали на своих знаменах: За нашу и вашу свободу, — также и русские проливали свою кровь за Польшу. Мы не говорим здесь о первом сближении обеих наций во время заговора 1825 г., мы говорим о 1835 г., когда русские офицеры в Вильне организовали заговор для освобождения польского эmissара Конарского⁶⁸. Несчастливые обстоятельства или негодность одного поляка привели к раскрытию этого плана, но имя капитана Караваева, который, как руководитель заговора, был казнен⁶⁹, еще произносится с уважением и восторгом. До 1825 г. русский офицерский корпус, поскольку он состоял из русских по национальности (иностранцы являются самыми большими прислужниками), вплоть до офицеров в чине капитана, был очень хорошо настроен и одушевлен идеями свободы. Это произошло благодаря походам в Германию и Францию; Тугендбунд⁷⁰ и подобные союзы остались в памяти офицеров и солдат, особенно в Воронцовском⁷¹ корпусе, который лишь в 1818 г. вернулся из Франции. Теперь это можно встретить лишь в пехотных войсках и ча-

стью в артиллерии; в гвардейских и конных полках развращающая школа кадетских корпусов превратила молодых офицеров в простых материаллистов, в не рассуждающие служебные машины. Таким образом, происходит то, что русский солдат, который всегда тоскует по дому, с неудовольствием думает о войне, и это чувство еще увеличивается, когда он в ночной тишине сравнивает свое настоящее положение с прошлым. Таким образом, происходит то, что он очень легко переходит во время войны на сторону родственных наций и вообще во всякое время дезертирует. Во время восстания 1846 г.⁷² русские очень склонялись к переходу, и в 1848 г. перебежчики массами прибывали в Краков, принимали участие в борьбе, и еще в Бреславле⁷³ можно было составить сильный батальон из этих перебежчиков. К сожалению, восстание имело слишком мало успеха, чтобы оно могло тогда же дать выявиться этой деморализации или, вернее, «морализации» русских войск. Сколько тысяч перебежало в Пруссию в течение коротких месяцев уничтожения картельной конвенции!⁷⁴ Здесь можно рассказать анекдот, относящийся к этому времени. Один русский фельдфебель был послан в прусский пограничный пункт, чтобы потребовать выдачи 20 находившихся там дезертиров. Прусский чиновник отказывал в этом; русский угрожал всем гневом царя, но так как это осталось без результата и русский получил, таким образом, уверенность, что о выдаче нечего и думать, то он заявил: тогда и я остаюсь здесь. Что-то в этом роде разыгрывается, по-видимому, сейчас в Семиградии, и сознание, что это произойдет повсюду, заставляет царя держаться оборонительной политики, хотя и должен пробить час, когда он решится на бой.

Нам хочется еще сказать слово об отслуживших свой срок солдатах и об их своеобразном, вредном для царя положении. После десятилетних страданий солдат, получивший увольнение, возвращается в свою общину, но из этого еще не следует, что он свободный человек; он в «отпуску на неопределенное время» и может быть опять призван в случае надобности. Но до этого положение такого отслужившего свой срок солдата совершенно исключительное: он принадлежит царю, без того чтобы этот последний давал ему хоть один пфенниг на его содержание, но он не подчинен и своему помещику, не подсуден ему. Этим своим положением он пользуется, чтобы приобрести влияние на своих собратьев, на крестьян, он является проводником недовольства, он сеет семя революции на столь плодородной почве русского крепостничества. Эти отслужившие свой срок солдаты являются самыми предприимчивыми и смелыми руководителями не прекращающихся крестьянских восстаний, о которых мы расскажем в следующей статье, ибо, в то время как раньше крестьяне только жгли и убивали без всякого плана и тактики, во время восстаний в Симбирской, Пензенской и др. губерниях было замечено, что восставшие имели центр армии, арьергард и авангард и что они вообще сражались более по-военному.

Таково внутреннее гнилостное состояние армии, которого не может прикрыть никакое искусство. На военную угрозу со стороны России мы ответим лучше всего открытием границ, уничтожением картельной конвенции, и военные силы, которые сейчас находятся на польской границе, должны будут в скором времени быть оттянуты обратно, чтобы помешать дезертирству людей к Свободе. Если же Россия хочет предупредить это посредством нападения, то она должна найти нас готовыми.

II. Народ

В нашей первой статье мы оторвали новобранца от его семьи, от его деревни, сопровождали его на военной службе и вернули отслужившего свой срок обратно в народ; присмотримся же теперь ближе к этому последнему. О русском народе за границей еще совсем не имеют представления, а если имеют, то довольно ошибочное; обыкновенно его считают диким, несознательным и безвольным скопищем, массой нулей, которые, будучи приставлены к царской единице, придают ей внушительное положение. Это совершенно ложное представление: русский народ совсем не так тождествен, совсем не так единоклубен с императором, как этот последний и оплаченные им русские, немецкие и французские журналисты хотели бы внушить миру. Это самая грубая ложь, когда читаешь, что каждое утро 65 миллионов человек молятся за царя или же что царский приказ имеет безусловное действие от Вислы до Тихого океана; никто об этом не думает, и царь это знает лучше всех. Русский народ, пашущий землю, равно как и занятый в торговле и в ремеслах, крепостной, так называемый черный народ, расколот более чем на 200 сект, которые все носят политический характер и все сходятся на том, что отвергают нынешний порядок вещей, и власть царя считают царством антихриста. Эти секты, некоторые даже коммунистического характера, с общностью имущества и жен, распространены по всему государству вплоть до Урала и сильно преследуются, но становятся от этого еще более фанатичными: Екатерина II⁷⁵ их так жестоко преследовала, что некоторые общины поджигали сами свои деревни и бросались с женами и детьми в огонь, чтобы только не подчиняться православной государственной церкви и указам царицы. Александр⁷⁶ почти не тревожил этих раскольников до последних годов своего царствования; Николай, который из расчета — заодно с попами, а перед народом притворяется самым набожным человеком в государстве, начал вновь их жестоко преследовать; так, например, он загнал тысячи семейств сектантов-духоборов из восточной, центральной и южной России в степи Сибири и дикие горы Имеретии⁷⁷ и все же не мог заставить их отречься от своей веры и не добился другого результата, как только того, что пропаганда этих сект сделалась еще фанатичнее и еще успешнее. Чтобы показать, какой ненавистью против государственной

церкви проникнуты сектанты, приведем только один пример. Некий молодой духобор (эта секта не признает никакого авторитета) проделал в 1839 г. двести миль, само собой разумеется пешком, направляясь в Петербург только для того, чтобы дать митрополиту, главе государственной церкви, пощечину⁷⁸. А таких примеров, как осквернение причастия, когда сектант врывается во враждебную ему церковь и плюет в чашу с причастием, множество. Судите же, действительно ли весь русский народ видит в царе заместителя бога!

Что же касается всего народа, и православных и сектантов, то он тесно связан и объединен одним всех равно касающимся обстоятельством, — отсутствием свободы, рабством, в котором он находится, и стремление из него вырваться. Не следует думать, что крестьянин не знает, что он заслуживает лучшей жизни, более соответствующей человеческому достоинству участи, что, собственно, ему принадлежит земля, которую он обрабатывает во имя царя, государства или своего барина; бунты, восстания являются ясным показателем социального брожения в России, которое зашло гораздо дальше, чем это кажется Европе, видящей только поверхность, покрытую царскими красками. Первым большим протестом со стороны деревенского народа против угнетателей было восстание Пугачева⁷⁹ 1773–1775 гг., который, будучи простым казаком, трижды, под маской воскресшего Петра III⁸⁰, собирал пятидесятитысячное войско, взял Казань и продвинулся с Урала до Тамбова. Сектанты составляли его главную силу: пожары усадеб, груды трупов дворян и чиновников отмечали его путь; в Москве народ ждал только его появления, и Екатерина II дрожала на своем троне, пока, наконец, Пугачев не был разбит и захвачен в плен. Но память о нем, как о народном герое, продолжает жить, и народ все еще с гордостью передает рассказы о пугачевщине (времени Пугачева). После подавления этого кровавого восстания и казни его предводителей народ оставался спокоен до 1812 года, с которого начинается новое летоисчисление в истории России и начиная с которого мы должны различать движения народа и движения дворянства. Демократическая дворянская партия вступила с Наполеоном в переговоры, чтобы освободить при его помощи народ от ига крепостного права, но эту возможность совершить великое дело завоеватель отклонил, и тогда демократы обратили против него народное восстание, организованное в его пользу. Им удалось склонить Растопчина⁸¹ к сожжению Москвы, — уступчивость, которую Александр наказал своей немилостью, так как он никогда не мог простить ему этого поступка, хотя он и делал вид перед всем светом, что был осведомлен о нем. Пожар Москвы, священного града, был, конечно, приписан врагу и разбудил из состояния дремоты весь народ; великан, проснувшись, напряг все свои силы, и с границ Сибири еще год спустя тянулись целые толпы добровольцев, чтобы отомстить за святой город.

В результате этой войны по всей стране появились вольные отряды, которые больше не хотели возвращаться к работе, особенно в губерниях

Московской, Тверской и др., и которые громко заявляли: мы заслужили свою свободу на поле брани! И хотя эти беспорядки были вновь подавлены, все же, начиная с 1842 г.⁸², крестьянские восстания не прекращаются, каждый год происходит дюжина восстаний в самых различных округах, и они принимают все большие размеры: в то время как раньше поднимались только отдельные общины и округа, теперь восстание сразу же охватывает несколько губерний, так как народ, исполненный всюду одних и тех же стремлений, при первом известии из соседнего округа сейчас же хватается за оружие. Величайшая дикость, но также и возвышенный героизм проявляется во время этих восстаний. Во время холерного бунта в 1831 г. в Новгородской и Псковской губерниях около двухсот тысяч крестьян, взявшись за оружие, убивали всех господ, офицеров и чиновников с самым ужасным хладнокровием правосудия, без различия, были ли то друзья или враги крестьян. Так, один помещик увещевал своих взбунтовавшихся крестьян, говоря, что он, мол, был с ними всегда добр и справедлив, — почему же они хотят его убить? Это правда, — сказал один старый крестьянин со слезами на глазах, — но мы поклялись перебить всех дворян; умереть ты должен, но за то, что ты был добр, ты получишь легкую смерть. Другой крестьянин предложил ему свою трубку с табаком, чтобы перед концом помещик мог удовлетворить свою любимую привычку. С другой стороны, около восьми лет тому назад в Симбирской губернии был подвергнут казни один молодой крестьянин как руководитель одного из таких бунтов; все село провожало его с причитаниями и пением церковных песен на место казни. «Ничего, братцы» — крикнул он им в утешение, — не я первый, не я и последний!» Вообще русский народ легко возбудим, суверен в высшей степени; достаточно какой-нибудь небылицы, чтобы толкнуть его на выступление, и в случае надобности его собственная фантазия изобретает такие небылицы, чтобы дать пищу его стремлению. Так, напр., около 1824 г. распространился слух, будто в Киеве у одного священника в наказание за его грехи выросли рога; жертву божьего суда повезли якобы в Петербург для расследования, и сотни тысяч крестьян спешили на военную дорогу, чтобы лицезреть это чудо⁸³. 4–5 лет тому назад крестьяне Симбирской губ. поджигали свои деревни, и все поголовно утверждали, что это сделали дворяне, чтобы отомстить за предположенное царем освобождение крестьян.

Таким образом, в России речь идет уж не об одной отмене крепостного права, не об одном освобождении личности, но одновременно и о праве на землю; крестьянин рассуждает об этом совершенно открыто; он не говорит: земля нашего господина, но — наша земля. Характер русской революции как социальной, таким образом, заранее предрекан и коренится также во всем характере народа, в его общинном укладе. Земля принадлежит общине, отдельный крестьянин имеет лишь право пользования ею, право наследования существует только для движимого имущества, но не для земельного участка, и каждые 20–25 лет производится

новый передел земли. Нарушить этот общинный уклад, будь то с самыми лучшими намерениями, не дозволяется, это был бы смертный приговор для любого помещика. Но в этом стремлении улучшить свое положение, в этой готовности к бунту все крестьяне, удельные, государственные и крепостные⁸⁴, единодушны, так как, несмотря на это тройное разделение по наименованию, они объединены одной и той же несчастной, несоместимой с их человеческим достоинством судьбой. Оба первые по наименованию не являются, подобно помещичьим крестьянам, крепостными; но на деле это сводится к тому же самому; зачастую их положение бывает еще хуже, так что эти крестьяне восклицают: хоть бы мы принадлежали помещику! Удельные крестьяне зачастую только променяли мягкие патриархальные отношения с помещиком или его единоличный произвол на систематическое угнетение и эксплуатацию чиновников; они находятся в управлении министра государственных имуществ. А чиновный мир есть хорошо расчлененное целое, лестница, состоящая из бесчисленных ступенек, из которых нельзя пропустить ни одной, если хочешь достичь вершины, царя. Недаром сказано в поговорке: до неба высоко, до царя далеко. Таким образом, можно без труда понять, что русское чиновничество представляет для народа болото, полное кровососущих пиявок, народ подвергается наглому обману, тирании и он же несет судебные кары, не имея возможности добиться правосудия, так как все жалобы застревают по дороге в Петербург в канцеляриях высокопоставленных мошенников. Один пример пояснит это. Вследствие неурожая хлебов крестьяне Пензенской губ. получили несколько лет тому назад от правительства семенной картофель. Но картофель, вследствие посредничества и спекуляции подрядчиков, сгнил, и крестьяне протестовали против бесполезной работы по его посадке. За уступку чиновники взяли с них дорого, но позже, чтобы спасти, по крайней мере, видимость и чтобы в неурожай посеянного можно было обвинить погоду, они все-таки заставили крестьян посадить порченный картофель. Следствием этого было восстание возмущившихся крестьян, которое было подавлено лишь с помощью крови и кнута. Таким образом, хотя и дворянство не пользуется у крестьян любовью, все же чиновничество является первым объектом ненависти, и восстания разрушают так регулярно часть русской государственной машины, что Николай в 1841 г. пришел к мысли об освобождении крестьян, чтобы только спасти государственную машину. Мы увидим ниже, что это оказалось, — и не могло не оказаться, — напрасным трудом.

III. Дворянство

Как о войске и народе, так и о русской аристократии за границей имеют самые ошибочные представления, которые, питаюсь ложными воззрениями писателей о России и нарочитыми утверждениями русских писателей, соз-

дают самые нелепые басни о могуществе и величии этой аристократии и о зависимости от нее царя. Мы разрушим это представление до основания, дав сжатый обзор происхождения и истории русского дворянства. То, что называют русской аристократией, образовалось следующим образом:

До нашествия татар вся Россия была разделена на большое количество малых княжеств, главы которых, происходя из одного рода, признавали великого князя киевского, а позже — владимирского, главным в роде; но, впрочем, это родство не удерживало их от ведения кровопролитных войн друг с другом, причем на престиж великого князя обращалось чрезвычайно мало внимания. Вследствие патриархального порядка, который не признавал права майората в семьях, согласно которому владение всегда вновь делилось между сыновьями умершего, некоторые княжеские роды опустили до положения простых помещиков, сохраняя от своего былого величия одно лишь имя. Этот раздираемый внутренними раздорами комплекс больших и меньших княжеств в битве при Калке (31 мая 1224 г.⁸⁵) был легко уничтожен татарским натиском, который подчинил всех одинаковому игу. Но мало-помалу под татарским владычеством возросли власть и престиж переселившегося из Владимира великого князя московского, и это произошло благодаря двум одновременно действовавшим причинам. Великие князья увидели очень скоро свое бессилие против татар, но одновременно с этим они заметили еще большее бессилие остальных князей. С дипломатическим искусством, сохранившимся у царей еще до настоящего времени, великие князья стали разыгрывать роль наипреданнейших подданных татарских ханов, и при помощи лести и подобострастия они вскоре сумели добиться для себя роли ставленника над русскими князьями, в силу которой они получили право собирать дань и были признаны арбитрами при внутренних раздорах. Когда мы наблюдаем, как она этим путем приобрела Польшу, Грузию, как она давит на Молдавию и Валахию, на Грецию и Порту, как она умеет оказывать свое влияние на Германию, то мы понимаем, как хорошо должна была удалась их игра против маленьких, и без того угнетенных татарами, русских князей. Это была первая школа русской дипломатии, отсюда пошло проклятие, тяготеющее над русской политикой. Московские великие князья положили начало централизации России. В этом им помогло, кроме их собственной ловкости, еще одно обстоятельство, еще один союзник — народ. Изнывавший одновременно под игом татар и под гнетом своих князей, насилие которых было ограничено только неприкосновенным патриархальным и традиционным общинным порядком, — этой единственной конституцией России, благодаря которой крестьяне имели право пользования землей, принадлежащей господину, и право свободного отхода, — народ стремился к освобождению от этого бремени, и так как он видел невозможность при этой раздробленности восстать против татар, то он стал инстинктивно способствовать усилению власти великого князя за счет остальных удельных князей. В то время как централист-

ские стремления Москвы все более и более венчались успехом, татарские деспоты сами впали в то состояние раскола и раздора, благодаря которому Россия оказалась слабее их, и великие князья воспользовались этим, чтобы сбросить, наконец, татарское иго. Полностью эта цель и централизация государства были достигнуты при Иванах III⁸⁶ и IV (Грозном⁸⁷), от 1462 до 1584 г., путем завоевания Новгорода, Пскова и т. д. и полного подчинения княжеских родов. Превратившись под именем бояр из независимых князей в простых царедворцев и чиновников великого князя, отупевшие и поработанные уже при татарском владычестве, за редкими почтенными исключениями — грубые, ограниченные, суеверные — они организовали во время реформ Ивана пассивное сопротивление беспомощной и бездеятельной партии, бессмысленно державшейся старого, ветхозаветного, в то время как по отношению к низам, к крестьянам, они оставались высокомерными, жестокими господами. Так способствовали они своей собственной гибели, ибо еще сильна была в народе любовь к царям, которые освободили его от татар. В лице Ивана Грозного русская дипломатия нашла свое наиболее полное выражение. Скрывая свое собственное стремление к абсолютизму и к увеличению могущества под видом заботливости о народе, он, под ликоующие возгласы последнего, массами казнил тиранов-бояр и таким образом утвердил свою власть одновременно при помощи страха и любви. Насколько верна была эта народная привязанность к царям, показывает лучше всего народное восстание против поляков во времена Лжедмитриев⁸⁸ в XVII веке и происшедшее согласно воле народной избрание Романовых⁸⁹ на царский престол. Чтобы охарактеризовать эту аристократию, ее тупое окостенение в формах настоящей китайской иерархии, ее мелкое, смешное честолюбие в вопросах, касающихся ранга, ее собачью подлость, достаточно привести еще один пример. Это анекдот, взятый из самой скучной книги в мире, — из хроники правления великого князя Алексея Михайловича⁹⁰, в которой со всем педантизмом востока сообщается о каждом шаге царя с той же серьезностью, с какой Шехерезада⁹¹ описывает одежду женщин и перечисляет подарки, считая это настолько важным и интересным, что султан должен даровать ей жизнь. Однажды за столом Алексея возник спор между двумя боярами по поводу более почетного места. Некоторое время великий князь не мешал этому, а затем распределил сиденья по своему усмотрению. Тот, который считал себя оскорбленным в своей чести, бросился князю в ноги, покатился под стол и стал вопить и кричать: прикажи убить меня, но не лишай чести мой род. Алексей имел лучшее средство: он приказал вывести дурака, одержимого идеей родовой чести, во двор, всыпать ему сотни две палочных ударов, и когда тот вернулся, то, совершенно успокоенный, сел на отвергнутое им прежде место. Такова аристократия того времени. Эти смешные споры и китайские глупости так часто повторялись, что преемник Алексея, Федор III⁹², прибег к спасительному приему деспота: он повелел, под предлогом пе-

решения, собрать все родовые книги дворянских фамилий, на которые опирались во всех спорах, и сжечь их. Но смертельный удар старой аристократии нанес Пётр Великий⁹³ самовластным приказом о стрижке бороды, вывозе в свет сидевших до тех пор на азиатский манер взперти женщин и т. п. и основанием нового, служилого или по чинам разделенного дворянства, причем по новому положению дворянство терялось в третьем поколении, если ни отец, ни сын не отправляли какой-нибудь должности на государственной службе по военному или гражданскому ведомству. Это, а также и назначение целой массы заслуженных иностранцев вызвали со стороны старого дворянства многочисленные восстания против Петра, реформы которого они изображали суеверному народу как безбожные. Безуспешность этого сопротивления известна.

В период от Петра I до Екатерины II из этого дворянства образовалась новая аристократия, аристократия могущественных царедворцев, опорный пункт которых находился в гвардейских полках, где сыновья и родственники этих семейств занимали офицерские посты. Но нужно сказать, что, если история русских императоров может поведать нам многое о деятельности этой аристократии в царствование Петра II⁹⁴, Анны⁹⁵, Елизаветы⁹⁶, Петра III, масса земельного дворянства не стояла почти ни в какой связи с потрясавшими государство ночными предприятиями этой аристократии. Ко всем этим дворцовым интригам и дворцовым переворотам остальное дворянство было непричастно и оставляло придворным совершенно свободное поле. Одновременно эта придворная аристократия могла выставить дельных и энергичных людей, большей частью из школы Петра Великого, как русских по национальности, так и иностранцев; к ним принадлежали Меншиков⁹⁷, Миних⁹⁸, Остерман⁹⁹ и др. В царствование Екатерины эта аристократия, под покровительством царицы, приобрела утонченную культуру, ее представители образовались на чтении немецкой и французской литературы и выдвинули талантливых, дельных государственных людей, «светлейших господ» (welmoschy), как их называли, отличавшихся своей самостоятельностью. К ним принадлежат Потёмкин¹⁰⁰, Румянцев¹⁰¹, Орлов¹⁰², Бестужев¹⁰³ и, по крайней мере по своей суровой независимости, Суворов¹⁰⁴.

Екатерина, которая знала свободу только для одной аристократии и так мало интересовалась правами крестьян, что как раз в ее царствование крестьяне Украины, свободные до того, попали в крепостную зависимость, намеревалась возвысить дворянство до подлинной аристократии. Для этой цели она даровала ему политические права (т. е. право назначать предводителей дворянства, избирать судей, но отнюдь не права в том смысле, чтобы дворянство могло использовать их для оппозиции против нее, царицы), велела основать в разных губерниях библиотеки и действительно сообщила этому, до того времени довольно неотесанному дворянству, пусть хоть и внешнюю, но все же полировку и известное чувство собственного достоинства. Но как и все учреждения Екатерины,

эта попытка возвысить дворянство была вновь уничтожена ненавистью Павла¹⁰⁵ к своей матери. В своем самодержавном безумии ему нравилось унижать человеческое достоинство и держать все в постоянном страхе, неуверенности и зависимости. Это доходило до того, что народ и даже сами гвардейские офицеры в форме предпочитали сбегать в канавы и там на время прятаться, чем рисковать встретить карету царя и простираться перед ним в грязи, — до того, что дежурные офицеры гвардии всегда запасались деньгами, так как они никогда не знали, не будут ли они, вследствие какого-либо каприза Павла, отправлены прямо из дворца в Сибирь; отправил же он однажды из-за плохих маневров целый кавалерийский полк прямо с площади в Сибирь, пока его не вернули с дороги обратно. Убийство этого царя было праздником для дворянства во всей России, особенно же в Москве, где друг друга поздравляли, ибо на великого князя Александра, воспитанного Лагарпом¹⁰⁶, возлагались величайшие надежды, которые и осуществились, так как в течение долгого времени почти не существовало никакой цензуры и иностранная литература могла изучаться с увлечением.

Тут пришел 1812 г., который, вызвав сильное и благотворное потрясение в русском народе, оказал влияние также и на дворянство. Борьба этого года была политической, она встряхнула дворянство всего государства, привела его к сознанию своего значения, пробудила в нем стремление к свободе. Военные действия передвинулись дальше на Запад, причем наблюдения и опыт в Германии и Франции питали ум и воспаляли офицеров и солдат; ведь царь сам был заражен либерализмом, так как он обещал при даровании конституции Польше сообразоваться распространить таковую и на русскую территорию. Все это увеличивало восторженный пыл в русской молодежи, но, в то время как эта последняя дождалась времени, когда царский либерализм должен был бы, наконец, осуществиться на деле, он перешел в свою противоположность; Александр, под влиянием Меттерниха и мистицизма, опять уничтожил все, что построил, и старая деспотия вернулась вновь. Следствия не заставили себя ждать: пылкое, обманутое в своих надеждах молодое дворянство устроило заговор против царя, и этот заговор замечателен тем, что он явился первым пробуждением всего русского дворянства, а не прежним простым дворцовым заговором. Пустивший глубокие корни, особенно среди офицерства, где был представлен цвет дворянства, этот заговор привел к вспышке в 1825 г. и был кроваво подавлен. Как на всякое потерявшее крушение благородное дело, так и на этот заговор подлость и продажность излили свой яд. Конечно, все в этом заговоре было еще юношески романтично, но первоначально поставленная цель — конституция для империи — была вскоре оставлена позади наиболее выдающимися вождями: Пестелем, Рылеевым, Муравьевым¹⁰⁷, которыми были заложены основы существенных еще и сегодня для русской революции принципов. То было объявление земли национальной собственностью, освобождение

крестьян, свержение дома Романовых и образование славянской федеративной республики через разрушение российской империи.

На резне в Петербурге и Тульчине¹⁰⁸, на виселицах и ссылках в Сибирь укрепил Николай свой трон; терроризм страха стал его святым... покровителем. Если его брат, в последние годы своего царствования, восставлением цензуры, тайной полицией и инквизицией стеснял и подавлял благородный дух молодежи, то при Николае, особенно после польского восстания, стало еще хуже. Книги были строго-настрога запрещены, но читались они с тем большим рвением, и за большие деньги, несмотря на запрещение ввоза, можно было все достать. Одновременно с этим, несмотря на занятия литературой, некоторая дремота овладела на многие годы молодежью; она с отчаянья набросилась на изучение всевозможных немецких философов, этого духовного опиума для всех, кто жаждет действия, но осужден на бездействие. Однако неслыханный гнет разбудил также и новый дух, который, в противоположность духу 1825 г., столь богатому иллюзиями, был реальным и основательным, так как опирался на знание всего позорного механизма. Русская литература современного периода занимается лишь исследованием и изображением невыносимого, отвратительного положения страны; это — период, который в Германии был воплощен в Берне, период мучительного самопознания, самооплевывания. Плодом этого является приобретение молодым дворянством убеждения, что оно ничего не стоит, не имеет никакого будущего именно потому, что оно является дворянством, и лишь постольку, поскольку оно является таковым; что только в народе энергия, вся будущая жизнь России. Это есть догмат сегодняшней России!

Здесь уместно выступить против некоторых, очень распространенных, прочно укоренившихся и все же совершенно ложных утверждений. Все еще говорят о Москве как об очаге недовольства, как о существующем до настоящего времени сборном месте недовольной боярской партии. Это не так. Москва действительно является очагом недовольства, но недовольства радикальной молодежи, которая пренебрегает государственной службой и стремится к народу, стараясь слиться с ним в деревне. Партия же недовольных аристократов, которая во времена Екатерины имела свое местопребывание в Москве, уничтожена без малейшего следа; то была аристократия придворная и аристократия временщиков, которая опиралась на гвардию. Нынешняя придворная аристократия представляет лишь жалкую толпу прислужников, не имеющих уже энергии своих отцов — даже для убийства из-за угла. Если это дворянство действительно еще обладает кое-каким влиянием, то это влияние лакея, знающего все слабости своего повелителя, на своего господина; путем жалкого пресмыкания и подлых интриг, — но никогда посредством откровенности и прямого мужества, — еще можно здесь чего-нибудь добиться. Существует другое представление, согласно которому сенат стоит в резкой оппозиции царю и ставит ему часто своим противодействием помехи в осу-

ществлении его самых мудрых реформ. Это смешно: сенат является *de jure* и *de facto* наивернопопданнейшим слугою царя; он еще никогда не осмелился показать хотя бы тень самостоятельности; царь является единственным источником всей законодательной и исполнительной власти: он назначает и смещает сенаторов, осуждает их по своему капризу в 24 часа и ссылает их в Сибирь, без того чтобы хоть одна собака залаяла. Где же при такой зависимости проявиться еще чувству человеческого достоинства? Существует даже специальное выражение по этому поводу: он дурак, значит его надо в сенат. Правда, Петр Великий хотел даровать сенату юридическое значение высшей судебной коллегии, но только не политической; теперь же он потерял и первое, ибо зачастую царь решает даже в гражданских процессах против сената. Нужно ли еще после этого описания опровергать нелепую басню о том, что царь несколько лет тому назад во время заседания собственноручно застрелил одного сенатора за противоречие или же что 25-й год царствования должен быть одновременно и годом смерти царя, так как в противном случае сенат не мог бы дольше ставить ему ограничения?!

IV. Церковь и попы; чиновничество и финансы

В России все рассчитано на то, чтобы пышным блеском заменить отсутствующую истинную сущность, и подобно тому как Потемкин, при помощи декораций и согнанного народа, обманул царицу Екатерину II относительно блестящего состояния вновь завоеванной провинции Тавриды¹⁰⁹, так и царь, в свою очередь, всегда стремится к тому, чтобы использовать к своей выгоде искусственно поддерживаемые иллюзии Европы относительно истинного состояния России. Так как он знает, насколько Европа склонна находить сходство между русскими и собственными порядками или же выводить русские порядки, исходя из представления о своем собственном могуществе, то ему легко удастся из ничего создать предмет огромнейшего значения для чужих, особенно немецких ученых. Такое ничто представляет в России церковь. Но так как царь сделал себя и церковным главою России и приказал разгласить себя таковым во всех книгах и так как римская церковь была на самом деле силой, а папа ее воплощением, то, заключают охочие до писания туристы, которые бегло осматривают Россию, не понимая ни ее языка, ни ее народа, и русская церковь должна быть силой, а царь должен быть одновременно и светским и церковным князем, имеющим власть над Сибирью и над небом. Мы должны, чтобы прийти к истинному пониманию России и власти царя, разрушить этот ни на чем не основанный предрассудок, выяснив, что такое православная церковь и ее слуги, так как только о ней, а не о многочисленных сектах, здесь может быть речь. В противоположность своей римской сестре, греко-российская церковь является слугой

государства; в то время как первая в борьбе, длившейся столетия, завоевала, благодаря своей внутренней силе, верховенство над князьями, греческая церковь никогда не изменяла мертвых форм своего существования, которые сковывали дух, и, за редкими исключениями, не покидала состояния полной апатии. Теперь, после того как она дала подчинить себя светской власти, ей уже совершенно невозможно выбраться из этого состояния импотенции, так как для освобождения у нее нет больше ни сил, ни поля действия. По ее служителям нам станет ясной логическая неизбежность этого состояния. Священником (Pope) никто в России не становится по собственному побуждению — им становятся из своего рода наследственной традиции, по которой сын занимает должность своего отца. Если, таким образом, чувство призвания к священническому сану есть вещь невозможная, то все воспитание попа направлено к тому, чтобы сделать его неспособным стать священником в том смысле, как мы это понимаем, т. е. учителем и просветителем своего прихода и сделаться, таким образом, влиятельным членом общества. Слоняясь ребенком с крестьянскими мальчиками по деревне и получая, как и они, в наказание побои, он при этом мимоходом научается кое-как читать и писать. Только в 9 лет в его юношеской жизни происходит перемена; он должен отправиться в духовную школу соседнего города и там, при щедрых колотушках и скудном питании, в 4–5 лет успевает не больше, чем мальчик того же возраста в разумно поставленной школе в течение одного года. Как бы то ни было, он поступает затем, согласно установленному порядку, в духовную семинарию губернского города и там в течение 6–7 лет, при ужасающем, убивающем дух монашеском деспотизме, которому абсолютно нет никакого дела до чистоты нравов или до религиозного чувства, которому важны лишь видимость этого последнего и пустой обрядовый хлам, занимается схоластической белибердой. Если из него выйдет прок, то это вопреки этому методу воспитания, а не вследствие его. Из этой семинарии существуют три выхода. Или этот выдрессированный согласно всем правилам человек становится тем, чем был его отец, — дьяконом, попом, или он, как некоторые его товарищи по несчастью, поступает в медицинскую академию, или же, если он действительно имеет способную голову, командировается в духовную академию. Семинария, таким образом, решает судьбу своего питомца, решает вопрос, станет ли он черным или белым попом. Черным попом, т. е. монахом единственного русского ордена базилианцев¹¹⁰, он становится со вступлением в духовную академию, где он проникает во все глубины схоластики, чтобы потом стать архимандритом, епископом и т. п. Среди этих ученых попов встречаются, конечно, иногда и дельные люди, которые из своего учения выносят даже склонность к различным ересям, за что они, как только об этом пронюхают, ссылаются на покаяние в Соловецкий монастырь близ Архангельска или в какой-нибудь другой и даже в Сибирь. Некоторые из них (как Иннокентий Киевский)¹¹¹, ревностно изучают немецкую фило-

софию, но если бы они даже открыли новые системы, это не оказало бы никакого влияния на церковь, так как философское образование не есть общее достояние всего черного духовенства; наоборот, — достояние только единиц. Недостаток солидарности среди этого высшего духовенства делает, конечно, невозможным всякое поползновение создать для церкви независимое положение в государстве; дающие себя знать порою стремления к самостоятельности являются изолированными и потому бессильными, царская немилость умеет ставить на свое место даже и митрополита московского Филарета¹¹². Черное духовенство имеет мало влияния и на народ, с которым оно почти не приходит в соприкосновение; это влияние могло бы выпасть на долю белых попов, которые живут в народе и с народом, но мы сейчас увидим, что они вследствие своего воспитания и положения никогда этого влияния иметь не могут. То же рабство, то же отсутствие человеческого достоинства, которое принижает поповского сына в школе и семинарии, ожидает его вновь при выходе из последней в свет. Белый священник должен жениться, прежде чем быть посвященным в свой сан, но способ его женитьбы есть самая большая безнравственность. Точно так же, как он не становится священником по собственному выбору, он не становится по собственному выбору мужем девушки, которую он любит. Чтобы следовать предписаниям церкви и дать посвящаемому в священники жену, его родители вступают в переговоры с другой поповской семьей, которая имеет дочь на выданье, и между ними совершается соглашение; если денежный вопрос находится в порядке, сын и дочь обязаны подчиниться. В качестве попа он имеет лишь церковное имение, доход с которого делит с дьяконом и с низшими церковными служащими; таким образом, начинается его зависимость от помещика и от крестьян тотчас же по вступлении в свою должность. Помещик разыгрывает роль немецкого покровителя церкви старого стиля и в зависимости от того, нравится ли ему поп или нет, дарит ему свою благосклонность или отказывает в ней, разрешает ему пользоваться строительным лесом и дровами и другими подачками для кухни и дома или нет; несчастный священник находится в таком же положении и по отношению к крестьянам. У них он должен выпрашивать обработку своего поля, сбор урожая и тысячу мелких услуг в домашней жизни, так как для оплаты этих работ у него нет средств. Если же крестьяне это делают, то он должен обнаружить настолько ума, чтобы считаться с их слабостями и не должен быть строгим; чтобы, таким образом, быть в состоянии жить по-человечески, он должен забыть о своем сане в своих отношениях с помещиком и с крестьянами. Он ничему не научился, делать он ничего не умеет, и вот он скучает или же сердится на свою жену, которая ему не нравится, пеняет на свое положение, которое ему навязано. Чтобы развлечься и утешиться, он идет к крестьянам, усердно посещает кабаки, пьянствует вместе с народом и притом с такой виртуозностью, что в России поп и пьяница являются равнозначными понятиями; при этом он

вскоре становится мишенью для народного остроумия. Как может он при таком поведении, при недостатке ума и образования, иметь влияние на народ? Правительство, конечно, очень хотело бы, чтобы священник приобрел такое влияние, чтобы использовать его в своих целях для своей безопасности; оно обязывает его в ежегодно обновляемом указе исполнять роль государственного шпиона, который должен сообщать правительству тайны исповеди относительно преступлений, в особенности политических. Но пока оно не в состоянии платить священникам жалованья, чтобы вырвать их из состояния зависимости, этот приказ остается, конечно, без действия. Народ, правда, ходит в церковь, чтобы исполнять обряды и смотреть на них, но ему и в голову не приходит исповедоваться в преступлениях, и священник всегда последний узнает что-либо о предполагавшемся волнении. О каком-либо фанатическом отношении к государственной церкви, при отсутствии религиозного чувства в народе и ограниченности попа, не может, таким образом, быть и речи, — фанатизм существует только в сектах, и он направлен, как мы видим, против государственной церкви и против императора, для которого, таким образом, оказывается уничтоженной возможность в качестве главы государственной церкви фанатизировать русский народ.

Итак, никакие национальные, никакие религиозные узы не связывают народ с царем; его войско может сдерживаться только благодаря железной дисциплине, внутренне же оно, как часть народа, ему враждебно и не может служить ему опорой. Где же мы должны искать могущество царя? Может быть, в гражданском чиновничестве? Только закоренелый немецкий бюрократ, который никогда не покидает своей канцелярии, который никогда не заглянул в другую книгу, кроме своего регистра и таблиц, может прийти в немое изумление перед поразительным, тесно сплетенным внутренними нитями организмом русского чиновничества. Сведущий критик должен как раз в этом усмотреть наиболее уязвимое, губительнейшее место всей системы. Как ни богат соответствующий материал, который мы могли бы осветить примерами, — мы хотим быть здесь краткими и сказать, что начиная с наивысшей точки этой пирамиды до самого ее основания, все чиновники воруют самым циничным образом. Это настолько установившийся порядок и до такой степени считается присущим службе, что старший чиновник попрекает младшего тем, что тот-де для своего служебного положения (Tschin) слишком много крадет. Эта продажность есть необходимое следствие ничтожной оплаты бедной по своему происхождению массы чиновников, а также и того печального явления, что моральное понятие о чести в принципе у них совершенно не существует, да и не может существовать, по причине безусловного послушания и абсолютной несамостоятельности, являющихся первым и единственным долгом каждого хорошего русского чиновника. Обман здесь до того укоренился, что чиновник, имеющий идеальное представление о долге, рассматривается другими как враг, и он либо бы-

вает принужден делать то, что другие, либо же подвергается утонченной ненависти, страшнейшим преследованиям. Честный человек среди воров должен погибнуть. Без его ведома, с помощью подлога соответствующих документов, его или сделают соучастником преступления, или объявят политически неблагонадежным, и горе ему, если он в обоих этих случаях не обеспечен сильным покровительством при дворе. Он должен уйти, «он якобинец, он не хочет брать!» — говорят о нем, и высшие начальники из собственных интересов помогают освободиться от чудака, который позволяет себе иметь иное представление о государственной службе. Видимость, это — всё, что требуется в России от хорошего чиновника; видимость приносит повышения, ордена, деньги, существо же ведет в Сибирь. Таким образом, получается то, что, несмотря на искусно расчлененный механизм, в чиновничьем мире существует самая большая дезорганизация. Нет такого сенатора, такого министра, такого начальника департамента в Петербурге или в провинции, который не воровал бы. Даже жены чиновников используют эту привилегию своих мужей, и супруга министра полиции Бенкендорфа¹¹³ привозила целые пароходы, полные контрабандного товара, в Кронштадтский порт и содержала, через посредство своих крепостных служанок, большие торговые склады. Монополисту Б. нужен был для одной чрезвычайно выгодной спекуляции новый закон, и он добился этого при помощи подкупа всего совета министров. Конечно, царь хотел бы положить конец подобному положению вещей, но то, что он предпринимает против этого, есть только удары прутьями по воде, несколько капель которой брызжут на берег и высыхают, не уменьшая количества воды. Огромное количество воров и механизм чиновничьего мира делают невозможной всякую реформу, тем более что царь скорее упрям, чем энергичен. Так, несколько лет тому назад он созвал комиссию для пересмотра кондуктных листов чиновников под своим собственным председательством. Во всем государстве были собраны данные, но ни один единственный чиновник не оказался чист, и когда царь сместил несколько сотен их, то он почувствовал все свое бессилие вычистить эти авгиевы конюшни; он распустил комиссию, и все пошло по-прежнему. Эти несколько осужденных были только самыми глупыми, но не самыми наглыми мошенниками. Эту отвратительную тему мы заключим характерным анекдотом, который передадим по возможности в его первобытной красе. Министр внутренних дел Перовский¹¹⁴ (известный своим неудачным походом в Хиву¹¹⁵), тоже идеалист, захотел внести немного больше честности в полицейскую жизнь и, конечно, очутился вследствие этого во враждебных отношениях с начальником полиции Кокошкиным¹¹⁶ (или, как его остроумно прозвали за его взяточничество, *cache coquin*, т. е. укрывателем воров), продуманным мошенником. Но царь, который всегда боится насильственной смерти и считает, что только при управлении Кокошкина он может спать спокойно, берет его всегда под свою защиту, несмотря на самые очевид-

ные доказательства его дурных качеств. Наконец, Перовский решил, что он имеет в своих руках уничтожающее доказательство, так как Кокошкин получил от одного водочного монополиста 100 000 руб. серебром. В царской передней оба врага встретились, и Перовский сказал: «Поздравляю вас, ваше высокопревосходительство». Кокошкин бросается к царю, ждет нового изъяснения милостей, но царь молчит. Вечером в обществе повторяется та же сцена. Кокошкин чувствует недоброе и спрашивает, с чем его должно поздравить. «Ну, вы уж знаете!» слышит он в ответ. Тогда Кокошкин спешит к царю, разыгрывает обиженного и грозит подать в отставку, ибо он знает слабую сторону царя. «Что это за глупость?» спрашивает царь, и Кокошкин рассказывает ему тогда остроуту Перовского. «Что это за дурачества ты выкидываешь?» набрасывается царь на вызванного министра. «Ваше величество, это он уж сам знает», отвечает Перовский. «Прошу со мной не шутить, в чем дело?» приказывает Николай, и Перовский рассказывает ему всю историю. Теперь уж, наконец, неверный чиновник, конечно, должен погибнуть? Ничуть не бывало; когда Кокошкин вновь является, царь говорит ему только: «Я тоже тебя поздравляю». Тем дело и кончилось, и только позже счастливец узнал, с чем он должен был себя поздравить. Таким образом, русский чиновный мир несправим, он притесняет народ, парализует даже хорошие, благотворные учреждения царя или совсем на них не обращает внимания и тем самым влечет за собой его падение.

От выжимания денег чиновниками и их мошенничеств переходим мы естественным образом к вопросу о состоянии русских финансов. Быть может, могущество царя, которое не имеет корней ни в народе, ни в религии, ни в военном, ни в гражданском чиновничестве, основывается на неисчерпаемых денежных средствах? Легенда предоставляет в распоряжение царя неслыханные денежные средства и много рассказывает о сокровищах Петропавловской крепости; а те чудовищные суммы, которые Россия ежегодно тратит на подарки дипломатам и шпионам для поддержки ее собственных тайных планов, точно так же, как и на поддержание абсолютной монархии в Германии, наконец те денежные суммы, которые она ссужает Франции, Англии и Австрии, как бы говорят за правдивость этой легенды. Но откуда же эти доходы, если в общем народ беден, индустрия находится в младенческом состоянии, и только хищения и обман огромны? Откуда эти тайные сокровища, если Россия сама сделала займы в Голландии, Франции и Англии? О, — говорят в ответ, — царь владеет такими богатыми золотыми рудниками на Урале и в Сибири, что ему даже нельзя как следует их эксплуатировать, дабы не понизить стоимости золота. Конечно, царь владеет богатыми золотыми россыпями, но далеко не в таком размере, и за этот наш взгляд говорят немаловажные факты. Деньги, которые с таким шумом были выданы дворам Франции и Англии, были всего-навсего те, которые должны были бы лежать в подвалах банков как капитальный фонд, обеспечивающий

государственный долг. При огромнейшем же количестве банкнот, которые обращаются в стране, напрашивается простой и логичный вывод, а именно, что даже пятая или даже меньшая часть этих банкнот не покрыта наличностью, в то время как при урегулированной финансовой системе по крайней мере третья часть их должна лежать нетронутой, чтобы в случае кризиса могли быть частично выкуплены облигации государственного займа. Но так называемая ссуда Англии и Франции представляла на самом деле не что иное, как обмен русских денег на английские и французские рентные бумаги, которые теперь, вместо золотой наличности, лежат в петербургском банке. Эта покупка была сделана в интересах абсолютизма, и революция, которая должна произойти также во Франции и в Англии, покажет, что Россия произвела невыгодную спекуляцию, так как ренты не будут оплачены, а золотая наличность израсходована.

Кроме того, при таком невероятном богатстве металлами должно было бы во всяком случае существовать больше звонкой монеты, а между тем во всей России, даже в губернских городах, только с большим трудом можно разменять сторублевую бумажку. Далее должно поразить то, что два года тому назад гражданским и военным чиновникам в течение трех месяцев не выплачивалось жалованье; тут было бы своевременно, не подвергая стоимости золота опасности понижения, поэксплуатировать несколько более неизвестные рудники, но этого не случилось, ибо они вовсе не существуют в действительности. Ибо как ни дерзки сами по себе захваты царя, с помощью которых он присваивает себе крупные церковные доходы, деньги за церковные свечи, равно как и губернские школьные фонды, в глазах всех было бы прямым, уже ничем не оправдываемым насилием, если бы действительно уральские золотые источники вливались в личную сокровищницу царя. В самом деле, царь оспаривает право обращать в пользу духовных школ и семинарий деньги, которые набожные люди тратят на свечи и из которых ежегодно составляются огромнейшие суммы; отбирание у клира этих денег означает не что иное, как превращение его в еще более дикое состояние, увеличение его зависимости от помещика и крестьянина, и показывает, как велика нужда царя в деньгах, так как в интересах государства он и хотел бы обеспечить попов жалованьем, но денег для этого не имеет. Наконец, крайность нужды царя в деньгах доказывает и тот факт, что в сберегательной кассе Москвы, где купцы, ведущие торговлю с Востоком, держат свои деньги в ожидании времени расплаты, не получая с них процентов, три года тому назад не оказалось никаких денег, и большое количество купцов очутилось в тяжелом положении или же обанкротилось, ибо царь заключил принудительный заем.

Итак, больше бумажных денег, чем это должно быть при разумной финансовой системе, задержка жалованья чиновникам и, что хуже всего, посягательство на имущество частных лиц, — вот результаты русского хозяйства! Революция еще пока не задела России, но если она там разразится, то ей уж не будет удержу, ибо все, что ей должно противостоять,

находится в состоянии разложения, и банкротство русского государства гораздо ближе, чем это думают слепо верующие.

Эта армия больших и малых воров и мошенников, не должна ли она быть одним из устоев государства? Совершенно очевидно обратное. Она есть разрушение государства, бессознательный губитель системы, для сохранения которой она якобы работает; она — злейший враг царя. Чиновничья каста рассматривает Россию как арену для своей грабительской и мародерской деятельности, и этот дух проникает великого и малого; эта каста, благодаря своей многочисленности, своей организации, одинаковому сознанию своей вины, является действительным правителем России. По ее могущественным ступеням доходят приказы царя до народа, по ним поднимаются просьбы и жалобы народа к царю, но все это только с согласия самих чиновников. Если приказ сверху кажется им подозрительным и угрожающим их безопасности, то он, правда, тут же получает движение, даже, быть может, и опубликовывается, но только не исполняется, так как народ и частные лица не могут добиться его исполнения; их просьбы и жалобы не приводят ни к каким результатам, даже золото не действует на высших ступенях, так как сумма недостаточно соответствует чину; одним словом, до неба высоко, до царя далеко! Таким образом, естественным следствием этой грабительской системы чиновников является бесконечное озлобление народа против них, — озлобление, которое далеко превосходит ненависть народа к дворянству. Но чиновный мир, который, как мы видим, предписывает царю законы или же исполняет царские приказы, когда это ему заблагорассудится, не является больше орудием престола, а, скорее, могущественным орудием революции, которой он приносит в жертву самого себя вместе с царем.

О России

I

Г-н редактор!

С некоторых пор шведская пресса оказала мне честь заняться мной, и я спешу выразить мою живейшую благодарность независимым газетам Стокгольма и провинции за благородство и великодушие, с каким они приняли участие в моем деле и вместе с тем защитили право гостеприимства Швеции от нападков, которые, хотя и обрушались на меня со сто-

роны официозных перьев столичной прессы, но, тем не менее, выдают свое иностранное происхождение. Это происхождение, этот источник, никогда не устающий изливать свои черные волны на общественное мнение мира, эти невидимые, но упорные и непримиримые враги всякой правды, всякого права, всякой справедливости и всякой свободы, — я знаю их давно, ибо уж скоро 25 лет я борюсь против них. Они называются Санкт-Петербург и Берлин, солидарные между собой более чем когда-либо и более чем когда-либо заслуживающие общего порицания. Какое же мне дело до их анонимных слуг и их презренных друзей в Швеции! В дружбе, как и в войне, я предпочитаю держаться учителя.

С помощью фантастических преувеличенных описаний, с великим трудом собранных из старой немецкой газеты, известной тем, что она продавалась всевозможным правительствам, хотела запугать шведскую общественность, выставляя меня чем-то вроде Герострата¹¹⁷ и революционного каннибала¹¹⁸, мечтающего лишь о поджогах и кровопролитии. И, однако ж, я никогда никого не убивал и не приговаривал к смерти, никогда я не позволял кнуту служить цивилизации народа, никогда не сокрушал целых народностей, никогда не сжигал городов и деревень для их лучшего успокоения. Никогда я также не служил в качестве палача или жандарма *con amore*¹¹⁹, или как шпион деспотического правительства, и никогда его страшной мести я не выдавал поляков, искавших защиты и убежища.

Я вызываю моих противников сказать то же самое о себе.

В моей прошлой жизни нет поступка, за который мне пришлось бы краснеть¹²⁰. В 1848 и 1849 годах, как и сегодня, я имел лишь одну веру — человечество, одну цель — победу свободы. Я знал, что все народы солидарны в свободе, как и в рабстве, и, когда я боролся за свободу запада, я был уверен, что тем самым борюсь за русскую свободу. Я тем более был в этом убежден, что видел, как правительство в Петербурге, испуганное европейской революцией, тайно сговаривалось со всеми реакционными правительствами Германии, чтобы подавить ее. Для нас, честных русских, любящих свой народ, имеется верный знак, по которому мы находим справедливый правильный образ действия. Внутренне убежденные, что царская система в Петербурге является полнейшим воплощением всего, что следует назвать злом, нам достаточно делать противоположное тому, к чему она стремится, чего хочет, что делает, чтобы никогда не ошибаться.

Сам славянин, я ревностно работал на освобождение славянских народов. Я считаю большой честью для себя свое участие в славянском конгрессе 1848 г. в Праге. Я боролся одновременно против двух тенденций, одинаково угрожающих будущему этой расы: той, которая поддерживалась сторонниками Австрии, хотевшими из славянских народностей создать новый пьедестал для могущества Габсбургов¹²¹, и той, которая поддерживалась петербургским панславизмом.

В 1849 году, когда царь Николай соединился с Австрией, чтобы подавить законное восстание венгров, я пытался противопоставить этому ги-

бельному союзу священный союз народов и, прежде всего, примирить славян в Богемии с немецкими демократами. Мои старания не были совершенно безуспешными, немцы и славяне подали друг другу руку для одновременного и всеобщего революционного движения, которое, если бы удалось, спасло бы Италию и Венгрию, привело бы Польшу к восстанию и перекинуло бы революцию в Россию. Но все это произошло слишком поздно. Всеобщий отлив уже заметался во всей Европе. Настала пора реакции. Мы должны были потерпеть неудачу.

Восстание в Дрездене, вспыхнувшее раньше, чем предполагали, вследствие государственного переворота, застало меня в этом городе как раз в тот момент, когда я собирался ехать в Прагу, где меня ждали. Мне было невозможно отстраниться и уехать, и таким образом я, иностранец, не предполагая этого и не желая этого, стал quasi-членом повстанческого комитета в Дрездене. Раз втянутый в борьбу, я взялся за нее серьезно. Понятно, что при этом был сожжен театр и несколько домов, пожертвовать которыми было необходимо для защиты. Война не детская игра, и поистине нужно быть очень наивным, чтобы удивляться этому. Но я топлюсь сказать, что в продолжение этой борьбы народ в Дрездене не совершил ни одного варварского поступка, что он предоставил эту привилегию солдатам, и что уже тогда прусские и саксонские командиры произнесли те жестокие слова, которые сегодня, к сожалению и к вечному стыду моего отечества, повторяются высшими начальниками русской армии в Польше: в плен не брать, раненых убивать!

Мы устояли в течение целой недели против объединенных прусских и саксонских войск; после, вынужденные отойти, мы провели в полном порядке отступление в Фрейбург, где мы распустили по домам большую часть наших добровольцев. По прибытии в Хемниц ночью я был, благодаря предательству, схвачен.

Вот видите, милостивые государи, в нескольких словах — вся моя история. Вы не найдете в ней никакого блестящего достопамятного поступка, но также ничего, в чем я должен был бы раскаяться. Если я о чем-нибудь сожалею, так это о том, что я не сумел еще лучше, еще сильнее послужить святому делу свободы. Но я считаю честью для себя, что посвятил ему всю свою жизнь.

Неужели же в Швеции мне придется краснеть за это? О, другое дело было бы, если бы я был ревностным и верным исполнителем идей Петербурга и Берлина. В особенности в настоящий момент, когда столько жестокостей и ужасов происходят в Польше по распоряжению одних и преступной услужливости других — мне бы понадобилось либо больше способностей, чтобы скрыть мой стыд, либо на много-много больше цинизма, чтобы снести его.

А теперь, милостивые государи, позвольте мне прибавить несколько слов о тенденциях партии, к которой я имею честь принадлежать, партии народного движения в России.

Надеялись запугать шведскую общественность рассказом, что русский революционер, т. е. самый красный из красных, с некоторых пор поселился в Стокгольме, что между прочим никого не должно было удивить, потому что жизнь здесь так проста и вместе с тем так приятна, общество так гостеприимно и еще потому, что либеральные законы страны разрешают каждому иностранцу приехать и жить без паспорта, требуя взамен этого гостеприимства лишь строгое соблюдение шведских законов. Если даже предположить, что я действительно тот самый страшный и красный человек, каким мои друзья из русской и немецкой дипломатии хотят меня представить и изобразить, какое зло мое присутствие могло бы причинить Швеции? Разве можно серьезно думать, что революционная пропаганда здесь возможна? Она выполнима только в странах, где правят ваши хозяева, милостивые государи, в странах, где глупость правительства превосходит лишь циничной жестокостью их инстинктов и их делами, разрушающими все справедливое и все свободное, и где революционизирующий деспотизм монархов рано или поздно необходимо вызовет народную революцию. Но здесь, в этой стране, такой счастливой, такой спокойной и пользующейся большой свободой, которая не является здесь, как в других местах, горячо желанной целью, а чудесной привычкой — здесь, где повседневный обычай открытых собраний и свободнейшей прессы никого больше не беспокоит и где прогрессивное развитие, одновременно всеобъемлющее, правильное и быстрое, дает себя чувствовать во всех направлениях, — в этой стране, наконец, которой правит один из самых популярных монархов в Европе, — человек, попытавшийся вести революционную пропаганду, был бы смешным дураком, которого неминуемо убил бы насмешка.

А в остальном, милостивые государи, — вы это хорошо знаете, а если не знаете, то должны были бы знать, ибо зачем бы вы иначе содействовали тем, кто за нами шпионит, — я не приехал сюда, чтобы пытаться устраивать революцию в Швеции. Времена изменились, мы не вмешиваемся больше во внутренние дела других стран. Правда, мы сохранили все наши прежние симпатии, но опыт научил нас, что каждый действует хорошо лишь дома у себя, на своей земле, и у нас право же слишком много дела в России, чтоб иметь время и материальную возможность заниматься делами других.

Мы делаем исключение только для одной чужой страны — Польши. Ах, это происходит оттого, что Польша прикована к той же цепи, что мы, как и мы, она является жертвой немецкого чудовищного централизма, который называется императорской властью в Санкт-Петербурге и который в себе не заключает ничего русского, кроме имени. Мы, как и они, презираем эту так называемую императорскую власть, потому что мы любим честь нашей родины, нашего народа; потому что, подобно страшному кошмару это жестокое, деспотическое положение, основанное исключительно на рабстве, на брутальной циничной эксплуатации всех сил народа, с единственной

целью — завоеваний, в течение более двух веков давило на жизнь народа, да, на его свободное дыхание, потому что, с тех пор как она основалась на развалинах нашей национальной жизни, эта императорская власть, вначале византийская и татарская, затем немецкая, всегда чуждая нам, обвиняла, позорила, разоряла, мучила нас, пользовалась нами как неблагородной мертвой материей, как пассивным орудием для своего величия; потому что неслыханными, бесчисленными злодеяниями, внешними и внутренними, она навлекла на нас проклятие, ненависть и пренебрежение мира. Мы презираем ее за гнусности, которые она сегодня совершает в Польше, и за все то хорошее, что она подавляет в России. Мы презираем ее, одним словом, со всей силой нашего унижения и вынесенных нами страданий, а также со всей мощью нашего будущего. Между нами и ней война на жизнь и смерть. Поляки протянули нам руку, нам, партии национального возрождения, потому что они убеждены, что мы, как и они, желаем радикального уничтожения этой немецкой коварной императорской власти. И когда Финляндия, в свою очередь, поднимется, чтоб отвоевать свою свободу и самостоятельность, мы протянем ей руку, как мы протянули ее полякам. Ибо все враги императорской власти в Петербурге — наши друзья, друзья русского народа, а все ее друзья — наши враги.

В этой по-видимости неравной борьбе, она на первый взгляд имеет все шансы за собой. Она имеет против нас окаменевшую силу, выросшую за двухсотлетнее существование. Она представляет все подобие могущественного организованного государства, распоряжающегося более чем 70 миллионами душ, с финансами, флотом, большой армией, бесчисленной рабски повинующейся бюрократией, и с еще более бесчисленным ополчением агентов и шпионов внутри и вне страны. Заграницей, несмотря на опыт крымской войны, несмотря на поразительный, сказочный успех польского восстания — опыт и успех, которые должны были бы открыть миру глаза, — еще не отвыкли бояться и уважать ее. Кроме того, она располагает дружбой и наивным восхищением Берлина, который в настоящее время ведет себя так, будто продал свою душу Санкт-Петербургу, счастливый тем, что может пожать руки, обгаренные польской кровью, и не знает, как бы в достаточной мере трусливой угодливостью заслужить себе его улыбку. И все же, вопреки всему этому, вопреки даже дружбе и любезности Берлина, я, не колеблясь, говорю, что все шансы борьбы за нас, что годы и дни царского кошмара сочтены и что, если только польское движение продержится еще немного, то этой царской власти не осталось прожить года.

Я намерен в ближайшем времени в серии статей выявить причины возникновения так называемой царской власти, ее быстрого роста и теперешнего упадка. Я докажу, что царская власть никогда не была русской и что не было ничего общего между официальной Россией, единственной, которую знает Европа, и народной, «национальной» Россией; что вначале Московское царство, татарское и византийское во всем своем

существо, и затем его неизбежное дополнение — Петербургская немецкая империя основались лишь после кровавой борьбы, длившейся более полувека; что русский парод никогда добровольно не подчинялся скипетру царской власти; что он гигантскими восстаниями дважды расшатывал государство в самых его основаниях, что русский народ, даже побежденный и угнетаемый, никогда не примирялся с властью. Я покажу, как эта противоестественная и на вид такая мощная власть, не знающая другой цели, кроме завоевания, — будь то хитростью или силой других средств, кроме рабского страха и грязного своекорыстия, — подорванная своими собственными пороками, необходимо должна рушиться, а также каким образом из этого явно приближающегося падения должна вырасти торжествующая, но мирная и счастливая новая свободная Россия.

II

Для тех, кого удивит сила моей ненависти к петербургскому императорскому режиму, я скажу, что с режимом этим я познакомился в царствование императора Николая. А это, быть может, был наиболее мрачный период в истории наших монархов, уже самой по себе достаточно мрачной.

В продолжение 30 лет это было систематическим отрицанием всякого человеческого чувства, всякой мысли, всякой справедливости. В течение всего этого времени не прислушивались ни к жалобам, ни к ропоту, подвергаясь действию этой системы удушения, которую называли Николаевским режимом: люди страдали и умирали, не смея вымолвить слова.

Император Николай был Дон-Кихотом¹²² системы, созданной Петром I и Екатериной II; он был наиболее трагическим ее выразителем. Он считал себя благодетелем и просветителем России. Что случилось бы, если бы он не был побежден в Крыму? Для России это было бы большим несчастьем. Но, к счастью для нас, его торжество оказалось невозможным.

Никто никогда не забудет трепета, пробежавшего по всей империи при смерти императора Николая. Его можно было бы назвать первым вздохом воскресшего.

Чиновничество оплакивало крушение своего владычества, остальное же население содрогнулось от радостных надежд.

Россия не умерла: несмотря на все его усилия, императору Николаю не удалось убить ее, и было ясно, что его режим, столь ненавидимый всеми, вместе с ним сошел в могилу. Дата его смерти является днем рождения новой России. После Крымской войны все поняли, что старая система отжила свой век и что надо создавать новую.

Это убеждение было настолько глубоким и всеобщим, что проникло в высшие сферы, обычно мало расположенные к реформам. Совершенно открыто стали критиковать недостатки как военной, так и гражданской администрации. А недостаткам не было числа; всюду полное невежество, всюду обман, возведенный в систему, всюду, наконец, попрание справедливости. Императорское правительство пожертвовало всем, лишь бы ка-

заться могущественным извне, но оно не успело и в этом: его уже не боялись, его презирали, и оно было доведено до того, что начало презирать самого себя. Положение стало невыносимым. Нужна была радикальная реформа. С другой стороны, крестьяне начали открыто требовать земли и свободы, в чем им не могли отказать из боязни народного возмущения.

На трон вступил молодой император. Говорили, что он добр, кроток и доброжелателен. Вся Россия приветствовала его как своего спасителя. Может быть ни один император не был так восторженно встречен при своем вступлении на престол, как Александр II. Никогда монарх не обладал до такой степени возможностью сделать добро. Но, чтобы сделать это в том критическом положении, в котором находилась тогда Россия, нужен был или большой ум или, по крайней мере, благородное сердце. К несчастью для самого себя и для нас, он не обладал ни тем, ни другим. Он один мог бы освободить Россию, не пролив ни одной капли крови. Вместо этого он довел нас до революции и в настоящее время является величайшим революционером России.

Он должен был понять, что элементы для политической и социальной организации должны быть заимствованы у народа.

Русский народ за два века рабства сохранил в неприкосновенности три принципа, которые послужат ему исторической основой будущего развития.

Первым является общераспространенное в народе убеждение, что вся земля принадлежит ему.

Второй принцип — уважение к общине, организации, которую два века рабства не могли совершенно уничтожить, и которую русский народ сохранил в виде обычая. Общинное устройство составляет политическую и социальную связь русского народа, и ему русский народ обязан той энергией, с которой он смог сопротивляться соединенным силам царей, бюрократии, дворянства и духовенства.

Наконец, третий принцип, источник всей нашей будущей свободы — самоуправление общины.

Эти три принципа в их наиболее широком значении содержат в зародыше всю будущность России. Их развитие должно иметь своим первым следствием соединение общин в округа, затем округов — в области, наконец, областей — в государство. Вторым следствием было бы применение выборного начала к замещению всех должностей, за исключением монарха, власть которого должна была бы остаться наследственной, — одним словом, окончательный отказ от немецкой системы бюрократического централизма, введенной Петром Великим и развитой Екатериной II и Николаем I.

Император Александр должен был понять, что для проведения реформ ему надо было решительно выбрать между старым и совершенно новым режимом.

Отрекшись от деспотизма во внутренней политике, он должен был бы отказаться от системы завоеваний по отношению к иностранным державам. Надо было вернуть свободу и независимость всем областям, ко-

которые хотят входить в состав русского политического целого. Необходимо было дать свободу полякам и финляндцам, открыто провозгласить освобождение славянских народов, еще томящихся под игом турок или немцев, и принять во внешней политике совершенно новую систему, в одно и то же время свободную, справедливую и, прежде всего, национальную. Этой ценой император Александр мог бы приобрести такой действительный и благодетельный авторитет, каким не пользовался ни один император России. У него не хватило смелости. Он, имевший возможность сделать так много, все испортил теперь непоправимым образом. Для замирения Польши было два пути: деспотизм Николая I, ведущий ни более ни менее как к полному уничтожению польской национальности, — и другой путь, заключающийся в предоставлении свободы и независимости Польше, — Польше всей целиком.

III

К несчастью Александр II показал полное непонимание требований эпохи, послав в Польшу маркиза Велепольского¹²³ и своего августейшего брата¹²⁴. Первым следствием такого режима был заговор, составленный в 1861 г. 12 молодыми поляками без имени, без положения, без состояния, но полными энергии и воодушевленными желанием освободить родину от русского деспотизма. В Варшаве образуется тайный комитет русских офицеров, вступающий в сношения с редакцией «Колокола»¹²⁵. И комитет, и редакция заключают союз с центральным польским комитетом в Варшаве¹²⁶. Несколько времени спустя этот союз был ратифицирован центральным комитетом тайной русской организации, существующей под названием «Земля и Воля»¹²⁷, крупного объединения, насчитывающего в настоящее время в числе своих членов часть армии, дворянства, бюрократии, даже духовенства, а также большое количество лиц, принадлежавших к низшим классам населения.

Русское правительство, видя, что в Польше готовится восстание, и опасаясь революции в собственной стране, решило его ускорить, чтобы задушить в самом начале. Для этого оно ввело новую систему рекрутского набора, изобретенную Велепольским. Боясь, как бы армия не действовала заодно с восставшими, русское правительство не только позволяло, но даже приказывало армии грабить и убивать как инсургентов, так и мирных жителей польских городов и деревень.

Этим император Александр покрыл русское имя позором, бесчестьем, за которые ему придется отвечать перед нами.

Покойный император Николай был более искренен: завистливый, гордый и жестокий по природе, он не позволял никому делать зла кому бы то ни было, не вмешавшись в это сам. Это был его способ заставлять уважать себя. Александр II более скромн. Он облакает своих должностных лиц абсолютной властью, приказывает им совершать преступления, и сам с содроганием умывает руки.

Наконец, политика, проводимая сейчас в Польше, — не русская политика: это — политика вполне немецкая, — немецкая не в смысле национальном, но в смысле Готского альманаха¹²⁸. Монархи и князья, графы и бароны, все они в настоящее время особенно симпатизируют императору Александру, которого они, не без основания, считают чистейшим немцем, как мы считаем его наиболее фатальным из русских.

Статьи из журнала «Народное дело = Le cause du peuple»

1 сентября 1868 г., № 1

СОДЕРЖАНИЕ: От редакции. — Необходимое объяснение. — Наша программа. — Правительственные реформы. — Постановка революционных вопросов.

От редакции

Журнал **Народное Дело** печатается в типографии М. Элпидина¹²⁹ и К⁰. Он выходит два раза в месяц, объемом один или два листа, смотря по надобности. Цена номера в лист 40 сант., а более листа — 60 сант. Желющие помогать изданию журнала приглашаются обратиться с письмами, статьями и корреспонденциями а М. Elpidine, imprimerie russe, Terrasiere, 24, Geneve. За статьи не платится. Редакция ставит себе правилом не выставлять имен авторов статей. Секрет вполне гарантируется; самые рукописи по отпечатании сжигаются.

Необходимое объяснение

Мы издаем *русский* журнал, вследствие чего будем заниматься преимущественно вопросами *русскими*. Из этого, однако ж, не следует, чтоб мы оставались равнодушными к политическим и социальным вопросам Европы и всего остального мира.

По нашему убеждению, существенный и, скажем прямо, единственный вопрос, лежащий ныне в основании всех прочих как в России, так и в других странах, тот же самый: это вопрос об освобождении многомиллионно-

го рабочего люда из-под ярма капитала, наследственной собственности и государства. Разница состоит только в том, что вследствие многих особенностей исторических и экономических, о которых поговорим в будущих номерах, вопрос этот поставлен у нас немного иначе, чем в Европе.

Но отсюда отнюдь не следует, что дело передовых европейских людей было различно с нашим и стояло отдельно от него. Мы, напротив, уверены, что дело революции едино повсюду, точно так же, как едино и нераздельно дело реакции, и что от взаимного уразумения людей доброй воли всех стран зависит счастливый исход борьбы за народное дело в каждой стране, взятой отдельно. Считаем вследствие того крайне полезным знакомство русской передовой публики с настоящей сутью и с главным проявлением поступательного движения в Европе, точно так же, как и полезным для Европы узнать, наконец, в чем именно состоит сущность нынешнего русского движения. Способствовать по мере сил и возможности взаимному знакомству и согласию между деятельными сторонниками народного освобождения в России и Европе будет, поэтому, одно из наших главных задач.

В одно и то же время будем мы подвергать критическому разбору все важнейшие социальные положения и факты, существующие ныне как в России, так и в Европе и развивать те начала социальной справедливости и экономического благоустройства, которые, по нашему убеждению, должны будут лечь в основание всей будущей политической организации народов.

Читатель видит, что мы отнюдь не принадлежим к числу тех восторженных кvasных и, по-нашему, чрезвычайно узких патриотов, которые двадцать или даже тридцать лет тому назад постановили самолюбивую теорию о неисправимой гнилости Запада и о мессианском призвании России. Точно также отделяем мы себя и от тех, которые, не понимая другой цивилизации, кроме буржуазно-западной, и никакого другого движения, кроме бюрократически административного, с высоты той или другой точки личного самообольщения, считают себя вправе презирать естественные побуждения и цели русского люда. Мы видим драгоценные задатки и силы в нашем народе, но видим их равно и во всех европейских и внеевропейских народах. Сознывая вполне различия, существующие между тем и другим по форме, и их совершенную тождественность по содержанию, мы, как сказали выше, будем стараться связать их общим уразумением и установить между ними равно для всех спасительный союз.

Читатель видит теперь, что цель нашего журнала преимущественно практическая, а не теоретическая. Мы не ученые и не доктринеры, а люди, собравшиеся на основании общих, равно нам драгоценных начал, для того, чтобы по возможности оживить, ускорить, усилить поступательное движение *русского народного дела*.

Поэтому, начиная издание журнала, мы обращаемся исключительно к людям доброй воли в целой России: исключительно к тем, которые **не упали духом** и не устали от многих тщетных или, вернее, от многих,

только кажущимся образом потерянных усилий, потому что в жизни народной, точно также как и в жизни природы, ничто не теряется и все в свое время приносит плоды. Не спрашивая на первый раз, много ли таких людей найдется теперь или немного, мы обращаемся только к тем из них, которые не дались в пошлый правительственный обман, не удовлетворились смешною игрою в реформы, остались чистыми от государственного, мнимо-демократического, народоубийственного шулерства. Обращаемся только к тем, которые, несмотря на все испытания, преследования и ужасы гнусной, но, впрочем, весьма натуральной реакции, сохранили в себе всецело мысли, стремления и *страстную волю*, ознаменовавшие конец пятидесятых и начало шестидесятых годов.

Таким образом, сохранившиеся люди для нас драгоценны. Если б их было даже немного, мы будем смотреть на них, как на чрезвычайную силу. Пусть они отзовутся, дадут нам так или иначе знать о себе, мы встретим их с уважением и будем с радостью учиться у них. Мы призываем на служение народному делу также и ту часть молодежи, которая, руководясь верным и честным инстинктом, умела уберечь себя от падения в одну из тех пропастей, которыми окружили ее, с одной стороны, старый правительственный, а с другой, новый общественный разврат. О пучинах правительственного разврата мы многих слов тратить не станем. Кто их не знает?..

Вот о новом общественном разврате, напротив, поговорить очень стоит. Главными родоначальниками его были наши ренегаты, большею частью перебежчики из либерального лагеря сороковых годов в лагерь враждебного народу доктринерства. В царствование «блаженной памяти императора Николая Павловича» в русской литературе считалось только два шпиона: Греч¹³⁰ и Булгарин¹³¹. Кто сосчитает их теперь? И какая разница между нынешним и прошедшим! Греч и Булгарин занимались и содержались доносами, это несомненно; но они старались, хотя и тщетно, скрыть свои благородное занятие от всех, они стыдились самих себя и почти не смели показываться публике, которая от них отворачивалась, хотя и многие в ее среде занимались втайне тем же почтенным ремеслом.

А теперь, какая разница? Теперь доносят ежедневно, публично, печатно с подписанием своего имени и фамилии, и доносчик занимает самые почетные места не только при дворе и в государственной службе, — это было бы естественно (было так всегда), — но в самом обществе. Вот это-то решительно прежде не было, это несомненный прогресс. И в этой-то гнилой, развратной среде воспитывается теперь наше юношество!

Но не одна грубая страсть к доносам, в одно и то же время патристическим и прибыльным, свирепствует ныне в нашем обществе. В нем преобладают также и другие, более тонкие страсти: к дряхлому, уже беззубому византийскому философствованию Москвы присоединился молодой и самодовольный доктринаризм нового поколения: доктринаризм бюрократический, ученый, эстетически-литературный, даже индустри-

альный и коммерческий, и более всего политический, отличающийся чрезмерным почитанием так называемой аристократии интеллигенции, самой отвратительной в мире, и, разумеется, безграничным презрением к жизни, движению и требованиям чернорабочей толпы. Эти господа, помимо их специальных занятий, делятся на две главные категории: на своекарманных *утилитаристов* и на важно мудрствующих, но далеко не мудреных *позитивистов*.

Как в той, так и в другой категории найдутся люди, принадлежавшие еще недавно к партии движения. Они отрезвились, покаялись, успокоились и теперь занимаются делом, поняв, что глупо расточать средства и силы и подвергать опасности свою жизнь и свободу в служении чуждым для них интересам народа. Они убедились теперь, что только человек, умеющий проводить свои собственные интересы, достоин названия серьезного человека. Вследствие чего одни, более реальные, занялись исключительно полезным делом расширения своих карманов в ущерб менее просвещенной и менее умной братии, причем нередко блестящая и великодушная фраза, ученая или гражданственная, служит им в одно и то же время приманкой и покровом... Другие, хотя также не презирают благ мира сего, предаются вместе с тем стремлениям более идеальным: их поедает литературное или иное тщеславие.

По-видимому, пути наших утилитаристов и наших позитивистов совершенно расходятся. Но это не мешает им сходиться самым трогательным образом в двух существенных пунктах: 1. В порицании своего прошедшего и в презрительном сожалении, питаемом ими сообща к той части нынешней молодежи, которая, не увлекшись их мудрых примером, осталась верна революционному знамени и «неблагодарному» служению всенародным интересам. Эти донкихотские стремления, думают, говорят и пишут они, признак или большой молодости, или неисправимой глупости. Только очень молодым людям позволяется тешить себя революционными грезами, человек возмужалый должен посвятить себя **науке и разумному устройству своей собственной жизни**. Вот новая доктринерская фраза, выдуманная нашими отсталыми или усталыми для прикрытия очень старой и очень гадкой вещи...

Другой пункт, в котором сходятся наши утилитаристы с позитивистами, — это неизмеримое чувство презрения к «глупому и невежественному народу».

То же самое презрение, сопряженное с обманутыми надеждами молодого тщеславия и с молодым отчаянием не окрепшей силы в борьбе и не успешней сохранить себя после первого поражения, породило у нас, под влиянием чтения Бокля¹³² и других новейших писателей, худо понятых незрелыми мудрецами, *новую школу одинокого меланхолического саморазвивания в науке и жизни*, независимо от народа и **вне всякого политического и социально-революционного дела**. Эта школа, за исключением некоторых, впрочем, довольно существенных сторон. А именно:

смелой ширины теоретических стремлений, унаследованных ею от революционно-страстного движения умов, подавленного, но отнюдь не убитого в 1863 году; эта школа, наперекор всем воспоминаниям своим и своим лучшим инстинктам, самую логику проповедуемого ею учения, принуждена слиться со школою наших новых позитивистов. Впервые выставила она свое знамя в *Русском Слове*¹³³ и уже немало развратила юных голов!

Она существенно отделяется от позитивизма более широкою постановкою социальной теории. В то время как позитивисты наши не прочь устроить для себя в государстве, пожалуй, и с помощью самого государства, над толпою чернорабочего люда новый класс умственной, ученой аристократии, род привилегированной церкви ума и высшего знания; в то время, как они громко утверждают необходимость положительной религии для народа и, пожалуй, сами готовы пококотничать с венаучным идеалом, называемым господом богом, отвергая с презрением название *материалистов*, навязываемое им противниками, — приверженцы покойного *Русского Слова* смело и громко называли себя материалистами, атеистами и социалистами.

Вот разница между ними. Сходятся же они в том, что как те, как и другие отвергают одинаково, хотя, положим, и вследствие различных побуждений, пользу какого бы то ни было революционного предприятия. «Народ, — говорят они, — развивается точно так же, как и все живое и существующее в мире, по неизменным законам природы. Развитие всякого народа обусловливается причинами этнографическими, экономическими, историческими, пожалуй, и политическими, но отнюдь не зависящими от произвола одного или нескольких лиц. Поэтому никто не может ни ускорить его, ни остановить. Народ движется незаметно сам собою и освободится, когда придет его время». Отсюда следует, что всякая попытка толкнуть его вперед и поднять его преждевременно, — смешна. Как ни тяжела действительность, надо поэтому ждать терпеливо естественного самопробуждения народа; а чтобы не терять даром времени и не тратить сил по-пустому в тщетных усилиях, откажемся от всякой революционной деятельности и предадим себя исключительно делу своего собственного развития, движению науки и, сколько будет возможно, распространению необходимых знаний в народе.

Мы совершенно согласны с основаниями физиологического взгляда на жизнь и на развитие народов. Новые мудрецы позабыли только сообразить одно обстоятельство, а именно: что те революционные деятели, которые толкают народы вперед и как бы ускоряют ход их развития, не с неба же упали; они принадлежат в широком смысле к тому же народу, точно так же, как в растительном царстве тычинка, оплодотворяющая пестик, составляет с последним одно по сущности своей нераздельное существо.

Руководствуясь подобными аналогиями, додумавшись до конца, искренние между ними должны понять, что действия революционных лю-

дей на свой народ есть, как бы сказать, только отдельный, естественный и необходимый момент самодеятельности и саморазвития этого же самого народа.

Между нашими *отсталыми* и *усталыми* есть разряд более умных, честных и, несомненно, искренних людей. Не своекорыстное служение мажорам, не пустозвонное тщеславие и не презрение к народу, а действительное отчаяние, уныние и даже в некоторой доле *испуг*, овладевшие ими во время революционного погрома шестьдесят третьего года, заставили их отречься от всякой революционной деятельности и броситься очертя голову в искусственное движение, возбужденное правительством посредством так называемых земских и судебных реформ, за которые они ухватились, как за последнее средство спасения. Мы далеко не противники участия *наших друзей* в этом движении. Оно чрезвычайно полезно в том смысле, что вырывает их из абстрактного, самосозерцательного и во всех отношениях вредного одиночества; что знакомит их с действительными нуждами и со всеми вопросами, прямо касающимися до благосостояния народа, — сближает их, наконец, с самим народом; но только под тем условием, что, действуя в этой среде, друзья наши не перестанут стремиться к единственной серьезной цели нашего времени, к социально-политической революции.

Есть еще у нас особая категория людей, между которыми нередко встречаются драгоценные силы. Это общество, запивающее горе вином и протестующее против жизненной тесноты бурным и нередко развратным разгулом. Много самых лучших наших людей в нем погибло. Многие продолжают гибнуть в нем и теперь. Мы надеемся, что наш зов на народное дело отрезвит их. Они поймут, что делить себя между распутством и делом народным нельзя.

Мы вообще открываем ряды свои для всех, желающих в них возвратиться, для всех, кому надоело мертвое бездействие и лицемерное доктринерство, лишь бы только их возвращение было искренно. Мы призываем, разумеется, только тех людей, которые понимают или способны понять, что всякое начинание, чуждое действительным интересам и жизненным потребностям народа и без его широкого участия, бесплодно, бессильно; те, которые, с одной стороны, сознают, что главное призвание их — растолковать народу многое, чего он, себе на беду, еще не понимает, и, прежде всего, породить в нем самый смысл его дела и сознание его собственной всеограждающей силы; но вместе с тем подходят к нему с убеждением, что в этом чернорабочем народе, несмотря на его безграмотность, кроется вся судьба, вся мысль будущей России и что поэтому они сами должны многому у него научиться, для того чтобы приготовиться и стать способными ему помогать в деле его окончательного освобождения.

Мы отвергаем решительно всякого, кто, подходя к народу, положим, даже и с самыми великодушными замыслами, смотрит на него свысока и,

увлекаясь бессмысленным самодовольством, думает: «Во мне вся премудрость; в народе вся глупость!» Нашими братьями могут быть только те, которые по мысли, по воле, по сердцу, по нелицемерному уважению к народу друзья и братья народа.

Поэтому и потому еще, что мы заклятые враги государства и государственности, мы отвергаем всех наших старых и молодых юристов, экономистов и политических публицистов, этих бледных подражателей и поклонников западной, буржуазно-государственной цивилизации, важно рассуждающих об интересах народа, до которого им в сущности нет никакого дела, которого они не знают и знать не хотят, но который должен служить страдательным материалом для их школьных опытов. Кроме их несносного, педантски-бездушного пустозвонства, есть другая, более важная причина, заставляющая нас смотреть на них с отвращением: они представители идей и направлений, которые, если бы могли восторжествовать и укрепиться в России, убили бы ее несомненно. От них так и несет мертвечиной*.

Мы же зовем людей живых, а не мертвых. С мертвыми не говорят; их хоронят; а когда они встают из гробов, чтобы мешать делу, их *обходят* учтиво или неучтиво, *смотря по обстоятельствам и по силам*, и пусть они себе доживают спокойно до последнего дня всенародной переделки.

А нам всем, живым и единомыслящим друзьям народа, пора проснуться, пора оправиться от поражений, нами испытанных, пора приняться опять за **народное дело**.

Мы приглашаем всех единомышленников наших собраться опять во круг знакомого им знамени, поднятого в первый раз в конце пятидесятых годов руками людей, о которых мы говорить здесь не станем, но имена которых живут в наших сердцах, поощряя нас к делу.

Наша программа

Мы хотим полного умственного, социально-экономического и политического освобождения народа.

I. *Умственного освобождения*, потому что без него политическая и социальная свобода не могут быть ни полными, ни твердыми. Вера в бога, вера в бессмертие души и всякого рода идеализм вообще, как мы это докажем впоследствии, служа, с одной стороны, непрременной опорой и оправданием для деспотизма, для всякого рода привилегий и для эксплуатации народа, с другой стороны, — деморализуют самый народ, разбивая его существо как бы на два друг другу противоречащих стремления и лишая его таким образом энергии, необходимой для завоевания его естественных прав и для полного устройства свободной и счастливой жизни.

* Разумеется, мы исключаем из этой категории людей, которые ныне так честно отстаивают в судах интересы народа.

Из этого явно следует, что мы сторонники атеизма и материализма.

II. Социально-экономического освобождения народа, без которого всякая свобода была бы отвратительной и пустозвонной ложью. Экономический быт народа был всегда краеугольным камнем и заключал в себе настоящее объяснение их политического существования. Все доселе существовавшие и существующие политические и гражданские организации в мире держатся на следующих главных основаниях: на факте завоевания, на праве наследственной собственности, на семейном праве отца и мужа и на освящении всех этих основ религиею; а все это имеет и составляет существо государства. Необходимым результатом всего государственного устройства было и должно было быть рабское подчинение чернорабочего и невежественного большинства так называемому образованному эксплуатирующему меньшинству. Государство без привилегий политических и юридических, основанных на привилегиях экономических, невысказано.

Желая действительного и окончательного освобождения народа, мы хотим:

- 1) Упразднения права наследственной собственности.
- 2) Уравнения прав женщины, как политических, так и социально-экономических, с правами мужчины; следовательно, хотим уничтожения семейного права и брака, как церковного, так и гражданского, неразрывно связанного с правом наследования.
- 3) С уничтожением брака рождается вопрос о воспитании детей. Их содержание со времени определившейся беременности матери до самого их совершеннолетия; их воспитание и образование равное для всех — от низшей ступени до специального высшего научного развития — в одно и то же время индустриальное и умственное, соединяющее в себе подготовку человека и к мускульному, и к нервному труду, должно лежать главным образом на попечении свободного общества.

Основой экономической правды мы ставим два коренных положения:

Земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своим руками, — земледельческим общинам.

Капиталы и все орудия работы работникам — рабочим ассоциациям.

III. Вся будущая политическая организация должна быть ничем другим, как свободною федерацией вольных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций).

И потому, во имя освобождения политического, мы хотим прежде всего окончательного разрушения государства, хотим искоренения всякой государственности со всеми ее церковными, политическими, военно- и гражданско-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учреждениями.

Мы хотим полной воли для всех народов, ныне угнетенных империею, с правом полнейшего самораспоряжения, на основании их собственных

инстинктов, нужд и воли; дабы, федерируясь снизу вверх, те из них, которые *захотят* быть членами русского народа, могли бы создать сообщество действительно вольное и счастливое общество в дружеской и федеративной связи с *такими же* обществами в Европе и в целом мире.

Эти главные основания нашей программы будут для нас обязательны. Вследствие чего считаем необходимым объявить, что мы не станем принимать ни статей в свой журнал, ни людей в нашу среду, которые не *вполне* будут с ними согласовываться.

Развитие программы будет предметом ряда особых статей под заглавием: *Постановка революционных вопросов* — и, разумеется, всего нашего журнала.

Правительственные реформы

Полтора века просуществовало основанное Петром немецкое государство в Петербурге. Система установилась крепко: поддерживаемая писцом и солдатом, она не подверглась никаким существенным изменениям. Менялись иногда только мелочи бюрократического порядка: там учреждается новый губернский город, здесь из заштатного сделают уездный; здесь несколько волостей какой-нибудь губернии причислят к другой, там перекинут несколько крестьянских общин из одного хозяйственного ведомства в другое. Меняли, кроме того, формы делопроизводства — все сокращали переписку, оставляя за собой полную возможность по старому тянуть дела, но этого рода перемены составляют уже чисто домашнее дело чиновников.

Сущность системы оставалась неизменно та же и та же: она основана была на круговой боязни, на круговом недоверии друг к другу всех чиновников от царя до станового, на круговом облыжном контроле и на дружном обирательстве народа.

Правительство называло себя народным, считало себя могучим и богатым. Зачем же вздумало оно «*ввести благодатные реформы?*»

Различным образом старались объяснить это явление. Иные приписывали его духу времени; другие падению порядка, называя реформы сумасшествием; третьи на все лады воспевали «*благодать намерений благодущного царя*», еще в колыбели воспетого декабристом Рылеевым.

На настоящую причину, вызвавшую реформы, редко кто указывал, а она лежит в крымском поражении императорской армии.

Императоры, вместе с помощниками своими правительственными сословиями, полтора ста лет создавали чиновников и солдат; они все подвели под форму, все привели к системе и успокоились, считая себя непобедимыми. Николай не на шутку верил, что все языцы¹³⁴ покорятся ему.

Вот пришло время показать свою силу, напомнить Европе 1812 год. Набрали стрелков, согнали до 300 ополченных дружин и пошли защи-

щать отечество без пороха и ружей. Петровское могущество, утверждавшееся и развивавшееся целым рядом «достоянных продолжателей деяний Петра», оказалось несостоятельным: флот пригодился только к тому, чтоб спустить его ко дну; «победоносная» армия, дошедшая до Крыма полуголодная и полубольная, оказалась разбита; Севастопольская крепость, числившаяся по учебникам географии неприступною, взята. Военная организация империи оказалась никуда не годною; не отстали от нее и другие части всей системы — повсюду воровство такое, что ни найти концов, ни свести их возможности не оказалось. Много народа, много кровавого труда его положило наше государство для достижения своих целей, для создания своей бесчеловечной системы. Крестьянин целый день работал на уплату повинностей своих помещику и государству; удивительно ли, что коли случались кое-какие остатки, так он и их нес царю же в карман, т. е. «в царев кабак». Все бесчисленные жертвы и унижения, весь кровавый труд народа обращены были к цели создать могущественное государство, а привели к крымскому поражению.

Правительство не знало, как поправить дела, как вести их вперед. Оно не знало, как уничтожить зло, что и как изменить; но невозможность вести дела по-старому стала и для него очевидной.

На все классы общества, исключая только самых ярых и тупых поклонников славы императорского оружия, крымское поражение оказало воскресительное влияние. Защита Севастополя всех задевала за живое; все были возбуждены, только и разговоров было, что о Севастополе. Купцы и дворяне, мещане и чиновники собирали подписки в пользу раненых, молились, завтракали и обедали за здоровье воинства и все жертвы, особенно последние две, приносили с величайшей искренностью. Но Севастополь взят. Война окончена. Послышался общий голос оскорбленного самолюбия; заговорили о чести России, о позоре армии; слышался ропот на Александра; старики благоговейно вспоминали Николая и говорили: «при нем мы не дожили бы до такого позора». Горе это было минутное; оно прошло скоро — и вдруг всем точно легче стало. Всякое правительство теряет силу после поражения, его мало уважают даже самые несмелые люди, его меньше боятся, *действия его критикуют*. Вот и в русском обществе пошла критика действий правительства, а оно продолжало подавать поводы к неудовольствиям, т. е. продолжало грабить везде и всюду, чтобы поправить крайне расстроенные денежные дела свои. Примером такого воровства представим следующий случай. Распуская по домам дружины, не выступившие в поход против неприятеля, правительство распорядилось о продаже с аукционного торга всех остатков холста, сукна, кож, а также лошадей, ящиков и пр. Начальник одной из губерний представил министру, что деньги, вырученные за продажу сказанных вещей, должны обратиться на какое-нибудь земское дело, потому что и все сформирование дружин произведено на счет земства. Министры рассудили иначе — деньги поступили в кассу военного мини-

стерства. Если бы правительство вышло из войны победоносным, то и в голову бы никому не пришло укорять его этим случаем кражи; но оно разбито — его меньше боятся, меньше ему и прощают. Таким-то образом и в России после крымского поражения большинство сколько-нибудь думающих людей пришло к убеждению, что старые порядки держаться более не могут. И правительство понимало, что надо изменить порядок. Как же приняться за реформы? С чего начать?

Всякому правительству нужны прежде всего и после всего деньги; оно старается, во-первых, обеспечить за собой постоянный источник, откуда деньги приходят, во-вторых, так организовать свое чиновничество, чтоб оно не слишком запуская руки в казенный ящик, чтобы хоть по чину брало. Крымская война доказала, что существующая система контроля не охраняет государственное хозяйство от самой наглой кражи — в иных пороховых погребах оказалось пороху в пять раз меньше против показанного в отчетах количества. Закулисная проверка чиновника чиновником ни к чему не привела — все крали и прикрывали друг друга. Изменить систему контроля значило дать ей хоть некоторую гласность. Со словом гласность и пошли тогда носиться; в журналах и газетах заговорили о гласности, и в обществе это слово стали повторять беспрестанно. Коли в одном месте нужна гласность, так и в другом — везде нужна гласность, и в суде, и в полиции; одно тесно связано с другим. Или надо было, положась на божью волю, сохранить все по-старому, или изменить все.

Могло ли правительство сознательно идти к такой цели? Конечно, нет. Что значит изменить все? Это значит изменить всю систему, дать народу право заявлять свои требования, дать ему право голоса в решении вопросов государственного хозяйства, освободить его и от помещика, и от станного, и от солдата, наконец, т. е. от самого государства. Если бы правительство, проводя меру за мерой, сознательно хотело таких результатов, так оно желало, следовательно, самоуничтожения. Такую нелепость допустить невозможно. Правительство, придумывая какую-нибудь новую меру, какую-нибудь реформу, всегда твердо убеждено, что дальше не пойдет. Не сознательное желание правительства, а логика вещей за одной реформой вела другую; но в то же время другая логика — логика самого положения правительства — заставляла его убивать в зародыше то, что само оно давало.

Прежде всего, должен был стать на очередь вопрос о крестьянах. Необходимость отмены крепостного права передовые люди давно уже чувствовали. Правительство понимало, что надо изменить положение крепостных; но, разумеется, сделать это, ничего не теряя из собственного могущества. Задавши себе невозможную задачу: накормить волков и сохранить овец, — государство наше и решилось не *свободу* дать крепостным, как казалось естественным, а «улучшить быт крестьян, находящихся в крепостной зависимости». Вся фраза это ничто иное как обер- или статс-секретарская уловка: улучшать быт можно на тысячу ладов и все

же свободы не дать, оставив себе вылазку для сохранения могущества. Иначе и быть не могло, государство и свобода — несовместимы. Вот и пошло в ход писарское крючкотворство. Ему никогда еще не приходилось решать такой трудной задачи; много надо было бюрократического мошенничества для того, чтобы *с виду* освободить крестьянина, а *на деле* — оставить его в том же положении прикрепленного и обеспечить за собой таким образом возможность легко собирать с него подати, т. е. грабить по-прежнему. Обстоятельства показали, что бюрократия блестящим образом разрешила эту задачу.

Реформа судебная гораздо серьезнее; она в самом деле многое облегчила народу. Гласность ведет за собой большую скорость в решении дел. Главная заслуга в этом случае остается за мировыми судами и еще больше за судами волостными. Они дают народу возможность увидеть на деле, что и *он* может иногда отстоять свое право. Но следует ли из этого, что судебную реформу можно назвать коренною? Другими словами: изменила ли она сущность юридических отношений?

Судопроизводство и судоустройство — только средства к взысканию за ущерб и обиду. Чем лучше устроен суд, тем больше в нем гласности, чем больше быстроты решения, тем становится легче всякое взыскание за нарушенное право. Права лиц и сословий в государстве определяются законами. Чем законы эти запутаннее и противоречивее, тем легче нарушать чужое право. Хорошее судоустройство дает возможность скоро произвести взыскание; но возможность нарушать право лежит в запутанности самих законов, определяющих отношения лиц и сословий между собой, а потому самое идеальное, с государственной точки зрения, судоустройство не может произвести коренной реформы, если сущность самого закона, определяющего права, остается та же. Английское судоустройство, без сомнения, не худо организовано; однако и оно немного может сделать, потому-то самые законы страны проникнуты духом крайней собственнической привилегии — неимущий всегда по ним окажется виноватым.

Как сложились законы русского государства? Вышли ли они из жизни народа? Конечно, нет! Народ, где и когда только может, держится своего обычного права, своей жизненной, не юридической, а *человеческой справедливости*. Он всегда бежал от суда как от чумы; ему совсем не понятен даже самый язык статей закона, не только смысл их, и это совершенно естественно. Законы составлены сословиями, которые имели в виду только свои эксплуататорские интересы: интересы барина, а не крестьянина; хозяина, а не работника, — а больше всего интересы государственные, перед которыми уничтожались все другие. Все законы определяют государством обусловленные привилегии, а не права. В миросозерцании государства понятие о праве совсем не входит; место права занимает государственный порядок, а государственный порядок и право так же несовместимы, как государство и свобода. —

Произвести реформу в так называемом русском гражданском праве значило бы выкинуть из него все насильственным образом навязанное бюрократией, т. е. составить новый кодекс, основанный на обычном праве народа. Опять-таки задача вовсе не государственная; государство создает законы себе на пользу, а не народу и на обратный путь вступить не может. Оставаясь логичным, оно всегда будет считать целью свой государственный порядок, в основании которого неминуемо должна лежать привилегия, а не право.

За судебной реформой следует реформа земская. Во времена крепостного права раскладка земских повинностей производилась дворянскими собраниями. Путаница в счетах была страшная: произвол в распределении повинностей ужасный: и становой, и исправник, и уездный предводитель дворянства, и губернское правление — все раскладывали, рассчитывали, переписывались и довели дело до полнейшей темноты. Правительство увидело, что помочь этому можно только одним способом — надо передать дело о земских повинностях самому земству. Но и в этом случае оно действовало так, чтобы можно было вполне сохранить свое могущество. Административные власти губерний имеют права самого широкого вмешательства в дела земских собраний, могут вычеркивать кандидатов из списка, составленного избирателями, могут налагать земству тысячи препятствий к достижению какой бы то ни было цели, прямо склоняющейся в пользу самого земства. Число предметов ведомства земских собраний чрезвычайно ограничено, да и денег в распоряжении у него нет или почти нет. Государство хотело только разыграть и действительно разыграло комедию. Ведь земская реформа призывает все сословия, значит, и крестьян, рассуждать о своих нуждах (это уже что-то вроде политической реформы). С крестьян берут повинности, и они же призваны сами рассуждать о раскладке их: вот как расширены политические права их! Всмотревшись в дело ближе, мы увидим, что и эта реформа — обман. Положение народа улучшится только тогда, когда он будет иметь полное право признать или не признать необходимость такой-то цифры налога; будет иметь право дать налог и не дать его; когда он будет знать, куда, на что и сколько идет денег, собранных его трудом. Это все может совершиться только тогда, когда он будет свободен, когда он сам в состоянии будет определять свою жизнь по своей воле, а не по приказу государства. Вместе этого ему милостиво позволили рассуждать о какой-нибудь этапной повинности, да еще приказывают принимать эту милость за действительно расширение политических прав земства. Три реформы — три обмана. Три раза правительство меняло оболочки, оставляя сущность вещей нетронутыми. На деле быт народа русского не улучшился.

Этим вступительным очерком заканчиваем первую статью нашего журнала о реформах. В следующих номерах постараемся представить возможно подробный разбор каждого вопроса отдельно.

Постановка революционных вопросов

Статья первая. Наука и народ

Чего мы ищем? Чего мы хотим? Того же самого, чего хотели и искали живые люди всех времен и всех стран: **Истины, Справедливости и Свободы.**

Да не побойтся читатель, что мы затеряемся в заоблачных рассуждениях о том, что такое **Истина**? Мы знаем, что за облаками ее не найдешь. Под этим словом мы разумеем простую, естественную логику, присущую всему действительному, или всеобщий порядок явлений, подмеченный человеческим разумом как в мире вещественном, так и в мире социальном.

Мы, разумеется, отрицаем самым решительным образом произвольное и нелепое разделение мира действительности на физический и духовный; но считаем полезным сказать несколько слов о том, как произошло это разделение, пожалуй, естественное и в историческом смысле необходимое, но тем не менее имевшее на судьбу человечества самое плачевное действие. Оно было порождено в начале истории как бы недоразумением едва проснувшегося разума, не сознававшего себя и потому не подозревавшего, что он сам ни более ни менее как одно из естественных порождений природы. Лишенный, таким образом, возможности действовать самосознательно, трезво, разум проявился сначала в поэтических грезах и в религиозных представлениях, а потом в форме метафизического самоуглубления и отвлеченного самостроения и стал искать в *едином* себе причины всего. Но раз противопоставив себя как нечто отдельное и самостоятельное не только всему внешнему миру, но даже и непосредственному производителю своему — человеческому организму, он непременно должен был раздвоить единый мир действительности на мир «физический» и на мир «духовный».

С тех пор как мы узнали физиологическое происхождение всей нашей умственной деятельности, мы с одинаковою необходимостью пришли к сознанию нелепости подобного раздвоения.

Един мир, и едино средство для познания назначения законов или порядков его, для добывания **Истины** — *Наука*; не метафизика и не отвлеченные умостроения, а наука, основывающая свои рассуждения на опыте, употребляющая одинаково метод дедуктивный и метод индуктивный и проверяющая беспрестанно свои гипотезы строжайшим наблюдением и анализом фактов.

Таким образом изгнано из науки все сверхъестественное, все неразумное: понятие о божестве и все другие понятия, вытекающие из него или соприкосновенные с ним. Единство и самая возможность рациональной науки впервые поставлены. Остается восстановить то же единство и тот же разум в жизни. Жизнь человека, коллективная и индивидуальная, от начала истории по самое настоящее время делится, как известно, между двумя противоположными, друг друга отрицающими, друг друга уничто-

жающими мирами: духовным и материальным, земным и небесным. К небесному стремятся все религиозные помыслы и чувства, все идеальные движения души; к земному все интересы земли, все материальные хотения и похоти живого человека. Первому миру приписывается все, что называют истиною и добром; второму — все грехи и вся ложь. Историческая судьба человека, переходя через многообразные пути и ступени развития, была до сих пор результатом этой непримиримой борьбы двух миров, соединение которых в один мир, в одну дружную жизнь после многих серьезных попыток, сделанных в различные времена искусством, религией, политикою, и, наконец, метафизикою, — оказалось решительно невозможным. Человек не умел и, пока оба мира в его сознании будут существовать друг от друга отдельно, он никогда не успеет освободиться в жизни своей от пагубного раздвоения: одна часть его существа будет в непрерывной борьбе с другою, а результатом такой борьбы может быть только «преступная анархия» — бунт материи или торжество духа, покорение материи, водворение порядка — добродетельное рабство.

Итак, чтобы окончательно освободить человека, надо положить конец его внутреннему раздвоению — надо изгнать бога не только из науки, но и из самой жизни; не только положительное знание и разумная мысль человека, но и воображение и чувство его должны быть избавлены от привидений небесных. Кто верит в бога, тот признает существование отдельного духовного или небесного мира, кто допускает в малейшей мере сверхъестественный, для разума непостижимый порядок вещей, тот обречен на неминуемое и безвыходное рабство. Люди науки освобождаются от него путем науки и *только в области науки*, но не в действительности, не в жизни. Потому что жизнь каждого человека, как бы он ни был учен и мудрен, находится, вследствие закона общественной солидарности, в прямой и непрерывной зависимости от жизни всех, от жизни народа; народ же своею верою обречен на рабство. Кто поэтому хочет быть сам свободен действительно, в жизни и в деле, тот должен устремить все усилия свои на уничтожение народной религии.

Вот главный пункт, по которому мы расходимся с *позитивистами* — последователями Огюста Конта.

Огюст Конт, точно так же как Прудон, Шопенгауэр¹³⁵ и некоторые из новейших английских мыслителей, принял за основание своей позитивно-философской системы известное учение Иммануила Канта о неспособности человеческого ума проникать в сущность вещей.

Наш разум — говорит кенигсбергский философ^{*136}, — обнимает *только явления* как внешнего, или физического, так и внутреннего, или духовно-нравственного мира, как жизни природы, так и исторического развития общественной жизни; обнимает лишь взаимные отношения явлений, мно-

* Мы приводим здесь не собственные слова его, но смысл сказанного им в сочинении, известном под названием «Критика Чистого Разума».

горазличные виды их соприкосновения и связи между собою, а также порядок их следования одного за другим, их происхождения и исчезновения в пространстве и времени, одним словом, все, что мы называем **законами природы**. Но сущность вещей, существование их для себя, независимо от нашего сознания и вне всякого к нему отношения, *вещь*, так как она есть *по себе* (Ding an Sich), и *действительная причина, ее порождающая*, для нас недоступны. У нас недостает ни органов, ни средств, чтобы добраться до них.

Нет средств, потому что всякая вещь, *являющаяся* нам необходимым образом, облекается в формы, или категории, которые принадлежат не ей, а нам, нашему сознанию, присущи нашему разуму прежде всякого опыта, т. е. прежде всякого столкновения его с какими бы то ни было предметами. Эти формы, или законы, нашего *чистого* созерцания, нашего *чистого* представления, рассуждение и умозаключение, Кант называет *чистыми априористическими категориями разума*. Таковы, например: категория пространства и времени, величины и количества, качества, меры, сущности, отношения, явления, причины и действия, взаимодействия, случайности и необходимости и т. д.

Вся беда Канта состояла в его идеализме, вследствие которого он приступил к критике чистого разума, не позаботясь узнать о его физиологическом происхождении, и стал его разбирать как нечто абсолютное, существующее независимо от всего. Нашедши в нем, таким образом, формы, или законы, мышления, выработанные в нас веками, но принятые им за формы, присущие самому разуму и потому будто бы независимые от всякого опыта, Кант естественным образом заключил, что, так как всякая вещь может являться нам только через посредство этих форм, которые принадлежат не вещи, а нам, то мы можем знать ее только так, как она нам является, а не так, как действительно по себе существует.

Если б Кант поверил современнику своему Юму¹³⁷, утверждавшему ему наперекор и совершенно сообразно с истиной, что мнимо априористические формы сознания не что иное, как продукты бесчисленного множества бессознательных или позабытых нами впечатлений и опытов; если б, главным образом, Кант дождал до того времени, когда всем лучшим умам стало ясно, что разум не искра, упавшая с неба, а не более как деятельность самого мозга, следовательно, продукт нашего телесного организма, он не противопоставил бы идеальный мир сознания действительному миру вещей, не разделил бы их искусственной пропастью и, разумеется, догадался бы, что между *явлением* и *вещью по себе* нет и не может быть разницы.

Как бы то ни было, установив раз по-своему теорию чистого разума, Кант провел через неумолимую критику все богословские и метафизические идеи: о бесконечном, о первоначальной причине, о сущности и о конечной цели мироздания, о боге, о бессмертии души и т. п. и заключил, что все эти идеи, даже и в том предположении, что они соответствуют в

самом деле действительности, по сущности своей недоступной для нашего сознания, не могут быть догнаны, оправданы или доказаны нашим разумом. Причем должно заметить, что сам Кант так мало сомневался в действительном существовании идеального или бесконечного мира, бога, бессмертия души и свободного произвола ее, что в своей *Критике Практического Разума*¹³⁸ он поставил их как *постулаты*, или как предполагающие требования разумной воли.

Германская умозрительная философия на этом не остановилась. Фихте, Шеллинг и Гегель в качестве последних метафизиков пытались вновь вывести объективность или действительность бесконечных идей из самого разума. Но вместе с тем именно Гегель, которому принадлежит несомненная и великая честь доведения метафизического метода до самоуничтожения, нанес этим идеям решительный и последний удар, показав их натуральное историко-психологическое и социологическое происхождение; в Феноменологии своей, в Философии истории, в Эстетике, в Философии религии и в Философии истории философских систем¹³⁹ он явным образом и с гениальной сметливостью и смелостью представил их как необходимые исторические моменты постепенного саморазвития, самопроявления и самоуразумения человеческого разума; так что все эти мнимо бесконечные идеи, которые в продолжение нескольких тысячелетий были признаваемы человеком за самостоятельные и верховные сущности, не только от него независимые, но преобладающие над ним и над миром, оказались теперь собственным, правда бессознательным, производением его ума — говоря проще — необходимым продуктом его натуральной исторической глупости. Таким образом, бог, бессмертная душа, таинственный мир бесконечных субстанций объяснились самым простым образом как обманчивое отражение, как мираж нашего еще детского разума, созерцавшего себя вне себя и перенесшего свою собственную, фантастически им до бесконечности расширенную суть в фантастическое небо.

Вот, как бы наперекор самому Гегелю, последнее слово всей его системы. Правда, что это слово было высказано им так неясно, что огромное большинство гегельянцев, как заметил поэт Гейне¹⁴⁰, его не поняли. Но понял и высказал его с великолепною простотою и искренностью в самом начале соловьиных годов единый великий ум в этой школе после Гегеля, последний гегельянец, можно сказать вообще, душеприказчик осужденной на смерть метафизики, знаменитый **Людвиг Фейербах**, столь много читаемый русскою молодежью.

После Фейербаха необходимость обращения к миру действительному, необходимость фактического изучения и разумного, но не метафизического понимания его, необходимость основания целой системы наук, включая сюда, разумеется, всю психологию и всю социологию, на естествознании стала ясна в Германии для всякого здравого ума, для всякой живой души. И вот появилась целая вереница ученых, основателей новой натуральной школы и, если нам позволено будет так выразиться, *ано-*

слов *революционной науки*. Имена **Бюхнера**¹⁴¹, **Карла Фохта**¹⁴², **Молешотта**¹⁴³ и нескольких других точно так же известны в России, как имя самого Фейербаха.

Мы их называем по праву апостолами революции. Они не только ученые, нет, они выступили как бойцы против всех призраков, порожденных идеализмом религиозным и метафизическим и преграждающих человеку путь к свободе. Они на всенародном языке назвали себя **атеистами** и **материалистами**, поняв, что назначение науки — освободить без исключения *все* умы и готовить тем самым освобождение самого общества.

Признание в мире, вне его и над ним, высшего бесконечного существа; богопризнания и богопочитания всякого рода; учение о бессмертной душе и о загробных наградах и наказаниях и неразрывно связанное с ними существование *церквей*, попов-посредников и примирителей с богом, чудотворцев, пророков и *богопомазанных законодателей* и *царей*; так же как необходимо из них вытекающее существование богопоставленных *государств* со всем их историческим хламом: с правом государственным, уголовным, гражданским; с наследственной собственностью и деспотизмом семейным; с полицейскою властью и с военным насилием; все эти темные порождения религии были несомненно продуктом того первобытного рабства, в котором наш род погрязал в начале своей истории, когда он только что стал выделяться из рода горилл или других обезьян. Все эти несомненные следы нашей первоначальной животности человек тащил, постепенно их уменьшая по мере того как он сознавал и осуществлял свое человечество, сквозь всю историю; тащил их, как освобождающийся Спартак¹⁴⁴ тащит свою цепь. И очевидно, что чрезвычайная тяжесть этой исторической цепи была и продолжает быть главной причиною несносной медленности человеческого освобождения и развития. Но очевидно также, с другой стороны, что все эти продукты нашего доисторического *натурального рабства* непременно образом должны были сделаться, в свою очередь, новым источником нового *исторического рабства*, которое продолжает тяготеть над нами и от которого мы освободиться можем только путем рациональной науки.

Поэтому, не спрашивая даже, до какой степени вышеупомянутые основатели новой натуральной школы в Германии сами желают или даже понимают **практические** последствия созданного ими учения, мы были вполне вправе назвать их апостолами революции. Уничтожая *в народе* веру в небесный мир, они готовят свободу земного. Между этою школою и школою Отюста Конта существует **именно по этому пункту** огромная разница.

Отюст Конт, бесспорно, один из замечательнейших умов нашего века, развился чисто на французской почве и, можно сказать, совершенно независимо от всякого влияния со стороны германской философии, из которой ему был несколько знаком только Кант. Он был в своей молодости учеником Сен-Симона, а в 1830 году появилась уже первая часть его знаменитого *Курса Положительной Философии*. Его великое преимуще-

ство перед германскими философами состояло в близком знакомстве с положительными науками. Он был одним из последних и наиспособнейших представителей той славной математической и физической школы, которая со времен революции процветала во Франции до начала пятидесятых годов и которой знаменитый Араго¹⁴⁵, впрочем, гонитель Конта, был, можно сказать, последним замечательным представителем. Огюст Конт был позитивист по природе, по преданию, по характеру своей нации, по всей общественной обстановке. В его уме не могло быть места для германского идеализма.

Порядок следования наук в его системе чрезвычайно схож с порядком, установленным *Энциклопедией* Гегеля¹⁴⁶; но у Конта перед Гегелем то огромное преимущество, что, в то время как последний силился основать природу на логике, на разуме, на духе, — Конт напротив, и совершенно справедливо, основывает разум и так называемый дух на природе, зиждет все духовно-нравственное развитие человека — психологию и социологию исключительно на космических, физиологических и антропологических основаниях. В этом — каковы бы ни были его ошибки в разрешении специальных вопросов — его бессмертная заслуга. Таким образом он, со своей точки зрения, так же как и новые натуралисты Германии, нанес тяжелый удар идеализму, изгнав его окончательно и *систематически* из науки.

Но именно вследствие того, что ему не была известна новейшая история последовательного саморазрушения метафизического начала в Германии, он не умел покончить с идеализмом. Он только обошел его. Изгнав его из науки, он позволил ему царствовать бесконтрольно в широкой области воображения и чувства. Руководясь критикою Канта, взяв как бы на веру его заключения о неспособности разума познавать бесконечное и проникать в сущность вещей, он принял за основание своей системы мысль, уже давно, впрочем, принятую в виде аксиомы всеми французскими учеными, — вы найдете ее в предисловиях или в введениях многих французских учебников механики, физики, химии или другой положительной науки, — а именно, что человек способен познавать только явления и отношения явлений между собою, т. е. законы природы и общества; но что первоначальная причина явлений, их настоящая суть останется для него вечно недостижимой тайной; причем предоставляется воображению и чувству заниматься ими сколько и как им будет угодно, позволяется даже им восстановить для своего собственного обихода бессмертие и бога, отнюдь не отрицаемых позитивным учением, но только изгнанных из науки. Таким образом, остаются и овцы целы, и волки сыты.

Вот главный пункт, по которому мы расходимся не только с нашими доморощенными позитивистами, но и с серьезнейшими представителями «Положительной философии» в Европе. Они, несмотря на большую ученость и на многие другие достоинства, — или лицемеры, или недодумки.

«Мы не атеисты и не материалисты, — гласят они, — мы только позитивисты. Мы не отрицаем отнюдь существования ни бога, ни бессмертной души, а только говорим и доказываем, что для всех этих бесконечных существ, ежели они существуют, для всех этих идей, переходящих границу *известного* мира явлений, не может быть места в науке, — что они для разума недоступны».

Не то ли же самое говорят богословы всех церквей и религий?..

Число недодумок, а, пожалуй, также и лицемеров всего значительнее между позитивистами в Англии. Известно, что в привилегированном, буржуазном и аристократическом английском мире, при большом развитии свободы политической, существует чрезвычайное социальное рабство, проявляющееся главным образом инквизиционным могуществом «святых»* и полуверующим, полулицемерным библейским настроением публики, не на шутку трепещущей перед ними. Известно, что почти всякий **порядочный** англичанин, как бы он ни был умен, образован, считает обязанностью выслушивать несноснейшую проповедь каждое воскресенье, потому что того требует его **джентльменство** и потому что он должен служить примером народу, который, если отпадет от религии, пожалуй, возьмется за удовлетворение своих земных appetitov и тем нарушит спокойствие и комфорт джентльменского существования. В XVII и в XVIII веке еще были искренние и смелые мыслители в Англии. Но в XIX веке, кроме поэта Шеллея¹⁴⁷, никто еще не осмелился назвать себя громко атеистом и материалистом.

Немудрено, что при таком расположении умов английские философы и натуралисты ухватились с большою радостью за возможность, открытую им системою Конта, идти до конца в ученых исследованиях и вместе с тем не прослыть ни атеистами, ни материалистами. Такую практическую двойственность найдете вы во всех сочинениях *Бокля*¹⁴⁸, *Дарвина*¹⁴⁹, *Льюиса*¹⁵⁰, *Герберта Спенсера*¹⁵¹ и *Стюарта Милля*¹⁵². Они не революционеры, а потому боятся, не хотят и не находят нужным посягать на веру народную. Но если б буржуазный инстинкт и вытекающие из него *практические соображения* не омрачили их логики, они давно бы поняли и признали бы честно и громко, что одного допущения наукою **возможности** существования бога действительного, хотя и недоступного для самой науки, достаточно, чтобы, с одной стороны, утвердить в сердцах непросвещенных людей царство этой идеи, а следовательно, и рабство людей, и чтобы, с другой стороны, уничтожить самую возможность науки. Потому что, куда вмешивается сверхъестественная и всемогущая сила, там не может быть ни порядка, ни смысла, ни логики, не может быть и свободы. Всемогущество же, ни во что не вмешивающееся, ничего не прерывающее и ничему не мешающее, — равно нулю.

* Нередко называют так в Англии членов библейского и многих других обществ, ревностно занимающихся религиозной пропагандой

Должно признать, что французские позитивисты если и немногим искреннее, то, по крайней мере, гораздо последовательнее английских. Умнейшие между ними атеисты и материалисты. Но весьма немногие между ними согласятся признаться в этом публично. Они философы, а не бойцы и официальным гонениям слишком себя подвергать не намерены. А ныне, как всем известно, преобладает на правительственных вершинах во Франции самое трогательное католическое настроение: сенат, камера народных представителей, вся бюрократия, магистратура и войско, сама академия наук проникнуты христианством. В такой среде выступать с атеизмом и материализмом неловко.

К тому же французские позитивисты отнюдь не ощущают потребности посвящать темные массы в свое неверие. Они *аристократы интеллигенции*, попы науки.

«Напрасно, — говорят они, — правительства стали бы нас преследовать. Мы им не мешаем, и хотя правда не отталкивает от себя ни одного из тех немногих избранных, которые к нам приходят, требуя от нас посвящения в тайны *научного метода*, мы не зовем к себе никого; и не только мы не делаем пропаганды против общественной метафизики и против народной религии, но находим, напротив, что как та, так и другая необходимы для тех классов, в среде которых они продолжают царствовать ныне, — *необходимы* для всех тех, которые или вследствие умственной неспособности, или вследствие отсутствия средств и времени для учения не могут подняться на высоту чистой науки».

Позитивисты, с консервативной точки зрения, без сомнения, правы: религия для народной черни необходима. *Так как до сих пор всякое управление народом имело постоянную и непререкаемую целью порабощение народной производительной силы в пользу привилегированного и более или менее праздного меньшинства — в этом ведь именно и состоит вся суть государства*, — то всем правительствам необходимо иметь в руках средство для убеждения непросвещенной толпы в необходимости такой жертвы. Средство это может быть только двоякое: *или религиозное убеждение, или насилие; или страх божий, или палочный страх*. Но только одним насиле- ем не удержать в повиновении даже самого смиренного, самого вялого народа. Всякое существо, живущее в мире, какова бы ни была его относительная слабость, способно к самому энергическому отпору, когда у него отнимают условия, необходимые для его жизни; а материальная сила народа всегда значительнее силы притесняющего и эксплуатирующего его меньшинства. Поэтому для одержания полной и продолжительной победы над народом необходимо ослабить его натуральную энергию — ослабить и развратить в нем силу отпора. — Это дело религии.

С другой стороны, недостаточно также и одного действия религии для порабощения народов. Логика интересов, нужд и потребностей жизни сама по себе так ясна, так сильна, что если бы ей дали только волю и не воздерживали бы ее постоянным насилием от фактической постановки

вопросов, она была бы способна разбить все кумиры в народном воображении и сердце; что имело бы опять непременно последствием уничтожение всех привилегий ныне повсюду царящего меньшинства. Итак, для сохранения порядка необходимо, чтобы обе власти: церковная и государственная, оба страха: земной и небесный — дополняли друг друга. Вот почему во всех государствах, с тех пор как существует история, палочное управление и религиозное управление были родными и неразлучными братьями.

Сторонники революции — мы враги не только всех религиозных попов, но также и попов науки; — враги всех, утверждающих, *что религия нужна для народа*, — отвратительная и подлая фраза, которая в сущности имеет вот какое значение: *«Народное невежество необходимо нам, эксплуататорам и притеснителям народа»*.

Мы хотим разрушения всякой народной религии и ее замены народным знанием. Да, мы хотим для народа разумного, строго научного знания.

Мы хотим его, потому что **хотим окончательного освобождения народа из-под всякой государственной опеки**; но не для того, чтобы подвергнуть его новой опеке революционных доктринеров. **Настоящая революция именно состоит в совершенном уничтожении всякой опеки, в коренном упразднении всякого государственования.** Мы хотим **совершеннолетия народного**, а для совершеннолетия действительного нужна наука.

Значит, ответят нам, вы признаете, по крайней мере, законность и необходимость хоть временной опеки над народом, а именно до тех пор, пока он не просветится наукою? Нет, не значит. Мы не только не признаем этой необходимости, но, напротив, уверены, что как бы ни была низка степень просвещения народного и как бы ни были просвещенны и искренне честны народолюбивые люди, берущиеся за честолюбивое дело опекания народа, эта опека развратила бы их самих непременно и стала бы для народа непременно источником рабства, обеднения, умственного и нравственного застоя. *Такова уж логика всякой власти, что она в одно и то же время неотразимым образом портит того, кто ее держит в руках, и губит того, кто ей подчинен.*

Итак, **мы ни в каком случае не признаем ни права, ни пользы опеки над народом, в какой бы степени развития этот народ ни стоял.**

Всё, что мы можем признать, *это естественность самого факта народного подчинения, народного терпения и повиновения там, где еще народ одержим суеверием, омынен религиозными верованиями и надеждами, там, где трезвый голос науки не объяснил еще смысла вещей и где продолжительное отсутствие свободы имело результатом неразвитость характеров и несознание своей собственной силы.* Но люди, пользующиеся таким образом народным невежеством, от этого не становятся красивее.

Наша задача состоит поэтому, прежде всего, в уничтожении народного невежества. Но оно может быть побеждено окончательно только наукою. Доступна ли наука для народа? А почему не нет? Ведь она нам доступна, а в народных рядах есть много, много людей, которые будут, пожалуй, и поумнее нас с вами, любезный читатель. К тому ж вам известно, что именно наш народ природой не обижен, ум его свеж, могуч, а главное, свободен. Все предрассудки его на поверхности, ни один не успел залечь в нем тяжелым, неповоротливым камнем. **Но у него нет досуга, нет средств на учение.** К тому ж правительство, теперь еще всемогущее, употребит, без сомнения, все громадные средства свои, чтоб помешать настоящему народному просвещению.

Да, в этом весь вопрос, весь **социальный вопрос**. В нем лежит **необходимость самой революции**.

И посмотрите, как странно поставлен этот вопрос! Кажется, безвыходный круг: *чтобы освободить народ, надо его научить; а для того, чтобы его научить, надо дать ему средства, охоту и время на учение, т. е. надо освободить его из-под того политического и социального гнета, которым он задавлен теперь.* Что же делать, с чего начать, с какой точки должны мы приняться за дело?

Многие говорят: *надо устроить по целой России народные школы.* Так говорят, особливо теперь, все усталые и от усталости или от испуга ослабевшие люди. Да, народные школы, без сомнения, — прекрасное дело. Только кто даст народу время, охоту, возможность их посещать или посылать в них своих детей? Ведь он задавлен работою, которая еле-еле спасает его от голода. И кто будет устраивать школы? правительство? дворянство? богатые люди? попы? т. е. те самые, против которых именно надо устраивать народные школы? Ведь это нелепость.

И, странное дело, нелепость эта у нас в России в известной мере чуть было не осуществилась. В среде дворянского сословия, бывшего, без сомнения, от самого основания Московского Царства по сегодняшней день заодно с государством, злейшим врагом, грабителем и мучителем народа, — нашлись люди, искренно преданные делу народного просвещения и народного освобождения. Все Декабристы и Петрашевцы¹⁵³ принадлежали к нему; к нему же принадлежит и немалая часть политических преступников, сосланных ныне благополучно царствующим и благодушным императором в Сибирь на заточение и в каторгу. Так называемые **Нигилисты**, отчасти и огромное большинство **Нигилисток**, вышли из того же сословия; так же как и некоторые отдельные личности, ратующие в настоящее время за народ, — разумеется, *против огромного дворянского большинства* в судах и земских собраниях. Дворяне, представители целой губернии, в 1862 году требовали уничтожения сословий и созвания всенародного земского собора. Наконец, оказались дворяне, хотевшие записаться в крестьяне. Правительство, лучше их понимавшее дворянское достоинство, дворянский долг и дворянские интересы, разумеется, ни на то ни на другое не согласилось.

Это странное явление объясняется, впрочем, весьма естественно. Дворянство, как известно, было у нас первым и в продолжение многих десятилетий единственным сословием, до которого коснулся свет западного просвещения; а просвещение одарено такою плодотворною силою, что, несмотря на все гнусные политические и экономические условия (обрекающие до сих пор наше дворянство на холопство и зверство), оно успело образовать даже в дворянской среде, и особенно в дворянской молодежи, людей, ненавидящих рабство, любящих справедливость и требующих более человеческих отношений к народу, на поте и крови которого было основано даже самое их образование. Весьма редкие из них, разумеется, понимали, что первым условием действительного осуществления того, что они признают справедливым, и желаемого ими освобождения народного должно было быть *совершенное уничтожение* тех экономических условий, в силу которых они — привилегированное сословие — получили возможность образоваться, а народ, обрабатывающий на них *свою*, ими отнятую у него землю, был обречен на невежество. Тем не менее стремления их, хотя бессильные и бесплодные, потому что не основаны на праве и на интересах народа, были искренни и благородны. Но цивилизация, основанная на привилегированной, наследственной собственности, т. е. на эксплуатации народного труда в России, в Европе, везде, ныне, как и всегда, заключает в себе внутреннее противоречие, которое рано или поздно должно задавить под возрастающею силою эгоистических или сословных интересов первоначальное бескорыстно-юное стремление к правде, справедливости и общему благу.

И действительно, *логика сословных интересов* стала в последнее время преобладать видимым образом в сознании и в самом политическом направлении наших сословий, не имеющих, впрочем, вне правительства ни смысла, ни силы. Та часть дворянства, которая вконец разорилась от новых реформ и которая сохранила возможность по старой привычке поддерживать свои поместья воровством казенно-служебным, начинает действительно понимать, что для соблюдения своих выгод и для спасения себя как сословия она должна дружно стать за правительство, за государство, за царя против народа. К тому же и самый революционный вопрос поставлен у нас теперь гораздо определеннее и яснее и выпутывается все более и более из того странного и, по нашему убеждению, чрезвычайно вредного смешения понятий и стремлений, которое позволяло еще недавно людям, чуждым всяких революционных инстинктов, принимать себя не на шутку за революционеров. Они обманывали и себя, и других и положительно портили дело. Но с тех пор как стало ясно, что ни в России, ни в целой Европе не может быть другой революции, кроме социальной, зная, что социальная революция на полдороге остановиться не может, большинство богатых людей, желающих сохранить и передать своим детям унаследованное или *благоприобретенное* ими богатство, поняли, что им в революционных рядах не место и что их собственные

интересы требуют союза неразрывного с правительством, с государством. Вследствие чего число *имущих* дворян и недворян в наших рядах стало значительно уменьшаться, заменяясь людьми, более способными любить, понимать и представлять народное дело; таковы: дети в пух разоренных дворян, разночинцы, семинаристы, мещане и крестьянские дети. В них состоит теперь главным образом и почти исключительно наша народная, противогосударственная фаланга — посредница между революционной мыслью и народом.

В начале нынешнего царствования этой розни еще не было или она мало чувствовалась. Образованная молодежь всех сословий как бы сливалась в партии движения; и когда вследствие благодетельного крымского погрома, вслед за постыдной *для государства* войной, достойным образом увенчавшей царствование императора Николая, когда вся Россия встрепенулась и как бы воскресла, мысль об освобождении народа стала мыслью всеобщей; и так как никто не сомневался в том, что наука есть вернейшее средство для достижения этой цели, множество молодых людей разных сословий бросились учреждать народные школы, воскресные и не воскресные. В короткое время возникло в России значительное число таких школ и все пошло прекрасно: народ, возбужденный светлою надеждой, стал учиться умно и охотно. Каких-нибудь десять лет такого учения, и он ушел бы далеко... Но мудрое правительство вдруг все остановило.

Да, правительство выказало в этом случае мудрость несомненную. Оно поняло, что просвещение народа будет губительно для него, для государственной власти, для целой империи. Екатерина II, без сомнения, умнейшая из потомков Петра, писала одному из своих губернаторов, который, поверив ее обычным фразам о необходимости народного просвещения, поднес ей проект об установлении школ для народа: «Дурак! все эти фразы пригодны, чтобы морочить западных болтунов; ты же знать должен, что *коль скоро народ наш станет грамотным, ни ты, ни я не останемся на своих местах*». И действительно, народ, познавший при свете науки свою силу и свою настоящую пользу, не захочет платить ежегодно несколько сотен миллионов рублей и отдавать свою кровь на содержание империи, все существование и процветание которой со времени ее основания было и необходимым образом всегда будет основано на его разорении и рабстве.

Народу нашему, по счастливому выражению, высказавшему в двух словах вековые требования его, нужны прежде всего **Земля да Воля**. Империя же наша в особенности и вообще всякое военно-бюрократическое государство устроены так, что если б они даже хотели, они ни того, ни другого решительно дать народу не могут. **В тот день, когда народ наш это поймет, империи не будет, следовательно, все существование ее основано на народном невежестве**. Как же надеяться после того, чтоб правительство когда-либо захотело серьезно распространить просвещение в народе? И не право ли оно, *с своей точки зрения*, когда противится всеми возможными мерами созданию рациональных школ для народа?

Нет сомнения, что оно поступает бесчеловечно, жестоко со всеми искренними ревнителями народной науки. Но мы удивляться его жестокости, ни даже упрекать его в ней не станем. Оно делает свое дело. **Дело же всякого государства — души́ть народ для сохранения себя**; точно так же как **дело людей революции — разрушить государство для извращения народа**.

«Кто устоит в неравном бое?» Сила настоящего, без сомнения, за государство. Но зато сила будущего и, надеемся, не слишком далекого будущего — за народ.

Мы удивляемся, напротив, тем, которые решаются утверждать, что правительство *могло не закрывать* воскресных и других школ, основанных передовыми людьми для народа; *могло терпеть* образование и процветание рабочих артелей; *могло выдержать* свободную критику и *даже извлечь для себя пользу* из бесцензурного печатного слова; *могло не звать* к себе на помощь лучшего представителя государственной мысли и пользы нашего государственного патриота Михаила Николаевича Муравьева-вешателя; *могло не засека́ть и не расстреливать крестьян*, не сумевших раскусить с первого раза комедию мнимого освобождения; *не купаться в польской крови*¹⁵⁴ и *не ссы́лать на каторгу*, в заточение и *не губить* сотни наших молодых людей, отдавших себя делу народного просвещения и народного освобождения; что оно могло, одним словом, *помирить интересы Империи с интересами русских и не русских народонаселения, работающих на нее как рабы и заключенных в ней, как в остроге*. Признаемся, что нам такая вера в способность правительства не делать зла и делать добро, творить чудеса *не только по минусу, но также и по плюсу* казалась всегда удивительною наивностью.

Мы к этой наивности не причастны; ждем от правительства или даже, **вернее, от государства, интересы которого оно представляет, всякого зла; и наперед обещаем, что как бы гнусно оно и впредь ни поступало, мы не только удивляться не станем, но будем видеть в его мерзейших поступках естественные и необходимые проявления его существа. Удивимся, напротив, и мало порадуемся, когда ему удастся сделать хоть малейшую вещь в действительную пользу народа; потому что эта капля случайно сделанного им добра возбуждением новой и непременно глупой веры в него могла бы произвести много зла.**

Спешим закончить эту статью практическим заключением. Несомненно, говорим мы, что правительство воспротивится всеми силами устройству достаточных и разумных школ для народа. Должно ли это нас останавливать? Нисколько. Будем устраивать и помогать устройству школ, в крайнем случае далее правительственных, где и сколько будет возможно. Но не будем себя обманывать и скажем себе, что при бедности наших средств и при громадности правительственного противодействия **мы путем школ никогда не добьемся до положительных результатов.**

Путь освобождения народа посредством науки и для нас загражден; нам остается поэтому только один путь, путь революции. Пусть освободится сперва наш народ, и, когда он будет свободен, он сам захочет и сумеет всему научиться. **Наше же дело приготовить всенародное восстание путем пропаганды.** О том, во имя чего и как должно вести пропаганду, поговорим в другой раз. Теперь же скажем еще несколько слов **об отношении нашем к народной религии.**

Мы уважаем безусловно свободу каждого, лишь бы она не была свободой притеснения и гнусным произволом эксплуататора и притеснителя. Поэтому мы уважаем свободу всякой веры; уважаем не самую веру, если она глупа (глупости уважать невозможно), но только несомненное право каждого человека верить во всякую глупость, если он находит в ней утешение и удовлетворение. *Это нам отнюдь мешать не должно говорить, писать, печатать, вести самую ярую пропаганду против всего, что нам кажется нелепостью, ложью, хотя бы миллионы людей верили в них. Это наша обязанность, наше право.* Обязанность, потому что всякая ложь и всякая глупость непременно действуют пагубно на общество, принимающее их за добро и за истину. Право, потому что, вследствие зависимости всякого человека от общества, ущерб общества — наш ущерб; его пагуба — наша пагуба. Итак, **наше право и наша обязанность вести неотступную пропаганду против народной религии не могут быть подвергнуты сомнению.** Другой вопрос: **как надо вести ее,** для того чтоб она действительно достигала своей цели?

Наш совет всем нашим друзьям: **поступайте осторожно с верой народа. Не потакайте ей, не притворяйтесь перед нею, но и не оскорбляйте ее.** Иначе вы оттолкнете народ от себя, *прежде чем он успеет увериться в нашей честной преданности его делу,* и сами поможете правительству, которое и без того употребляет все усилия, чтоб отделить вас от него пропастью. Боритесь против народного суеверия во всех тех случаях, когда будет возможно вести эту борьбу без опасности потерять доверие народа. Но там, где противорелигиозная пропаганда могла бы восстановить его против вас, вы должны решительно от нее воздержаться. Эта осторожность необходима для самого успеха противорелигиозной пропаганды в народе.

Убедившись раз, что нам нет возможности идти путем просвещения к свободе и что **мы должны достигать народной науки путем революции, мы должны устремить главным образом всю свою пропаганду против царя, должны прежде всего уничтожить в сердце народа остатки той несчастной веры в царя, которая в продолжение столь многих веков обрекала его на гибельное рабство, должны окончательно его убедить, что помещичество и чиновничество, два главные предмета его исторической ненависти, собственной силы никогда не имели, но держались всегда и продолжают держаться только волею**

и силой царя. Мы, наконец, должны пробудить в народе сознание его собственной, со времени Пугачева опять заснувшей, силы; должны уму указать, как соединением всех местных доселе разрозненных усилий своих в одно дружное всенародное дело он должен восторжествовать над всеми притеснителями и врагами.

Исполним эту задачу, будем только честными и неусыпными приуготовителями и повивателями революции. Все остальное сделает сама революция.

А до тех пор, да служит нам ободрением тот несомненный и, впрочем, нами выше упомянутый факт, *что религия нашего народа*, хотя и облекается большей частью в грубые формы и содержит, как все христианство, догматы, поражающие не только своей нелепостью, но и безнравственностью, — что эта религия в нашем народе *болезнь только кожная, отнюдь не проникающая в глубь его жизни.*

Народная религиозная вера коренится не в одном только невежестве, но, главным образом, в неполноте и в искусственной тесноте народной жизни, заедаемой собственниками и подавляемой государством; она есть как бы протест живого и жизни жаждущего сердца народа против гнусной действительности. **Напрасно бы было ждать освобождения народа от религиозного сумасшествия или пьянства**, пока само положение его коренным образом *не изменится*. Вы никогда не достигнете отрезвления его одним только *путем умственной пропаганды*. **Окончательно освободит его от всякой религии только СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.**

Заметка

Между рабочими Европы установились с 1866 года ежегодные, правильные конгрессы, переменяющие каждый раз пункты своих съездов. Один из таких частных съездов будет в Нюрнберге с 4 по 7 сентября. По окончании Нюрнбергского Конгресса съехавшиеся туда работники пошлют депутатов в Брюссель, где будет уже общий «Конгресс Международной Ассоциации работников»¹⁵⁵. Он открывает свои заседания с 6 сентября и будет продолжаться по 13 включительно. А с 22 по 26 того же месяца будет в Берне «Международный Конгресс Мира и Свободы».

Мы рекомендуем своим соотечественникам, находящимся в Европе, ознакомиться лично с ходом самих конгрессов и равно с движением рабочего вопроса, стоящего на очереди как у самих рабочих, так и у занимающихся социальным движением.

Несколько слов молодым братьям в России

Вы встали опять. Значит вас похоронить не успели. Значит противогосударственный, всеразрушительный дух молодого бессловного поколения не мимолетная вспышка юношеского легкомыслия или тщеславия, а выражение настоящей жизни и страсти. Значит он коренится глубоко в потребностях и во всем настроении народа.

Если б ваше революционное настроение было болезнью только наскожною, то героические средства, употребленные отечественным правительством для вашего излечения, давно бы увенчались успехом. Вы были бы уже здоровы, т. е. отказавшись от всякой мысли и от всего, что составляет человечество в человеке, вы стали бы скотами в ряду великого множества чиновных и государственно-сословных скотов, поедающих нашу родину и губящих наш народ. Вы заслужили бы право называться Всероссийскими патриотами.

Русская грамотная и бессловная молодежь, несмотря на свою молодость, вынесла уже много бурь. Она свежа и бодра духом, но стара опытом. В наше время, в блаженные времена простодушного и сравнительно невинного деспотизма царя Николая, надо было прожить лет двадцать и больше, чтоб испытать половину того, что вам пришлось испытать в продолжении последних восьми или девяти лет.

После пожаров 1861 года, во время и после Польского восстания¹⁵⁶ и вслед за Каракозовским делом¹⁵⁷ до настоящей поры, благодушный царь Александр Николаевич, кажется, не пожалел ничего, чтобы довершить ваше политическое воспитание. Поощряемый всею отечественною литературою, славянофилами и западниками, плантаторами и либералами, он путем розог и палок, пыток и виселицы, гуртовых заключений и ссылок, путем обречения тысячи лучших людей на голодную смерть, старался измерить вашу силу, вашу упрямую волю, вашу веру в предпринятое вами Народное дело. Вы устояли, значит, вы крепки. Много, много товарищей ваших погибло, но на каждого погибающего растут из земли десять новых бойцов, врагов государства. Значит, приходит конец этому поганому государству.

Откуда вы берете вашу веру и силу? Веру без Бога, силу без личной надежды и цели? Откуда взялась в вас эта способность отдать себя на гибель без тщеславия и фразы? Где источник того дико-разрушительного и холодно-страстного воодушевления, от которого цепенеет ум и останавливается кровь в жилах у ваших противников? Холопская литература встала в тупик перед вами. Она просто тут ничего не понимает.

Были бы вы прислужниками, доносчиками, шпионами, ворами частными или казенными, со взломом или без взлома, благонамеренными

подлецами — сторонниками лакействующего либерализма в журналах, душителями крестьян и поляков; если б вы загубили десятки тысяч народу, она бы вас поняла, и стоило бы вам оказать себя благодарными, для того, чтобы она вас защитила и оправдала. Все это в нашем византийско-славянском мире дело житейское и бывалое, отнюдь не противоречит ни нашему государственному благочинию, ни нашей государственной нравственности, не противоречит поэтому и Всероссийскому патриотизму.

Были бы вы идеальными юношами, мечтающими о науке и человечестве, о свободе и праве по книжкам, она бы вас опять поняла. Многозаслуженные и многоиспытанные ветераны нашей отечественной литературы, в свое время, также читали, увлекаясь мечтали, были студентами, страстно кланялись идеалам и обрекали себя на подвиг. Жизненный опыт, приобретаемый в омуте грязнейшей в мире действительности, сделал их подлецами. Но они с умилением вспоминают свои молодые годы, и, без сомнения, простили бы нам юношеский бред, твердо уверенные в том, что под влиянием той же самой действительности вы скоро сделаетесь не хуже их подлецами.

Но вы ни воровать, ни мечтать не хотите; вы призираете почти одинаково мир всероссийской действительности, и книжно-идеальный мир, служивший доселе для чистых душ убежищем от государственной грязи. Вот отчего отечественная литература наша стала в тупик, вот отчего она не может понять ни куда вы идете, ни чего вы хотите.

В недоумении, господа московские и петербургские журналисты решили, что ваше настоящее движение — дело польских подземных интриг. Нельзя было выдумать ничего подлее и глупее. Подлее, потому что вызывать ярость свирепого начала против измученной жертвы, такое позорное преступление, которое именно только в нашей холопско-государственной России невозможно; глупее, потому что нужно дойти до крайней степени тупоумия, чтоб не заметить с первого раза пропасти, лежащей между программой огромного большинства польских патриотов и программой нашей молодежи, представительницы и поборницы русского народного дела.

Между большинством польских деятелей, и именно тою польскою шляхетски-католическою партией, которой журналистика наша приписывает наибольшее влияние на русскую молодежь, и между нами есть только одно общее чувство и одна общая цель: это ненависть ко Всероссийскому государству и твердая воля способствовать всеми возможными средствами его наискорейшему разрушению. Вот в чем мы сходимся. Шаг далее, и между нами открывается пропасть: мы хотим окончательного разрушения всякой государственности к России и все России; они мечтают о восстановлении Польского государства.

Польские государственники мечтают не о добром, потому что всякое государство, как бы либеральны и демократичны ни были его формы, ложится подавляющим камнем на жизнь народную. Они мечтают о не-

возможном, потому что, впереди, государства будут только рушиться, а не строиться. Они народо-ненавистной мечтой обрекают свою родину на полную гибель, и если б им удалось, пожалуй хоть с помощью иностранцев, разумеется, не с народною помощью, восстановить Польское государство, необходимо основанное на шляхстве, или, что все равно, на личной поземельной и наследственной собственности, они, без сомнения, сделались бы столь же нашими врагами, сколько и притеснителями своего собственного народа. Если это случится, мы станем войной против них, во имя общенародной свободы и жизни. А до тех пор, мы им друзья и помощники, потому что их дело — дело разрушения Всероссийского Государства, также и наше дело.

У Российских и не русских народов, закабаленных в империю, нет теперь злее врага, чем Всероссийское государство.

Но польские патриоты, к несчастью, также мало разумеют смысл русского движения, как и наша кабальная журналистика. Потому и нет у них доверия к нему, и влияние их на него всегда было, и, до сих пор, остается ничтожным. А не худо бы было и для нас, если б мы действительно заслужили клевету всероссийских патриотов. Не худо бы было, если б мы могли согласиться на единое действие, хоть в продолжении первого акта готовящейся общеславянской трагедии. Это не помешало бы нам разойтись и стать друг против друга врагами в трех последующих актах, и, как следует, окончательно примириться в последнем.

Нет, не влияние польских интриг, а другая, более громадная сила движет рускою молодежью — сила народная. Приближаются времена Стеньки Разина¹⁵⁸ ...

Нынешнее благодушное царствование представляет замечательное сходство с царствием добрейшего из Романовых, царя Алексея Михайловича, который, несмотря на свое историческое благодушие, также немилосердно душил и грабил народ, как и нынешний, в пользу царской казны, в пользу дворян, чиновников-людоедов и во славу всероссийского государства. Тогда, как и теперь, измученный, разграбленный и изнуренный голодом народ бежал из деревень в леса. Теперь, как и тогда, волнуется вся крестьянская, вся черно-рабочая Русь, все более понимающая царский обман, и ожидания новой, настоящей воли, уж не сверху, а снизу, путем, указанным ей Стенькой Разиным... Да, явно готовится и приближается новая кровавая встреча, новый бой на жизнь и на смерть между Русью народною и между Россией казенною.

Кто победит в этот раз? Народ, без сомнения. Стенька Разин был богатырь, но он был один между всеми и надо всеми; его личная громадная сила не могла устоять против сплотившейся и организовавшейся государственной силы, так как в народе, предводительствуемом им одним, не было и тени организации. Погиб он, и всё погибло. Теперь будет не то. Не будет вероятно народного богатыря Стеньки Разина, сосредоточивающего в своем лице всю народную жизнь и силу. Но будет зато легион

бессловной и безымянной молодежи, живущей, уже теперь народную жизнью, и сплоченной крепко между собой одной мыслью и целью. Соединение этой молодежи с народом — вот залог народной победы.

Русская грамотная молодежь потому сделалась теперь так крепка, непрклонна и непримирима, что она приняла уже на себя душу народную — она хочет не своего, а народного торжества. Стенька Разин, на этот раз, не одинокий, а коллективный, и тем самым непобедимый, у ней за плечами. Вот настоящий смысл ее нынешних, еще невинных движений, и вот почему эти движения, несмотря на свою видимую незначительность, повергают в трепет весь наш сословный, казенный, литературствующий и правительствующий государственный мир.

Итак, молодые друзья, бросайте скорее этот мир, обреченный на гибель, эти университеты, академии и школы, их которых вас гонят теперь и в которых стремились всегда разъединить вас с народом. Ступайте в народ! Там ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. Научитесь у народа, как служить народу и как лучше вести дело. Помните, друзья, что грамотная молодежь должна быть не учителем, не благодетелем и не директором-указателем для народа, а только правильною бабкою самоосвобождения народного, сплотителем народных сил и усилий. Чтоб приобрести способность и право служить народному делу, она должна утопиться в народе. Не хлопчите о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить. Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель. Наука же новая и живая несомненно народится потом, после народной победы, из освобожденной жизни народа.

Таково убеждение лучших людей на Западе, где также, как и в России, старый государственный мир, основанный на религии, на метафизике и на буржуазной цивилизации, на праве семейном и на наследственном праве, видимо, падает и должен уступить место освобожденному черно-рабочему миру. Вам врут, говоря, что в Европе всё спит. Напротив, всё просыпается, и надо быть, слепым и глухим, чтоб не услышать и не увидеть несомненных признаков приближающейся общественной бури.

Готовясь к борьбе, помимо всех границ государственных, рабочий мир подал себе руку, в Европе и в Америке, и во имя общей победы, зовет вас, русскую бессловную молодежь, вас работников революции, на крепкий союз.

Из работы «Усыпители»

IV

Наши читатели могут конечно спросить нас, почему мы занимаемся Лигой Мира и Свободы, если считаем ее умирающей, если знаем, что дни ее сочтены; почему не даем ей покойно и без шума покончить свое жалкое существование. Действительно, так бы и следовало поступить, если бы Лига Мира и Свободы и угрожала подарить нам на прощание свою память — буржуазный социализм. Мы не стали бы заниматься этим жалким незаконнорожденным детищем буржуазии, если бы он обращался с своей пропагандой только к буржуазному радикальному миру; не веря в успех его усилий, мы только удивлялись бы его благим намерениям; но, к несчастью, он не довольствуется этими бесполезными усилиями и старается проникнуть в рабочую среду, чтобы и ее приобщить буржуазной теории; а это по меньшей мере безнравственно и, главное, крайне вредно. Этот выродок, буржуазный социализм, очутился между двумя непримиримо враждебными мирами: миром буржуазным и миром рабочих. Хотя, с одной стороны, его: во-первых, извращая программу и умаляя величие его принципов; во-вторых, внушая ему несбыточные надежды и нелепую веру в близкое обращение буржуазии; он привлекает, или по крайней мере, желает привлечь пролетариат к буржуазной политике и таким образом обратить его опять в орудие буржуазии. Что же касается принципов буржуазного социализма, то он находится в этом отношении в положении столь же затруднительном, сколько смешном; он или слишком широк, или слишком развращен, чтобы держаться одного определенного принципа; он хочет соединить в себе два принципа, взаимно исключающие друг друга, с нелепой претензией примирить их. Например, он хочет сохранить буржуазии индивидуальную собственность капитала и земли и в тоже время заявляет великодушную готовность обеспечить благосостояние рабочего. Далее он обещает рабочим полное пользование продуктом их труда — вещь невозможную при существовании процента и ренты, так как и процент и рента взимаются с продукта труда.

Буржуазный социализм хочет сохранить за буржуазией ее нынешнюю свободу, которая ничто иное, как возможность эксплуатировать силою капитала труд рабочих, и в тоже время он обещает рабочим полное экономическое и социальное равенство: равенство эксплуатируемых с эксплуататорами.

Он защищает право наследства, то есть возможность детям богатых рождаться богатыми, а детям бедняков нищими, и вместе с тем обещает всем детям равенство воспитания и образования, как того требует справедливость.

Буржуазный социализм поддерживает, в пользу буржуазии, неравенство наследства, и обещает пролетариату, что в его системе все будут равно работать, сообразно способностям и естественным наклонностям каждого. Это было бы возможно только при двух условиях, одинаково нелепых, или, государство, власть которого также ненавистна социальной буржуазии, как и нам, будет принуждать богатых работать наравне с бедными, что приводит нас прямо к государственному коммунизму; или, все богатые, движимые единственно чуждым самоотвержением и великодушной решимостью, примутся добровольно работать, непобуждаемые нуждой, работать наравне с теми, кого заставляют трудиться нужда и голод.

Но даже допуская подобное чудо, очевидно, что работающие по необходимости всегда будут в подчинении, зависимости и просто в рабстве у добровольных работников.

Буржуазный социалист легко узнается по следующему признаку: он крайний индивидуалист и не может без внутренней злобы слышать о коллективной собственности. Враждебный ей, он естественным образом враждебен и коллективному труду и, не имея возможности совершенно устранить его из социальной программы, хочет во имя свободы, которую так плохо понимает, открыть самое широкое поприще индивидуальному труду.

А что такое индивидуальный труд? Всюду, где непосредственно участвует физическая сила или человека, то есть, во всем, что называется материальным производством — индивидуальный труд бессилён; единичная работа единого, как бы он ни был силен и ловок, никогда не может бороться против коллективного труда рабочих организованных в ассоциацию. То, что ныне в промышленном мире называется индивидуальной работой, есть только эксплуатация коллективного труда рабочих отдельными лицами, привилегированными обладателями капитала или знания. Но с прекращением эксплуатации, чего желают, как уверяют, по крайней мере, сами буржуазные социалисты, в промышленном мире не будет другого труда, кроме труда коллективного и, следовательно, другой собственности, кроме коллективной. Таким образом, индивидуальный труд останется возможным только в интеллектуальном производстве, в работе ума. Но и тут нужна оговорка. Ум величайшего гения не есть ли продукт коллективной работы, как умственной, так и промышленной, всех прошедших и настоящих поколений? Чтобы убедиться в этом, достаточно вообразить себе этот самый гений перенесенным, с самого раннего детства, на необитаемый остров, предполагая, что он не погибнет там с голоду; что получится из него? Животное, существо неспособное даже говорить, а тем более мыслить. Перенесите его туда в десятилетнем возрасте; что выйдет из него через несколько лет? Опять таки животное, потерявшее способность говорить и сохранившее от своей человеческой природы лишь смутный инстинкт. Перенесите его двадцати, тридцати лет — через десять, пятнадцать, двадцать лет он оупеет, одичает. И самое большее, что может сделать — изобретет какую-нибудь новую религию.

Из этого ясно, что человек, даже богато одаренный природою, получает от нее только способности, и что эти способности останутся бесплодными, мертвыми без могучего действия коллективности. Наше мнение, что личность, богато одаренная от природы, уже поэтому самому многим может воспользоваться и пользуется от коллективности, а это обязывает ее много воздать ей; этого требует справедливость.

Тем не менее, мы признаем, что хотя большая часть умственных работ может производиться и лучше, и скорее коллективно, чем индивидуально, но есть такие, которые требуют единичного труда. Что же из этого следует? Уж не то ли, что единичная работа гениальных или талантливых людей, будучи более редки, более ценны и более полезны, чем работы обыкновенных рабочих, должны оплачиваться лучше? На каком основании? Разве эти работы тяжелее ручного труда? Напротив, ручной труд несравненно тяжелее. Умственный труд приятен; он сам в себе носит свою награду и не нуждается в другом вознаграждении. Кроме того, он еще находит вознаграждение в уважении и благодарности современников, в сознании того просвещения и блага, которые он им доставляет. Вы, предающиеся идеальничанью в таких широких размерах, господа буржуа-социалисты, неужели вы не находите, что эта награда стоит всякой другой? Или может быть вы предпочли бы более существенное вознаграждение звонкой монетой? Вы сами оказались бы в большом затруднении, если бы вам пришлось устанавливать таксу на продукты интеллектуальной работы гения. Это, по очень верному замечанию Прудона, величины неизмеримые: они или ничего не стоят, или стоят миллионы.... Но понимаете ли вы, что при этой системе вам придется поторопиться уничтожить право наследства, потому что иначе дети людей гениальных или великих талантов будут наследовать миллионы и сотни тысяч; вспомните притом что дети гениев большею частью, вследствие ли неизвестного еще закона природы, или того привилегированного положения, которое доставили им труды их отцов, бывают большею частью очень ограниченны умственно, а часто просто глупы. Что же станет с тем справедливым распределением, о котором вы так любите толковать и во имя которого ведете борьбу с нами? Как осуществится эта равноправность, которую вы нам сулите?

Из всего этого, кажется, очевидно, что единичный труд индивидуального ума, все умственные работы в смысле изобретения, но не в смысле приложения, должны быть даровыми. Но чем же тогда жить людям таланта, людям гениальным? Разумеется физическим и коллективным трудом, как все другие. Как? Вы хотите подчинить великие умы физическому труду, наравне с самыми посредственными? Да, хотим, и вот почему: во-первых мы убеждены, что великие умы не только ничего при этом не потеряют, но, напротив, много выиграют, укоренятся физически, а еще более духовно солидарностью и справедливостью. Во-вторых, это единственный способ возвысить и очеловечить физический труд и этим самым установить настоящее равенство между людьми.

Теперь мы рассмотрим великие меры, предлагаемые буржуазным социализмом для освобождения рабочего класса, и легко докажем, что каждая из этих сер под очень почтенной наружностью скрывают что-нибудь невозможное, лицемерное, лживое. Их три: 1) народное образование, 2) кооперация и 3) политическая революция.

Мы спешим заявить, что есть пункт, на котором мы совершенно согласны с ним: образование необходимо народу. Только те смогут отвергать это или сомневаться в этом, кто желает увековечить рабство народных масс. Мы так убеждены, что образование есть мерило той степени свободы, благосостояния и человечности, которой может достигнуть как целый класс, так и отдельное лицо, что требуем для пролетариата не только какого-нибудь образования, а образования полного, всестороннего, чтобы над ним не мог возвыситься иной класс, покровительствующий и направляющий в силу своего знания; чтобы не могла создаваться новая аристократия — аристократия ума и знания. По нашему мнению, из всех аристократий, которые угнетали человеческое общество поочередно, а иногда все вместе, эта так называемая аристократия ума всех гнуснее, презрительнее, надменнее и притеснительнее. Аристократия дворянства говорит работнику: «ты честный человек, но ты не дворянин». Это оскорбление еще можно перенести. Аристократия капитала признает за работником всевозможные достоинства, «но, прибавляет она, у тебя нет ни гроша за душой». Это тоже еще сносно, потому что это лишь констатирует факт, в большинстве случаев скорее лестный для того, к кому обращается этот укор. Но аристократия ума говорит работнику: «ты ничего не знаешь, ничего не понимаешь, ты осел, а я разумный человек, поэтому я должен тебя навьючить и вести». Это нестерпимо.

Аристократия ума — возлюбленное детище новейшего доктринерства, последнее прибежище духа властолюбия, которым страдал мир с самого начала исторических времен и который воздвиг и освятил все государства. Это смешное и нелепое поклонение патентованному уму могло родиться только в среде буржуазии. Аристократии дворянства наука была не нужна для доказательства своего права. Она опирала свою власть на двух неопровержимых аргументах, основывая ее на насилии, на грубой физической силе и освещая милостью Божьей. Она совершала насилия, а церковь благословляла их — таково было ее право. Эта тесная связь торжествующего кулака с божественной санкцией придавала ей обаяние и внушала ей ее рыцарскую доблесть, покорявшую ей сердца.

Буржуазия, лишенная всякой доблести и благодати, может основывать свое право только на одном аргументе: очень существенном, но очень прозаическом могуществе денег. Это циническое отрицание всякой добродетели; с деньгами всякий дурак и скот, всякий негодяй имеет всевозможные права; без денег все личные достоинства ничего не значат — вот основной принцип буржуазии в его грубой действительности. Понятно,

что такой аргумент, как бы то ни было он силен сам по себе, недостаточен, чтобы оправдать и закрепить могущество буржуазии. Такова природа людей, что самые скверные вещи могут упрочиваться в обществе только под благовидной личиной. Отсюда поговорка, что лицемерие есть дань уважения, платимая пороком добродетели. Самое могущественное насилие нуждается в освящении.

Мы видели, что дворянство оградило все свои насилия милостью Божьей. Буржуазия не могла прибегнуть к такому покровительству, во-первых, потому что Господь Бог и его представительница церковь слишком скомпрометировалась, исключительно покровительствуя целые века монархии и дворянской аристократии, злейшему врагу буржуазии; и, во-вторых, потому, что буржуазия, чтобы она ни говорила и ни делала, все-таки отрицает Бога. Она толкует о Боге для народа, но сама в нем не нуждается и обделяет все свои дела в храмах, посвященных не Господу, а Мамону¹⁵⁹, на бирже, в торговых и банкирских конторах, в больших промышленных заведениях. Ей, следовательно, надо было искать санкции помимо церкви и Бога. Она нашла ее в патентованной интеллигенции.

Она отчетливо знает, что ее настоящее политическое могущество основывается главным образом и, можно сказать, единственно, на ее богатстве; но так как она не желает и не может сознаться в этом, то старается объяснить это могущество своим умственным превосходством не природным, а научным; чтобы управлять людьми, утверждает она, нужно много знать, а в настоящее время она одна обладает знанием. Действительно, во всех государствах Европы только буржуазия, включая сюда и дворянство, существующее ныне только по имени, — класс эксплуатирующий, получает один сколько-нибудь серьезное образование. Кроме того, из среды буржуазии выделяется особое меньшинство, посвящающее себя исключительно изучению великих вопросов философии, социальной науки и политики и составляющие собственно новейшую аристократию, аристократию патентованной и привилегированной интеллигенции. Это меньшинство — квинтэссенция и сильнейшее выражение духа и интересов буржуазии.

Новейшие европейские университеты, образующие род ученой республики, оказывают буржуазии те же услуги, какие некогда католическая церковь оказывала дворянству, и подобно тому, как католицизм санкционировал в свое время все насилия дворянства над народом, университет, храм буржуазной науки, объясняет и оправдывает ныне эксплуатацию того же самого народа капиталом буржуазии. Удивительно ли после этого, что в великой борьбе социализма против буржуазной политической экономии, новейшая патентованная наука так решительно приняла и продолжает принимать сторону буржуазии?

Не будем придирается к последствиям, будем всегда обращаться к причинам. Школьная наука — продукт буржуазного духа; представители этой науки родились, выросли и воспитывались в буржуазной среде, под влиянием ее духа и исключительных интересов; поэтому естественно,

что та, и другие враждебны полному и действительному освобождению пролетариата, и что все их теории, экономические, философские, политические и социальные, последовательно выработанные в этом духе, имеют в сущности целью только доказать неспособность народных масс и, следовательно, признание буржуазии, управлять ими до конца веков, так как богатство дает ей знание, а знание дает возможность богатеть еще больше. Как же выйти рабочему из этого заколдованного круга? Ему, понятно, необходимо приобрести знание и захватить в свои руки могучее орудие — науку, без которой он может, правда, делать революцию, но никогда не будет в состоянии воздвигнуть на развалинах буржуазных привилегий эту равноправность, справедливость и свободу, которые составляют сущность всех его политических и социальных стремлений. — Вот пункт, на котором мы вполне сходимся с буржуазными социалистами.

Но на следующих пунктах мы положительно расходимся с ними.

1. Буржуазные социалисты требуют для рабочих только немного более того образования, которой они получают в настоящее время, и предоставляют привилегию высшего образования очень незначительному классу счастливых; говоря проще — людям, вышедшим из класса землевладельцев, буржуа, и тем, которые по счастливой случайности были приняты в среду этого класса, так сказать, усыновлены им. Буржуазные социалисты утверждают, что бесполезно всем получать одинаковую степень образования, потому что, если бы все захотели предаваться науке, то никого не осталось бы для физического труда, без которого даже наука не может существовать.

2. С другой стороны, они утверждают, что для освобождения рабочих масс надо начать с воспитания их, и что, пока они не будут обладать знаниями, им нечего и думать о коренном изменении своего экономического и социального положения.

Всестороннее образование

I

Мы рассмотрим сегодня первым следующий вопрос: возможно ли полное освобождение рабочих масс, пока образование их будет ниже образования, получаемого буржуазией, или пока вообще будет существовать какой-нибудь класс, многочисленный или нет, пользующийся по своему рождению привилегией лучшего воспитания и более полного образования? Поставить этот вопрос — значит решить его.

Очевидно, что из двух лиц, одаренных от природы приблизительно одинаковыми умственными способностями, то, которое больше знает, умственный кругозор которого более расширен благодаря приобретенным научным знаниям и которое, лучше поняв взаимную связь естественных и социальных фактов, или то, что называют естественными и социальными законами, легче и шире постигнет характер среды, в которой живет, — это лицо будет чувствовать себя более свободным в этой среде, окажется на практике способнее и сильнее другого. Понятно, что тот, кто больше знает, будет господствовать над тем, кто знает меньше. И если бы существовало только различие в воспитании и образовании между классами, то этого одного различия было бы вполне достаточно, чтобы в сравнительно короткий срок породить все другие, и человечество вернулось бы к современному состоянию, т. е. оно было бы вновь разделено на массу рабов и небольшую кучку господ, причем первые, как и теперь, работали бы на последних.

Понятно, стало быть, почему социалисты-буржуа требуют для народа только побольше образования, немножко больше того, что народ получает ныне, и почему мы, демократы-социалисты, требуем для него, наоборот, *полного всестороннего образования*, насколько позволяет состояние умственного развития века, чтобы не могло существовать никакого класса, стоящего выше рабочих масс и могущего приобретать большие знания, и который именно потому, что у него будет больше знаний, сможет господствовать над рабочими и эксплуатировать их.

Буржуазные социалисты желают сохранения классов, так как каждый класс, по их мнению, должен иметь свою функцию, один, напр., должен представлять науку, другой — ручной труд; мы же желаем окончательного и полного уничтожения классов, объединения общества, экономического и социального равенства всех людей на земле. Они желали бы, сохраняя классы, уменьшить, смягчить и сгладить несправедливость и неравенство — этот исторический фундамент современного общества, — мы же хотим разрушить их. Отсюда ясно, что между буржуазными социалистами и нами немыслимы ни соглашение, ни примирение, ни даже союз.

Но, скажут нам, — и этот аргумент всего чаще выставляют против нас, и господа доктринеры всех цветов считают его неопровержимым, — невозможно, чтобы все человечество отдалось науке: оно умерло бы с голоду. Следовательно, необходимо, чтобы в то время как одни занимаются наукой, другие работали бы и производили продукты, которые необходимы прежде всего им самим, а затем также и людям, посвятившим себя исключительно умственному труду, так как люди эти трудятся не для себя одних: их научные открытия не только обогащают человеческий ум, но и улучшают быт всего человечества благодаря применению их к промышленности и земледелию и вообще к политической и экономической жизни. Разве их художественные произведения не облагораживают жизнь всех людей?

Нисколько. И мы всего больше упрекаем науку и искусство именно в том, что они распространяют свои благодеяния и оказывают свое благотворное влияние только на очень незначительную часть общества, минуя огромное большинство, и, следовательно, в ущерб ему. Относительно прогресса в науке и искусствах можно сказать теперь то же, что уже не раз было замечено с большим основанием относительно удивительного развития промышленности, торговли, кредита, одним словом, общественного богатства в наиболее цивилизованных странах современного мира. Это богатство совершенно исключительное и с каждым днем все более и более стремится к исключительности, сосредоточиваясь все в меньшем и меньшем количестве рук и выбрасывая низшие слои среднего класса, так называемую мелкую буржуазию, в ряды пролетариата, так что развитие этого богатства находится в прямом отношении к возрастающей нищете рабочих масс. Отсюда следует, что пропасть, разделяющая счастливого и привилегированного меньшинство от миллионов работников, которые содержат это меньшинство трудом своих рук, постоянно расширяется, и чем счастливее становятся счастливые, эксплуататоры народного труда, тем бедственнее делается положение работников. Стоит только сравнить баснословную роскошь крупного аристократического, финансового, торгового и промышленного мира Англии с бедственным положением рабочих той же страны; стоит прочесть недавно обнаруженное наивное и вместе с тем ужасающее письмо одного умного и честного лондонского сребреника, Вальтера Дюгана¹⁶⁰, который *добровольно* отравился вместе с женою и шестью детьми, спасаясь от унижений, нищеты и от мучений голода, — и придется сознаться, что наша пресловутая цивилизация для народа не что иное, как источник рабства и нищеты.

То же можно сказать и о современном прогрессе в области науки и искусств. Прогресс этот огромный — это правда; но чем больше он возрастает, тем больше становится причиною умственного, а, следовательно, и материального рабства, причиною нищеты и умственной отсталости народа, постоянно расширяя пропасть, отделяющую умственный уровень народа от умственного уровня привилегированных классов.

Ум народа с точки зрения природной способности, конечно, в настоящий момент менее притуплён, менее испорчен, искалечен и извращен необходимостью защищать несправедливые интересы, и, следовательно, он, естественно, обладает большей мощью, чем буржуазный ум; но зато последний вооружен наукою, а это оружие ужасно. Очень часто случается, что очень умный рабочий вынужден замолчать перед глупым ученым, который побивает его не умом, которого у него нет, а образованием, отсутствующим у рабочего. Он мог получить это образование, потому что в то время как его, глупого, учили и развивали в школе, труд рабочего одевал его, давал ему жилище, кормил его и снабжал всем необходимым для его образования, учителями и книгами.

Мы прекрасно знаем, что и в буржуазном классе не всякий обладает равными знаниями. Тут также своего рода иерархия, зависящая не от способности индивидов, большего или меньшего богатства того социального слоя, к которому они принадлежат по рождению: так, например, образование, получаемое детьми мелкой буржуазии, немногим превышая образование рабочих, почти ничтожно в сравнении с тем, которым общество щедро наделяет среднюю и высшую буржуазию. И что же мы видим? Мелкая буржуазия, которая, с одной стороны, в данное время причисляется к среднему классу только благодаря смешному тщеславию, а, с другой стороны, поставлена в зависимость от крупных капиталистов, находится в большинстве случаев в еще более бедственном и унижительном положении, чем пролетариат. Поэтому, говоря о привилегированных классах, мы никогда не подразумеваем в числе их ту жалкую мелкую буржуазию. Будь у нее больше и смелости, она не преминула бы присоединиться к нам, чтобы вместе бороться против крупной и средней буржуазии, которая давит ее теперь не меньше, чем пролетариат. Если экономическое развитие общества будет продолжаться в том же направлении еще лет десять, что нам кажется, впрочем, невозможным, то большая часть средней буржуазии сначала очутится в теперешнем положении мелкой буржуазии, а потом, мало-помалу, поглотится пролетариатом, все благодаря той же фатальной концентрации собственности все в меньшем и меньшем количестве рук, и, в конце концов, неизбежным результатом этого будет окончательное разделение социального мира на незначительное, но непомерно богатое, ученое и господствующее меньшинство и на огромное большинство несчастных, невежественных и поработанных пролетариев. Каждого добросовестного человека, всех, кому дороги человеческое достоинство и справедливость, т. е. свобода и равенство, поражает тот факт, что все изобретения человеческого разума, все великие приложения науки к промышленности, торговле и вообще к социальной жизни, до сих пор служили только интересам привилегированных классов и могуществу государств, вечных покровителей всякого политического и социального неравенства, и никогда не приносили пользы народным массам. Стоит только указать на машины, чтобы каждый рабочий и искренний сторонник освобождения труда согласился с этим.

Какая сила поддерживает привилегированные классы еще и теперь, со всем их наглым довольством и несправедливыми наслаждениями всеми благами жизни против столь законного негодования народных масс? Сила, присущая им? Нет, их охраняет только государственная сила. В государстве, впрочем, дети их занимают ныне, как и всегда, высшие должности и даже средние и низшие, они не исполняют только обязанностей рабочих и солдат. А что составляет ныне главную силу государства? Наука.

Да, наука. Наука, правительственная, административная и наука финансовая; наука, учащая стричь народное стадо, не вызывая слишком сильного протеста, и когда оно начинает протестовать, учащая подавлять

эти протесты, заставляя терпеть и повиноваться; наука, учащая обманывать и разъединять народные массы, держать их всегда в спасительном невежестве, чтобы они никогда не могли, соединившись и помогая друг другу, организовать из себя силу, способную свергнуть государство; наука военная, прежде всего, с усовершенствованным оружием и всеми ужасными орудиями разрушения, «творящими чудеса»; наконец, наука изобретателей, создавшая пароходы, железные дороги и телеграфы, которые, служа для военных целей, удесятерят оборонительную и наступательную силу государств; телеграфы, которые, превращая каждое правительство в сторукое или тысячерукое чудовище, дают им возможность быть вездесущими, всезнающими, всемогущими — всё это создает самую чудовищную политическую централизацию, какая только существовала в мире.

После этого можно ли отрицать, что до сих пор всякий прогресс, без исключения, в науке служил всегда средством для обогащения привилегированных классов и усиления государств в ущерб благосостоянию народных масс, пролетариата? Но, возразят нам, разве рабочие не пользуются также благами прогресса? Разве в нашем обществе они не являются гораздо более цивилизованными по сравнению с прошлыми веками?

На это мы ответим словами Лассалья¹⁶¹, знаменитого немецкого социалиста. Для того, чтобы судить о прогрессе рабочих масс, с точки зрения их политического и экономического освобождения, не нужно сравнивать их умственный уровень в настоящем веке с умственным уровнем их в прошлые века. Надо посмотреть, прогрессировали ли они за данный период времени в такой же степени, как и привилегированные классы. Ибо, если они совершили такой же прогресс, как и эти последние, разница в умственном развитии между ними и привилегированными будет такая же, как и прежде; если пролетариат совершит больший прогресс и быстрее, чем привилегированные, разница эта необходимо уменьшится. Если же, наоборот, прогресс рабочего будет идти медленнее и, следовательно, будет совершен в меньшей степени, чем прогресс господствующих классов в тот же промежуток времени, разница эта увеличится: пропасть, разделявшая их, станет шире, привилегированный станет более могущественным, рабочий делается зависимым, более рабом, чем раньше. Если мы выйдем с вами одновременно из двух разных пунктов и вы будете впереди меня на сто шагов и если при этом вы будете делать шестьдесят шагов в минуту, в то время как я только тридцать, то через час расстояние, разделявшее нас, будет не сто шагов, а тысяча девятьсот.

Этот пример дает точную идею о взаимном прогрессе, совершаемом буржуазией и пролетариатом. До сих пор буржуазия двигалась быстрее по пути цивилизации, чем пролетарии, но не потому, чтобы ее природные умственные способности были выше умственных способностей последних, — теперь мы с полным правом можем сказать обратное, — а потому, что экономическая и политическая организация общества была

такова, что одна только буржуазия могла получать образование, что наука существовала только для нее и что пролетариат осужден на вынужденное невежество, так что если он все-таки делает прогресс, — и этот прогресс не подлежит сомнению, — так это не благодаря обществу, а вопреки ему.

Резюмируем все нами сказанное. При современной организации общества прогресс науки был причиной *относительного* невежества пролетариата, подобно тому как прогресс промышленности и торговли был причиной его *относительной* бедности. Умственный и материальный прогресс, следовательно, одинаково способствовал увеличению его рабства. Что отсюда следует? То, что мы должны отвергнуть *эту* буржуазную науку и бороться против нее, так же как мы должны бороться против буржуазного богатства и отвергнуть его. Бороться и отвергнуть их в том смысле, что, разрушая общественный строй, при котором они являются собственностью одного или нескольких классов, мы должны требовать как общего достояния для всех.

II

Мы доказали, что, пока существуют две или несколько степеней образования для различных слоев общества, до той поры необходимо будут существовать классы, т. е. экономические и политические привилегии для небольшого числа счастливых, и рабство и нищета для большинства. Как члены Международного Общества Рабочих¹⁶² мы хотим равенства, а потому должны также желать всестороннего и равного образования для всех.

Но, спросят, если все будут образованны, кто же захочет работать? Наш ответ *прост*: все должны работать и все должны быть образованны. На это очень часто возражают, что подобное смешение умственного и механического труда может произойти только в ущерб тому и другому: работники физического труда будут плохими учеными, а ученые всегда останутся очень плохими рабочими. Да, в современном обществе, где ручной и умственный труд одинаково искажены тем совершенно искусственным разобщением, которому оба подвергнуты. Но мы убеждены, что обе эти силы, мускульная и нервная, должны быть одинаково развиты в каждом живом и цельном человеке и не только не могут вредить друг другу, а, напротив, каждая должна поддерживать, расширять и укреплять другую: знание ученого будет плодотворнее, полезнее и шире, если ученый будет знаком и с ручным трудом, труд образованного рабочего будет *осмысленнее* и, следовательно, более производителен, чем труд невежественного рабочего.

Из этого следует, что в интересе как самого труда, так и науки не должно существовать ни рабочих, ни ученых, а должны быть только люди.

Люди, которые теперь в силу своего умственного превосходства занимаются исключительно наукою, которые, однажды попав в эту область, подчиняются влиянию условий своего буржуазного положения и обращают все свои открытия исключительно на пользу своего привилегиро-

ванного класса, — эти люди, сделавшись действительно солидарными со всеми людьми, солидарными не в воображении только и не на словах, а на деле, через труд, обратят также неизбежно открытия и приложения науки на пользу всех, и прежде всего на облегчение и облагораживание труда, этой единственно законной и реальной основы человеческого общества. Возможно и даже очень вероятно, что в переходный период, более или менее продолжительный, который наступит, естественно, после великого социального кризиса, наиболее высоко стоящие науки упадут значительно ниже их настоящего уровня. Несомненно также и то, что роскошь и все, составляющее утонченность жизни, должны будут исчезнуть надолго из общества и вернуться уже не как исключительная привилегия, а как общее достояние, возвышающее жизнь всех людей, только тогда, когда общество доставит все необходимое всем своим членам.

Считать ли, впрочем, несчастием или даже неудобством это временное затмение высшей науки? То, что наука потеряет в движении высь, она выиграет в широте распространения. Будет, конечно, меньше ученых, но будет меньше и невежд. Взамен нескольких первоклассных умов миллионы людей, теперь униженных и раздавленных, получают возможность жить по-человечески. Не будет полубогов, но не будет и рабов. Полубоги и рабы станут людьми: первые немного спустятся с своей исключительной высоты, вторые значительно поднимутся. Не будет, следовательно, места ни для обоготворения, ни для презрения. Все подадут друг другу руки и, соединившись, с новой энергией пойдут к новым завоеваниям как в науке, так и в жизни.

Поэтому, не страшась этого, впрочем, совершенно временного, затмения науки, мы призываем его, наоборот, всей душой, ибо следствием его будет очеловечение как ученых, так и работников ручного труда, примирение науки с жизнью. И мы уверены, что как только это осуществится, прогресс человечества как в науке, так и в жизни быстро превзойдет все, что мы до сих пор видели, и все, что мы теперь можем вообразить.

Но здесь является другой вопрос: *способны ли все личности возвыситься до одинаковой степени образования?* Вообразим себе общество, устроенное на началах полного равенства, где дети с самого рождения находятся в одинаковых условиях, как политических, так и экономических, и социальных, т. е. пользуются совершенно одинаковой обстановкой, воспитанием и образованием. Между миллионами этих маленьких существ будут бесконечные различия в энергии, в естественных склонностях и способностях.

Вот самый сильный аргумент наших противников, чистых буржуа и буржуазных социалистов. Они считают его неопровержимым. Постараемся доказать им противное.

Во-первых, по какому праву они ссылаются на принцип индивидуальных способностей? Возможно ли в современном обществе развитие этих способностей? Возможно ли оно в каком бы то ни было обществе, эко-

номическим основанием которого будет служить наследственное право? Ясно, что нет, ибо раз будет существовать наследственное право, будущая карьера ребенка не может быть результатом его личных способностей и энергии, а прежде всего зависит от степени богатства или нищеты его семьи. Богатый, но глупый наследник получит высшее образование, а самые умные дети рабочего все же останутся невежественными, как это происходит теперь. Какое, стало быть, лицемерие, какой бесстыдный обман говорить об индивидуальных правах, основанных на индивидуальных способностях, не только в современном обществе, но даже в будущем, реформированном обществе, но основанием которого останутся индивидуальная собственность и наследственное право.

Столько теперь толкуют о личной свободе, а между тем в современной жизни господствует не человеческая личность, не личность сама по себе, а личность, привилегированная по своему социальному положению, следовательно, господствует привилегированное положение, класс. Пусть попробует какой-нибудь умный человек из рядов буржуазии восстать против экономических привилегий этого почтенного класса, и добрые буржуа, толкующие о личной свободе, покажут, как уважают они свободу личности! Толкуют о личных способностях, как будто мы не видим ежедневно, что самые выдающиеся по своим способностям личности из рабочего и буржуазного мира вынуждены уступать первенство и даже склонять голову перед тупоумием наследников золотого тельца? Только при совершенном равенстве могут *получить* полное развитие действительно индивидуальные способности и индивидуальная, непривилегированная, а человеческая свобода. Когда будет существовать *равенство в точке отправления* для всех людей — земле, тогда только, — сохраняя, однако, высшие права солидарности, которая есть и всегда будет самым великим производителем в социальной жизни: человеческого ума и материальных благ, — тогда только можно будет сказать с большим правом, чем теперь, что всякий человек есть то, чем он сам себя сделал. Отсюда следует, что для того, чтобы личные способности процветали и могли давать беспрепятственно все свои плоды, нужно прежде всего уничтожить все личные привилегии, как политические, так и экономические, т. е. нужно уничтожение классов. Нужно уничтожение индивидуальной собственности и наследственного права, нужно торжество экономического, политического и социального равенства.

Но когда равенство восторжествует и утвердится, не будет больше никакого различия в способностях и в степени энергии людей? Будет различие, не в такой степени, быть может, как существует теперь, но, несомненно, будет различие. Истина, перешедшая в пословицу и которая, вероятно, никогда не перестанет быть истиной, гласит, что нет двух листьев на одном и том же дереве, которые бы совершенно походили один на другой. Тем более это верно по отношению к людям, которые являются гораздо более сложными существами, чем листья. Но это различие не

только не составляет зла, а напротив, по верному замечанию Фейербаха, составляет богатство человечества. Благодаря этому различию человечество есть коллективная единица, в которой каждый член дополняет всех других и сам нуждается во всех; так что это бесконечное различие человеческих личностей является самой причиной, главным основанием их солидарности, составляет сильный аргумент в пользу равенства.

В сущности, даже и в современном обществе, если исключить две категории людей: гениев и идиотов, и если оставить в стороне различия, искусственно созданные под влиянием тысячи социальных причин, как то: воспитание, образование, политическое и экономическое положение, которые все различаются не только в каждом слое общества, но почти в каждом семействе, то и теперь необходимо будет признать, что относительно умственных способностей и нравственной энергии огромное большинство людей очень похоже друг на друга или по крайней мере стоят друг друга; слабость каждого в одном каком-нибудь отношении почти всегда уравновешивается силой в другом отношении, так что невозможно сказать о человеке, взятом в массу, что он гораздо выше или ниже другого. Огромное большинство людей не одинаковы, но, так сказать, эквивалентны друг другу, а, следовательно, и равны. Аргументация наших противников, следовательно, может опираться только на гениев и идиотов.

Известно, что идиотизм есть физиологическая и социальная болезнь. Ее нужно, следовательно, лечить не в школах, а в больницах, и должно надеяться, что с введением социальной гигиены, более рациональной, и в особенности более заботящейся о физическом и нравственном здоровье людей, и с устройством нового общества на началах общего равенства уничтожится совершенно эта болезнь, столь унижительная для человеческого рода. Что же касается до гениев, то нужно заметить прежде всего, что, к счастью или к несчастью, они всегда появлялись в истории только как очень редкие исключения из всех известных правил, а исключения не организуются. Будем, однако, надеяться, что будущее общество найдет в действительно практической и народной организации своей коллективной силы средство сделать этих великих гениев менее необходимыми, менее подавляющими и более действительно благодетельными для всех. Не следует забывать глубокомысленного изречения Вольтера¹⁶³: «Есть некто, у кого больше ума, чем у самых великих гениев, это — все». Следовательно, для того чтобы не бояться больше диктаторских вождельний и деспотического честолюбия гениальных людей, надо организовать массу, т. е. *всех*, посредством полной свободы, основанной на полном равенстве, политическом, экономическом и социальном.

О возможности же создавать гениальных людей посредством воспитания нечего и думать. Впрочем, из всех известных гениев ни один или почти ни один не проявил себя таковым ни в детстве, ни в отрочестве, ни даже в первой молодости. Они явились гениями только в зрелом возрасте, а многие признаны были только после смерти, между тем как много

неудавшихся великих людей, которые в молодости провозглашены были необыкновенными, кончили жизнь полным ничтожеством. Следовательно, ни в детстве, ни даже в отрочестве нельзя определить относительное превосходство или низкое качество людей, степень их способностей и естественные склонности. Все это обнаруживается и определяется только с развитием личности, и так как некоторые натуры развиваются рано, а другие поздно, хотя эти последние нисколько не ниже, а иногда и выше первых, то ни один школьный учитель не будет в состоянии заранее определить поприще и образ занятий, которые выберут дети, когда достигнут периода самостоятельности.

Из сказанного следует, что общество, не принимая в соображение действительные или кажущиеся различия в наклонностях и не имея никакой возможности определить и никакого права назначить будущее поприще детей, обязано дать всем без исключения *воспитание и образование совершенно равное.*

(Egalite, 14 августа 1869 г.)

III

Образование всех степеней для всех должно быть равное и, следовательно, полное; другими словами, оно должно готовить каждого ребенка и к труду, для того чтобы все могли быть одинаково цельными людьми.

Позитивная философия¹⁶⁴, уничтожив обаяние религиозных басен и метафизических бредней, дает нам возможность предвидеть, в чем должно заключаться научное образование в будущем. Основанием его будет изучение природы, а завершением социология. Идеал перестанет быть властителем и искажителем жизни, каким он является во всех религиозных и метафизических системах, и будет лишь последним и наилучшим выражением действительного мира. Перестав быть мечтой, он станет сам действительностью.

Так как никакой ум, как бы он ни был обширен, не в состоянии объять все науки во всей их полноте, так как, с другой стороны, общее знакомство со всеми науками безусловно необходимо для полного развития ума, преподавание, естественно, будет делиться на две части: на общую, которая будет знакомить с главными элементами всех наук без исключения и давать не поверхностное, а действительное понятие о взаимном их отношении; и на специальную часть, разделенную по необходимости на несколько групп или факультетов, из которых каждый будет обнимать во всей их полноте известное число предметов, по самой природе своей дополняющих друг друга.

Первая часть, общая, обязательная для всех детей, будет составлять, если можно так выразиться, человеческое образование их ума, замещающая вполне метафизику и теологию и вместе с тем достаточно развивая детей, чтобы они могли, достигнув юношеского возраста, с полным сознанием избрать тот факультет, который наиболее подходит к их личным способностям и вкусам.

Конечно, может случиться, что, выбирая ученую специальность, юноша под влиянием второстепенных, внешних или даже внутренних причин иногда ошибется и избрет науку или поприще, не совсем соответствующее его способностям.

Но так как мы искренние, а не лицемерные поклонники *личной свободы* и во имя этой свободы ненавидим от всего сердца принцип власти и всевозможные проявления этого божественного противочеловеческого принципа; так как мы ненавидим и осуждаем всей силой нашей любви к свободе власть родительскую и учительскую, находя их одинаково безнравственными и пагубными; так как повседневный опыт доказывает нам, что отец семейства и школьный учитель, несмотря на свою обязательную, вошедшую в поговорку мудрость, и даже в силу ее, ошибаются относительно способностей своих детей еще легче, нежели сами дети; и так как в силу общего человеческого закона, закона неопровержимого, рокового, всякий человек, имеющий власть, злоупотребляет ею, школьные учителя и отцы семейств, устраивая произвольно будущность детей, обращают гораздо больше внимания на свои собственные вкусы, чем на естественные склонности детей; и, наконец, так как ошибки, совершенные деспотизмом, гораздо гибельнее и труднее поправимы, чем ошибки, совершенные свободой действия, то мы поддерживаем против всех опекунов мира, официальных и официозных, полную и безусловную свободу для детей самим выбирать и определять свое поприще. Если они ошибутся, сама эта ошибка послужит им действительным уроком для будущего; а общее образование, которое все они будут иметь, поможет им без большого труда вернуться на истинный путь, указанный им их собственной природой.

Дети, как и взрослые люди, становятся умнее только благодаря своему собственному опыту и иногда благодаря опыту других.

При всестороннем образовании рядом с преподаванием *научным* или *теоретическим* необходимо должно быть образование *прикладное* или *практическое*. Только таким образом образуется цельный человек: работник понимающий и знающий.

Преподавание практическое параллельно с научным образованием будет делиться, также как и научное, на две части: общую, дающую детям общую идею и первые практические сведения относительно всех индустрий без исключения и идею их совокупности, составляющей материальную сторону цивилизации, общую сумму человеческого труда, и специальную часть, разделенную также на группы индустрии, более тесно связанных между собой.

Общее образование должно готовить юношей к свободному выбору специальной группы индустрии и среди этих последних той отрасли, к которой они чувствуют себя наиболее склонными. Достигнув этого второго периода индустриального образования, юноши будут под руководством профессоров производить первые опыты серьезной работы.

Рядом с научным и прикладным образованием необходимо должно будет существовать образование практическое или, скорее, ряд последовательных опытов нравственности, не божественной, а человеческой. Божественная нравственность основана на двух безнравственных принципах: на уважении власти и презрении к человечеству. Человеческая же нравственность основана, напротив, на презрении власти и уважении к свободе и человечеству. Божественная нравственность считает работу унижением и наказанием; человеческая же нравственность видит в ней высшее условие счастья и достоинства людей. Божественная нравственность, в силу необходимой последовательности, приводит к политике, которая признает только права людей, могущих, по причине своего привилегированного экономического положения, жить без труда. Человеческая нравственность, напротив, признает права только тех, которые работают. Она признает, что только одной работой человек становится человеком.

Воспитание детей, беря за исходную точку власть, должно последовательно дойти до совершенно полной свободы. Мы понимаем под свободой, с положительной точки зрения, полное развитие всех способностей, которые находятся в человеке, с отрицательной же точки зрения, независимость воли каждого от воли других.

Человек никогда не может быть совершенно свободен по отношению к естественным и социальным законам. Законы, которые делят таким образом на две группы для большего удобства науки, в действительности принадлежат к одной и той же категории, так как они все суть законы естественные, законы неизбежные, составляющие основу и условия всякого существования, так что ни одно живое существо не может восстать против них, не уничтожив тем самым себя.

Но нужно глубоко различать эти естественные законы от законов авторитарных, произвольных, политических, религиозных, уголовных и гражданских, которые на протяжении истории созданы были привилегированными классами в интересах эксплуатации труда рабочих масс, с единственной целью подавления их свободы, и которые под предлогом мнимой нравственности были всегда источником самой полнейшей безнравственности. Итак, невольное и неизбежное подчинение всем законам, которые, независимо от воли людей, составляют самую жизнь природы и общества; но насколько возможна полная независимость каждого по отношению всех честолюбивых претензий и всякой воли, как индивидуальной, так и коллективной, которая вознамерилась бы не воздействовать своим естественным влиянием, а навязать свой закон, свой деспотизм. Что же касается естественного влияния, которое люди оказывают друг на друга, то оно тоже составляет одно из тех условий социальной жизни, против которых восстание так же бесполезно, как и невозможно. Это влияние есть основа физической материальной, умственной и нравственной солидарности людей. Человеческая личность, продукт солидарности, т. е. общества, подчиняясь его естественным законам, может,

конечно, до некоторой степени противодействовать ему под влиянием чувств, навеянных извне и особенно посторонним обществом, но она не может выйти из него, не сделавшись немедленно членом другой солидарной среды и не подпав там новым влияниям. Ибо для человека жизнь без всякого общества, вне всякого человеческого влияния, полное отчуждение равняются нравственной и физической смерти. Солидарность есть не продукт, а мать индивидуальности, и человеческая личность может родиться и развиваться только среди человеческого общества.

Сумма преобладающих социальных влияний, выраженная солидарным или общим сознанием более или менее обширной группы людей, называется общественным мнением. А кто не знает всемогущего влияния общественного мнения на всех людей? Действие самых драконовских ограничительных законов ничто в сравнении с ним.

Следовательно, общественное мнение есть самый главный воспитатель человека, а отсюда вытекает, что для нравственного улучшения личности нужно прежде всего сделать человеческим его мнение или его общественную совесть.

(Egalite, 14 августа, 1869 г.)

IV

Мы сказали, что для улучшения человеческой нравственности нужно улучшить в нравственном отношении само общество.

Социализм, основанный на точных науках, совершенно отвергает учение «свободной воли»; он признает, что все так называемые пороки и добродетели людей суть лишь продукт комбинированного действия природы и общества. Природа силою этнографических, физиологических и патологических влияний производит способности и склонности, которые называются естественными, а общественная организация развивает их, или останавливает, или же искажает их развитие. Все люди, без исключения, в каждый момент своей жизни бывают только тем, чем сделала их природа и общество.

Только эта естественная и социальная необходимость делает возможной статистику как науку, которая не довольствуется занесением фактов в списки и перечнем их, но старается, кроме того, объяснить связь и соотношение их с организацией общества. Уголовная статистика, например, констатирует факт, что в одной и той же стране, в одном и том же городе в период 10, 20, 30 и даже иногда больше лет, если в это время не было никаких политических и социальных переворотов, могущих изменить организацию общества, одно и то же преступление или проступок повторяется ежегодно почти одинаковое число раз; и, что еще более замечательно, даже способы совершения известных преступлений повторяются из года в год одинаковое число раз: напр., число отравлений, убийств ножом или огнестрельным оружием, так же как и число самоубийств тем или другим способом всегда почти одинаково. Это застави-

ло Кеттле¹⁶⁵ произнести следующие достопамятные слова: «Общество подготавливает преступления, а личности только выполняют их».

Это периодическое повторение одних и тех же социальных фактов было бы невозможно, если бы умственные и нравственные наклонности людей, равно как и поступки их, зависели от их свободной воли. Слова «свободная воля» или не имеют смысла, или же выражают, что личность принимает известное решение совершенно произвольно, помимо всякого внешнего влияния, естественного или социального. Но если бы это было так, если бы люди зависели только от самих себя, в мире господствовала бы самая большая анархия; всякая солидарность между людьми была бы невозможна. Миллионы противоречивых и независимых друг от друга свободных волей необходимо стремились бы уничтожить друг друга и, конечно, достигли бы этого, если бы над ними, выше их, не было деспотической воли небесного провидения, которая «направляет их, пока они суетятся», и, уничтожая их всех одновременно, водворяет среди человеческой неурядицы божественный порядок.

Поэтому мы видим, что все сторонники учения свободной воли при-нуждены логикой вещей признать действие божественного Промысла. Это — основание всех богословских и метафизических учений, великоле-пная система, долгое время тешившая человеческую совесть, и должно сознаться, с точки зрения отвлеченного мышления или религиозно-поэтической фантазии она должна казаться полной гармонии и величия. Но, к несчастью, историческая действительность, соответствующая этой системе, была всегда ужасной, и сама система не выдерживает научной критики. Действительно, мы знаем, что, пока на земле царствовало бо-жественное право, огромное большинство людей подвергалось грубой, немилосердной эксплуатации, тирании, гнету и унижению; мы знаем, что и до сих пор именем религиозного или метафизического божества стараются удержать народные массы в рабстве. Да иначе и быть не мож-ет, потому что если божественная воля управляет всем миром, как при-родой, так и человеческим обществом, то для человеческой свободы нет места. Человеческая воля неизбежно бессильна перед волей божьей. Та-ким образом, желание защитить метафизическую, отвлеченную или во-ображаемую свободу людей, свободную волю приводит к отрицанию действительной свободы. Перед божеским всемогуществом и вездесу-щим человек является рабом. Так как свобода человека в общем унич-тожается божественным провидением, то остается только привилегия, т. е. особые права, ниспосланные божественной благодатью известным ли-цам, известной иерархии, династии, классу.

Точно так же божественное провидение делает невозможной и всякую науку, что означает, что оно просто отрицает человеческий разум; други-ми словами, чтобы признать его, должно отказаться от своего здравого смысла. Раз мир управляется божественной волей, нечего уже искать есте-ственной связи между явлениями и остается смотреть на них как на ряд

проявлений высшей воли, предназначения которой, по словам Св. Писания¹⁶⁶, должны всегда оставаться непроницаемы для людей, чтобы не потерять своего божественного характера. Божественный промысел не только отрицает человеческую логику, но и логику вообще, ибо всякая логика подразумевает естественную необходимость, а такая необходимость была бы противна божественной свободе; с точки зрения человеческой это торжество бессмыслия. Кто хочет верить, должен, следовательно, отказаться и от свободы, и от науки, должен позволить эксплуатировать, тиранить себя любимцам милосердного бога, повторяя слова св. Тертуллиана¹⁶⁷: *«верую, потому что это нелепо»* — и дополняя их изречением столь же логичным, как и первые: *«и хочу беззакония»*. Мы же, добровольно отрекающиеся от блаженства будущего света и желающие только полного торжества человечества на земле, мы смиренно сознаемся, что божественная логика непостижима для нас и что мы довольствуемся логикой человеческой, основанной на опыте и на знании взаимной связи явлений, как естественных, так и социальных. Наука, т. е. сумма опытов, много раз повторенных, приведенных в порядок и обдуманных, доказывает нам, что «свободная воля» — невозможная фикция, противная самой природе вещей; что так называемая воля есть лишь проявление известной нервной деятельности, как наша физическая сила есть результат действия наших мышц, что, следовательно, и то и другое одинаково продукты естественной и социальной жизни, т. е. тех физических и общественных условий, среди которых каждый человек рождается и развивается; таким образом, повторяем, каждый человек в каждую минуту своей жизни есть результат комбинированного действия природы и общества; откуда ясно вытекает истина положения, высказанного нами в предыдущей статье: что для улучшения человеческой нравственности нужно улучшить общественную среду. Улучшить эту среду можно только одним способом — водворяя в ней справедливость, т. е. полную свободу* каждого среди полного равенства всех. Неравенство в социальном положении и правах и неизбежно вытекающее из него отсутствие свободы для всех — вот та великая коллективная несправедливость, от которой происходят все индивидуальные несправедливости. Уничтожьте первую, и все другие исчезнут сами собою. Видя, как мало люди привилегированные стремятся к нравственному улучшению или, что то же, к уравнию своих прав с прочими, мы боимся, что торжество истины может водвориться только посредством социальной революции.

Чтобы люди были нравственными, т. е. совершенными людьми, людьми в полном смысле слова, необходимы три вещи: рождение в гигиени-

* Мы уже сказали, что под свободой мы понимаем, с одной стороны, по возможности полное развитие всех естественных способностей каждого человека, а с другой — его независимость не по отношению законов естественных и социальных, а по отношению всех законов, налагаемых человеческой волей — коллективной или индивидуальной, все равно.

ческих условиях, рациональное и всестороннее образование, сопровождаемое воспитанием, основанным на уважении к труду, разуму, равенству и свободе, и общественная среда, в которой каждая человеческая личность, пользуясь полной свободой, была бы как по праву, так и в действительности равна всем другим. Существует ли подобная среда? Нет. Следовательно, нужно создать ее. Если бы в существующем обществе и удалось основать школы, которые давали бы своим ученикам образование и воспитание, настолько совершенное, насколько мы только можем себе представить, они все-таки не могли бы создать людей справедливых, свободных и нравственных, ибо по выходе из школы человек попадал бы в общество, управляемое совершенно другими принципами; а так как общество всегда сильнее отдельных личностей, то скоро оно подчинило бы их своему влиянию, другими словами, развратило бы их. Впрочем, основание подобных школ совершенно невозможно в современном обществе, так как общественная жизнь обнимает все, подчиняет своим условиям и школу, и семейную жизнь, и отдельную личность.

Учителя, профессора, родители — все члены этого общества, все более или менее развращены им. Как же могут они дать ученикам то, чего нет в них самих? Нравственность проповедуется хорошо только примером, а так как социалистическая нравственность совершенно противоположна современной морали, то учителя, находясь более или менее под властью этой последней, доказывали бы ученикам своим примером совершенно противное тому, что проповедовали в школах. Следовательно, социалистическое воспитание невозможно в школах, как невозможно и в современной семье.

Но и интегральное, то есть всестороннее, образование совершенно невозможно при современном порядке вещей. Буржуа не имеют никакого желания, чтобы дети их делались работниками, а работники лишены всех средств дать своим детям научное образование.

Бесподобна наивность и простота буржуазных социалистов, которые все твердят: «Дадим народу прежде образование, а потом освободим его». Мы говорим наоборот: «Пусть он прежде освободится, а потом он сам начнет учиться». Кто будет учить народ? Уж не вы ли? Но вы не учите его, вы его отравляете, стараясь внушить ему все религиозные, исторические, политические, юридические и экономические предрассудки, защищающие вас против него и в то же время мертвящие его ум, ослабляющие его законную злобу и волю. Вы убиваете его ежедневной работой и нищетой и говорите ему: «учись!» Желали бы мы видеть, как вы с вашими детьми стали бы учиться после 13, 14, 16 часов оскотинивающего труда, при нищете, при неуверенности в завтрашнем дне.

Нет, господа, несмотря на все наше уважение к великому вопросу всестороннего образования, мы утверждаем, что не в нем теперь главный интерес для народа. Первый вопрос для народа — его экономическое освобождение, которое необходимо и непосредственно влечет за собой его политическое, а вслед за тем и умственное, и нравственное освобождение.

Поэтому мы целиком принимаем следующее постановление Брюссельского конгресса 1868 года¹⁶⁸:

«Признавая, что в настоящее время организация рационального образования невозможна, конгресс приглашает отдельные секции открыть публичные курсы по программе научного, профессионального и производственного образования, т. е. всестороннего, чтобы пополнить по возможности недостаточность образования рабочих. *Само собой разумеется, что уменьшение часов работы должно считать предварительным, необходимым условием этого!*»

Да, конечно, рабочие должны сделать все возможное, чтобы получить то образование, какого они могут достигнуть при тех материальных условиях, в которых они находятся. Но не увлекаясь сладкими песенками буржуа и буржуазных социалистов, они должны прежде всего сосредоточить свои силы на великом вопросе своего экономического освобождения, которое должно быть источником всякого рода освобождения.

(Egalite, 21 августа 1869 г.)

Всесветный революционный союз социальной демократии: русское отделение к русской молодёжи

Внимание Европейской Демократии обращено в настоящее время на Россию. Слухи о бесчисленных арестах, о повсеместном волнении и о готовящемся взрыве народных масс, заставили призадуматься даже и тех представителей общественного мнения на Западе, которые наименее расположены допустить возможность целесообразного народного движения в России.

Само петербургское правительство, неумевшее скрыть ужаса объявшаго его, в эти последние дни, при первом столкновении с серьезным народосвободительным предприятием, много способствовало к открытию глаз западной публики. Ругательно-клеветливые статьи петербургских и московских газет, имевшие целью успокоить русскую публику и надуть публику европейскую, способствовали, только напротив, к пробуждению и той и другой. Наконец бесчисленное множество русских шпионов обоего пола, высланных правительством за границу, и хлопотливое рыскание предводителей этой грязной толпы — Шувалова, Мезен-

цова, Трепова и других, мечущихся как угорелые из Петербурга в Берлин, из Берлина в Париж, из Парижа в Вену, оттуда в Швейцарию и Лондон, — всё это окончательно доказало Европе, что в России движение подымается не на шутку, и что правительству русскому грозить большая опасность.

Все спрашивают: что же может выйти из такого движения? Западная европейская публика, в отношении к этому вопросу, также как и в отношении ко всем другим, разделяется на множество разных партий. Назовем главные:

1-я, партия отъявленных реакционеров, или консерваторов во что бы то ни стало. Она состоит из всех больших собственников: поземельных, капиталистов, негоциантов и фабрикантов, и из значительной толпы людей снискивающих через них средства к жизни, а потому и зависящих от них непосредственно. Сюда же принадлежит весь мир официальный, огромная масса привилегированного чиновно-военного люда во всех государствах. Нечего и говорить, что эта партия относится враждебно к русскому, равно как и ко всякому другому народному движению.

К этому разряду принадлежит также, по самому существу своих стремлений, 2-я партия ультрамонтанская¹⁶⁹, или католиков-иезуитов. Она стоит везде во главе самой яростной реакции, и должна бы была быть для каждого правительства союзницею драгоценною. Она и в самом деле проповедует народным толпам терпение и послушание властям, но только под тем условием, чтоб самые власти подчинились безусловно велениям Римского Папы¹⁷⁰. Такое требование, вытекающее впрочем из самого существа католического учения, мешает партии ультрамонтанов слиться вполне с партией государственных консерваторов. И до тех пор, пока будет существовать Римская церковь*, до тех пор она останется вне государства и соперником государства, соперником, но вместе и неразрывным союзником. Католическое государство и Римская церковь поставлены в отношении друг к другу в такое странное положение, что они ни жить вместе, ни существовать друг без друга не могут; и потому вся история их наполнена периодически перемежающимися разрывами и примирениями.

В отношении в Всероссийскому государству, положение Римской церкви совсем другое. Она смотрит на него как на вредную церковь, и на царя как на антихриста, антипапу. По этому самому она не относится к народному движению в России с тою ненавистью, с какою относится к нему партия западных государственных консерваторов. Она готова видеть в нем перст божий, наказание за отступничество и даже была бы не прочь оказать ему свою опасную помощь, в надежде, что разрушение русского государства восстановит могущество аристократической Польши, и сделает Россию доступною для Римско-католической пропаганды.

* Протестантская церковь давно помирилась и слилась с государством, сделавшись его покорным слугою, точь-в-точь как в России православная церковь.

3-я более прошедшая, чем настоящая партия в Западной Европе, это партия доктринеров, умеренных либералов, или конституционалистов — партия среднего мещанства. Она процветала, была могуча, умна, предприимчива в продолжении тридцати шести лет, от 1815 до 1851 года; но с тех пор, как страх социальной революции заставил ее искать спасения под покровительством военной диктатуры, она утратила весь ум, всю веру, всю силу. Беспомощность ее обнаруживается с каждым днем все более и более. Ей ненавистно даже самое слово революция, напоминающее ей прошедший позор и настоящее бессилие. Она имеет еще теперь только материальное значение, да и оно видимо уменьшается под двойным напором всемогущих больших капиталов, с одной, и грозно выступающего пролетариата, с другой стороны.

Из этой партии выделился разряд людей более энергичных и радикальных, образующих 4-ю партию республиканцев, или исключительно политических революционеров. Во главе ее стоят нынче, во Франции Ледрю-Роллен¹⁷¹, в Италии знаменитый Маццини¹⁷². Они преследуют утопию, хотя осуществлению свободы, равенства и братства между людьми и народами, без социально-экономического переворота. Хотя сохранить общественные и государственные основы неправды и уничтожить неправду, и обещают совершить это чудо посредством демократического народного воспитания, позабывая или даже не зная, что первое, необходимое условие такого воспитания — это действительное равенство экономического и социального положения для всех.

Между радикальной партией республиканцев и доктринерно-умеренную партию конституционных либералов — нет существенного различия. Начало у них тоже самое, только темпераменты их различны. Как те, так и другие ставят в основание общественной организации: государство, семейное право, вытекающее из него право наследства и личную собственность, т. е. право имущего меньшинства эксплуатировать труд неимущего большинства. Разница между ними состоит только в том, что доктринерные либералы хотят сосредоточить все политические права исключительно только в руках эксплуатирующего меньшинства, а радикальные либералы хотят их также распространить и на эксплуатируемые народные массы. Доктринеры смотрят на государство, как на крепость, созданную, главным образом, для утверждения за привилегированным меньшинством преобладания политического и экономического; а радикалы, напротив, указывают народу на государство, как на защиту против деспотизма того же самого меньшинства.

Должно признать, что логика и весь исторический опыт на стороне доктринеров! Пока народный труд будет кормить, содержать и обогащать привилегированные сословия, до тех пор народ, неспособный к самоуправлению, будет непременно образом управляем, именно в виду этой принужденной работы не на себя, а на других, сословиями его эксплуатирующими. Тут ничего не сделает даже самая широкая демократическая

конституция, потому что факт экономический всегда сильнее политических прав, которые имеют смысл и действительность только поскольку они на нем опираются. Да, наконец, самые слова: равенство политических прав, или демократическое государство, заключают в себе вопиющее противоречие. Государство, государственное или политическое право, означает силу, власть преобладание: предполагают фактическое неравенство. Где управляют все, там нет более управляемых, нет государства; где все пользуются одинаковым человеческим правом, там все политические права упраздняются сами собою. Политическое право означает привилегию, но где все равно-привилегированны, там привилегия исчезает, а с нею и политическое право обращается в ничто. Поэтому слова: демократическое государство и равенство политических прав, означают ни более, ни менее, как уничтожение государства и упразднение всех политических прав.

Известно, что радикальная партия стремится не к такому равенству политических прав. Не уничтожения, а положительного распространения их на народные массы требуют республиканцы. Они требуют невозможного, обманывая в тоже самое время и себя и народ. Впрочем их идеал уже осуществлен большею частью в некоторых швейцарских кантонах и в Соединенных Штатах Америки. И что же, несмотря на все мнимое равенство политических прав, и в Америке и в Швейцарии мы находим то же самое фактическое подчинение чернорабочего большинства управляющему им имущему меньшинству. Никакие референды* и никакие другие усовершенствования и расширения политической конституции не в силах уничтожить его. Его может сломать только социальная революция, разрушительная для государства, для личной собственности, для семейного права и для того что называется политическими правами.

Собственно, радикальная партия утратила ныне всякое значение, смысл и силу, также как и партия либеральных конституционалистов; они не имеют ни будущего, ни настоящего и принадлежат обе прошедшему времени. Республиканский радикализм проявился во всей своей героической красоте и силе в короткий, но величественный и вечно достопамятный период первой французской революции, и погиб на эшафоте вместе с Робеспьером и Сен-Жюстом. Бабёф (первый революционный социалист, сложивший голову на том же самом эшафоте два года спустя) произнес над ним надгробное слово. С тех пор, убитый не столько топором гильотины, сколько своим собственным, внутренним и для него самого неразрешимым противоречием, радикализм республиканский — живой, настоящий, предприимчивый, сильный и полный веры в себя, никогда не воскресал более. Место его было занято бледною, фантастиче-

* Referendum, так называется в иных кантонах Швейцарии новое право, в силу, которого все законы, принятые законодательным кантональным советом народных депутатов, подвергаются потом непосредственному и поголовному голосованию народа.

скою тенью, способною еще увлечь за собою несколько десятков или даже сотен лиц, но не способною более поднять народные массы.

Но даже и эта тень умерла в июньские дни 1848 года, когда размолвка между буржуазным радикализмом и социализмом народным, развивавшаяся все более и более под управлением конституционной монархии и ставшая для всех очевидно с первых же дней революции 1848 года, столкнула наконец обе враждебные стороны на смертный, кровавый бой. Буржуазия на этот раз победила, но своею победою она убила себя. Народ же бессмертен, и крещеный в крови пролитой им на июньских баррикадах, он двинулся вперед на новую жизнь.

Известно, что после июньских дней Маццини и Ледрю-Роллен проклинали социализм и тем самым изрекли приговор над собою и над всею партией политических республиканцев, осужденных отныне на ничтожество и бессилие. С той поры, все что она предпринимала и предпринимает поражено в самом корне и проявляет самым плачевным образом это бессилие, вытекающее из совершенного равнодушия народных масс ко всем их начинаниям. В настоящее время радикализм уже не просто тень, а тень тени, что-то неуловимое, невозможное и разлагающееся само собою. Называя и воображая себя революционером, он стремится к реакции, и во имя всесветного братства, равенства и свободы, силится удержать от неминуемого разрушения все государственные и экономические основы, на которых зиждется вся историческая неправда.

Как относится радикализм к русскому движению? Разумеется враждебно. Он не смеет высказать ясно этой враждебности, потому что русское движение все-таки движение революционное, а ведь он называет себя революционером. Но русская революция, в полном смысле этого слова — социальная революция. Другой не может быть в России: ну, а к такой революции радикализм республиканский не может относиться иначе, как враждебно. Не желая признаться в этом чувстве, он старается замаскировать его под выражением некоторого недоверия, отзываясь о русском движении с пренебрежением и даже насмешкой.

Русскому движению должно быть решительно все равно, как относится к нему радикальная партия западных республиканцев. Мы сказали выше, что эта партия лишена всякой силы в настоящем, всякой надежды в будущем. Запертая между двумя действительно громадными и ныне единственно существующими силами: между старческою, но еще грозною силою всего реакционного, привилегированного мира, осужденного, правда, не на сомненную, близкую смерть, но еще могучего своими несметными богатствами, своею наукою, многовековым опытом в деле управления и надувания народов, своими бесчисленными войсками и всей государственной организацией; и между юною, восходящею силою многомиллионного пролетариата, готовящегося ныне повсюду к революции социальной — радикальная партия тает как снег весенний и исчезает бесследно как тень — за нею нет ни одного из тех жизненных интересов,

которые составляют основу серьезных политических партий. — Ей нечего делать, не на что опереться, она чуждая для всех. Язык ее никому не понятен, кроме нескольких сотен фантастических адептов, не утомляющихся слушать монотонное повторение старых, выжитых, бесследно пропадающих фраз. Для живых и сильных людей, попавших в нее ненарочно, вследствие ли предания, или незнания и неопытности, если они хотят остаться живыми людьми, открывается два исхода: они или должны перейти, открыто и смело, вслед за всей партией либеральных доктринеров, в партию решительной реакции, или должны стать под красное знамя социальной революции.

Да, в настоящее время, повсюду, в Америке, равно как и в целой Европе, точно также как и в России, существуют только две серьезные, действительные, сильные партии: Партия реакции, обнимающая собою весь мир государственной и сословной, и опирающаяся на личной, наследственно передаваемой собственности, на вытекающей из нее эксплуатации народного труда, на праве семейном, на божественном авторитете и на государственном праве; и Партия Социальной Революции, стремящейся неуклонно к конечному разрушению всего этого дряхлого, многогрешного, преступного мира, дабы на развалинах его воссоздать только безлготный, а потому и безгрешный мир, основанный на общем труде, равно для всех обязательном, на вольном человеческом праве и на человеческой, наукою озаренной, правде.

Итак, мы не запинаясь, включаем во враждебную вам партию реакции не только от внешних реакционеров и иезуитов, но также и либеральных конституционалистов и даже радикальную партию исключительно политических республиканцев. Обращаемся теперь к социалистам, которые разделяются также на три существенно различным партии. Прежде всего мы разделим их на две главные категории. На партию социалистов мирных или буржуазных, и на партию социалистов революционеров. Эта последняя партия подразделяется, в свою очередь, на социально-революционных государственников и на социально-революционных анархистов, врагов всякого государства и государственности.

5-ая партия, партия мирных, буржуазных социалистов, или политически-социальных иезуитов, по всему существу своему принадлежит сполна к партии реакции. Она составлена из людей, принадлежащих к разным политическим категориям и кокетничающих с социализмом, только в видах усиления своей собственной политической партии. Есть консерваторы-социалисты, социалисты-попы, либеральные и радикальные социалисты. Все признали социализм за грозную, восходящую силу и каждый тянет его на свою сторону, дабы в нем обновить свою дряхлую жизнь и восстановить с его помощью свои умирающие силы. В толпе этих злостных эксплуататоров социализма, попадают иногда и люди искренние, благодушные, действительно желающие улучшения участи пролетариата, но не имеющие достаточно энергии в уме, а также и в во-

ле, чтобы поставить перед собою социальный вопрос, во всей его грозной истине, чтобы признать абсолютную несовместность прошедшего с будущим, или даже сегодняшнего дня с завтрашним днем, и тратящие всю свою жизнь на тщетные, пустые усилия для того, чтоб примирить непримиримое. — Они, как все половинчатые и добродушные люди, желали бы устроить общество так, чтоб и волки были сыты, да и овечки по возможности целы. — Они искренни, правда, но самая искренность их приносит огромный вред, прикрывая неискренность злостных эксплуататоров социализма.

Мирные социалисты всех цветов сходятся на одном самом существенном пункте, определяющем самым ощутительным образом их реакционное направление, и обрекающем самых искренних между ними на раннее или позднее соединение с партией сознательной реакции, если они не предпочитают присоединиться вовемя к партии революционного социализма.

В то время, как революционные социалисты, убежденные в невозможности освобождения пролетариата при настоящих условиях экономического устройства общества, требуют ликвидации социальной и, главным образом, упразднения личной, наследственной собственности, мирные социалисты хотят, напротив, — сохранить все главные и существенные основы настоящего экономического порядка, и утверждают, что даже в этом порядке и при этих условиях, необходимых для успехов цивилизации, рабочий люд может освободиться и улучшить существенным образом свое материальное положение, единою, чудодейственною силою свободной ассоциации.

Они указывают поэтому рабочему миру на образование обществ для взаимной помощи, рабочих банков и кооперативных артелей, потребительных и производительных, как на единственное средство спасения, и, вместе с тем, умоляют его не верить революционным утопистам, сулящим ему невозможное равенство и влекущим его, сознательно или бессознательно, к конечному разорению и гибели.

Двадцатилетний опыт, опыт единственный в самых широких размерах, в Англии, в Германии, во Франции доказал окончательно, что кооперативная система, заключающая в себе несомненно зародыш будущего экономического устройства, в настоящее время и при настоящих условиях, не может освободить, ни даже улучшить существенным образом положение рабочего люда. Известная ассоциация Рочдальских¹⁷³ работников в Англии, наделавшая столько шума и возбудившая столько попыток подражания в других странах, кончилась тем, что создала новую, коллективную буржуазию, преспокойным образом эксплуатирующую массу не принадлежащих к ней работников.

Практически смысл английских работников угадал невозможность широкого, общенародного применения кооперативной системы при настоящем преобладании буржуазного капитала в процессе производства и распределения богатств, и наученные опытом массы передовых и самых энергичных работников, входят ныне в так называемые ремесленные сою-

зы (Trades-Unions), созданные не для окончательной организации работы, ныне еще невозможной, а для организации борьбы против буржуазного капитала, мира чернорабочего против белоручного, льготного мира.

В Германии считается ныне около 5.000 рабочих артелей разного рода, основанных, главным образом, Шульц-Деличем¹⁷⁴, Гиршем¹⁷⁵, Дункером¹⁷⁶ и другими последователями Шульца. И после многолетнего опыта, можно теперь сказать смело, что они решительно не произвели ничего. Положение рабочих в Германии ни на волос не улучшилось; напротив, — сообразно известному экономическому закону, по которому нищета рабочего мира увеличивается в той же мере, в какой буржуазный капитал умножается и сосредоточивается в меньшем количестве рук, положение рабочих в Германии, да и во всех других европейских странах, значительным образом ухудшилось.

В настоящее время большинство германских рабочих, повернувшись спиной к Шульц-Деличевским и Макс Гиршевским мирно-кооперативным заведениям, записываются массами в боевые организации, или старой Лассальской, или новой социально-демократической ассоциации.

Во Франции кооперативная система потерпела совершенное кораблекрушение. В нескольких городах существуют еще кое-какие ассоциации для потребления или даже для производства, но они еле-еле сводят концы и потеряли в настоящее время всякое значение и всякую веру в себя. Зато во Франции считается более 6.000 обществ взаимной помощи и предохранения на случай болезни и старости. Число членов во всех — около 1.200.000, но между ними около 187.000 почетных членов, т. е. людей, входящих в эти ассоциации без всякой собственной нужды, а для того чтоб управлять ими или в видах своей партии, или в видах правительства. Из 6.098 таких обществ, 4.272 основаны и поддерживаются правительством, которое взамен этой помощи предоставило себе право назначать президентов. Замечательно, что в правительственных ассоциациях на 785.852 рабочих членов считается 176.746 членов почетных, т. е. на каждых 9 работников 2 — почетные члены: префект, поддиректор, мэры, мировые судьи и разные частные и, разумеется, богатые и влиятельные особы, преданные правительству Наполеона III-го.

Таково было положение рабочего люда во Франции еще за год тому назад. Теперь все изменилось. Вызванный самою силой вещей, новый революционный дух пахнул на французский пролетариат, и он воскрес, почуяв в себе опять прежнюю веру и прежнюю разрушительную силу. О кооперации, как о средстве спасения, никто более не думает, никто в нее не верит, и все существующие рабочие ассоциации, на целую поверхность Франции, преобразуются ныне и связываются между собою в огромный федеративный союз для революционной борьбы работы против капитала.

Упомянем еще Италию и Испанию. В Италии, также не более года тому назад, нельзя было назвать ни одного истинно социалистического рабочего общества. В средней и южной Италии, равно как в Пьемонте¹⁷⁷

большинство работников составляли общество для взаимного вспомоществования и предохранения, устроенных наподобие казенных французских, с таким же преобладанием правительства и прямым вмешательством всевозможных властей, от префекта до полицейских. В Ломбардии¹⁷⁸ и в Генуе существует еще несколько кооперативных артелей, устроенных либералами; но большинство рабочих обществ в этих двух областях повинуются исключительно национальному и политическому руководству Маццини, преследующего ныне и, как 40 лет тому назад, с постоянством обратившемся в настоящее время в пагубное упорство, все ту же старую цель: восстановление единой, сильной, государственно-централизованной Италии, с Римом, столицей мира, и тратящего тщетно последние усилия своей некогда могучей воли, для того чтоб воскресить и поднять одряблевшую итальянскую буржуазию во имя бога и народа. Впрочем, должно заметить, что три года тому назад, Маццини, а за ним и Ледрю-Роллен, дали, наконец, свое благословение кооперативной системе. До 1867 года они отвергали с негодованием, они проклинали социальный вопрос. С высоты своего метафизического, юридического и политического идеала, они отзывались с невыразимым презрением о всех этих недостойных попытках чернорабочего люда улучшить свое материальное положение и призывали его к высокому служению абстрактного величия республиканского государства. Но ход событий и сила вещей сломали, наконец, и их величественно упорную волю. Для того чтобы не утратить последнее влияние на народные массы, они должны были преклонить свои гордые головы перед восходящим и всепоглощающим могуществом социально-экономического движения. Они объявили себя, наконец, социалистами. Но какими? Социалистами буржуазной кооперативной системы. По какому-то роковому несчастью, поражающему, впрочем, всегда только тех, которые удалившись от насущной действительности, потеряли способность понимать движение ее, Маццини и Ледрю-Роллен объявили себя приверженцами кооперативного социализма, именно в то время, когда все живые люди, а, главное, когда рабочие массы, отчаявшись в нем, стали видимо принимать другое, более решительное направление.

В настоящее время Интернациональная ассоциация рабочих, едва успевшая основать год тому назад в Неаполе свой первый отдел, начинает уже распространяться по целой Италии и никакие противодействия правительства, либералов и радикалов не в силах остановить неотразимо-поступательного движения ее. Ну, а программа Интернационального общества всем известна.

В Испании происходит то же, что и в Италии, только еще энергичнее и быстрее. Последняя революция открыла глаза испанским работникам. Горький вчерашний опыт доказал им, что они не должны рассчитывать на политических республиканцев, централистов или даже федералистов. В Испании, а преимущественно — в Каталонии¹⁷⁹ и в Андалузии¹⁸⁰, существовало, еще до революции, несколько кооперативных обществ, ос-

нованных буржуазными демократами и социалистами из школы Гваридо¹⁸¹ и Пия Маргалом¹⁸². — Всё это топится теперь в широких волнах интернационально-социалистической пропаганды. Испания готовится к революции Социальной.

Итак, мирный буржуазный кооперативный социализм везде осужден, везде уничтожен. Опыт доказал его неосуществимость. Еще прежде теория доказала его невозможность.

Серьезные экономисты двух противоположных школ: школы либеральной и школы коммунистов, научных, разнящиеся между собою во всех других пунктах и соглашаясь только в одном, высказали уж давно одинаковое убеждение, основанное на науке действительной, т. е. на самом строгом изучении движения, развития экономических фактов, — убеждение, что при настоящей организации общественной экономии и производстве товаров, и при необходимо вытекающем из нее умножении, преобладании и сосредоточении капитала, никакие усилия рабочих ассоциаций не в силах освободить работу из под гнета последнего; что рабочие банки, питающиеся только паскудными и, большею частию, просто невозможными сбережениями рабочего люда, никогда не будут в состоянии выдержать конкуренции могучих, всесветных буржуазно-олигархических банков; что при постоянном умножении рабочих рук и голодных желудков, умножении развивающемся еще быстрее, вследствие сосредоточения капиталов, все в меньшем и меньшем количестве рук, и неизбежно вытекающего из него обращения в пролетариат низшего и даже чисто среднего буржуазного класса, — работники, для того чтоб избегнуть голодной смерти, должны непременно все более и более делать конкуренцию друг другу, конкуренцию донельзя, т. е. до самой низшей степени стоимости человеческого содержания и пропитания; и что, поэтому, все рабочие общества для потребления, уменьшая цену главных предметов, необходимых для жизни, должны иметь непременно последствием понижение рабочей платы, т. е. ухудшение положения работников; что, наконец, общества для производства возможны только в тех отраслях промышленности, которые еще не захвачены большим капиталом, потому что никакое рабочее общество не в силах конкурировать с ним в деловом производстве товаров. А так как большой капитал, по присущей в нем необходимости, стремится непременно образом к прибранию всех отраслей промышленности без единого исключения в свои руки, судьба производительных артелей будет так же, что и судьба маленькой и средней буржуазии — общее, неотвратимое нищенство и рабское подчинение буржуазно-олигархическому капиталу и поглощение всякой средней и маленькой собственности в большой собственности нескольких сотен счастливых людей в целой Европе.

Соединяясь в признании этого неопровержимого факта, экономисты и коммунисты разнятся только, и самым существенным образом, в своих заключениях.

Экономисты пришли к заключению такому, что народные массы, миллионы чернорабочего люда обречены законом естественным и неотвратимым на вечное нищенство, невежество, рабство, и что только самому малому количеству работников, может быть одному из десяти тысяч, позволено надеяться, силою гения чрезвычайно энергического характера и с помощью счастливых обстоятельств, вынырнуть из многомиллионной массы эксплуатируемых рабов и занять место в малочисленном обществе эксплуатирующих господ. — Миллион же несчастных людей, обреченных железным законом природы, на жизнь, мало отличающуюся от существования скотов, они в виде утешения возлагают надежду на бога и на загробную жизнь, в которую сами не верят.

Коммунисты, также как и экономисты, признают вполне существующий факт; соглашаются с экономистами также и в том, что пока будет существовать настоящий общественный порядок, основанный, главным образом, на личной собственности, никакая сила и никакие усилия не будут в состоянии изменить этого факта. Но, вместе с тем, они отнюдь не изменяют железного естественного закона, открытого и проповедуемого экономистами, или признают его, пожалуй, для прошлого, но отнюдь не для будущего и даже не для настоящего времени. Они знают, что человеческий род историческим развитием своим, отправившись от скотов, — стремится неуклонно к осуществлению человечества на земле. Что прежде люди поедали друг друга как звери; потом — кто становился поумнее и посильнее — начал превращать людей в рабов; рабы превратились потом в крепостных, а крепостные — в вольно рабочих рабов; — и что, наконец, ныне самою историей поставлена нам огромная и святая задача обращения миллионов чернорабочих людей — в общество человеческое, свободное и равноправное. Но, так как это последнее преобразование при настоящем экономическом и политическом порядке действительно невозможно, они заключают, что надо сломать, уничтожить этот порядок и заменить его новым, в котором свободная равноправность людей будет не только возможна, но даже необходима.

Какую же роль играют буржуазные социалисты между этими двумя партиями, равно серьезными и последовательными? Роль надувателей или дураков, и часто и тех и других вместе. Вот почему эта средняя партия, если можно еще назвать ее такою, утратила всякое значение так, что о ее отношении к нынешнему русскому движению и говорить даже не стоит. — К совершенному уничтожению ее наиболее способствовали интернациональные ассоциации работников.

Интернациональное общество не составляет собственно партии. Оно больше, чем партии, оно целый мир — мир будущего человечества.

Ничто не могло быть проще и, по наружному виду, скромнее его начала. В сентябре 1864 г., собрался в Лондоне митинг английских, французских и немецких работников для того, чтоб протестовать против возмутительных действий русского императора в Польше. По окончании протеста несколь-

ко граждан, и между ними в особенности знаменитый германский коммунист Карл Маркс¹⁸³, один из главнейших основателей этого общества, предложили на обсуждение митинга свою давнишнюю мысль: основания огромной интернациональной ассоциации для защиты прав работы против капитала. Мысль была принята с единодушным восторгом. Митинг избрал комиссию для составления программы нового общества.

Были предложены две программы: одна — знаменитым Маццини; другая — Марксом. Маццини представил свою старую, всем известную программу: Бог и народ. Интернациональная политическая революция, ввиду низвержения всех монархических правительств и основания федерации европейских республик — одним словом, ту самую программу, которую он преследует и ныне. Что же касается до вопроса социального, то Маццини, верный своему началу, отгеснил его, разумеется, на задний план: улучшение материального быта рабочих масс должно было быть естественным последствием политического переворота, установления республики, широкого народного воспитания и демократических законов.

Программа Маркса, напротив, ни слова не говорит ни о боге, ни о революции, ни о республике. Бог совершенно исключен из нее. Там, где дело идет о реальном освобождении людей, там для бога не может быть места. Республика, хотя и не упоминается в этой программе, но зато вытекает как необходимость из каждой строчки, не в смысле положительной политической формы, а в смысле отрицания монархического и вообще всякого сословного управления; и, наконец, не заикаясь даже ни одним словом о революции, вся программа содержит в себе самую полную и радикальную доселе невиданную и неслыханную социально-политическую революцию. Вот начала этой программы:

- 1) Освобождение работников должно быть делом самих работников.
- 2) Все усилия работников должны быть устремлены не на создание новых привилегий, а на установление для всех людей без исключения одинаковых прав и одинаковых обязанностей.
- 3) Подчинение работника капиталу есть источник всякого политического, нравственного и материального рабства.
- 4) Все усилия работников оставались до сих пор бесплодными только вследствие отсутствия солидарности между работниками всех стран.
- 5) Освобождение работников не есть дело местное или национальное, но существенно интернациональное.

Вот и всё. Что может быть невиннее и проще? А между тем, кто не видит, что эти простые, неотразимые истины, взятые вместе, заключают в себе полнейшее осуждение и неминуемое разрушение всего настоящего порядка: религиозного, политического, семейно-патриархального, юридического и социально-экономического.

Программа Маццини была отвергнута; программа Маркса была принята, и на основании ее собрание делегатов английских, французских, германских, бельгийских и швейцарских, съехавшихся в Лондон

в 1865 г., основали окончательно Интернациональную Ассоциацию Работников¹⁸⁴.

Вы видите, что в целой программе нет ни одного слова, касающегося политики. — Поставлено, правда, целью уничтожение всякого рабства, т. е. всякой политики, всякого государства или, что все равно, всякого преобладания людей над людьми. — Но и тени мнения не было о той или другой политической форме. Напротив, самое существование и деятельность Интернациональной ассоциации поставлены решительно и нарочно вне всех существовавших и существующих партий на том основании, что все, по целому существу своему, опираясь одинаковым образом на праве собственности и на государственном праве, в противоположность интересам работы и чернорабочего люда, представляют только разные оттенки одной и той же буржуазно-эксплуататорской и реакционной партии.

Основатели этой громадной и благодетельной ассоциации, справедливо убежденные в том, что экономическое рабство есть главный источник всех других форм порабощения народа, нашли то, чего тщетно искал Архимед¹⁸⁵: точку опоры для поднятия и для низвержения всего исторического, религиозно и государственно привилегированного мира — нашли ее в экономической борьбе, в экономическом бунте работы против капитала, человека против гражданина.

Отправляясь с этой точки зрения, основатели Интернационального общества положили, что будут приниматься в него преимущественно зарабатывающие жизнь трудом лица и рабочие ассоциации всякого рода, не исключая разумеется хлебопашцев; все ассоциации местные и национальные, которые изъявят желание, могут вступить в него, но не иначе как индивидуально, и люди всех других сословий, с двумя только условиями, одинаково обязательными для всех членов: 1) Полнейшей солидарности всех в борьбе работы против капитала, и 2) Безусловного признания того начала: Что каждый работник имеет право и должен требовать интегрального или всецелого возмездия за свою работу.

Итак, вступающего в Интернациональное общество не спрашивают ни слова ни о его религиозных, ни о его политических убеждениях. — Спрашивают только: хочет ли он подчиниться всем условиям этой солидарности, и признает ли, он со всеми возможными последствиями и применениями его, это право? Если он отвечает утвердительно на оба вопроса, и если прошедшая жизнь его, настоящее положение и характер его таковы, что внушают доверие в честность его слова, двери Интернационального общества открываются для него широко.

Иным такая широта и легкость приема может показаться неосторожными. Кажется невозможным, чтобы христианин, сулящий измученному работнику божественное возмездие в жизни загробной, мог бы искренно хлопотать о возмездии земном, или чтобы человек, принадлежащий к какой бы то либо политической партии, сознательно или бессознательно, но непременно стремящийся к тому, чтобы руками народными вынимать

из огня каштаны не для народа, а для себя, чтобы он мог хотеть всецелого освобождения чернорабочего люда. И в самом деле оно невозможно: христианство, да и вообще какая бы то ни была религия, какое бы то ни было отношение к мечтам божественным и загробным, так же как и всякое другое политическое стремление, кроме единого стремления к разрушению государства и государствованию на земле, решительно несовместимы с стремлением к всецелостному освобождению рабочих масс. Но дело в том, что вследствие общей неразвитости и отсутствия ясного, полного, научного сознания в огромнейшем большинстве ныне живущих людей, эти два существенно противоположные и друг друга исключаящая стремления, без всякого злостного обмана с их стороны, существуют вместе.

Тут надо непременно сделать различие между людьми, принадлежащими к образованному и привилегированному миру, и между людьми, принадлежащими к чернорабочей массе. Первые большею частью прикованы ко лжи религиозной, метафизической, политической, юридической и социально-экономической, прежде всего, своими интересами, а потом — всем своим воспитанием, предрассудками своей среды, существующей только благодаря эксплуатации народного труда, и, наконец, самим образованием односторонним и ложным, потому что оно основано всецело на этой эксплуатации. Мы знаем, все люди, без единого исключения, продукты своей среды; и надо много, много счастливых обстоятельств и огромных личных усилий, чтоб человеку, родившемуся и проведшему полжизни в среде привилегированной, удалось вырваться совершенно из-под пагубного влияния ее условий.

Большинство так или иначе привилегированных лиц составляют, можно сказать по неволе, партии реакции. Для того чтоб исправить их и дать им возможность сделаться людьми полезными и справедливыми, надо разрушить в корне их мир, отняв у него всякую возможность дармоедствовать, паразитствовать и управлять, т. е. эксплуатировать народные массы в свое удовольствие и пользу.

Противоположное им весьма ничтожное меньшинство состоит из людей действительно и вполне искренних, которым удалось вырваться совершенно из-под всех влияний своего прежнего мира и отдаться вполне делу народного освобождения. Но, несмотря на всю несомненную искренность их новых стремлений, этим людям нужен строгий присмотр за собою для того, чтоб не впасть бессознательно, более или менее, в старые заблуждения и в прежние эгоистические, тщеславные и честолюбивые стремления. Не легко отделаться от старых привычек! Старые привычки умирают вполне только тогда, когда умерло окончательно старое положение. Кто сколько-нибудь смыслит человеческую природу, тот не станет самонадеянно рассчитывать на свою личную волю, на свою личную силу; тот знает, что никакие благородные и великодушные чувства и намерения не в силах устоять против железного общественно-физиологического закона, по которому человек самый сильный, велико-

душный и умный есть продукт, есть раб своего положения. И потому, кто хочет соблости свою личную нравственно-общественную чистоту и искренность, тот должен прежде всего разбить в своем положении все, что может дать ему жизнь отдельную, чуждую, а потому и противную великому интересу всенародного освобождения — должен разорвать до конца последние узы: материальные или экономические, семейные, общественные и политические, которые, незаметным для него самого образом, могут связать его и непременно связывают его еще с миром сословно-государственным. — Люди, имеющие достаточно силы, чтобы совершить такой подвиг, становятся драгоценными.

Между реакционным большинством и немногочисленным меньшинством людей, искренно и всецело преданных делу народного освобождения, есть в сословно-государственном мире целая категория людей, довольно значительная не по своему количеству, а по тому вредному влиянию, которое она имела в прошедшие времена на народные массы, и которое даже и ныне, хотя и в несравненно меньших размерах, становится иногда поперек социально-революционному движению. К этой категории принадлежат именно все те лица, которые умственно и сердечно отделились, с большею или меньшею откровенностью, народному делу, но которые, вместе с тем, по своему общественному положению, по материальным и политическим выгодам этого положения, по всем своим привычкам, общественным и семейным связям, принадлежат к миру, враждебному этому делу. Эти люди самые несчастные и, вместе с тем, самые вредные. Обманывая в одно и то же время и народные массы и самих себя искренностью своих народолюбивых стремлений, самые лучшие между ними, повинуюсь железному закону, по которому положение всегда сильнее лица, с словами народного блага и народного освобождения на устах, большею частью, и нередко, разумеется, сами того не подозревая, служат делу реакции. Вот эти-то люди и наполняют ряды партий исключительно политических республиканцев и буржуазных социалистов, а также ряды партии социально-революционной диктатуры, или социально-революционного государства, о которой мы будем говорить впоследствии.

Люди, принадлежащие к этой категории, вступая в Интернациональное общество, могут сделаться действительно опасными для него. Они, как истинные демагоги, стремятся уничтожить существующие государства только для того, чтобы создать новую форму государственности, т. е. владычества, если не в пользу своих материальных интересов, то непременно уж в пользу своего честолюбия, тщеславия, удовлетворение которого впрочем имело бы непременно результат и их материальную выгоду. Они опасны потому, что могут увлечь народные массы, потакая в одно и то же время опасной народной страсти и опасному народному предрассудку: страсти мщения, заставляющей часто народ искать, с положительным вредом для себя, удовлетворения, освобождения и спасения в повальном уничтожении лиц, а не вещей и не порядков, составляющих всю силу и производящих всю безнрав-

ственность лиц государственно-сословного мира, и предрассудку, который по несчастию еще глубоко коренится в народных массах, предубеждению в пользу сильной государственной власти, разумеется уже не сословной, а народной, как будто официальная власть может сделаться когда-нибудь действительно народною властью, и как будто она уже не есть сама по себе все-непременный источник сословности и сословий!

По всем этим причинам Интернациональное общество, принимая в свою среду и сословных людей, относится к ним гораздо строже, чем к людям черной работы. Если чернорабочие люди придерживаются каких бы то ни было вредных религиозных или политических предрассудков, то уже разумеется не в силу своего интереса, а в противность ему, в противность всем своим натуральным стремлениям к улучшению своего материального быта. Они придерживаются их по невежеству и по вытекающему из него несчастному традиционному недоразумению, заставляющему их слишком часто искать спасения там, где их верная гибель.

Народные массы вырабатывают свои убеждения, справедливые или ложные, не путем книжного образования и сознательного мышления, а медленным и трудным путем исторического опыта, путем исторических бед и страданий, вследствие чего народные убеждения естественным образом чрезвычайно упорны. Была бы большая ошибка со стороны людей, искренно желающих освобождения народного, если б они открыли прямую войну против народных предрассудков путем книжной или словесной свободомыслительной пропаганды. Такая пропаганда не может иметь ни малейшего действия на народ, может разве только его раздражить. Народ мыслит фактами, а не словами — он большей частью презирает слова. Поэтому надо убеждать его фактами, а не абстрактно-логическими заключениями. Глупость народа не столько в его голове, сколько в его положении, поэтому надо действовать на его положение.

Основатели Интернационального общества поняли это превосходно. Если б они выставили с первого раза антирелигиозное и антимонархическое знамя, огромное большинство работников не пошло бы за ними. Им удалось бы, может быть, образовать секту, тогда как для достижения цели необходимо было сплотить всю чернорабочую массу в Европе. Вот почему, оставив на первое время совершенно в стороне все религиозные и политические вопросы, основатели общества выставили знамя, на котором были написаны только эти слова: «Борьба на жизнь и на смерть и до всецелого торжества работы против капитала».

Посмотрим, каких же достигло оно результатов? Интернациональная ассоциация работников существует всего только пять лет, и вокруг ее знамени собралось уже более двух миллионов, более или менее организованных людей, европейцев и американцев.

В одной Англии 800.000 работников, великолепным образом организованных и распределенных между ремесленными союзами, вступили в нынешнем году в Интернациональную ассоциацию.

Союз Национальной Работы (National Labour Union) в Соединенных Штатах Америки, считающий также 800.000 членов, в нынешнем же году объявил свою солидарность с Интернациональной ассоциацией.

Несмотря на все усилия Наполеона III и на все гонения, которым в течении последних лет подвергались со стороны правительств члены Интернациональной ассоциации, принцип ее и солидарность с нею признаны огромным большинством французских работников, в количестве уж никак не менее 800.000 людей (в одном Париже считается более 100.000 отлично организованных работников, проникнутых глубоко и сознательно социально-революционным духом).

В Германии и Австрии Интернациональная ассоциация встречает те же самые правительственно-политические препятствия, что, однако, не помешало вновь образовавшемуся рабочему обществу социальных демократов, имеющему в Германии около 125.000, а в Австрии около 100.000 членов, признать на своем первом конгрессе (в Эйзенахе, в августе 1869 года) свою полнейшую солидарность с Интернациональным обществом.

В Испании — то же самое, только с гораздо меньшими препятствиями со стороны правительства. Один федеративный рабочий союз, центр которого находится в Барселоне, состоит почти из 125.000 членов. В Мадриде, но преимущественно во всей южной Испании, рабочие ассоциации растут и умножаются с неимоверною быстротою, и все признают себя членами Интернационального общества.

В маленькой Бельгии считается более 60.000 прямых членов этого общества. Бессмысленные и кровавые преследования бельгийского либерального правительства не только не могли остановить его истинно изумительного развития, но, напротив, усилили и ускорили его. Интернациональная ассоциация в Бельгии превосходит ныне своей примерной организацией рабочие общества всех других стран.

В Италии, а преимущественно в южной части, ее организация рабочих обществ, признающих себя членами Интернациональной ассоциации, подвигается быстро. Правительство, занятое преследованием политических ассоциаций, мало заботилось об успехах Интернационального общества, но в последнее время обратило также и против него свои поощрительные преследования, что дает право надеяться, что оно станет распространяться отныне еще быстрее. Не пройдет года, и можно будет считать в Италии сто или двести тысяч членов Интернациональной ассоциации работников.

В Швейцарии считается немного более 10.000 членов этого общества. Это может показаться странным. Но надо принять в соображение, что Швейцария страна небольшая, в ней немного более 2.600.000 жителей, — и, к тому ж, она буржуазная республика. Ничто не действует так развратительно на работников, как буржуазная политическая свобода. Большинство швейцарских работников гордится еще своими мнимыми гражд-

данскими правами, не замечая и не понимая того, что все эти права сводятся на одно право: выбирать себе ежегодно из буржуазной среды новых законодателей и управителей, т. е. новых господ эксплуататоров. Однако и в Швейцарии Интернациональное общество подвигается, хотя и медленнее чем в других, менее свободных и не республиканских странах, но с заметным усилением и ускорением успеха.

Голландия только недавно вошла в Интернациональное движение. Значительные цифры пропаганды и организации ее образовались уже в Амстердаме, в Роттердаме и в Утрехте.

«Остаются — говорит брошюра, из которой мы отчасти заимствовали эти данные*, — остаются еще нетронутыми Интернациональною пропагандою только четыре страны: Швеция, Греция, Турция и Россия; что касается до трех первых стран, — нет сомнения, что она не замедлит проникнуть в них. В России же уж давно совершается громадная, социальная пропаганда; впрочем вся масса русского крестьянства имеет сама собою социальное направление».

Из всего сказанного следует ясно, что через год или два Интернациональное общество будет считать в Америке и в Европе не два миллиона, а три, четыре, пять и более миллионов совершенно преданных и организованных членов.

Могущество уже теперь истинно громадное и создавшееся в продолжение только последних пяти лет. Сначала правительства, да и вся европейская буржуазия, относилась к Интернациональной ассоциации с презрением и насмешкой, потом, находя ее неудобной, они стали ее преследовать всеми возможными средствами, надеясь ее запугать. Ныне они стали перед ней трепетать, убедившись, что ее ни победить, ни убить невозможно.

В доказательство приведем замечательное признание лондонского журнала «Times», значительнейшего печатного представителя английской и, можно сказать, всесветной буржуазной олигархии:

«Мы признаем, что мы долго смеялись над этою странною ассоциациею. И кто бы мог подумать, тому назад четыре года, что она будет призвана играть такую роль в мире, кто бы мог угадать ее будущее значение, ее быстрые и невероятные успехи? Чтоб найти в истории подобие такой громадной и грозной организации, такой могучей и широкой пропаганды, приобретающей не тысячи, а миллионы прозелитов¹⁸⁶, надо возвратиться к первым временам христианства!»

Каким же образом Интернациональное общество достигло такого огромного, такого изумительного результата? Единственно путем практической пропаганды, сначала только во имя экономического освобождения работников. Они нашли несомненную, неизменную и во всех странах одинаково твердую точку опоры для этой пропаганды, в естест-

* Almanach de l'Internationale pour 1870. Liège, Alliance Typographique, rue sur Meuse, 8.

венном стремлении всех работников, без единого исключения, улучшить по возможности свою несчастную долю, и в столь же естественной ненависти каждого работника к своему хозяину, представляющему собой несносный деспотизм эксплуатирующего капитала. К тому ж Интернациональное общество в самом начале своего основания нашло уже подготовленную почву.

В странах великопромышленных, а именно в Англии, во Франции, в Бельгии и в Германии, со времени введения усовершенствованных машин и применения паровой силы к промышленности, со времени основания велико-капитального-фабричного производства, торговые кризисы сделались неизбежным, периодически повторяющимся и все более и более учащающимся явлением. Там, где наиболее процветала промышленность, работникам стала угрожать периодически голодная смерть. Это породило самым естественным образом рабочие кризисы, рабочее движение, рабочие стачки, сначала в Англии (в двадцатых годах), потом во Франции (в тридцатых годах), и, наконец, в Германии и в Бельгии (в сококовых годах).

Общая беда и общая причины беды создали в этих странах могучие ассоциации, сначала только местные, для взаимной помощи, для взаимной защиты, для общей борьбы. В год основания Интернационального общества Англия, Франция, Германия и Бельгия были уже совершенно покрыты подобными ассоциациями. Кроме того, Интернациональное общество нашло драгоценных помощников в остатках старых коммунистических обществ: в Англии — школы Овена¹⁸⁷; во Франции и Бельгии — школы Буонарроти и Кабета¹⁸⁸; в Германии — школы Маркса, Энгельса¹⁸⁹, Филиппа Беккера¹⁹⁰, и, наконец, в Швейцарии — в обществах, состоявших почти исключительно не из швейцарских граждан, а из французских и немецких работников, встретились представители всех этих школ, кроме Овенской. Правда, что большая часть коммунистических обществ была разбита реакционной бурей, поднявшеюся везде за победенную революцией 1848 года. — Десятки тысяч французских социалистов, как их называли в то время, были сосланы в Алжирию и в Кайенну¹⁹¹. Английские социалисты Шартисты¹⁹² и Овенисты, равно, как и германские коммунисты, бежали от преследований и от голода, эмигрировали массами в Соединенные Штаты Америки, куда перенесли свою горячую и плодоносную пропаганду. Но все-таки в Европе осталось достаточно представителей старых социальных школ, чтоб помочь Интернациональному делу. Эти оставшиеся сделались пионерами, апостолами и главными основателями и распространителями Интернационального общества в целой Европе.

С такую готовую почву и с такими славными работниками для оплодотворения ее, дело Интернациональной пропаганды пошло быстро. Ей оставалось объяснить работникам выше упомянутых стран, одинаково жаждавшим и уже сознательно искавшим освобождения, во-первых: что

для достижения их цели мало местной, мало даже национальной ассоциации, и что необходима Солидарность Интернациональная; а вторых: что для достижения хоть малейшего, действительного облегчения своей участи, они должны искать не облегчения, а всецелостного освобождения из под ига капитала.

Необходимость Интернациональной Солидарности доказывается работникам, помимо всех научных выводов и доводов, ежедневными фактами их собственной жизни.

Что делали фабриканты при каждой новой стачке рабочих, имевшей целью или увеличение заработной платы, или уменьшение часов работы? Они вызывали новых работников из стран, где чернорабочий народ, еще более задавленный, привык за меньшую плату работать больше. Что делать в таком случае работникам, прекратившим работу? Гнать новопривывших работников, никому не позволять работать? Работники нередко прибегают и прибегают к этому средству, в высшей степени (в человеческом, — а не в юридическом и не в политическом смысле этого слова) законному. Но редко удается оно: правительства, под предлогом защиты свободы работы (т. е. свободы для фабрикантов эксплуатировать бессовестно и безнаказанно работу бедных людей), всегда берут сторону фабрикантов, и вооруженные всею громадною государственною силою, с которой никакая местная организация работников бороться не в состоянии, оказывают свое покровительство вновь прибывшим работникам; и тем самым заставляют других возвратиться к покинутой ими работе.

Поэтому остается только одно средство: распространить рабочую пропаганду и солидарность так широко и так далеко, чтоб фабрикантам неоткуда было брать новых работников, и чтобы никакие иностранные работники не соглашались более брать на себя работу, оставленную работниками местными т. е. надо основать Интернациональную солидарность, Интернациональное общество.

Выше было сказано нами, что при настоящем экономическом устройстве, вследствие постоянного умножения рабочих рук и голодных желудков, заработная плата существенным образом определяется стоимостью предметов, необходимых для скудной жизни работника. — Но это предел, к которому заработная плата постоянно приближается, иногда падая даже ниже его, но ненадолго; иногда же, возвышаясь над ним, но никогда слишком много. Когда заработная плата падает ниже предела, происходит нужда, голод, болезни, смерть; когда же она возвышается над пределом, происходит кратковременное и, разумеется, только относительное довольство, которое имеет непродолжительным последствием увеличение числа охотников заняться выгодною работою, а, следовательно, и необходимое понижение заработной платы.

Периодические изменения заработной платы определяются, как известно, запросом производимого товара и конкуренцией производителей его, заставляющей каждого понижать на него цены до последней воз-

возможности. Известно, что цена товара определяется, главным образом, заработной платой, так что все производители-фабриканты должны стараться платить как можно менее своим работникам именно для того, чтоб быть в состоянии, с выгодой для себя, предложить свой товар за самую дешевую цену. Но фабрикант, который, благодаря скудной плате, получаемой его работником, продает свой товар дешевле других, заставляет тем самым и других фабрикантов продавать также и их товар за ту же самую цену — заставляет их понизить заработную плату. Поэтому понижение заработной платы в одной стране имеет непременно последствием понижение ее и во всех других странах — из чего ясно следует, что работники, получающие самую низшую заработную плату, должны желать и стремиться к тому, чтобы работники всех других стран и местностей получали и требовали для себя одинаково высшей платы за каждый час работы и равномерного уменьшения часов работы. Но это не может быть достигнуто иначе как Интернациональной солидарностью, т. е. организацией и строго дисциплинированным, повсюду одинаковым действием Интернациональной ассоциации работников.

Нетрудно было объяснить работникам эти простые истины, к тому же столь близкие, столь непосредственно связанные с их ежедневной бедой. — Во всех странах между многомиллионной массой чернорабочих людей есть слой работников более развитых, более грамотных и составляющих по этому самому в среде рабочего люда род аристократии. Эта рабочая аристократия разделяется на две категории, из которых одна чрезвычайно полезна, другая чрезвычайно вредна.

Начнем с вредной. Она состоит преимущественно и почти исключительно не из фабричных работников, а из ремесленников. Известно, что положение ремесленников в Европе, хотя и весьма незавидно, все-таки несравненно лучше положения фабричных работников. Ремесленники эксплуатируются не большими, а маленькими капиталами, которые далеко не имеют этой силы утеснения и унижения работников, которую проявляют в промышленном мире огромные фабричные капиталы. Ремесленный мир, мир рукодельной, а не машинной работы — остаток средневекового экономического устройства. Он затирается все более и более под неотвратимым и неотразимым напором великокапитального фабричного производства, стремящегося естественным образом к овладению всеми отраслями промышленности. Но там, где он еще существует, работникам живется лучше: отношения между не слишком богатыми хозяевами, которые большею частью сами вышли из рабочего класса, и их работниками ближе, проще, патриархальнее, чем в мире фабричном. Между ремесленниками поэтому множество полу-буржуа, по всем привычкам, убеждениям своим, надеющихся и стремящихся, сознательно или бессознательно, сделаться буржуа совершенными.

Но сами ремесла разделяются на две или даже на три категории. Самая многочисленная и наименее аристократическая, т. е. наименее счаст-

ливая из них — разумеется в буржуазном смысле этого слова — обнимает все черные или грубые ремесла, кузнечество, напр., требующие применения значительной физической силы. Работники, принадлежащие к этой категории, по целому характеру своего направления и своих убеждений, стоят ближе всех других к фабричным работникам. В среде их хранятся и развиваются драгоценные революционные инстинкты и нередко встречаются люди, способные обнять во всей их широте и последовательности все мировые условия освобождения работников. Есть средняя категория, заключающая в себе столяров, типографщиков, портных, сапожников и много других подобных ремесел, требующих уже некоторую долю образованности и специального знания, или, по крайней мере, меньшей траты физической силы, и оставляющих поэтому больше времени на размышление. В этой среде довольства сравнительно больше, а потому и больше буржуазного самодовольствия. Революционные инстинкты в ней уже гораздо слабее, чем в первой, совершенно чернорабочей, категории. Но зато встречается в ней уже гораздо большее количество людей размышляющих и рассуждающих, иногда вкривь и вкось, больше людей, сознательно убежденных, но вместе с тем и больше резонеров, становящихся от праздного многоглаголания неспособными к горячему делу, а иногда даже, под влиянием тщеславия и личных расчетов, и противному ему.

Наконец, есть третья категория ремесел, производящих предметы роскоши и потому связанных самым интересом своим с существованием и с сохранением богатого буржуазного мира. — Большинство работников, принадлежащих к этой среде, уже не на половину, а на три четверти и, пожалуй, более, чем на три четверти, проникнуты буржуазными страстями, буржуазным чванством и буржуазными предрассудками. К счастью, они составляют в массе рабочих только весьма незначительное меньшинство. Но там, где они преобладают, Интернациональная пропаганда подвигается очень медленно и нередко принимает явно антисоциальное, чисто буржуазное направление. — В этой среде особенно преобладает стремление к исключительно-личному счастью, стремление к личному, т. е. совершенно буржуазному возвышению, а не к коллективно-рабочему освобождению и счастью.

В этой среде заработная плата несравненно выше, а, вместе с тем, работа умнее, легче, чище, благороднее, чем в первых двух категориях, поэтому у работников более довольства, более грошевой образованности, самоуверенности и тщеславия. Они становятся социалистами только во времена торгового кризиса, когда падение заработной платы напоминает им, что они не буржуа, а поденщики.

Понятно, что в течении последних десяти лет, когда мирная, кооперативная система находилась еще в полном цвету своих грез и несбывшихся ожиданий — буржуазный социализм нашел свою главную почву не в фабричном, а в ремесленном мире, и, преимущественно, в двух послед-

них категориях этого мира, — наиболее привилегированных и наиболее близких к буржуазному миру. Повсеместная неудача кооперативной системы была благодетельным уроком для вредной рабочей аристократии.

Но в многомиллионной массе рабочих существует аристократия другая, в высшей степени полезная и благодетельная: аристократия не положения, а убеждения, революционного сознания и разумной, энергичской страсти и воли. Работники, принадлежащие к этому разряду, отъявленные враги всякой аристократии и всякой привилегии: дворянской, буржуазной и даже рабочей, могут быть названы аристократами только в самом буквальном или первоначальном смысле этого слова, в смысле лучших людей. И в самом деле, они лучшие люди, не только в классе рабочем, но в целом обществе. Они соединяют в себе, в своем понимании социального вопроса, все преимущества свободной и самостоятельной мысли и сознания научного со всею искренностью самого народного инстинкта. Им бы не стоило ничего возвыситься над своим собственным классом, сделаться членами касты буржуазной; из партии темной массы эксплуатируемого и поработанного народа перейти в ряды счастливых господ эксплуататоров они не хотят; они проникнуты солидарною страстью и не понимают свободы и счастья иначе, как вместе со всеми миллионами поработанных человеческих братьев. Такие люди естественным образом, и сами того не ища, пользуются огромным обаятельным влиянием на массы работников. Присоедините к этому разряду работников, разряд деятелей из буржуазного класса, вполне оторвавшихся от него и всецело отдавшихся великому делу освобождения пролетариата, и вы получите то, что мы называем полезною и благодетельною аристократией в Интернациональном рабочем движении.

Обе аристократии встретились на первом Интернациональном конгрессе работников в Женеве, в сентябре 1866 года. На этом конгрессе обнаружилось четыре главные направления, которые должны были непременно столкнуться и которые своей трехлетней борьбой — от сентября 1866 до сентября 1869 года — борьбой, беспрестанно вновь проверяемой и исправляемой тяжелым ежедневным опытом работников во всех странах Мира, — должны были, наконец, слиться в одной общей программе, выражающей уже не отвлеченные теории, а насущные требования и последнюю цель рабочего мира.

Первое и, можно сказать, преобладавшее направление на Женевском конгрессе, было буржуазно-кооперативное с примесью узкого буржуазного радикализма, представителями которого, главным образом, были, разумеется, женевские республиканцы.

В 1866 году еще многие верили в возможность успехов кооперативной системы даже при настоящем устройстве общества. Не только швейцары, немцы и французы, но даже и англичане ожидали чудес от этой системы, в которой они видели главное и чуть ли не единственное средство к окончательному освобождению работника из-под власти капитала.

Опыт не успел еще доказать им в 1866 году абсолютную невозможность не только полного освобождения, но даже серьезного облегчения участи работников, пока не будут разрешены до конца государственно-экономические условия общественного неравенства.

Второе направление гораздо более практическое, гораздо более соответствовавшее самой цели Интернациональной ассоциации, было представлено англичанами. Они требовали организации практической, т. е. деятельной солидарности работников всех стран в ежедневной борьбе работы против капитала, борьбе, проявляющейся в рабочих стачках и имеющей цели или повышение заработной платы, или уменьшение часов работы. — Это предложение, несмотря на всеобъемлющую и прямо к цели ведущую практичность свою, не встретило большой симпатии на Женевском конгрессе. Буржуазные социалисты, — кооператоры, социалисты школы Прудона, и даже немногие коммунисты в нем участвовали. — Коммунисты, разумеется, старой, более утопической, чем научно-опытной и практически-жизненной школы — все эти представители социальных теорий, выработанных вне жизни народа, отнеслись к предложению английских делегатов с полупрезрением; они и приняли его как бы нехотя, для того только, чтоб не оскорбить англичан. Оно показалось им узким выражением узкой и недалевидной практики английского рабочего движения, стремящегося только к незначительному и чересчур скромному облегчению участи пролетариата, а не к всецелому освобождению его.

Нет сомнения, что англичане всех классов, нисколько не исключая работников, особенно отличаются своею теоретическою узостью (это их существенный национальный недостаток, определяющий их противоположность французам). Англичане равнодушны к общим теориям, а отвлеченные логические выводы производят на них весьма слабое впечатление. Но зато они понимают лучше других логику насущных фактов и все настоящие условия предпринятого ими дела. Они узнают эти условия не прежде дела, по указанию какой-нибудь теории, но на самом опыте, по мере того как дело подвигается вперед и движением своим сталкивает их с препятствиями, без уничтожения которых продолжение его становится невозможными. Англичанин не верит в эту невозможность, и даже не знает о ней, пока он не встретится с нею лицом к лицу на самом опыте. Но, раз убедившись таким образом в существовании препятствия, он, не задумавшись, ломает его — английский работник поэтому самый последовательный и беспощадный революционер, сам того не желая и даже не зная. Он и теперь еще далеко не знает всех результатов, до которых его доведет неотразимая логика его практических требований.

Следуя своим обычным, обыденным, экспериментальным путем, английские работники создали громадную и грозную организацию, существующую под именем ремесленных союзов (Trades-Unions)¹⁹³ и считающую в настоящее время более 800.000 членов; организация эта, ставшая ныне официально признанною силою, не имела долго другой цели, кро-

ме войны против капитала посредством стачек, организованных в целой Великобритании. — Поддерживая ежедневно на всей поверхности Англии борьбу только за повышение заработной платы или против понижения ее, и за уменьшение часов работы или против увеличения их — борьбу против введения машин и вообще против всякого ухудшения доли работника в пользу всякого улучшения ее, ремесленные союзы, не задаваясь никакою другою мыслью и не преследуя никакой другой цели, сами того не зная и не ожидая, создали коллективное и строго организованное могущество пролетариата.

Это новое могущество должно было прийти рано или поздно к самосознанию, пробуждение его в английской народной массе требовало много годов. Массы, мыслящие только испытанными и пережитыми ими фактами, а не отвлеченными познаниями, развиваются очень медленно, особенно в Англии, где всякая новая мысль, даже когда эта мысль есть ничто иное, как выражение воочию всех совершившихся фактов — другою мысли никакая английская публика не понимает — принимается народом с чрезвычайною трудностью. Но зато, когда она проломит себе вход в английские головы, когда она сломит в них противодействующую ей силу исторической и предрассудочной закостенелости, и сделается в них убеждением, тогда она уже немедленно превращается в упорную, необходимую, практически действующую силу.

Так стало, наконец, английским работникам ясно, что при существующих законах и пока Великобритания будет управляема аристократией и буржуазией, все попытки их к улучшению своей доли останутся тщетными, вследствие чего они создали в 1866 году громадную лигу в пользу парламентской реформы: “рабочий парламент и рабочее государство“ — вот лозунг, во имя которого агитируется ныне весь английский пролетариат.

Теперь эта мысль, эта цель овладела английскими работниками, и никакая сила не в состоянии вырвать ее из их голов, пока они не осуществят ее. И они непременно ее осуществят, только тогда они одержат полную победу, и когда на развалинах побежденного и разрушенного буржуазно-аристократического государства, они попробуют основать государство рабочее — только тогда, рядом новых опытов, они придут к убеждению, что настоящее рабочее или народное государство — есть уничтожение всякого государства. Но до тех пор вы никакими логическими доводами не убедите их в этом.

Мы еще возвратимся к этому вопросу, когда будем говорить о социально-революционных партиях, ныне действующих в Европе.

Точно тем же, исключительно экспериментальным путем, английские работники дошли в самое последнее время до другого убеждения, по нашему мнению, гораздо более справедливого и важного, а именно, что земля, вся земля, должна быть коллективной собственностью народа, и, прибавляют они, в чем мы с ними отнюдь не согласны, должна находиться в направлении и в распоряжении государства. Для достижения этой

цели, впрочем непосредственно связанной с целью основания рабочего государства, они создали в прошедшем году новую лигу под названием: Поземельной и рабочей лиги (Land and Labour League). Вы можете быть уверены, что они рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, достигнут также и этой цели. Самая медленность развития движений английских работников есть верный залог непобедимой крепости и неотвратимо разрушительной силы этих движений.

Тем же самым путем в самое последнее время английские работники успели, наконец, победить в себе предубеждение и узкое национальное чувство ненависти против ирландцев; они пришли к убеждению необходимости признать права ирландского народа — этого социалиста по природе, как наш русский народ — и заключить вечный союз с фенианами¹⁹⁴.

Тем же самым путем, еще раньше, начиная с 1867 года, ремесленные союзы стали создавать необходимость практической солидарности с работниками американского и европейского континентов.

Они пришли к такому сознанию не на основании каких-нибудь общих теорий и не под влиянием великодушного, но большею частью несостоятельного чувства всеобщего братства, которое так сильно действует на французов, но силою испытанной или практической необходимости. В доказательство приводим отрывок из отчета о Женевском конгрессе*.

«Английские делегаты развили следующую мысль: необходимо, чтоб работники всех стран согласились и соединились для общего сопротивления хозяевам (patrons). В Англии, во время рабочих стачек, нередко случалось, что хозяева торжествовали над сопротивлением работников именно тем, что выписывали с континента работников иностранных, соглашавшихся работать за низшую плату, и становившихся, таким образом, орудиями эксплуатации против английских работников. Они приводят несколько фактов, между прочим, пример одной стачки в 1859 году, в которой принимали участие несколько тысяч английских работников. Эти работники, после тридцатинедельного сопротивления, были, наконец, побеждены такою конкуренцией. Общее согласие к этому необходимо. — Английские рабочие общества (ремесленные союзы) — готовы принести самые огромные жертвы для того, чтоб достигнуть этой цели. Они предлагают, чтоб рабочие общества всех стран были в постоянном сообщении друг с другом, чтобы посредством статистических изысканий было определено экономическое положение работы в каждой стране, и чтобы установлена была между всеми крепкая связь, которая позволила бы устроить одновременно повсюду стачки огромные и необходимые».

«Французские и швейцарские делегаты не противятся принятию предложения английских делегатов. Но, вместе с тем, они говорят, что не в стачках надо искать разрешения социального вопроса; что цель Интер-

* Congrès ouvrier de l'Association Internationale des travailleurs, tenu à Genève du 3 au 8 septembre 1866. — Genève. — Imprimerie Ducommun, p. 14–15.

национальной ассоциации есть уничтожение поденной заработной платы (salarialat), и что эта цель может быть достигнута только посредством ассоциации, и в особенности ассоциации кооперативной».

А между тем англичане были кругом правы. В 1866 году, когда почти все другие члены конгресса пороли буржуазно-социалистическую горячку, они предложили единственный способ, который может действительным образом, на самой практике, сплотить рабочих всех стран в одну могучую организацию; способ, который на последнем рабочем конгрессе в Базеле, в сентябре 1869 года, был признан единодушно за главное основание и точку отправления всей настоящей организации Интернациональной ассоциации работников.

Кто не знает, каких жертв и каких страданий каждая стачка стоит работникам. Но стачки необходимы, так необходимы, что без них не было бы возможности ни поднять народные массы на социальную борьбу, ни организовывать их. Стачка — война, а народные массы организуются только во время войны и только посредством войны, вырывающей каждого работника из его обыкновенного, бессмысленного, безотрадного и безнадежного уединения; война соединяет его вдруг со всеми другими работниками во имя одной страсти и одной цели, и убеждает всех самым наглядным и ощутительным способом в необходимости строгой организации для одержания победы. Возбужденные народные массы все равно что расплавленный металл, который спаивается, сливается в одну сплошную массу и формируется гораздо легче, чем металл, находящийся в состоянии холодном, лишь бы только нашлись добрые мастера для формирования его, сообразно свойствам и внутренним законам, присущим данному металлу, сообразно народным потребностям и инстинктам. Стачки пробуждают в народных массах все социально-революционные инстинкты, которые таятся в глубине сердца каждого работника, составляют, можно сказать, его историческое, общественно-физиологическое существо, но в обыкновенное время, под гнетом рабской привычки и всеобщего смирения, сознаются только весьма немногими. Зато, когда эти инстинкты, вызванные экономической борьбой, просыпаются в воспрянувших рабочих толпах, тогда пропаганда социально-революционной мысли между ними становится чрезвычайно легка. Ведь эта мысль ни что иное, как самое чистое и верное выражение народных инстинктов. Если она не вполне соответствует им, так она ложна; а насколько она ложна, она будет отвергнута народными массами. Но зато, если она выражает их честно, если она есть настоящая народная мысль, она овладевает, несомненно и скоро, возбужденными толпами бунтующего народа; а когда раз эта мысль впала в народ, она не замедлит обратиться в торжествующую действительность.

Каждая стачка еще тем драгоценна, что она расширяет и углубляет все более и более пропасть, разделяющую уже ныне везде класс буржуазный от массы народной; что она самым ощутительным образом доказывает работникам абсолютную несовместимость их интересов с интересами

капиталистов и собственников, тем, что, уничтожая, таким образом, в самом сознании масс, ныне эксплуатируемых и порабощенных капиталом и собственностью, возможность всяких компромиссов и сделок, уничтожая в корне всё, что мы называем социализмом буржуазным, она ставит дело народного освобождения вне всех политических и экономических комбинаций имущих сословий.

Да, нет лучшего средства, чтоб вырвать работников из-под политического влияния буржуазии, как стачка. Мы недавно видели тому доказательство во Франции. Известно, что выборы 1869 года в трех главных городах: в Париже, в Лондоне и Марселе были торжеством для партии буржуазно-республиканской, благодаря единодушию, с которым работники, позабыв и июньские дни и все старые обиды, и горькие уроки недавно прошедшего, подали свои голоса в пользу непримиримых республиканцев, непримиримых в двойном отношении: и в отношении к императору и к империи, но еще более в отношении к народному социализму. Это было со стороны работников и очень великодушно и очень... наивно.

Впрочем, глупости бывают полезны, а, главное, они неизбежны в народной истории. Народные массы, лишенные книжного образования и не имеющие ни привычки к сознательно-последовательному развитию мысли, ни достаточно времени для размышлений, учатся и доходят до истины рядом фактических неудач и совершаемых ими промахов. Видно французским работникам надо было сделать еще этот опыт, чтоб окончательно убедиться в решительной неспособности представителей буржуазного радикализма служить народному делу.

После этой победы на выборах французские работники были так восхищены своим, или вернее, чужим торжеством, одержанным только их единодушным усилием, что, казалось, они совсем забыли свой собственный социальный вопрос. Точно присутствие каких-нибудь двадцати или тридцати старых, отживших и переживших себя республиканцев в законодательном собрании могло изменить что-нибудь не только в экономическом положении рабочей массы, но даже в настоящих отношениях империи!

Работники ждали от своих депутатов чудес. Депутаты ровно ничего не сделали и оказались в законодательном собрании тем, чем они были везде и всегда — нулями, нулями по положению и по убеждению, по всей программе своей, равно как и по своим отношениям к правительственному и к рабочему миру — старою, идеальною фразою об идеальном праве между двумя не на живот, а на смерть борющимися действительностями. Видя бездействие своих депутатов, работники стали к ним несправедливы — трезбуй дела и силы от людей, обреченных на бессилие всеми условиями той среды, в которой они действуют и всем своим личным положением. — Они не хотели или не умели понять, что самые умные, самые сильные, самые искренние и горячие люди состоятельны только до тех пор, пока у них есть почва под ногами, пока они остаются в среде и в условиях, соответствующих предпринятому ими делу, и что нет

силы способной бороться против ложного положения; а что выход из такого положения есть, поэтому, первое и необходимое условие для того, чтобы сила не перестала быть силою, для того, чтоб она не превратилась в бессилие. А что может быть ложнее и нелепее положения представителей народного дела в императорском парламенте!

Мы докажем впоследствии, что не только императорский, но никакой политический парламент, даже самый республиканский, хоть бы он весь состоял из работников, не в силах дать народу свободу действительную. Об императорском и говорить нечего. Всякому должно быть ясно, что его дело притеснять, а не освобождать, и что, каковы бы ни были внутренние чувства и идеальные стремления демократических и народолюбивых членов его, в действительности они будут всегда участниками притеснения.

Французские работники, несмотря на всё свое остроумие, так мало поняли это, что они приписали бездействие и бессилие своих депутатов не плачевным необходимым нелепым положениям, а личной слабости и даже измене — они были готовы требовать их отставки для того, чтоб заменить их другими, более энергическими и честными; и неизвестно, как бы долго они стали блуждать в этой безвыходной политической трущобе, если б рабочие стачки, вызванные экономической необходимостью и поднявшиеся вдруг и почти одновременно во всех концах Франции, не возвратили их к их настоящему, социальному вопросу.

Обеньские, Рикамарийские и Крезотские стачки принесли двойную пользу. Они рассеяли туман с двух сторон, определив ясно в одно и тоже время отношения рабочего вопроса к империи и к представителям буржуазной республики.

Известно, что империя долго кокетничала с рабочими массами. Между слугами Наполеона III есть целая категория, чтобы не сказать партия, предводительствуемая Персиньи¹⁹⁵, в противоположность к буржуазным либеральным стремлениям, силилась создать дикий и развратный союз императорского деспотизма с рабочим социализмом. В начале шестидесятых годов мы видели нечто подобное в России, где славянофилы вместе с красною бюрократическою партией Милютин¹⁹⁶ мечтали об уродливом сочетании крестьянства с императорством. Известно, чем кончилась эта попытка в России. Сослужив свою бесчестную и кровавую службу против несчастной Польши, милютинцы и славянофилы увидели себя отброшенными в сторону, как подставка, переставшая быть полезною, и замененными настоящими слугами всероссийского государства: Муравьёвыми¹⁹⁷, Шуваловыми¹⁹⁸, Бергами¹⁹⁹, Потаповыми²⁰⁰, и множеством других... верных, а, главное, исполнительных людей.

Во Франции императорский социализм имел столь же плачевный конец. Рабочая кровь, пролитая в Рикамари и в Обене наполеоновскими солдатами²⁰¹, открыла окончательно глаза французскому пролетариату. Работники поняли, что император со всем государственным заведением своим — им враг.

Но те же самые стачки показали им, с другой стороны, что и буржуазный радикализм им нисколько не друг. Интересно было следить за словами и действиями непримиримых представителей народа в законодательном собрании, и за проявлениями самых революционных буржуазно-республиканских журналов, во время этих стачек и последовавшей за ними резни. Им нельзя было не заступиться за работников, но они делали это так принужденно, так холодно, что видно было, как они отстаивали не свое, а чужое, рабочее дело. Они отстаивали не работников, требующих права на жизнь и на человеческое равенство, а граждан, оскорбленных в своем политическом праве. В парламенте ни один депутат не смел сказать ни одного слова в защиту собственно рабочего вопроса. А между журналами только одна «Марсельеза»²⁰² имела храбрость поставить его. Все другие ограничились политической стороной вопроса. Таким образом, работникам стало ясно, что между ними и буржуазным радикализмом такая же и, пожалуй, еще глубже пропасть, чем та, которая существует между республиканцами и империей.

И эту ясною постановкой социального вопроса во Франции, работники обязаны единственно стачкам.

Да, стачки великое дело: они создают, размножают, организуют и образуют рабочее войско — но войско, которое должно побороть и сломить буржуазно-государственную силу и приготовить широкую и свободную почву для мира нового.

Письмо к С.Г. Нечаеву

2-го июня 1870 г.

Любезный друг — теперь обращаюсь к Вам и через Вас к вашему, к нашему Комитету²⁰³. Надеюсь, если Вы теперь добрались до безопасного места, в котором, свободные от мелких дряг и хлопот, Вы можете спокойно обдумать свое и наше общее положение, положение нашего общего дела.

Начнем с признания, что наша первая кампания, начатая в 1869 г., потеряна, мы разбиты. Разбиты по двум главным причинам. 1-ая — народ, на восстание которого мы имели полное право надеяться, не встал. Видно, чаша его страданий и мера его терпения еще не переполнились. Видно, вера в себя, в свое право и в свою силу еще не загорелась в нем и не нашлось достаточного количества дружно действующих и по России

разбросанных людей, способных возбуждать эту веру. 2-ая причина: организация наша и по качеству, и по количеству своих членов, и по самому способу своего составления оказалась недостаточной. Поэтому мы были разбиты, потеряли много сил и много драгоценных людей.

Это факт несомненный, который мы должны сознать вполне, нисколько не торгуясь с ним, для того, чтобы сделать его точкою отправления для своих дальнейших рассуждений, предприятий и действий.

Вы, а с Вами вместе, без сомнения, и ваши друзья сознали его прежде, гораздо прежде, чем высказали мне его; да можно сказать, что Вы и не высказывали его мне никогда, я должен был его сам угадать из многих и явных противоречий в ваших речах и, наконец, убедиться в нем по общему положению дела, которое стало говорить так ясно, что не было возможности <...>²⁰⁴ скрыть его даже от посвященных друзей. Вы были убеждены в нем более чем наполовину, когда приезжали ко мне в Локарно²⁰⁵, а между тем Вы говорили мне с полнейшею уверенностью и самым утвердительным образом о близости необходимого восстания. Вы обманули меня, и я, подозревая или чувствуя инстинктивно *обман*, сознательно и *систематически* отказывался верить *в него*; Вы продолжали говорить и действовать точно как будто бы Вы говорили мне чистую правду. Если б в свою бытность в Локарно Вы показали бы мне настоящее положение дела и в отношении народном, и в отношении к организации, я написал бы воззвание свое к офицерам²⁰⁶ в таком же самом направлении и духе, но другими словами; и это было бы и для меня, и для Вас, а главное, для самого дела лучше. Я не стал бы им говорить о предстоящем движении.

На Вас я не сержусь и не делаю Вам упреков, зная, что, если Вы лжете или скрываете, умалчиваете правду, Вы делаете это помимо всех личных целей, только потому, что Вы считаете это полезным для дела. Я и *мы все* горячо любим и глубоко уважаем Вас именно потому, что никогда еще не встречали человека, столь отреченного от себя и так всецело преданного делу, как Вы.

Но ни эта любовь, ни это уважение не могут помешать мне сказать Вам откровенно, что система обмана, делающаяся все более и более вашею главною, исключительною системою, вашим главным оружием и средством, гибельна для самого дела.

Прежде, однако, чем попробую и, надеюсь, успею доказать Вам это, скажу несколько слов о моих отношениях к Вам и к вашему Комитету и постараюсь объяснить, почему, несмотря на все предчувствия и разумно-инстинктивные сомнения, предупреждавшие меня все более и более против истины ваших слов, я до сих пор не верил и до последнего приезда моего в Женеву говорил и поступал так, как будто я верил в них безусловно.

Можно сказать, что вот уже *30 лет* как я отделен от России; от 40-го до 51-го года я пробыл за границей сначала с паспортом, потом как эмигрант. В 51-ом году, после двухгодичного заключения в саксонских и авст-

рийских крепостях, я был выдан русскому правительству, которое в продолжение еще 6 лет держало меня сначала в Петропавловской крепости, в Алексеевском рavelине, потом в Шлиссельбурге. В 57[-ом] я был отправлен в Сибирь, пробыл два года в Западной и два года в Восточной. В 61-ом г. бежал из Сибири, с тех пор, разумеется, не возвращался в Россию. Итак, в продолжение 30 лет я прожил всего 4 года (9 лет тому назад), от 57 до 61, на свободе в России, т. е. в Сибири. Это, разумеется, дало мне возможность ближе познакомиться с русским народом, с мужиками, с мещанами и с купечеством, и то специально сибирским, но не с революционной молодежью. В мое время не было других политических ссыльных в Сибири, кроме немногих Декабристов и поляков. Знал я еще, правда, 4-х Петрашевцев: Петрашевского, Львова и Толя²⁰⁷ — но эти люди представляли собою нечто переходное от Декабристов к настоящей молодежи, были доктринерными, книжными социалистами, фурыеристами и педагогами. Настоящей молодежи, той, в которую я верю, — этого бессловного сословия, этой бездомно — <...> фаланги народной революции, о которой я говорил несколько раз в своих писаниях, я не знаю²⁰⁸ и только теперь начинаю мало-помалу знакомиться с нею.

Большая часть русских людей, приезжавших на поклон к Герцену²⁰⁹ в Лондон, были порядочники или литераторы, или либеральствующие и демократствующие офицеры. Первый серьезный русский революционер был Потебня²¹⁰, второй Вы. Об Утине²¹¹ и об остальных женевских эмигрантах я говорить не буду. — Значит, до самой встречи с Вами настоящая русская революционная молодежь оставалась для меня «terra incognita»²¹².

Немного мне было нужно времени, чтобы понять вашу серьезность, чтобы поверить Вам. Я убедился и до сих пор остаюсь убежденным, что будь вас, таких, — хоть немного, вы представляете серьезное дело, единственное серьезное революционное дело в России, и, раз убедившись в этом, сказал себе, что моя обязанность помочь Вам всеми силами и средствами и связаться, сколько могу, с вашим русским делом. Тем легче было мне решиться на это, что ваша программа, по крайней мере, в прошедшем году, не только вполне соответствовала, но была вполне одинакова с моею программю, выработанною постоянным <...> и целым опытом довольно продолжительной политической жизни. Определим в нескольких чертах эту программу, на основании которой мы с Вами в прошедшем году соединились совершенно и от которой Вы, по видимому, теперь довольно значительно удаляетесь, но которой я, с моей стороны, остался до такой степени верен, что если б ваши убеждения и удаление ваше или ваших друзей от нее было совершенно окончательным, я считал бы себя обязанным разорвать все *интимно-политические* отношения к Вам.

Программа ясно высказывается в нескольких словах: всецелостное разрушение государственно-юридического мира и всей так называемой буржуазной цивилизации посредством народно-стихийной революции,

невидимо руководимой отнюдь не официальной, но безыменной и коллективную диктатуру друзей полнейшего народного освобождения из-под всякого ига, крепко сплоченных в тайное общество и действующих всегда и везде ради единой цели, по единой программе.

Такова мысль и таков план, на основании которого я соединился с Вами и для исполнения которого я подал Вам руку. Вы сами знаете, как я остался верен признанному мною обещанию союза. Вы знаете, сколько я показал Вам веры, убедившись раз в вашей серьезности и в одинаковости революционных программ между нами. Я не спрашивал Вас, ни кто ваши друзья, ни сколько их, не поверял вашей силы, а верил Вам на слово.

Верил ли я по слабости, по слепости или по глупости? Вы сами знаете, что нет. Вы знаете очень хорошо, что во мне слепой веры никогда не было и что еще в прошедшем году в одиноких разговорах с Вами и раз у Огарева²¹³ и при Огареве я Вам сказал ясно, что мы Вам верить не должны, потому что для Вас ничего не стоит солгать, когда Вы полагаете, что ложь может быть полезна для дела, что, следовательно, мы другого залога истины ваших слов не имеем, кроме вашей несомненной серьезности и безусловной преданности делу. Что это гарантия большая, но не спасающая, однако, Вас от ошибок, а нас от промахов, если мы предадимся Вам слепо.

И, несмотря на это убеждение, несколько раз высказанное мною Вам, я все-таки оставался в связи с Вами и помогал Вам везде сколько мог; хотите знать, почему это я делал? Во-первых, потому что до вашего отъезда из Женевы в Россию²¹⁴ наши программы были действительно одинаковы. В этом я мог убедиться не только из всех наших ежедневных разговоров, но еще из того, что всё писания мои, задуманные и напечатанные при Вас, возбудили в Вас большую симпатию именно теми пунктами, которые более и яснее других высказывали нашу общую программу, и потому что ваши писания, напечатанные в прошедшем году, носили тот же самый характер.

Во-вторых, потому, что, признавая в Вас действительную и неутомимую силу, преданность, страсть <...> и мышление, я считал Вас и считаю способным сплотить вокруг себя и не для себя, а для дела, настоящие силы; я говорил себе и Огареву, что, если они еще не сплочены, то непременно сплотятся в скором времени.

В-3-х, потому, что, признав Вас из всех мне известных русских людей за самого способного для исполнения этого дела, я сказал себе и Огареву, что нам ждать нечего другого человека, что мы оба стары и что нам вряд ли удастся встретить другого подобного, более призванного и более способного, чем Вы; что поэтому, если мы хотим связаться с русским делом, мы должны связаться с Вами, а не с кем другим. Комитета и всего вашего общества мы не знаем и можем судить об них только по Вас. Если же Вы серьезны, почему же вашим друзьям, настоящим или будущим, не быть серьезными. Ваша несомненная серьезность была для меня залогом, с одной стороны, что вы пустых людей в свою среду не допустите, а с другой, что Вы один не останетесь, а будете стараться создать коллективную силу.

Есть, правда, в Вас один слабый пункт, поразивший меня с первых дней нашей встречи, но на который я, признаюсь, не обратил надлежащего внимания, это ваша неопытность, незнание людей и жизни и сопряженный с ними фанатизм, не чуждый мистицизма. Незнакомство с общественными условиями, привычками, нравами, мыслями и обычными чувствами так называемого образованного мира делает Вас, далее и теперь еще, неспособным действовать с успехом в его среде, даже в видах его разрушения. Вы до сих пор еще не знакомы с средствами, которыми можно приобретать в нем влияние и силу, что обрекает Вас на неминуемые промахи всякий раз, когда необходимость самого дела приводит Вас с ним в соприкосновение. Это явно сказалось в несчастной попытке вашей издавать «Колокол» на невозможных условиях. Но о «Колоколе» поговорим после. Незнание людей обрекает Вас на неизбежные промахи. Вы в одно и то же время слишком много требуете и слишком много ожидаете от них, задавая им задачи не по силам, в той вере, что все люди должны быть проникнуты тою же страстью, какую проникнуты Вы. Вы, вместе с тем, совсем не верите в них, вследствие чего Вы отнюдь не рассчитываете на страсть, возбужденную в них, на создавшееся в них направление, на самостоятельную честность их стремлений к вашей цели, а стараетесь их закрепить, запугать, связать внешними и большею частью далеко недостаточными контролями, так, чтобы, раз попавши в ваши руки, они никогда не могли бы вырваться из них. А между тем они вырываются и будут вырываться из них беспрестанно, пока Вы не перемените систему действий с ними, так же как и не будете искать преимущественно в них самих главного соединения с Вами. Помните, как Вы сердились на меня, когда я называл Вас абреком²¹⁵, а ваш катехизис — катехизисом абреков, Вы говорили, что все люди должны быть такими, что полнейшее отречение от себя, от всех личных требований, удовлетворений, чувств, привязанностей и связей должно быть нормальным, естественным, ежедневным состоянием всех людей без исключения. Ваше собственное самоотверженное изуверство, ваш собственный истинно высокий фанатизм Вы хотели бы, да еще и теперь хотите сделать правилом общежития. Вы хотите нелепости, невозможности, полнейшего отрицания природы человека и общества. Такое хотение гибельно, потому что оно заставляет Вас тратить ваши силы понапрасну и стрелять всегда мимо. Никакой²¹⁶ человек, как бы он ни был силен лично, и никакое общество, как бы совершенна ни была его дисциплина и как бы могуча ни была его организация, никогда не будет в силах победить природу. Пытаться ее победить могут только религиозные фанатики и аскеты — и потому я удивлялся недолго и немного, встретив в Вас какой-то мистически-пантеистический идеализм. В связи с вашими характерными направлениями мне это казалось ясно совершенно, хотя и совершенно нелепо. Да, мой милый друг, Вы не материалист, как мы грешные, а идеалист, пророк, как монах Революции, вашим героем дол-

жен быть не Бабеѳ и даже не Марат²¹⁷, а какой-нибудь Савонарола²¹⁸. Вы по образу мыслей подходите больше к Тецелю²¹⁹ <...> более к иезуитам, чем к нам. Вы фанатик — в этом ваша огромная характерная сила; но вместе с тем и ваша слепота, а слепота, большая и губительная слабость, слепая энергия блуждает и спотыкается, и чем страшнее она, тем немнее и тем значительнее промахи. В Вас огромный недостаток критики, а при таком недостатке <...> оценка людей, положений и соразмерный средств с целью <...> невозможны.

Всё это я понимал и говорил еще себе в прошедшем году. Но всё это уравновешивалось во мне в вашу пользу двумя соображениями. Во-первых, я признавал и признаю в Вас огромную и, можно сказать, абсолютно чистую силу — чистую от всякой себялюбивой и тщеславной примеси, силу, подобную которой я не встречал еще в других русских людях; а во-вторых, я говорил и говорю себе, что Вы еще молоды, к тому же так цельны²²⁰ и так отречены от личных, себялюбивых капризов и самообольщений, что не можете оставаться долгое время на ложном пути и в заблуждении, пагубном для самого дела. Я и теперь в этом уверен.

Наконец, я очень хорошо чувствовал и видел, что Вы далеко не имели ко мне полного доверия и во многих отношениях стремились сделать меня средством для неизвестных мне ближайших целей. Но это несколько не смущало меня.

Во-первых, мне нравилась ваша молчаливость насчет лиц, принимавших участие в вашей организации, и насчет того убеждения, что в такого рода делах людям самым доверенным и близким следует знать только о том, знание чего *практически* необходимо для успеха их специального дела. И Вы мне отдадите эту справедливость, что я никогда не делал Вам нескромных вопросов. Если б Вы даже, в противность своей обязанности, назвали мне имена, то я все-таки не узнал бы ничего, не зная лиц, носящих эти имена. Я был бы принужден судить о них по Вас, а Вам я верил и верю. Комитет, составленный из людей Вам подобных и заслуживших ваше полное доверие, по-моему, заслуживает с нашей стороны не менее полное доверие.

Является вопрос: существовала ли, действительно, ваша организация или Вы только собирались кое-как создать ее? А если она существовала, была ли она многочисленна, составляла ли уже, по крайней мере, зародыш силы или все это существовало только в надежде? Существовал ли даже сам Комитет, ваша святая святых, в том виде и с тем несомненным сплочением сил на жизнь и на смерть — или Вы только готовились создать его, одним словом, представляли ли Вы собою одиночную, весьма почтенную, правда, но только личную силу или силу коллективную, уже действительно существующую? И <...> если общество и руководящий Комитет действительно существовали, предполагая в них, особенно в Комитете, исключительное участие людей верных, крепких, так же фанатически преданных и от себя отреченных, как Вы сами, мне представ-

ляется еще другой вопрос: было ли и есть ли в нем достаточно практического ума и знания, достаточно теоретической подготовки и способности понимания условий и отношений русской народной и сословной жизни для того, чтобы сделать революционный Комитет, никак не ничтожный, а действительный, и для того, чтобы покрыть всю русскую жизнь и проникнуть во все общественные слои действительно могучею организацией. От горячей энергии действующих зависела искренность дела, от их практического ума и знания — его успех.

Для того чтобы узнать это, для того, в действительности и в возможности, т. е. в уме вашего предприятия, я Вам беспрестанно ставил множество вопросов и признаюсь, что ваши ответы отнюдь не удовлетворяли меня. Как Вы ни отвергивались и ни виляли, Вы поневоле мне высказали следующее: общество ваше по своей численности было еще весьма незначительное, по материальным средствам своим еще менее. Практического ума, знания и умения в нем еще очень мало. Но Комитет, Вами составленный, без сомнения, из людей, подобных Вам, и между ними Вы — один из самых лучших, из самых крепких. Вы создатель и до сих пор руководитель общества. Все это, мой милый друг, я понял и узнал еще в прошедшем году. Но это отнюдь не мешало мне присоединиться к Вам, признав в Вас <...>, умного и страстно преданного деятеля, каких мало, уверенный в том, что Вы успели найти хоть несколько людей, Вам подобных, и сплотиться с ними, я также был уверен и до сих пор остаюсь уверенным в том, что путями опыта и горячих и неутомимых стремлений Вы скоро добьетесь до того знания, ума и умения делать, без которого успех невозможен. А так как, кроме вашего кружка, я не предполагал и не предполагаю возможности существования в России другого столь же серьезного кружка, то, несмотря на все, я решился остаться в соединении с Вами.

Я несколько не сердился на Вас за то, что Вы старались постоянно увеличивать предо мною вашу силу, это объективная и часто полезная, а иногда и смелая замашка всех конспираторов. Правда, что я видел в вашем старании обмануть меня доказательство вашего, еще недостаточного, понимания людей. Мне казалось, что из всех разговоров наших Вы должны были понять, что для того, чтобы привлечь меня, не требовалось с вашей стороны доказательств уже существующей и организованной силы, а только доказательство непреклонной и разумной воли создать такую силу. Я понял также то, что, являясь передо мной как представитель и нечто вроде посланника уже существующей и достаточно сильной организации, таким образом казалось Вам, Вы ставили себя в положение представить мне свои условия от очень могучей силы; в то время, когда бы Вы явились только передо мною как лицо, собирающее силу, Вы должны были бы говорить со мною как равный с равным, как лицо с лицом и подвергнуть моему <...> и вашу программу, и план действий.

Это не входило в ваши расчеты. Вы были слишком фанатически преданы вашей программе и вашему плану, для того чтобы подвергнуть их

чьей бы то ни было критике. А во-вторых, вы не имели достаточно веры в мою преданность делу и в мое разумение его, для того чтобы показать мне самое дело в настоящем его виде. Вы относились скептически ко всей эмиграции и были правы, ко мне, может быть, менее скептически, чем к другим, потому что я Вам дал слишком много доказательств моей готовности служить делу, без всяких личных притязаний и тщеславных расчетов. Но все-таки Вы смотрели на меня как на инвалида, советы и знания которого могут быть иногда полезны, не более <...>: участие которого в вашем горячем деле было бы излишне и даже вредно. Я это слишком хорошо видел, но это отнюдь не обижало меня. Вы сами знали <...> этого и не могли меня побудить к разъединению с Вами. Мне не след было доказывать Вам, что я совсем не такой отпетый к делу горячему, настоящему делу, неспособный человек, как Вам казалось. Я предоставлял и предоставляю времени и вашему собственному опыту убедиться в противном.

К тому же было и до сих пор существует особенное обстоятельство, принудившее и принуждающее меня держать себя весьма осторожно по отношению ко всем русским делам и людям. Это мое совершенное безденежье. Вся жизнь я боролся с бедностью, и всякий раз, когда мне удавалось предпринять и делать мало-мальски что-нибудь полезное, я делал это не на свои, а на чужие средства. Это с давних времен навлекло на меня, особенно со стороны русской сволочи, целую тучу клеветы и нареканий.

Эти господа совсем опоганили мою репутацию и тем значительно парализовали мою деятельность. Нужно было всей неподдельной страсти и искренней воли, которые в себе, без всякого хвастовства и по опыту, сознаю, для того, чтобы не сломиться и для того, чтобы продолжать делать. Вы также <...> знаете, как ложны и подлы слухи о моей личной роскоши и о моем стремлении нажиться на счет других, надувании других. А между тем русская эмигрантская сволочь — Утин и Компани — смеет называть меня надувателем и своекорыстным эксплуататором, меня, который с тех пор, как я себя помню, никогда не жил и не хотел жить в свое удовольствие и стремился всегда к освобождению других. Не примите это за самохвалство — я говорю *Вам это* и друзьям и чувствую необходимость и право высказать это Вам один раз навсегда.

Ясно, что для того, чтобы предать себя полному служению дела, я должен иметь средства для жизни. Я становлюсь стар, восьмилетнее <...> заключение породило во мне хроническую болезнь, с моим поэтому попорченным <...>, требующим известного ухода, известных условий, для того, чтобы служить делу с пользой — к тому же у меня жена, дети, которых я не могу обречь на голодную смерть; я старался уменьшать донельзя издержки, но все-таки без известной суммы в месяц существовать не могу. Откуда же взять эту сумму, если я весь труд свой отдам общему делу?

Есть еще другие соображения; основав несколько лет тому назад Интернационально-тайно-революционный Союз²²¹, я не могу и не хочу бросать его, для того чтобы предаться исключительно русскому делу. К тому

же в моей мысли интернациональное и русское дело — одно дело. До сих пор интернациональное дело не давало мне средств к жизни, а только вовлекало в издержки. Вот Вам в нескольких словах ключ к моему положению, и Вы поймете, что эта бедность, с одной стороны, а с другой, подлые клеветы, распушенные обо мне русскими эмигрантами, связывают меня в отношении ко всем новым людям, в отношении ко всем делам. Видите, сколько было причин для меня Вам не навязываться, не требовать от Вас доверия, более чем Вам казалось полезным; <...> ждать, чтоб Вы и ваши друзья убедились, наконец, сами в возможности, в пользе и необходимости вашего доверия.

Вместе с тем я очень хорошо видел и знал, что, обращаясь ко мне не как равный к равному, не как доверяющий к доверенному лицу, Вы, сообразно вашей системе и повинуюсь, так сказать, логической необходимости, смотрели на меня как на опытное, на 3/4 слепое орудие для дела и употребляли меня, мою деятельность, мое имя как средства. Таким образом, не имея в действительности той силы, о которой Вы мне говорили, Вы пользовались моим именем, для того чтобы создать силу в России; так что много людей действительно думают, что я нахожусь во главе тайного общества, о котором я сам, как Вам, впрочем, известно, ровно ничего не знаю.

Должен ли я был позволить употребление своего имени как средства для пропаганды и для привлечения людей в организацию, план действий и ближайшие цели которой были мне на 3/4 неизвестны? Не запинаясь, отвечаю утвердительно, да, мог и должен. Вот мои причины:

Во-первых, я всегда был убежден, что русский революционный Комитет должен и может действовать только в России и управление русской революцией делать из-за границы — нелепость.

Если Вы и друзья ваши останетесь долго за границей, то я и вас бы объявил неспособными быть доле членами Комитета. Если вы сделаетесь эмигрантами, то вы должны будете так же точно, как сделал я, подчиняться во всем русским делам в России, безусловному руководству, признаваемому вами (на основании программ и плана, обсужденных вместе) новому Комитету в самой России; сами же образовать заграничный русский Комитет для самостоятельного управления всеми русскими отношениями, делами, людьми и кружками за границей, в полном согласии с видами русского Комитета, но с подлежащею автономиею и независимостью в выборе средств и способов действий, и, главное, в совершенном согласии с Интернациональным Союзом. В таком случае я буду требовать по обязанности, по праву быть равноправным членом этого заграничного русского комитета, что и сделал, впрочем, в последнем письме к Комитету и к Вам, признавая, что русский Комитет должен быть в самой России. Я, разумеется, не имел возможности и намерения возвратиться в Россию, не имею также и претензии быть его членом. С программой и общими целями действий его я познакомился через Вас и, так

как был с Вами вполне согласен, изъявил свою готовность, свою твердую решимость помогать и служить ему всеми зависящими от меня средствами; а так как мое имя казалось *Вам* средством, полезным для привлечения новых людей в *вашу* организацию, я дал Вам свое имя. Я знал, что оно будет употреблено для дела (в этом мне служили ручательством наша общая программа и ваш характер), и не боялся, что рядом ошибочных действий, промахов оно может подвергнуться общественному нареканию — к ругательствам мне не привыкать стать.

Но вспомните, что еще прошедшим летом было выговорено между нами, что все русские предприятия, дела и люди за границей будут известны мне и что все, что ни будет сделано или предпринято за границей, не будет сделано без моего ведома и согласия. Это было условие необходимое. Во-1-х, потому, что я гораздо лучше знаю заграничный мир, чем кто-либо из вас, а, во-2-х, потому, что слепая и несамостоятельная солидарность с Вами в заграничных делах и публикациях могла бы поставить меня в положение, противное обязанностям и правам как члена Интернационального Союза. Это условие, как мы увидим, однако, не было исполнено с вашей стороны; *и если оно не будет* приведено в исполнение *совершенное*, я буду вынужден разорвать с Вами всякие интимно-политические отношения.

Прежде всего моя система разнится тем, что она не признает ни пользы, ни даже самой возможности другой революции, кроме стихийной, или народно-социальной. Всякая другая революция, по моему глубочайшему убеждению, бесчестна, вредна, свободо- и народоубийственна, потому что она сулит народу новую нищету и новое рабство; а главное, всякая другая революция стала отныне невозможною, недостижимой и неисполнимою. Централизация и цивилизация, железные дороги, телеграфы, новое вооружение и новая организация войск, вообще административная наука, т. е. наука систематического порабощения и эксплуатации народных масс и наука укрощения народных и всяких других бунтов, столь тщательно разработанная, проверенная опытом и усовершенствованная в продолжение последних 75 лет новейшей истории, — все это вместе вооружило государство в настоящее время такую громадную силою, что все искусственные, тайно-заговорные и вненародные попытки, внезапные нападения, сюрпризы, удары — должны обрушиться об нее и что оно может быть побеждено, сломлено только стихийно-народно-социальною революциею.

Итак, единственною целию тайного общества должно быть не создание искусственной вненародной силы, а возбуждение, сплочение и организация стихийных народных сил; таким образом, единственно возможная, единственно действительная армия революции — не вне народа, а сам народ. Народ искусственно возбудить невозможно, народные революции порождаются самою силою вещей или тем историческим током, который подземно и невидимо, хотя и непрерывно и большею частью

медленно, течет в народных слоях, все больше их обнимая, проникая, подкапывая, до тех пор, пока не вырвется из-под земли наружу и, своим бурным течением ломая препятствия, не уничтожит всего, что ему попадется на дороге.

Такую революцию искусственно произвести невозможно. Нельзя даже ее значительно ускорить, хотя и не сомневаюсь в том, что дельная и умная организация может облегчить ее взрыв. Есть периоды в истории, когда революции просто невозможны; есть другие периоды, когда они неминуемы. В каком из этих двух периодов мы находимся ныне? По моему глубокому убеждению, в периоде повсеместной неминуемой народной революции. Не стану доказывать справедливость такого убеждения, потому что это завлекло бы меня слишком далеко. К тому же мне и не нужно доказывать ее, так как я обращаюсь здесь к человеку и людям, которые, кажется, разделяют это убеждение вполне. Я говорю: везде, в целой Европе социально-народная революция неминуема. Скоро ли она вспыхнет и где вспыхнет прежде: в России, или во Франции, или в какой другой части Запада? Никто этого предсказать не может. Может быть, она вспыхнет через год, прежде года, может, не прежде 10 или 20 лет. Не в том дело, и люди, которые намерены честно служить, служат ей не ради своей потехи. Все тайные общества, которые хотят принести ей действительную пользу, должны прежде всего отказаться от всякой нервозности, от всякого нетерпения. Спать они не должны, должны, напротив, быть по возможности готовыми во всякую минуту, следовательно, начеку, всегда способными воспользоваться каждым удобным случаем; но вместе с тем они должны быть заложены и организованы не в видах близкого восстания, а с целью продолжительной и терпеливой подземной работы по примеру наших друзей отцов иезуитов.

Ограничу свои рассуждения Россией. Когда грянет русская революция? Мы этого не знаем. Многие, и я грешный, между прочим, ждали всенародного восстания в 1870 году, а народ не проснулся. Должно ли из этого заключить, что русский народ может обойтись и без революции, что он минует ее? Нет, такое заключение невозможно, было бы бессмысленно. Кто знает безвыходное, просто критическое положение нашего народа в экономическом и политическом отношении, а с другой стороны, решительную неспособность нашего правительства, нашего государства не только изменить, но хоть сколько-нибудь облегчить его положение — неспособность, вытекающую не из того или другого свойства наших правительственных лиц, а из самой сущности нашего государственного строя в особенности и вообще всякого государства, — тот непременно должен прийти к заключению, что русская народная революция неминуема. Она не только отрицательно, она положительно неминуема, потому что в нашем народе, несмотря на все его невежество, исторически выработался идеал, к осуществлению которого он известно или неизвестно стремится. Этот идеал — общинное владение землею с полною свободою от всякого госу-

дарственного притеснения и от всяких поборов. К этому стремился он при Лжедмитриях, при Стеньке Разине, при Пугачеве и стремится теперь непрестанными, но разрозненными и потому всегда укрошаемыми бунтами.

Я указал только на две главные черты народно-русского идеала, отнюдь не имея претензии очертить его вполне несколькими словами. Мало ли что живет еще в интеллектуальных стремлениях русского народа и что выйдет на свет с первою революцією. Теперь мне и этого достаточно для того, чтобы доказать, что наш народ не белый лист бумаги, на котором любое тайное общество может написать что ему угодно, — например, хоть вашу коммунистическую программу. У него выработалась, отчасти сознательно, на три четверти, пожалуй, бессознательно, программа своя, которую тайная организация должна узнать, угадать и с которой она обязана будет сообразоваться, если только желает успеха.

Несомненный и равно нам известный факт, что при Стеньке Разине **Ошибка! Закладка не определена.**, также и при Пугачеве, т. е. всякий раз, когда народный бунт удавался, хоть на некоторое время, народ наш делал одно: забирал всю землю в общинное владение, отправлял к черту дворян-помещиков, царских чиновников, а иногда и попов и организовывал свою вольную общину. Значит, у нашего народа есть в памяти и в идеале уже один драгоценный элемент для будущей организации, элемент, которого еще нет у западных народов, — это *вольная экономическая община*. В народной жизни и в народной мысли есть два начала, два факта, на которые мы опереться можем: частые бунты и вольно-экономическая община. Есть еще третье начало и третий факт, это — казачество или разбойнически-воровской мир, заключающий в себе равно протест и против государственного, и против патриархально-общинного притеснения и напоминающий, так сказать, две первые.

Частные бунты, хотя и вызываемые всегда случайными обстоятельствами, тем не менее, проистекают из общих причин и выражают глубокое и всеобщее неудовольствие народа. Они составляют как бы обыденное или обыкновенное явление русской народной жизни. Нет деревни в России, которая бы не была глубоко недовольна своим положением и которая не ощущала бы нужду, тесноту, притеснения²²² и не таила в глубине своего коллективного сердца желание захватить всю помещичью, а затем всю крестьянско-кулацкую землю и убеждение, что она имеет на это несомненное право, — нет деревни, которую умеючи не было бы возможности взбунтовать. Если деревни не бунтуются чаще, так это единственно от страха, от сознания своего бессилия. Сознание это происходит от разъединенности общин, от отсутствия действительной солидарности между ними. Если бы каждая деревня знала, могла надеяться, что, в то время как она встанет, встанут все другие, то можно сказать наверное, что не было бы ни одной деревни в России, которая бы не взбунтовалась. Отсюда вытекает первая обязанность, назначение и цель тайной организации: пробудить во всех общинах сознание их неотвратимой солидарно-

сти и тем самым возбудить в русском народе сознание могущества — одним словом, соединить множество частных крестьянских бунтов в один общий, всенародный бунт.

Одним из главных средств к достижению этой последней цели, по моему глубокому убеждению, может и должно служить наше вольное всенародное казачество, бесчисленное множество наших святых и несвятых бродяг, богомоллов, *бегунов*, воров и разбойников — весь этот широкий и многочисленный подземельный мир, искони протестовавший против государства и государственности и против немецко-кнutowой цивилизации. Это было высказано в безымянном листке «Постановка революционного вопроса»²²³ и вызвало у всех наших порядочников и тщеславных болтунов, принимающих свою доктринерскую византийскую болтовню за дело, вопль негодования. А между тем это совершенно справедливо и подтверждается всею нашею историею. Казачий воровско-разбойнический и бродяжнический мир играл именно эту роль совокупителя и соединителя частных общинных бунтов и при Стеньке Разине и Пугачеве; народные бродяги — лучшие и самые верные проводники народной революции, приурочиватели общих народных волнений, этих предтеч всенародного восстания, а кому не известно, что бродяги при случае легко обращаются в воров и разбойников. Да кто же у нас не разбойник и не вор? Уж не правительство ли? Или наши казенные и частные спекуляторы и дельцы? Или наши помещики, наши купцы? Я, с своей стороны, ни разбоя, ни воровства, ни вообще никакого противучеловеческого насилия не терплю, но признаю, что если мне приходится выбирать между разбойничеством и воровством восседающих на престоле или пользующихся всеми привилегиями и между народным воровством и разбоем, то я без малейшего колебания принимаю сторону последнего, нахожу его естественным, необходимым и даже в некотором смысле законным. Народно-разбойничий мир, признаю, с точки зрения истинно человеческой, далеко, далеко не красив. Да что же красиво в России? Разве может быть что-нибудь грязнее нашего порядочного чиновно- или мещанско-цивилизованного и чистоплотного мира, скрывающего под своими западногладкими формами самый страшный разврат мысли, чувства, отношений и действий! Или, в самых лучших случаях, безотрадную и безвыходную пустоту. В народном разврате есть, напротив, природа, сила, жизнь, есть, наконец, право многовековой исторической жертвы; есть могучий протест против коренного начала всякого разврата, против Государства — есть, поэтому, возможность будущего. Вот почему я беру сторону народного разбоя и вижу в нем одно из самых существенных средств для будущей народной революции в России.

Я понимаю, что это может привести в негодование чистоплотных или даже нечистоплотных идеалистов наших — идеалистов всякого цвета, от Утина до Лопатина²²⁴, воображающих, что они могут насильственным образом, посредством искусственной²²⁵ тайной организации навязать на-

роду свою мысль, свою волю, свой образ действий. Я в эту возможность не верю, а убежден, напротив, что при первом разгроме всероссийского государства, откуда бы он ни произошел, народ подымется не по утинскому, не по лопатинскому и даже не по *вашему* идеалу, а по *своему*, что никакая искусственная конспирационная сила не будет в состоянии воздержатъ или даже видоизменить его *самородного* движения, — ибо никакая плотина не в состоянии воздержатъ бунтующего океана. Вы все, мои милые друзья, полетите как щепки, если не сумеете плыть по народному направлению, — уверен, что при первом крупном народном восстании бродяжнически-воровской и разбойнический мир, глубоко вкорененный в нашу народную жизнь и составляющий одно из ее существенных проявлений, тронется, и тронется могущественно, а не слабо.

Хорошо ли это или дурно, это факт несомненный и неотвратимый, и кто хочет действительно русской народной революции, кто хочет служить ей, помогать ей, организовать ее не на бумаге только, а на деле, тот должен знать этот факт; мало того, тот должен считаться с ним, не стараясь его обходить, и встать к нему в сознательно-практическое отношение, уметь употребить его как могучее средство для торжества революции. Тут чистоплотничать нечего. Кто хочет сохранить свою идеальную и девственную чистоту, тот оставайся в кабинете, мечтай, мысли, пиши рассуждения или стихи. Кто же хочет быть настоящим революционным деятелем в России, тот должен сбросить перчатки; потому что никакие перчатки его не спасут от несметной и всесторонней русской грязи. Русский мир, государственно-привилегированный и всенародный мир, — ужасный мир. Русская революция будет несомненно ужасная революция. Кто ужасов или грязи боится, тот отойди и от этого мира, и от этой революции; кто же хочет служить последней, тот, зная на что он идет, укрепи свои нервы и будь готов ко всему.

Употребить разбойничий мир как орудие народной революции, как средство для совокупления и для разобщения²²⁶ частных общинных бунтов — дело нелегкое; я признаю его необходимость, но вместе с тем вполне сознаю свою полнейшую неспособность к нему. Для того чтобы его предпринять и довести его до конца, надо быть самому вооруженным крепкими нервами, богатырскою силою, страстным убеждением и железною волею. В ваших рядах могут найтись такие люди. Но люди нашего поколения и нашего воспитания к нему не способны. Идти к разбойникам — не значит самому сделаться разбойником и только разбойником, не значит делить с ними все их неспо[койные] страсти, бедствия, часто гнусные цели, чувства, действия — но значит дать им новую душу и возбудить в них другую, всенародную цель — у этих диких и до жестокости грубых людей натура свежая, сильная, непочатая и неистощенная и, следовательно, открыта для живой пропаганды, если пропаганда, разумеется, живая, а не доктринерская, посмеет и сумеет подойти к ним. Об этом предмете я готов сказать еще много, если только придется мне продолжать с Вами эту переписку.

Другой драгоценный элемент будущей народной жизни в России, сказал я, это вольно-экономическая община, элемент действительно драгоценный, которого нет на Западе. Западная социальная революция должна будет создать этот необходимый и основной зародыш всей будущей организации, и создание его будет стоить Западу много, много хлопот. У нас он уже создан; случись революция в России, провались государство со всеми своими чиновниками, русская деревня организуется без малейшего труда сама собою в тот же день. Но зато в России предстоит трудность другого рода, которой нет на Западе. Наши общины страшно разъединены, почти не знают друг друга и часто становятся друг к другу во враждебное отношение, по древнему русскому обычаю. В последнее время *благодаря финансовым мерам правительства* они стали привыкать к волостному соединению, так что волость приобретает все более и более народный смысл, народное освящение, но затем все и кончается. Волости решительно не знают и не хотят знать друг о друге. А для устройства революционной победы, для организации будущей народной свободы необходимо, чтобы волости *собственным народным движением* соединились в уезды, уезды в области, области же образовали бы между собою вольную русскую федерацию.

Пробудить в наших общинах сознание этой необходимости ради их собственной свободы и пользы — опять-таки дело тайной организации — потому что никто, кроме нее, никто за это дело приняться не захочет, интересы правительства и всех привилегированных классов ему прямо противны. Как за него приняться, что и как делать, чтобы пробудить в общинах это спасительное, едино-спасительное сознание, — об этом распространяться здесь не место.

Так вот, милый друг, в ее главных чертах целая программа народно-русской революции, глубоко запечатленная в историческом инстинкте и в целом положении нашего народа. Кто хочет встать во главе народного движения, тот должен принять ее вполне и быть ее исполнителем. Кто захочет навязать народу *свою* программу, тот останется в дураках.

Сам народ, как мы видели, вследствие невежества и разединения не в состоянии ее формулировать, связать в систему и сплотиться во имя ее. Значит, ему нужны помощники. Откуда же возьмутся эти помощники? Это во всякой революции самый трудный вопрос. До сих пор на целом Западе помощники революции, выходя из привилегированных классов, оказывались почти всегда ее эксплуататорами. И в этом отношении Россия опять-таки счастливее Запада. В России есть огромная масса в одно и то же самое время образованных, мыслящих и лишенных всякого положения, всякой карьеры, всякого выхода людей: три четверти по крайней мере ныне учащейся молодежи находится именно в таком положении. Семинаристы, крестьянские и мещанские дети, дети мелких чиновников и разоренных дворян, ну да что говорить, Вы знаете этот мир лучше меня. Принимая народ за революционную армию, вот наш генеральный штаб, вот материал, драгоценный для тайной организации.

Но этот мир надо действительно организовать и *морализировать*. Вы же свою систему его разворачиваете и готовите в нем себе изменников, народу же эксплуататоров. Вспомните, что во всем этом мире, за исключением малого числа железных, высоконравственных натур, выработавшихся посреди грязного притеснения и несказанной нужды, по дарвиновскому методу, — настоящей нравственности очень немного. Добродетельны, т. е. народолюбивы они, стоят за всякую справедливость против всякой несправедливости, за всех притесненных против всех притеснителей — только благодаря положению, отнюдь лее не по сознанию и по воле. Возьмите Вы из этого мира по жребию сотню людей и поставьте их в положение, которое бы позволило им эксплуатировать и притеснять народ, — можно сказать наверное, что они будут его преспокойно эксплуатировать и притеснять. Следовательно, самостоятельной добродетели в них мало. Надо, пользуясь их бедственным, помимо воли их добродетельным положением, постоянною пропагандою и силою организации возбудить, воспитать, укрепить в них и сделать страстно-сознательно эту добродетель. А Вы делаете совершенно противное; следуя иезуитской системе, Вы систематически убиваете в них всякое человеческое личное чувство, всякую личную справедливость — как будто бы чувство и справедливость могли быть безличными — воспитываете в них ложь, недоверие, шпионство и доносы, рассчитывая гораздо больше на внешние пути, которыми Вы их связали, чем на их внутреннюю доблесть. Так что стоит только переменить обстоятельства, достаточно, чтобы они сознали, что правительственный страх страшнее вашего страха, для того чтобы, воспитанные Вами, они сделались отличными правительственными слугами и шпионами. Ведь факт теперь несомненный, мой милый друг, что огромное большинство ваших товарищей, попавших в полицейские руки, без особенного усилия со стороны правительства, *без пьток*, все и всех выдали. Этот грустный факт, если Вы только исправимы, должен Вам открыть глаза и заставить Вас переменить систему.

Как же морализировать этот мир? Возбуждая в нем прямо, сознательно и укрепляя в его уме и сердце единую, всепоглощающую страсть всенародного общечеловеческого освобождения. Это новая, единственная религия, силою которой молено шевелить души и создавать спасительную коллективную силу. Таково должно быть отныне единственное содержание нашей пропаганды. Ближайшая цель ее — создание тайной организации, организации, которая должна в одно и то же время создать народо-вспомогательную силу и сделаться практическою школою нравственного воспитания для всех членов.

Прежде всего определим ближе цель, значение и назначение этой организации. В моей системе, как я уже несколько раз заметил выше, она не должна составлять революционной армии — у нас должна быть только одна революционная армия — народ, — организация должна быть лишь только штабом этой армии, организатором не своей, а народной силы,

посредницею между народным инстинктом и революционною мыслию. А революционная мысль только потому и революционерна, жива, действительна, истинна, что она выражает и только поскольку она формирует народные инстинкты, выработанные историею. Стремиться навязать народу *свою* мысль, простую <...> или чуждую его инстинктам, — значит хотеть поработить его новому государству. Поэтому организация, хотящая искренно только освобождения народной жизни, должна принять программу, которая была бы полнейшим выражением народных стремлений. Мне кажется, что программа, изображенная в первом номере «Народного дела»²²⁷, вполне соответствует этой цели. Она не навязывает народу никаких новых постановлений, порядков, форм жизни, а только разнуздывает его волю и дает широкий простор его самоопределению и его экономически-социальной организации, которая должна быть создана им самим, снизу вверх, а не сверху вниз. Организация должна нелицемерно проникнуться мыслию, что она слуга, помощник, отнюдь же не повелитель народа, а также и не распорядитель над ним, ни в каком случае и ни под каким предлогом, ни даже под предлогом народного блага.

Организации предстоит огромная задача: не только приготовить торжество революции народной посредством пропаганды и сплочения народных сил; не только разрушить до конца силою этой революции весь ныне существующий экономический, социальный и политический порядок вещей; но еще, пережив самое торжество революции, на другой день народной победы сделать невозможным установление какой бы то ни было государственной власти над народом — даже самой революционной, по-видимому, даже вашей, — потому что всякая власть, как бы она ни называлась, непременною образом подвергла бы народ старому рабству в новой форме. Поэтому организация наша должна быть довольно крепка и живуча, чтобы пережить первую победу народа, — а это совсем нелегкое дело, — должна быть так глубоко проникнута своим началом, чтобы можно было надеяться, что даже посреди самой революции она не изменит ни мыслей, ни характера, ни направления. В чем же должно будет состоять это направление? Что будет главною целью и задачею организации? *Помочь народу самоопределиться на основании полнейшего равенства и полнейшей и всесторонней человеческой свободы, без малейшего вмешательства какой бы то ни было, даже временной или переходной, власти, т. е. без всякого государственного посредства.*

Мы отъявленные враги всякой *официальной власти* — будь она хоть распререволюционная власть, — враги всякой публично признанной диктатуры, мы — социально-революционные анархисты. Но если мы анархисты, спросите Вы, каким правом хотим мы и каким способом будем мы действовать на народ? Отвергая всякую власть, какую властью или, вернее, какую силою будем мы сами руководить народную революцию? *Невидимую, никем не признанную и никому не навязывающуюся силою, коллективную диктатурую нашей организации, которая будет именно тем мо-*

гущественнее, чем более она останется незримою и непризнанною, чем более она будет лишена всякого официального права и значения.

Вообразите себя посреди торжества стихийной революции в России. Государство и вместе с ним все общественно-политические порядки сломаны. Народ весь встал, взял все, что ему понадобилось, и разогнал всех своих супостатов. Нет более ни законов, ни власти. Взбунтовавшийся океан изломал все плотины. Вся эта далеко не однородная, а, напротив, чрезвычайно разнородная масса, покрывающая необъятное пространство всероссийской империи всероссийским народом, начала жить и действовать из себя, из того, что она есть в самом деле, а не из того более, чем ей было приказано быть, везде по-своему, — повсеместная анархия. Взбаламученная грязь, которой огромное количество накопилось в народе, всплывает вверх; является на разных пунктах множество новых лиц, смелых, умных, бессовестных и честолюбивых, которые, разумеется, стремятся, каждый по-своему, овладеть народным доверием и направить его к своей личной пользе. Люди эти сталкиваются, борются, уничтожают друг друга. Кажется, ужасная и безвыходная анархия.

Но представьте себе посреди этой всенародной анархии тайную организацию, разбросившую своих членов мелкими группами по целому пространству империи, но тем не менее крепко сплоченную, одушевленную единою мыслью, единою целью, применяемую везде, разумеется, сообразно обстоятельствам и везде действующую по тому же самому единому плану. Эти мелкие группы, никем не знаемые как такие, не имеют никакой официально признанной власти. Но, сильные своею мыслью, выражающей самую суть народных инстинктов, хотений и требований, своею ясно сознанною целию, посреди толпы людей, борющихся без всякой цели и без всякого плана, сильные, наконец, тою тесною солидарностью, которая связывает все темные группы в одно органическое целое, сильные умом и энергией членов, составляющих их и успешших создать вокруг себя круг людей, более или менее преданных той же мысли и подчиненных натурально их влиянию, — эти группы, не ища ничего для себя, ни льгот, ни чести, ни власти, будут в состоянии руководить народным движением наперекор всем честолюбивым лицам, разъединенным и борющимся между собою, и вести его к возможно полному осуществлению социально-экономического идеала и к организации полной народной свободы. Вот что я называю *коллективною диктатурою* тайной организации.

Эта диктатура чиста от всякого корыстолюбия, тщеславия и честолюбия, потому что она безлична, невидима и не доставляет ни одному из лиц, составляющих группы, ни самим группам ни выгоды, ни чести, ни официального признания власти. Она не угрожает свободе народа, потому что, лишенная всякого официального характера, она не становится, как государственная власть, над народом и потому что вся ее цель, определенная ее программю, состоит в полнейшем осуществлении народной свободы.

Такая диктатура отнюдь не противна свободному развитию и самоопределению народа, равно как и организации его снизу вверх, сообразно его собственным порядкам и инстинктам, потому что она исключительно действует на народ только натуральным личным влиянием своих членов, не облеченных ни малейшею властью, разбросанных невидимую сетью во всех областях, уездах и общинах и в согласии друг с другом старающихся, каждый на своем месте, направить стихийно-революционное движение народа к общему наперед сговоренному и твердо определенному плану. Этот план, план организации народной свободы, во-1-х, должен быть довольно твердо и ясно начерчен в своих главных началах и целях, для того чтобы исключить всякую возможность недоразумения и блуда со стороны членов, которые будут призваны содействовать его исполнению. А во-2-х, он должен быть достаточно широк и естественен для того, чтобы объять и принять в себя все неотвратимые видоизменения, вытекающие из разных обстоятельств, все разнообразные движения, происходящие из разнообразия народной жизни.

Итак, весь вопрос состоит теперь в том, как организовать из элементов, нам доступных и известных, такую тайную коллективную диктатуру и силу, которая могла бы, во-1-х, в настоящее время повести широко народную пропаганду, пропаганду, *действительно* проникающую в народ, и силою этой пропаганды, а также и *организацией в самом народе* совокупить разрозненные силы народа в такое могущество, способное сломать государство, и которая, во-2-х, могла бы сохраниться посреди самой революции, не распалась бы и не изменила бы своему направлению на другой день народной свободы.

Такая организация, в особенности же основное ядро этой организации, должно быть составлено из людей самых крепких, *самых умных и по возможности знающих, т. е. опытно-умных*, самых страстно, непоколебимо и неизменно преданных людей, которые, отрешившись, по возможности, от всех личных интересов и отказавшись один раз навсегда, на всю жизнь, по самую смерть от всего, что прельщает людей, от всех материально-общественных удобств и наслаждений и от всех удовлетворений тщеславия, чинолюбия и славолубия, были бы единственно и всецело поглощены единою страстью всенародного освобождения; людей, которые отказались бы от личного исторического значения при жизни и даже от исторического имени после смерти.

Такое полное самоотречение возможно только при страсти. Вы не произведете его сознанием абсолютного долга, но еще менее системой внешнего контролирования, опутывания и принуждения. Только одна страсть может произвести в человеке такое чудо, такую мощь без усилия. Откуда же берется и как образуется такая страсть в человеке? Она берется из жизни и образуется совокупным действием мысли и жизни; отрицательно, как ненавистный протест против всего существующего и гнетущего; положительно же, в обществе одномыслящих и одинаково чувствующих людей,

как коллективное создание нового идеала; причем надо заметить, что эта страсть тогда только действительна и спасительна, когда в ней в одинаковой мере и тесно связаны обе стороны — отрицательная и положительная. Одна отрицательная страсть, ненависть, ничего не создает; не создает даже силы, необходимой для разрушения, а следовательно, ничего и не разрушит; одна положительная ничего не разрушит, а так как создание нового невозможно без разрушения старого, также и ничего не создает, оставаясь всегда доктринерским мечтанием или мечтательным доктринерством.

Страсть, глубокая, неискоренимая и непоколебимая страсть, значит, — основа всему. В ком ее нет, будь он семи пядей во лбу, будь он человек самый честный, тот не в силах будет выдержать до конца борьбы против страшного общественно-политического могущества, нас всех подавляющего, не в силах будет устоять против всех трудностей, невозможностей, а главное, против всех разочарований, которые ожидают и непременно встретят его в этой неравной и ежедневной борьбе; у человека без страсти не будет ни силы, ни веры, ни инициативы, не будет отваги, а без отваги такое дело не делается. Но одной страсти мало, страсть порождает энергию; но энергия без разумного руководства бесплодна, нелепа. Вместе со страстью необходим, поэтому, также разум холодный, расчетливый, реальный, практический прежде всего, но вместе теоретический, воспитанный и знанием, и опытом, широко объемлющий, но не упускающий также из виду никаких подробностей, способный понимать и различать людей, схватывать действительность, отношения и условия общественной жизни во всех слоях и проявлениях, в их настоящем виде и смысле, а не мечтательно и не произвольно, как это делает довольно часто мой приятель, а именно Вы. Потребно, наконец, положительное знание и России, и Европы, и настоящего социального и политического положения и настроения и той и другой. Значит, самая страсть, оставаясь все-таки и всегда основным элементом, должна руководиться разумом и знанием, должна перестать погореть горячку, не утратив своего внутреннего пламени, своей горячей непреклонности, сделаться холодной и тем сильнейшею страстью.

Вот Вам идеал заговорщика, призванного быть членом ядра тайной организации.

Вы спросите, да где же взять таких людей, разве их в России, да и в целой Европе много? В том-то и дело, что в моей системе их совсем не требуется много. Помните, что Вам не нужно будет создавать армию, а только штаб революции. Таких людей, уже почти совсем готовых, Вы найдете, может быть, десять, а людей, способных сделаться такими и уже готовящихся ими сделаться, по крайней мере человек 50, 60, — и за глаза довольно. Вы сами, по моему глубокому убеждению, несмотря на все промахи, печальные и вредные ошибки, несмотря на отвратительный ряд пошлых и глупых обманов, в которые Вас вовлекла только ложная система, отнюдь же не личное честолюбие, тщеславие и корыстолюбие, как многие слишком многие начинают думать о Вас, Вы, с которым я буду

обязан и решился разойтись, если Вы не откажетесь от этой системы, — Вы сами принадлежите к числу этих редких людей. *И вот единственная причина моей любви к Вам, моей веры в Вас, помимо всего и моей долготерпимости с Вами, долготерпимости, которой, однако, пришел конец.* Помимо всех ваших страшных недостатков и недомыслей, я признал и продолжаю признавать в Вас человека умного, сильного, энергичного, способного к холодному расчету, хотя по неопытности и по незнанию и часто ложному разумению, совершенно отрешенного от себя и страстно и всецело преданного и отдавшегося делу народного освобождения. Бросьте Вы свою систему, и Вы сделаетесь человеком драгоценным; если Вы не захотите бросить ее, Вы сделаетесь несомненно деятелем вредным и в высшей степени разрушительным не для государства, а для дела свободы. Но я крепко надеюсь на то, что все последние происшествия в России и за границей открыли Вам глаза и что Вы захотите, поймете необходимость подать нам руку на искренних основаниях. Тогда, повторю еще, мы Вас признаем за драгоценного человека и с радостью признаем Вас за своего предводителя по всем русским делам. Но если Вы таковы, то, без сомнения, найдутся в России по крайней мере десять человек, подобных Вам. Если они не отысканы, поищите и найдете и заложите с нами новое общество на следующих основаниях и взаимных условиях.

1) Полное, целостное и страстное признание вышеупомянутой программы в «Народном деле» с теми дополнениями и объяснениями, которые покажутся Вам необходимыми.

2) Равноправность всех членов и их безусловная, абсолютная солидарность — один за всех, все за одного — с обязанностью для всех и для каждого помогать каждому, поддерживать и спасать каждого до последней возможности, поскольку это будет сделать возможно, не подвергая опасности уничтожения существование самого общества.

3) Абсолютная искренность между членами. Изгнание всякого иезуитизма из их отношений, всякого подлого недоверия, коварного контролирования, шпионства и взаимных доносов, отсутствие и положительный строгий запрет всех пересуживаний за спиною. Когда один член имеет что-нибудь сказать против другого члена, тот должен сделать это в общем собрании, в его присутствии. *Общий братский контроль* всех над каждым, контроль отнюдь не привязчивый, не мелочной, а главное, не злостный, должен заменить вашу систему иезуитского контролирования и должен сделаться нравственным воспитанием и опорой для нравственной силы каждого члена; основанием *взаимной братской веры*, на которой зиждется вся внутренняя, а потому и внешняя сила общества.

4) Из общества исключаются все люди слабонервные, боязливые, тщеславные и честолюбивые. Они могут служить, незнаемо для себя, орудием общества, но отнюдь не должны быть в ядре организации.

5) Вступая в общество, всякий член обрекает себя навсегда на общественную неизвестность и незначительность. Вся энергия и весь ум его

принадлежат обществу и должны быть устремлены не на создание себе своей личной общественной силы, а коллективной силы организации. Каждый должен быть убежден, что личное обаяние и бессильно, и бесплодно и что только коллективная сила может повалить общего врага и достигнуть общей положительной цели, поэтому в каждом члене личные страсти должны же мало-помалу заместиться коллективной страстью.

6) Личный разум каждого теряется, как река в море, в разуме коллективном, и все члены повинуются безусловно решениям последнего.

7) Все члены равноправны, знают всех товарищей своих и вместе со всеми обсуждают и решают все главные существенные вопросы, касающиеся программы общества, равно как и общего хода дела. Решение общего собрания — абсолютный закон.

8) Каждый член имеет, в сущности, право знать все. Но праздное любопытство исключается из общества, равно как и бесцельные разговоры о делах и целях тайного общества. Зная общую программу и общее направление дела, ни один член не спрашивает, не старается узнать о подробностях, не нужных для лучшего исполнения той части дела, которая будет специально на него возложена, и без практической нужды не будет говорить ни с одним товарищем о том, что ему поручено сделать.

9) Общество из среды своей избирает исполнительный комитет из трех или пяти членов, который на основании программы и общего плана действий, принятых решением целого общества, должен организовать разветвление общества и руководить его деятельностью во всех областях империи.

10) Комитет этот выбирается бессрочно. Если общество — я буду называть его *Народным братством*, — итак, если Народное братство довольно действиями комитета, оно оставляет его на месте, и до тех пор, как он остается на месте, каждый член Народного братства и каждая областная группа должны повиноваться комитету безусловно, исключая тех случаев, когда предписания комитета будут противоречить или общей программе, или основным правилам, или общему революционному плану действий, всем известным, потому что все братья равно участвовали при их обсуждении и постановлении.

11) В таком случае члены и группы должны приостановить исполнение комитетских предписаний и призвать комитет на суд перед общим *народно-братским* собранием. Если общее собрание недовольно комитетом, оно всегда может заменить его другим комитетом.

12) Всякий член, равно как и всякая группа могут быть судимы общим собранием Народного братства.

13) Так как каждый брат знает все, знает даже личный состав комитета, то принятие нового члена в среду должно быть сопряжено с самой большою осторожностью, затруднениями и препятствиями — один плохой выбор может погубить все. Ни один новый брат не может быть принят иначе как с согласия всех или, по крайней мере, и никак уже не меньше 3-х четвертей членов всего Народного братства.

14) Комитет распределяет членов братства по областям и составляет из них областные группы или начальства. Может быть, такое начальство вследствие недостаточного числа членов будет состоять из одного брата.

15) На областное начальство возлагается обязанность образования 2-ой степени общества — *областного братства*, на основании той же программы, тех же правил и того же революционного плана.

16) Все члены *областного братства* знают друг друга, но не знают существования *Народного братства*. Им только известно, что существует *центральный комитет*, который передает им свои предписания для исполнения через *комитет областной*, им же самим, т. е. центральным комитетом, установленный.

17) Областной комитет состоит, по возможности, только из народных братьев, назначенных и сменяемых ЦК, но, по крайней мере, из одного народного брата. В таком случае этот брат с согласия ЦК присоединяет к себе 2-х самых лучших членов областного братства и составляет с ними вместе *комитет областной*, уж не на равных правах всех членов его, потому что *народный брат* только один имеет сообщение с ЦК, предписания которого он передает своим товарищам областного комитета.

18) Народный брат или народные братья, находящиеся в области, высматривают в областном братстве людей, способных и достойных быть принятыми в Народное братство и представляет их через ЦК общему собранию Народного братства.

19) Всякий областной комитет устанавливает *уездные* комитеты из членов *областного братства*, назначаемых и сменяемых им самим.

20) Уездные комитеты могут, если понадобится, но не иначе, как с согласия областного комитета, основать 3-ю степень организации — *уездное братство*, с программой и регламентами, наиболее приближающимися к общей программе и регламенту Народного братства. Программа и регламент уездного братства не войдут в силу, пока не будут обсуждены и приняты в общем собрании областного братства и не получат подтверждения областного комитета.

21) Иезуитский контроль, система полицейского опутывания и лжи решительно исключаются из всех 3-х степеней тайной организации: точно так же из уездного и областного, как и из Народного братства. Сила всего общества, равно как нравственность, верность, энергия и преданность каждого члена основаны исключительно и всецело на взаимной истине, на взаимной искренности, на взаимном доверии и на открытом братском контроле всех над каждым.

* * *

Вот Вам в главных чертах план общества, так, как я его понимаю. Разумеется, этот план должен быть развит, дополнен, иногда видоизменен сообразно обстоятельствам и характеру среды и определен гораздо яснее.

Но я убежден, что сущность его должна остаться, если Вы хотите создать действительную коллективную силу, способную служить делу народного освобождения, а не новую эксплуатацию народа.

Система опутывания и иезуитской лжи из этого плана исключены совершенно, как вредные, расторгающие и развращающие начала и средства. Но исключены также и парламентская болтовня, и тщеславная суестьливость и сохранена строгая дисциплина всех членов в отношении к комитетам и всех частных комитетов в отношении к ЦК. Суд и контроль над членами принадлежит братствам, а не комитетам. Но вся исполнительная власть в руках комитетов. Суд же над комитетами, не исключая Центрального, принадлежит лишь одному Народному братству.

Народное братство, по моему плану, никогда не будет заключать в себе более 50–70 членов. Сначала, пожалуй, оно будет состоять из 10 человек, даже менее, и будет медленно расширяться, принимая в свою среду человека за человеком, подвергая каждого предварительно самому строгому, самому тщательному изучению, и, если будет возможно, принимать его не иначе, как по единодушному решению всех членов Народного братства или же никак не менее 3/4 братства. Не может быть, чтобы в продолжение года, 2–3-х лет не нашлось 30 или 40 человек, способных быть народными братьями.

Итак, вообразите себе Народное братство для целой России, состоящее из 40, много из 70 членов. Потом несколько сотен членов 2-х степенной организации братьев областных, и Вы покроете действительной могучею сетью целую Россию. Штаб ваш создан, и, как сказано, в нем приготовлены вместе с строгою осторожностью и с исключением всей болтовни и всех тщеславных пустозвонных парламентских прений истина, искренность и взаимное доверие, действительная солидарность как едино морализирующие и соединяющие элементы.

Всё общество составляет одно тело и прочно связанное целое, предводительствуемое ЦК и ведущее непрестанную подземную борьбу против правительства и против других обществ, или ему враждебных, или даже действующих вне его. А где война, там политика, там поневоле является необходимость насилия, хитрости и обмана.

Общества, близкие по цели к нашему обществу, должны быть принуждены к слитию с ним или, по меньшей мере, должны быть подчинены ему без своего ведома и с удалением из них всех вредных личностей; общества противные и положительно вредные должны быть расторгнуты — правительство наконец уничтожено. Всего этого одною пропагандою истины не сделаешь — необходима хитрость, дипломатия, обман. Тут место и иезуитизму, и даже опутыванию; опутывание — необходимое и великолепное средство для того, чтобы деморализовать²²⁸ и уничтожить врага; отнюдь не²²⁹ полезное средство для того, чтобы приобрести и привлечь к себе нового друга.

Итак, в основании всей нашей деятельности должен лежать этот простой закон: правда, честность, доверие между всеми братьями и в отношении к каждому человеку, который способен быть и которого Вы бы желали сделать братом; ложь, хитрость, опутывания, а по необходимости и насилие — в отношении к врагам. Таким образом Вы будете морализировать, укреплять, теснее связывать своих и расторгать связи и разрушать силы других.

Вы же, мой милый друг, — и в этом состоит главная, громадная ошибка, — Вы увлеклись системой Лойолы²³⁰ и Макиавелля, из которых первый предполагал обратить в рабство целое человечество, а другой создать могущественное государство, все равно монархическое или республиканское, следовательно, — также народное рабство, — влюбившись в полицейски-иезуитские начала и приемы, вздумали основать на них свою собственную организацию, свою тайную коллективную силу, так сказать душу, и душу всего вашего общества, — вследствие чего поступаете с друзьями, как с врагами, хитрите с ними, лжете, стараетесь их разрознить, даже поссорить между собою, дабы они не могли соединиться против вашей опеки, ищете силы не в их соединении, а разъединении и, не доверяя им нисколько, стараетесь заручиться против них фактами, письмами, нередко Вами без права прочитанными или даже уворованными, и вообще их всеми возможными способами опутать так, чтобы они были в рабской зависимости у Вас. И к тому же Вы делаете это так неуклюже, так <...>, так неловко и неосторожно²³¹, так опрометчиво и необдуманно, что все ваши обманы, коварства и хитрости в самое короткое время выходят наружу. Вы так влюбились в иезуитизм, что забыли все другое, забыли даже ту цель, то страстное желание народного освобождения, которые привели Вас к нему. Вы так влюбились в иезуитизм, что готовы проповедовать необходимость его всякому, даже Жуковскому, хотели даже печатать о нем, пополнить его теориями «Колокол» — как бы в пословицу Суворова: «Помилуй Бог, тот не хитер, про которого все знают, что он хитер». Одним словом, Вы стали играть в иезуитизм, как ребенок в цацку, как Утин в Революцию.

Посмотрим же теперь, чего Вы достигли и что успели сделать в Женеве благодаря вашей иезуитской системе. Вам отдали Бахметевский фонд²³². Вот единственный существенный результат, достигнутый Вами. Но Огарев Вам отдал его и я горячо советовал отдать его Вам не потому, что Вы иезуитничали с ним, а потому, что мы оба, помимо вашего далеко немудреного иезуитизма, чувствовали и признавали в Вас человека глубоко, горячо и серьезно преданного русскому делу. Но, знаете ли, — это с моей стороны горькое признание — я почти начинаю каяться в том, что советовал Огареву отдать Вам фонд — не потому, чтобы я мог подумать, чтобы Вы могли употребить его бесчестно, в свою личную пользу, — от такой подлой и просто нелепой мысли все святые меня упаси, и, хоть убили бы меня, я никогда не поверю, чтобы Вы употребили хоть один

лишний грош на себя — нет, я начинаю каяться в том, потому что, глядя на все ваши действия, я перестал верить в вашу политическую зрелость, в серьезность и в действительность вашего Комитета и всего общества вашего. Сумма небольшая, но единственная, и она пропадет даром, бесполезно, бесстыдно в безумных и невозможных усилиях.

А с этою небольшою суммою в руках и с помощью небольшого числа людей, встретивших Вас с полною искренностью и изъявивших Вам готовность служить общему делу без всяких требований и претензий, без тщеславия и честолюбия, Вы могли сделать много полезного в Женеве — могли создать орган серьезный, с откровенною социально-революционною программою и при нем заграничное бюро для ведения русских дел вне России и в известном, хотя и неабсолютном, но положительном <...> ему. С этой целью ваш Комитет, т. е. Вы, приглашали меня в первый раз в Женеву. И что ж я нашел в Женеве? Во-первых, исковерканную программу «Колокола», от которого Комитет и Вы требовали просто нелепости, невозможности. Знаете ли, что я не могу простить себе слабости, побудившей уступить Вам в этом вопросе — мне приходится отвечать за этот несчастный «Колокол» и за солидарность с Вами вообще перед всеми моими интернациональными друзьями благодаря, с одной стороны, Утину, а с другой — Жуковскому, из которых первый злобно, а другой добродушно клеветают на меня и на Вас.

Кстати, о Жуковском. Вы на нем показали ваше совершенное незнание, непонимание людей и вашу неспособность привлекать их прямым, честным, т. е. крепким способом к вашему делу. Зная его отлично, я Вам подробно описал его характер, его способности и неспособности, так что Вам должно было быть нетрудно поставить его в серьезное отношение с Вами. Я Вам описал его как человека очень доброго, способного, далеко не глупого, хотя и без всякой инициативы в уме, но принимающего все мысли из второй руки и способного их популяризировать или разбалтывать довольно красноречиво, не столько на бумаге, сколько в разговоре, артистически впечатлительного, довольно упорно преданного известному направлению, но бесхарактерного, в том смысле, что он опасностей не любит, перед сильным противоречием <...> и легко поддается самым разнообразным влияниям. Одним словом, как человека, весьма способного служить проводником пропаганды, но отнюдь не способного быть членом тайного общества. Вы должны бы были поверить мне, но не поверили и вместо того, чтобы привлечь Жуковского к нашему делу — оттолкнули его от себя и от меня. Вы старались его завербовать, опутать и, опутав, сделать своим рабом. Для этого Вы стали бранить меня, смеяться надо мной — а в Жуковском есть инстинкт честности, который взбунтовался. Он мне рассказал все, что Вы ему обо мне говорили, рассказал с негодованием, с омерзением, и если бы я был посамолюбивее и послабее, этого могло бы быть достаточно, чтобы разорвать мою связь с Вами. Вы помните, я довольствовался тем, что повторил Вам все слова Жуковского, без примечаний, но верно — Вы не отвечали ничего, и я не считал

нужным продолжать далее этот разговор. Потом Вы стали излагать Жуковскому свои заветные теории, государственно-коммунистические и полицейско-иезуитские, и тем окончательно оттолкнули его от себя. Наконец, произошла эта несчастная сплетня Генриха²³³, и Жуковский сделался вашим отъявленным и непримиримым врагом, врагом не только вашим, но чуть ли также и не моим. А он мог бы, несмотря на все свои слабости, быть полезным.

Признаюсь также, мой милый друг, что вся ваша система шантажирования, опутывания и запугивания Таты²³⁴ мне чрезвычайно не нравилась — я несколько раз высказал Вам все; вышло то, что Вы в ней поселили глубокое недоверие к нам всем и убеждение, что Вы и я намерены эксплуатировать денежные средства, эксплуатировать, разумеется, не для дела, а для себя. Тата, в глубоком смысле этого слова честный и правдивый человек, лишенная, мне кажется, способности отдать себя всецело кому или чему бы то ни было, поэтому дилетант если не по натуре, то по восприятию, — дилетант и в умственном, и нравственном отношении, но на честное слово которой можно положиться и которая может сделаться если не нашим другом, то верным приятелем. С ней надо было поступать прямо и честно и не прибегая к тем ухищрениям, в которых Вы думаете найти свою силу, но в которых проявляется именно ваша слабость. До тех пор, пока я полагал возможным и полезным говорить с ней прямо, откровенно, действуя на ее свободное убеждение, я делал это. Далее я с Вами идти не хотел, мне это было противно. И лишь только я услышал от Вас, что Наталья Алексеевна²³⁵ клеветает на меня, утверждая, что я имею виды на карман Таты, и увидел, что сама Тата недоумевает, не зная, справедливо ли это или нет, я решительно от нее оттолкнулся.

А кстати, Вы мне утверждали несколько раз, что Вы слышали от самой Таты, что Наталья Алексеевна и Тхоржевский²³⁶ везде кричат, всем говорят и пишут, что я хочу эксплуатировать денежные средства Таты. Наталья Алексеевна и Тхоржевский утверждают, напротив, что они никогда этого не писали и не говорили, — и сама Тата подтвердила мне то же самое. В последнюю бытность в Женеве Вы мне сказали, что Вы слышали от Серебренникова²³⁷, что Жуковский говорил ему, Серебренникову (Семену), что я эксплуатирую Тату. Я спрашивал Серебренникова и узнал от него, что Жуковский говорил это не о мне, а о Вас. Вы мне рассказывали также, что жена Жуковского уговаривала Вас присоединиться к Утину, уверяя, что соединение со мной бесполезно, невозможно, вредно. Она говорила напротив: обо мне с Вами не говорила; к Утину, с которым она сама разошлась более или менее, Вас не звала и что не она, а Вы ей предложили искать средства для соединения, и что она ждала от Вас этих средств.

Вы видите, сколько ненужной глупой лжи, и как она легко выходит наружу. Да, признаюсь, что уж первый приезд мой в Женеву уже сильно разочаровал меня и пошатнул мою веру в возможность крепкой связи и дела с Вами. К тому же о деле, для которого я, собственно, был призван и

единственно для которого я приехал в Женеву, между нами не было сказано ни одного дельного слова. Я несколько раз начинал разговор о заграничном бюро, Вы избегали его; все ждали какого-то окончательного ответа от Комитета, который никогда не приходил. Я, наконец, уехал, написав через Вас Комитету письмо, в котором требовал ясного определения и изложения дела, к которому был призван, и с твердым решением не возвращаться в Женеву, прежде чем не получу от него удовлетворительного ответа.

В мае Вы опять стали вызывать меня в Женеву. Несколько раз я отказывался ехать, наконец, поехал. Последняя поездка утвердила во мне все сомнения и совершенно потрясла мою веру в честность, в правдивость вашего слова. Ваши разговоры с Лопатиным в моем присутствии, в самый вечер моего приезда, его прямые, резкие обвинения, высказанные Вам в глаза с тоном уверенности, которая не допускает даже возможности сомнения в истине их слов, — слов, делавших все ваши слова ложью, — его прямое отрицание всех подробностей рассказа, напечатанного Вами о вашем бегстве, его прямые обвинения против самых близких друзей ваших, обвинения в подлой и даже глупой измене перед следственною комиссиею, обвинения не голословные, но основанные на их письменных показаниях, которые, по его уверению, подтвержденному мне потом Вами самим, он имел случай читать; особенно выраженное им презрение к поступкам и проделкам и совершенно ненужным доносам Прыжова²³⁸, о котором Вы мне везде говорили как об одном из лучших и крепких друзей ваших. Наконец, прямое и решительное отрицание его существования вашего Комитета, высказанное им такими словами: «Нечаев мог рассказывать это Вам, живущим вне России. Но он не попробует повторить все это Вам в моем присутствии, зная очень хорошо, что мне известны все кружки, все люди и все отношения и факты в России. Вы видите, что он молчанием своим подтверждает истину всего того, что я говорю и об его бегстве, которого малейшие обстоятельства и подробности, как он сам знает, мне слишком хорошо известны, а также и об его друзьях, и об его мнимом Комитете»; и Вы действительно на все это отвечали молчанием и не попробовали даже защищать не только себя, но даже ни одного из друзей ваших, ни даже действительность существования вашего Комитета.

Он торжествовал, Вы перед ним пасовали. Я не могу Вам выразить, мой милый друг, как мне было тяжело за Вас и за самого себя. Я не мог более сомневаться в истине слов Лопатина. Значит, Вы нам систематически лгали. Значит, все ваше дело проникло протухшею ложью, было основано на песке. Значит, ваш Комитет — это Вы, Вы, по крайней мере, на три четверти с хвостом, состоящим из двух, 3–4 человек, Вам подчиненных или действующих, по крайней мере, под вашим преобладающим влиянием. Значит, всё дело, которому Вы так всецело отдали свою жизнь, лопнуло, рассеялось как дым вследствие ложного глупого направления,

вследствие вашей иезуитской системы, развратившей Вас самих и еще больше ваших друзей. Я Вас глубоко любил и до сих пор люблю, Нечаев, я крепко, слишком крепко в Вас верил, и видеть Вас в таком положении, в таком унижении перед говоруном Лопатиным было для меня невыразимо горько.

Мне было тяжело и за себя также. Увлеченный верою в Вас, я отдал Вам свое имя и публично связал себя с вашим делом. Я всеми силами старался укрепить в Огареве симпатию к Вам и веру в ваше дело. Я постоянно советовал ему отдать Вам весь фонд. Я привлек к Вам Озерова²³⁹ и употребил все усилия, чтобы убедить Тату соединиться с нами, т. е. с Вами, и отдаться вполне вашему делу. Наконец, против своего лучшего убеждения я уговорил Огарева согласиться на издание «Колокола» по выдуманной Вами дикой, невозможной программе. Одним словом, веря в Вас безусловно, в то время, как Вы меня систематически надували, я оказался круглым дураком — это горько и стыдно для человека моей опытности и моих лет, — хуже этого, я испортил свое положение в отношении к русскому и интернациональному делу.

Когда Лопатин ушел, я Вас спросил: неужели он говорил правду, неужели все, что Вы мне говорили, была ложь? Вы избегали ответа. Было поздно, я ушел. Все разговоры и переговоры с Лопатиным на другой день окончательно убедили меня в том, что Лопатин говорил правду. Вы молчали; я ждал результата вашего последнего разговора с Лопатиным; Вы мне его не сказали; но я узнал его теперь из письма Лопатина, которое Вам будет прочтено Озеровым.

Того, что я узнал, было для меня достаточно для того, чтобы принять меры против дальнейшего эксплуатирования себя и друзей моих Вами, вследствие чего я написал Вам ультиматум, который наскоро прочитал Вам у турок²⁴⁰ и который Вы, казалось, приняли. С тех пор мы с Вами не видались.

Наконец, я получил 3-го дня письмо от Лопатина, из которого узнал два весьма грустных факта. Во-1-х, Вы (не хочу употреблять прилагательных), Вы солгали, передавая мне ваш разговор с Лопатиным. Все, что Вы мне передали из слов, будто бы сказанных им, — чистая ложь. Он не говорил Вам, что я отдал ему письма Любавина²⁴¹: «Старик не выдержал, теперь он в наших руках, теперь он ничего против нас сделать не может, а мы всё...»; на что Вы будто бы отвечали ему: «Если Бакунин имел слабость отдать Вам письма Любавина, то у нас есть еще другие письма — и т. д.». Вы солгали, Вы наклеветали на Лопатина, Вы сознательно надули меня: Лопатин удивляется, что я Вам поверил, и в учтивой форме выводит из этого факта заключение, не совсем выгодное для моих умственных способностей. Он прав, в этом случае я оказался круглым дураком. Но он судил бы обо мне не так строго, если бы он знал, как глубоко, как страстно, как нежно я Вас любил и Вам верил! Вы умели, нашли полезным убить во мне эту веру, тем хуже для Вас. К тому же мог ли

я подумать, чтобы человек умный и преданный делу, каким Вы остаетесь в моих глазах до сих пор и несмотря на все случившееся,— мог ли я подумать, чтобы Вы могли так нагло и так глупо лгать передо мною, в преданности которого Вы не могли сомневаться? Как Вам не пришла мысль, что Вам ваша наглая лож выйдет наружу и что я потребую, что я должен был требовать объяснения у Лопатина, тем более что в моем ультиматуме было ясно высказано требование приведения в полную ясность дела с Любавиным.

Другой факт: Любавин не получил моего ответа на его дерзкое письмо, не получил поэтому также и расписки, приложенной мною к этому ответу. Когда я показал Вам свой ответ и расписку, Вы просили меня помянуть и не посылать их. Я не согласился, тогда Вы взялись бросить их на почту и не бросили.

* * *

Всего этого довольно, Нечаев, — старые отношения и взаимные обязательства наши кончились. Вы сами разрушили их. Если думали и думаете, что Вы связали, опутали меня в нравственном и в материальном отношении, то Вы ошибаетесь жестоко. Ничто в мире не может связать меня против моей совести, против моей чести, против моей воли, против моего революционного разума и долга.

Правда, что в финансовом отношении я, благодаря Вам, нахожусь теперь в положении самом тяжелом. Средств к жизни нет, и единственный источник доходов, перевод Маркса и сопряженная с ним надежда на другие литературные работы, — теперь для меня иссяк. Я сижу на мели — и не знаю, как снимусь с нее, но это последнее дело.

Правда, что я компрометировал друзей и компрометирован перед ними; правда, что на меня сыплются клеветы по поводу фонда, по поводу любавинской истории, по поводу Таты и, наконец, по поводу всех последних происшествий в России.

Но все это не остановит меня; в случае крайней нужды я готов принести публичное признание и покаяние в своей глупости, от которой мне, разумеется, будет очень стыдно, но от которой еще менее поздоровится Вам, — но невольным союзником вашим не останусь.

Итак, я объявляю Вам решительно, что все до сих пор порочные отношения мои с Вами и с вашим делом разорваны. *Но, разрывая их, я предлагаю Вам новые отношения на иных основаниях.*

Лопатин, не знающий Вас так, как я Вас знаю, удивился бы такому предложению с моей стороны после всего, что между нами случилось. Вы не удивитесь, ни близкие друзья мои не удивятся также.

Не подлежит сомнению, что Вы наделали много глупостей и много гадостей, положительно вредных и разрушительных для самого дела. Но несомненно для меня также и то, что все ваши нелепые поступки и страшные промахи имели источником не ваши личные интересы, не ко-

рыстолюбие, не славолюбие и не честолюбие, а единственно только ложное понимание дела. Вы — страстно преданный человек; Вы — каких мало; в этом ваша сила, ваша доблесть, ваше право. Вы и Комитет ваш, если последний действительно существует, полны энергии и готовности делать без фраз все, что Вы считаете полезным для дела, — это драгоценно. Но ни в Комитете вашем, ни в Вас нет разума — это теперь несомненно. Вы как дети, схватились за <...> иезуитскую систему и, увидев в ней всю силу вашу, успех и спасение, позабыли в ней даже самую суть и цель общества: освобождение народа не только от правительства, но и от Вас самих. Приняв эту систему, Вы довели ее до уродливо-глупой крайности, развратили ею себя и опозорили ею общество на весь мир рядом белыми нитками шитых хитростей и непроходимых глупостей, подобных вашим грозным письмам к Любавину, к Наталье Алексеевне, <...> шедших с вашей любовью долготерпеливостью с Утиным, с вашими заискиваниями у него в то время, как он громко, нахально клеветал на нас всех; подобных вашей глупой коммунистической программе и целым рядом бесстыдных обманов. Все это доказывает огромное отсутствие разума, знания и понимания людей, отношений и вещей. Значит, на ваш разум, по крайней мере теперь, положиться невозможно, несмотря на то, что Вы — человек чрезвычайно умный и способный к далекому развитию, — но это дает надежду на будущее, в настоящем Вы оказались неловки и нелепы, как мальчик.

Убедившись окончательно в этом, я нахожусь теперь в следующем положении.

Вашим словам, вашим голословным уверениям и обещаниям без подтверждения фактами я теперь решительно не верю, зная, что Вам ничего не стоит солгать, если это Вам покажется полезным для дела. Не верю тоже в справедливость или разумность того, что Вам показаться может, потому что Вы и Комитет ваш дали мне слишком много доказательств своей положительной неразумности. Но, отрицая вашу правдивость и вашу разумность, я не только не отрицаю вашей энергии и вашей безусловной преданности делу, но думаю, что в отношении к той и другой мало найдется в России людей, равных Вам; это, повторяю Вам еще раз, было главною, да, единственною основою моей любви к Вам и моей веры в Вас — и до сих пор остается в моем убеждении залогом того, что Вы более всех других мне знакомых русских людей способны и призваны служить революционному делу в России, — разумеется, только под тем условием, что Вы захотите и сможете переменить всю систему своих действий в России и за границей. Если же Вы не захотите переменить ее, Вы именно вследствие этих качеств, составляющих вашу силу, сделаетесь непременно человеком в высшей степени вредным для дела.

Вследствие всех этих соображений и несмотря на все происшедшее между нами, я желал бы не только остаться в соединении с Вами, но соединиться еще теснее и крепче с Вами, разумеется, в том предположении, что Вы решительно перемените систему и положите в основание

всех наших будущих отношений взаимное доверие, искренность и правду. В противном случае наш разрыв неминуем.

Теперь вот мои условия, личные и общие. Назову прежде личные.

1) Вы выгородите и очистите меня совершенно в любавинской истории, написав общее письмо к Огареву, Тате, Озерову и С. Серебренникову, в котором Вы сообразно истине объявите, что я о письме Комитета ничего не знал и что оно написано помимо моего знания и воли.

2) Что Вы читали мой ответ Любавину с прилагаемой к нему распиской в 300 руб. и, взявшись его отправить, бросили или не бросили на почту.

3) Что я никогда не имел ни прямого, ни косвенного вмешательства в распоряжение Бахметевским фондом. Что Вы получили весь фонд в разные времена; сначала из рук Герцена и Огарева, а остальную большую часть из рук Огарева, который, по смерти Герцена, один имел право им распоряжаться, и что Вы приняли этот фонд от имени Комитета, которого Вы были распорядителем.

4) Если Вы не дали еще Огареву расписки в получении этого фонда, то должны дать ее.

5) Вы должны возвратить в наискорейшее время записку Даниельсона через нас и через Лопатина. Если она не в ваших руках (а я уверен, что она в ваших руках), Вы в том же письме должны взять обязательство доставить ее нам в самое короткое время.

6) Вы бросите ни к чему не ведущие, а напротив — недостойные, а для дела — положительно вредные попытки сближения и примирения с Утиным, клеветующим на нас обоих и на все ваше в России самым гнусным образом, а напротив — обяжетесь, выбрав час и удобный случай, чтоб не повредить делу, повести против него войну открыто.

Вот Вам мои личные условия; отказ в одном из них — а особливо в пяти первых и в первой половине шестого, т. е. разрыв всяких отношений с Утиным, будет для меня достаточным поводом для того, чтоб разорвать все сношения с Вами. И все это должно быть сделано Вами широко, прямо, честно, без малейших недоразумений, <...>, недомолвок, намеков и экивоков. Пора нам играть в игру открытую.

Теперь вот общие условия.

1) Не называя нам ваших имен, которые нам не нужны, Вы покажете нам настоящее положение вашей организации и дела в России, ваших надежд, вашей пропаганды, ваших движений, без преувеличения и обмана.

2) Вы извергнете из вашей организации всякое применение полицейско-иезуитской системы, довольствуясь ее применять, и только в мере самой строгой практической необходимости, а главное, разума, только в отношениях к правительству и ко враждебным партиям.

3) Вы бросите нелепую мысль, что можно совершить революцию вне народа и без участия народа, и примете в основание всей вашей органи-

зации стихийную народную революцию, в которой народ будет армией, а организация только штабом.

4) Вы примете в основание организации социально-революционную программу, изложенную в первом номере «Народного дела», план организации и революционерной пропаганды, изложенный мною в моем письме, с теми дополнениями и видоизменениями, которые в общем собрании мы сообща найдем необходимыми.

5) Все постановленное нашим общим обсуждением и единодушным решением будет предложено Вами всем вашим друзьям в России и за границей. Если они отвергнут наши постановления, Вы должны будете решить сами, хотите ли Вы идти с ними или с нами, разорвать свою связь с нами или с ними.

6) Если они примут выработанные нами программу, план организации, регламент общества и план пропаганды и революционного действия, Вы от их и от своего имени дадите нам руку и честное слово, что отселе эта программа, план организации, пропаганды и действий станут абсолютным законом и неременною основою для всего общества в России.

7) Мы Вам поверим и на новом основании завяжем с Вами новую, крепкую связь — Огарев, Озеров, С. Серебренников и я, а, пожалуй, и Тата, если она захочет, и если Вы и все другие согласитесь, мы будем по праву народными братьями — живущими и действующими за границей; поэтому, никогда не изъясляя никакого лишнего любопытства, будем иметь право знать и будем действовать, знать положительным образом, со всеми нужными подробностями, положение конспирационных дел и ближайших целей в России.

8) Затем мы все, вышеупомянутые, образуем заграничное бюро для ведения без исключения всех русских дел за границей, сообразуясь с общими указаниями политики в России, но выбирая свободно способы, людей и средства.

9) При этом будет издаваться «Колокол» с явною революционною социалистическою программю, если это окажется необходимым и если на это будут денежные средства.

Вот Вам мои условия, Нечаев. Если уж благоразумие дух трезвого понимания дела сошел на Вас и если любовь к делу действительно сильнее в Вас, чем все другое — то Вы их примете.

А если не примете — решение мое непреклонно я должен буду разорвать всякую связь с Вами и, не сообразуясь более ни с чем, кроме собственной совести, своего понимания и долга, буду действовать самостоятельно.

Из работы

«Парижская Коммуна и понятие о государственности: первый опыт социальной революции»

<...> Кто же я, и что побуждает меня выпустить в свет этот труд? Я — страстный искатель истины и не менее ожесточенный враг зловердных вымыслов, которыми и до ныне пользуется партия порядка, этот официальный представитель привилегированного меньшинства, в интересах которого отстаивать все религиозные, метафизические, политические, юридические, экономические и социальные гнусности, настоящие и прошедшие, имеющие целью — держать людей в невежестве и рабстве. Я — фанатический приверженец свободы, видящий в ней единственную среду, где может развиться и процвести ум, достоинство и счастье людей; не той формальной свободы, жалованной, размеренной и регламентированной государством, которая есть вечная ложь и которая в действительности представляет не что иное, как привилегию избранных, основанную на рабстве всех остальных, не той индивидуалистической, эгоистичной, скудной, и призрачной свободы, которая была провозглашена школой Ж.Ж. Руссо и всеми другими школами буржуазного либерализма, и которая смотрела на так называемое общее право, выражаемое государством, как на ограничение прав каждого отдельного лица, — что всегда и неизбежно сводит к нулю право каждого отдельного индивида.

Нет, я имею в виду одну свободу, достойную этого имени, свободу, предоставляющую полную возможность развить все способности интеллектуальные и моральные, скрытые в каждом человеке, свободу, не признающую иных ограничений, кроме предписанных законами нашей собственной природы, что равносильно, собственно говоря, совершенному отсутствию ограничений, так как эти законы не изданы каким-либо законодателем вне нас, рядом с нами или превыше нас стоящим; они нам присущи, неотделимы от нас, составляют самую основу нашего существа, как материального, так и интеллектуально-морального; вместо того, чтобы извращать их, мы должны их рассматривать, как необходимые условия и настоящую, действительную причину нашего стремления к свободе.

Я имею в виду такую свободу каждого, которая, входя в соприкосновение с свободой других людей, не останавливается перед ней, как перед предельным рубежом, но, напротив, находит в свободе других свое подтверждение и возможность расширяться до бесконечности; я имею в виду свободу каждого отдельного индивида, не ограничиваемую свободой всех, свободу в солидарности, свободу в равенстве; свободу, восторжест-

вовавшую над грубой силой и над самым принципом авторитета — неизменным идеалом этой силы; свободу, которая, ниспровергнув всех небесных и земных идолов, положит основание новому миру — миру человеческой солидарности на обломках всех церквей и всех государств.

Я убежденный сторонник экономического социального равенства, так как я знаю, что вне этого равенства свобода, справедливость, человеческое достоинство, нравственность и благосостояние отдельных лиц так же, как и процветание целых наций, — есть ложь. Притом, будучи приверженцем свободы этого первого условия человечности, я думаю, что равенство должно быть установлено в мире путем добровольной организации труда и коллективной собственности, путем промышленных ассоциаций в коммунах и посредством добровольной же федерации коммун, — но отнюдь не через верховную и покровительственную власть государства.

Этот тот пункт, в котором принципиально расходятся социалисты-коллективисты, сторонники сильной власти и абсолютной инициативы государства, с федералистами и коммунистами. У них одна цель: и та и другая партия одинаково стремятся к созданию нового социального строя, основанного исключительно на коллективном труде, самую силою вещей равномерно распределенном между всеми без исключения членами общества, при равных для всех экономических условиях, т. е. при условии коллективной собственности на орудия труда. Только социалисты-коллективисты воображают, что они смогут придти к этому путем развития и организации политического могущества рабочих классов, в особенности городского пролетариата, рука об руку с буржуазным радикализмом, между тем как коммунисты-федералисты, враги всякого смешения и всякого двусмысленного союзничества, думают, наоборот, что они достигнут этой цели путем развития и организации не политического, но социального, следовательно, анти-политического могущества рабочих масс, как городских, так и сельских, включая сюда также и людей, хотя и принадлежащих по рождению к высшим классам, но добровольно порвавших со всем своим прошедшим и открыто присоединившихся к пролетариату, приняв его программу.

Отсюда два различных метода. Социалисты-коллективисты думают, что нужно сорганизовать силы рабочих, чтобы овладеть политическим могуществом государств. Социалисты-федералисты организуются, имея целью уничтожение, или, если хотите более мягкое выражение, ликвидацию государств. Коллективисты — сторонники принципа и применения авторитета, социалисты же федералисты верят только в свободу. Те и другие — равно поклонники науки, должностяющей убить суеверие и заменить собою веру; но при этом первые находят возможным уничтожить предрассудки и насаждать знание посредством декрета, между тем как вторые непосредственно заботятся о распространении наук, из сокровищницы которых каждый черпает то, к чему чувствует склонность, пропагандируют добровольную и свободную ор-

ганизацию в группы и федерации, опять-таки в полном согласии с природными склонностями и насущными интересами, но отнюдь не по заранее начертанному плану, предписанному невежественным массам несколькими высшими умами.

Социалисты-федералисты думают, что в инстинктивных стремлениях и в реальных нуждах народных масс гораздо больше осмысленного и практического разума, чем в глубоком уме всех этих благодетелей и учителей человечества, которые, имея перед собой печальный пример стольких неудавшихся попыток сделать человечество счастливым, мечтают еще о возможности вложить в это дело свои усилия. Социалисты же федералисты думают, наоборот, что человечество достаточно долго, даже слишком долго позволяло управлять собой, и что источник его несчастья заключается не в той или иной форме правления, а в самом принципе и существовании правительства, каково бы оно ни было.

Это разногласие между коллективизмом, научно изложенным немецкой школой и американскими социалистами, с одной стороны, и прудонизмом, широко развитым и доведенным до последних выводов, принятым пролетариатом латинских стран, — с другой, стало под конец историческим*. Революционный социализм только что сделал попытку первого блестящего практического выступления в Парижской Коммуне.

* * *

Я — сторонник Парижской Коммуны, которая, будучи подавлена, утоплена в крови палачами монархической и клерикальной реакции, сделалась через это более жизненной, более могучей в воображении и в сердце Европейского пролетариата; я — сторонник Парижской Коммуны в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным, отрицанием Государства. <...>

Вопреки убеждению авторитетных коллективистов, — по-моему, совершенно ошибочному, что социальная революция может быть предписана и организована при посредстве диктатуры или учредительного собрания, как естественное следствие политической революции, наши друзья, парижские социалисты, думали, что социальная революция может быть совершена и руководима самопроизвольным действием, исходящим из народных масс, групп и ассоциаций.

Наши парижские товарищи были тысячу раз правы. Потому что, в самом деле, какой ум настолько гениален, или — если хотят говорить о коллективной диктатуре, хотя бы состоящей из нескольких сотен лиц, одаренных высшими способностями, — какая комбинация интеллектов могла бы быть настолько целесообразной, чтобы обнять бесконечное множество и разнообразие реальных интересов, убеждений, желаний и

* Он также принят славянскими народами, так как более соответствует их темпераменту и прирожденному отвращению к политике.

потребностей, составляющих в сумме коллективную волю народа, и чтобы изобрести социальную организацию, могущую удовлетворить всех? Эта организация будет всегда Прокрустовым ложем²⁴², на котором насилие, более или менее санкционированное государством, заставило бы улеяться несчастное общество. Так было до сих пор. И именно этой старой системе организации, основанной на насилии, социальная революция должна положить конец, предоставив полную свободу массам, группам, коммуна, ассоциациям, а также и отдельным индивидам и, уничтожив раз навсегда историческую причину всякого насилия — самое существование государства, падение которого увлечет за собой все несправедливости юридического права и всю ложь различных культов, так как это право и эти культы никогда не были ничем иным, как услужливой санкцией всяких насилий, нравственных и физических, осуществляемых, поддерживаемых и поощряемых государством.

Очевидно, что только тогда человечество получит свободу, и только тогда истинные интересы общества, всех групп, всех местных организации а также и всех отдельных лиц, его составляющих, получат полное осуществление, когда государство не будет более существовать. Очевидно, что все так называемые общественные функции государства в действительности представляют не что иное, как решительное и непрерывное отрицание насущнейших интересов отдельных областей, коммун, ассоциаций и огромнейшего числа людей, подчиненных государству. Эти общественные функции представляют нечто отвлеченное, фикцию, ложь, и государство в целом есть подобие обширной бойни или огромного кладбища, где незаметно, в тени, и прикрываясь этим отвлеченным нечто, этой абстракцией, с притворным сокрушением, приносятся в жертву и погребаются все лучшие стремления, все живые силы страны; и так как никакая абстрактность не существует сама по себе и для себя, не имея ни ног, чтобы ходить, ни рук, чтобы творить, ни желудка, чтобы переваривать ту массу жертв, которую ей предоставляется поглотить, то ясно, что, как религиозная или небесная абстрактность, Бог, представляет в действительности весьма положительные, весьма реальные интересы только привилегированной касты, духовенства, так и ее земное дополнение, политическая абстрактность, государство, представляет не менее положительные и реальные интересы буржуазии, того класса, который включая в себя и в другие высшие классы, главным образом, если не исключительно, является эксплуатирующим.

Уничтожение церкви и государства должно быть первым и необходимым условием настоящего общества. Только после этого оно может и должно устроиться по-иному: но только произойти это должно не сверху вниз, и не по воображаемому плану, начертанному несколькими мудрецами и учеными, и не в силу декретов, изданных каким-нибудь диктатором или даже национальным собранием, избранным посредством всеобщей подачи голосов. Реформа сверху вниз, как я уже не раз повторял,

неизбежно привела бы к созданию нового государства, и, следовательно, к образованию новой правящей аристократии т. е. целого класса людей, не имеющих ничего общего с народной массой; и, конечно, этот класс опять бы начал эксплуатировать и поработать массы под предлогом общего счастья и спасения государства.

Будущая социальная организация непременно должна быть реализована по направлению снизу вверх, посредством свободной ассоциации или федерации рабочих, начиная с союзов, коммун, областей, наций и кончая великой международной федерацией. И только тогда осуществится целесообразный, жизнеспособный строй, тот строй, в котором интересы личности, ее свобода и счастье не будут больше противоречить интересам общества. Говорят, что интересы отдельных лиц несовместимы и несогласуемы с интересами общества, что их гармония никогда не будет фактически осуществлена, в силу их органической противоположности. На такое возражение я отвечаю, что если до настоящего времени эти интересы никогда и нигде не были во взаимной согласованности, причина этого было государство, жертвовавшее интересами большинства в пользу привилегированного меньшинства. И вся эта пресловутая несовместимость и эта мнимая борьба личных интересов с интересами общества есть не что иное, как политическое надувательство и ложь, получившая свое начало в теологической лжи, измыслившей доктрину первородного греха, чтобы обесславить человека и уничтожить в нем сознание своей ценности. Эта ложная идея несовместимости интересов была усвоена и метафизической, которая, как известно, состоит в близком родстве с теологией.

Отрицая существенные инстинкты, прирожденные человеческой природе, метафизика смотрит на общество, как на механический и искусственно созданный агрегат индивидов, соединявшихся случайно, в силу какого-нибудь формального или безмолвно принятого договора, заключенного или свободно, или же под влиянием высшей силы. Предполагается, что до своего соединения в общество, эти индивиды, одаренные якобы бессмертной душой, наслаждались полной свободой.

Но если справедливо утверждение метафизиков, что люди, особенно те из них, которые верят в бессмертие души, вне общества могут быть свободными существами, то отсюда с неизбежностью следует вывод, что люди могут соединяться в общество только при условии отрицания своей свободы, своей прирожденной независимости и предварительно отрекшись от всех своих интересов, как личных, так и групповых. В подобном самоотречении и самопожертвовании должно быть тем более величия, чем многочисленнее общество и чем сложнее его организация. И в этом смысле государство есть выражение всех жертв личности. Имея столь отвлеченное и в то же время столь насильственное происхождение, государство продолжает, разумеется, и донныне стеснять все более и более свободу личности во имя той лжи, которая косит название «общего счастья», а в действительности есть не что иное как благоденствие господствующего класса. Таким образом, в резуль-

тате, государство является систематическим отрицанием и могилой всякой свободы, всех интересов, как индивидуальных так и общественных.

В метафизических и теологических системах все обстоит благополучно. Вот почему творцы и защитники этих систем могут и даже должны со спокойной совестью продолжать эксплуатировать народные массы при посредстве Церкви и Государства. Набивая свои карманы и не ставя никаких преград своим нечистым вожделениям, они могут в то же время утешать себя мыслью, что они трудятся во славу Божью, во имя торжества цивилизации и грядущего благоденствия пролетариата.

Но мы, другие, не верящие ни в Бога, ни в бессмертие души, ни в метафизическую свободу воли, мы утверждаем, что свобода должна быть понимаема в самом обширном смысле слова, понимаема как цель исторического развития человечества. По странному, хотя логически последовательному контрасту, наши противники, идеалисты теологии и метафизики, принимая принцип свободы за основу и базу их теории, выводят из него заключение о необходимости рабства людей. Мы же другие, материалисты в теории, стремимся на практике осуществить и упрочить разумный и благородный идеализм. Наши враги, божественные и трансцендентальные идеалисты, в силу логического закона, по которому всякое развитие приводит в конце концов к отрицанию своей исходной точки, нисходят до практического материализма, жестокого и подлого. Мы же убеждены, что все богатство умственного, нравственного и материального развития человека точно так же, как и достигнутая им степень независимости, все это — продукт общественной жизни. Вне общества человек не только не сделался бы свободным, но не стал бы человеком в истинном значении этого слова, т. е. единственным сознательным существом, мыслящим и владеющим словом. Только благодаря общению умов и коллективному труду мог человек выйти из дикого и животного состояния, составляющего его первоначальную природу или же исходный пункт его развития. Мы глубоко убеждены в той истине, что все в жизни людей: интересы, стремления, потребности, иллюзии, самые глупости так же как и насилие, несправедливости и все поступки, кажущиеся произвольными, являются следствием взаимодействия социальных инстинктов, присущих самой природе человека. Отрицание стихийной законосообразности в отношениях людей так же нелепо, как было бы нелепо отрицание этой законосообразности в проявлениях неодушевленной природы.

В природе эта удивительная, считавшаяся теологами предустановленной, гармония достигается непрерывной борьбой за существование и вымиранием неприспособленных; и как в природе, где нет борьбы и движения, нет ни жизни ни красоты, так и в обществе жизнь без борьбы есть смерть.

Если во вселенной царит гармония и закономерность, то это только потому, что вселенная не управляется по какой-либо системе, заранее придуманной и предписанной высшей волей. Теологическая гипотеза

божественного законодательства ведет к очевидному абсурду и к отрицанию не только всякого порядка, но и к отрицанию даже самой природы. Законы реальны лишь постольку, поскольку они не отделимы от самих вещей, т. е. не предписаны какой-либо вне их стоящей властью. Эти законы не что иное, как простые проявления или неизменные свойства вещей и результаты их разнообразных комбинаций. В целом же все это составляет то, что мы называем «природа». Человеческий ум и созданная им наука исследуют эти свойства и эти комбинации вещей, систематизируют и классифицируют их путем опытов и наблюдений, и подобные классификации и систематизации явлений и называют законами природы. Но сама природа не ведает вовсе законов. Она действует бессознательно, представляя собою бесконечную изменчивость явлений, проявляющихся и повторяющихся непредотвратимым, роковым образом. И только благодаря этой роковой неизбежности, порядок вселенной может существовать и фактически существует.

Та же стихийная зависимость и последовательность явлений проявляется и в человеческом обществе, которое, по теории, эволюционирует так называемым противоестественным образом, в действительности же подчиняется естественному и неизбежному ходу вещей. Только та высшая ступень, на которой стоят люди по сравнению с животными, и их способность мыслить внесли в развитие человека особый элемент, также совершенно естественный и являющийся продуктом материального взаимодействия сил. Этот особый элемент есть разум или, лучше сказать, способность к обобщению и отвлечению, благодаря которой человек может наблюдать и изучать самого себя, наравне с предметами внешнего мира. Поднявшись затем мысленно еще выше над самим собою а также и над окружающим его миром, он приходит к представлению полной абстракции, к абсолютному ничто. Это «абсолютное» есть, в сущности, не что иное, как самоспособность к отвлечению, которая, пренебрегая всем, что существует, и дойдя до полного отрицания бытия, находит в этом свое успокоение. Это та последняя грань наивысшей отвлеченности, это абсолютное Ничто и было названо Богом.

Вот историческое происхождение и логическое основание всякой теологической доктрины. Не понимая природы материальных причин своих собственных мыслей, не отдавая себе даже отчета в условиях их возникновения и развития, первые люди и общества, конечно, не могли подозревать, что их абсолютные познания абсолютного были не более как бесплодным раздражением способности к творчеству отвлеченных идей. Только в силу этого недоразумения они смотрели на эти идеи, как на высшие реальности, перед которыми сама природа обращалась в ничто. Потом они начинают обожать свои вымыслы, свои представления несуществующего абсолютного, начинают оказывать им всяческие почести. Затем является потребность как-нибудь более конкретно представить абстрактную идею этого Ничто, т. е. Бога, сделать ее более осязательной для чувств. С этой целью они расши-

ряют понятие божества, наделяя его всеми добрыми и злыми свойствами, какие им были известны из наблюдения над природой и человеком.

Таково было происхождение и историческое развитие всех религий, начиная с фетишизма и кончая христианством. Мы вовсе не имеем намерения заниматься историей религиозных, теологических и метафизических абсурдов и еще менее собираемся распространяться о всех последовавших божеских воплощениях и явлениях, созданных веками варварства. Всем известно, что суеверие порождало всегда массу самых ужасных зол и заставляло проливать кровь и слезы целыми потоками. Мы отметим только, что все эти возмутительные заблуждения бедного человечества в процессе эволюции общественных организмов были исторически неизбежными фактами. Эти заблуждения зародили и распространили в обществе роковую идею, овладевшую воображением людей, будто вселенная управляется сверхъестественной силой и волей. Века сменяли века и общество до такой степени свыклось с этой идеей, что, наконец, убило в себе всякое стремление и даже самую способность к прогрессу.

Властолюбие сперва нескольких лиц, а затем целых общественных классов возвело в жизненный принцип рабство и покорность, и вкоренило в сознание поработанных вреднейшую из всех идей, идею божества. С тех пор никакое общество не стало возможным без этих двух основных учреждений: Церкви и Государства. Эти два бича общества защищаются всеми доктринами.

Как только появились в мире эти учреждения, сразу организовались две касты: каста духовенства и каста аристократов, которые, не теряя времени, озаботились вбить глубоко в голову поработанному народу сознание необходимости, полезности и священности Церкви и Государства. Все это имело единственную цель — заменить рабство грубого насилия рабством законным, предусмотренным и освященным волею Высшего Существа.

Но сами аристократы и духовенство, верили ли они в божественное происхождение институтов, как бы нарочно установленных для их пользы? Или же они были только лицемерами и обманщиками? Нет, я склонен думать, что они были в одно и то же время и искренно верующими, и лицемерами.

Они верили, потому что они естественно и неизбежно разделяли заблуждения масс, и только позднее, в эпоху упадка древнего мира, сделались скептиками и бесстыдными обманщиками. Кроме того, — есть одно общераспространенное свойство человеческой психики, которое заставляет думать, что основатели государств были людьми искренними. А именно: человек всегда легко верит в то, чего он желает и что не противоречит его интересам. Независимо от ума и образования, из самолюбия, ради желания пользоваться уважением окружающих, он всегда будет верить в то, что ему полезно и приятно. Я убежден, например, что Тьер²⁴³ и версальское правительство усиленно, всячески старались убедить себя,

что, убивая в Париже несколько тысяч человек, женщин и детей, они тем самым спасают Францию.

Но если священники, авгуры, аристократы и буржуа древних и новых времен и верили искренно, то все же они были одновременно и обманщиками. Ведь нельзя допустить, чтобы они верили в те абсурды, из которых состоит религия и политика. Я уже не говорю об эпохе, когда, по словам Цицерона²⁴⁴, «два авгура не могли посмотреть друг другу в глаза, чтобы не рассмеяться». Трудно предположить, что позднее, хотя бы и во времена всеобщего невежества и суеверия, изобретатели средневековых чудес верили в их реальность. Точно также позволительно сомневаться и в искренности правителей позднейших времен, руководившихся в политике правилом: «порабощай и грабь народ так, чтобы он не сетовал слишком громко на свою судьбу, чтобы он не забывал о покорности и не имел времени на размышления, легко приводящие к протесту и возмущению».

И уж совсем нельзя допустить, чтобы люди, сделавшие из политики ремесло, искусившиеся в несправедливости, в насилии, во лжи и в измене, не останавливающиеся пред массовыми и одиночными убийствами, могли искренно верить в искусство политики и в государственную мудрость и считать государство источником общественного благополучия. Они подлы, но не так глупы. Церковь и государство были во все времена главнейшими рассадниками пороков. История может засвидетельствовать их преступления: повсюду и всегда священник и правитель были сознательными врагами народов и их систематичными, неумолимыми и кровожадными палачами.

Но как же все-таки согласить две, по-видимому совершенно несогласимые вещи: низшие агенты правительства, они же обманщики и обманутые; другие, — всеильные властители земли, и в то же время лицемеры? Логически это кажется несовместимым, но фактически, т. е. в практической жизни, эти качества мирно уживаются одно с другим.

В подавляющем большинстве случаев люди живут в противоречии с самими собою и не замечают этого, пока какое-нибудь исключительное событие не разбудит их совесть от привычной спячки и не заставит оглянуться на себя и окружающее.

В политике, как и в религии, большинство людей только марионетки в руках привилегированных эксплуататоров. Но грабители и ограбленные, поработители и поработенные живут бок-о-бок друг с другом, управляемые горсточкой лиц, на которых, собственно, и следует смотреть, как на истинных эксплуататоров. Эти последние, свободные от всех предрассудков, политических и религиозных, сознательно угнетают и держат народ в невежестве. В наше время так же бесконтрольно, как и в XVII и в XVIII веках, до Великой Революции, они бесконтрольно и беспрепятственно владычествуют в Европе, но скоро-скоро их владычеству придет конец.

В то время, как главные вожак обманывают и сознательно развращают народ, их приспешники, креатуры Церкви и Государства, усердно

стараятся поддерживать веру в святость и неприкосновенность этих гнусных учреждений. Если Церковь, по заявлению духовенства и большинства государственных людей, необходима для спасения души, то Государство, в свою очередь, так же необходимо для поддержания мира, порядка и справедливости, и потому доктринеры всех школ восклицают: «Без Церкви и Правительства невозможны ни цивилизация ни прогресс».

Нам нечего заниматься обсуждением проблемы вечного спасения потому, что мы не верим в бессмертие души. Мы убеждены, что самая вредная вещь для человечества, для истины, прогресса, есть Церковь. И может ли это быть иначе? Разве не на Церковь возложена обязанность развращать подрастающие поколения, и в особенности женщин? Разве не Церковь своими догматами, своею ложью, своими глупостями и своими пошлостями старается убить логику разума и науки? Разве не она посягает на достоинство человека, извращая в нем понятие о праве и справедливости? Разве не она обращает живое в труп? Разве не она искажает свободу, разве не она проповедует вечное рабство масс в угоду тиранов и поработителей? Разве не она, эта неумолимая Церковь, стремится продолжить до бесконечности мрак невежества, нищету и преступления?

И если прогресс нашего века — не сон обманчивый, он должен положить конец этому учреждению.

Программа Интернационального братства²⁴⁵

Мы не признаем иного отечества, кроме всемирной Революции, иного врага, кроме тирании, в какой бы форме она ни выступала — религиозной, доктринальной, политической, экономической или социальной; иной цели; кроме создания свободного, гуманного мира, основанного на труде, равенстве и солидарности всех людей. Предварительными его условиями являются: 1. разрушение всех религиозных, политических, юридических, экономических и социальных институтов, образующих современный буржуазный порядок, и 2. стихийная и совершенно свободная организация освобожденных масс.

В революции мы — враги всего, что так или иначе походит на авторитарную систему, что претендует на *официальное* руководство народом,

а стало быть и всего, что именуется революционной диктатурой или временным правительством, поскольку мы убеждены, что любая правительственная власть, какой бы революционной и временной она себя ни называла, не может иметь иной цели, кроме собственного самосохранения. Революции совершаются народом, они могут исходить только от народа, и всякая власть, образующаяся над народом, неизбежно направлена против него. Так как мы полностью доверяем инстинктам народных масс, наше революционное средство — *организованное развязывание* того, что именуется *дурными страстями*, и *разрушение того*, что на том же буржуазном языке называется *общественным порядком*. Мы призываем к *анархии*, этому проявлению жизни и стремлений народа, откуда при помощи и в условиях свободы действительного равенства всех и вся должны родиться новый порядок, основанный на целостном развитии и на свободно организованном всеобщем труде, равно как и сама сила революции.

Политика и Революция

С негативной, или разрушительной точки зрения мы требуем в качестве безотлагательных мер: Отмену, признания Банкротства и полную ликвидацию Государства и всего, что составляет его существование, следовательно — устранения всякого правового вмешательства в выплату коллективных или частных долгов и в дела передачи наследства: уничтожения всех налогов, взимаемых Государством; ликвидацию низшей и высшей администрации, действующей от имени Государства, бюрократии, армии, судебных органов и магистратуры, полиции, университетской системы, духовенства, монополий и привилегий, индивидуальной собственности, поскольку она легализована в судебном и законодательном порядке; наконец, всех проявлений современного буржуазного порядка: *предания торжественному и публичному уничтожению* всех документов, касающихся рент, собственности, ипотек, финансовых ценностей, концессий, браков и рождений и т. д. Уничтожение *политического и юридического, или легального* права и повсеместная замена его революционным фактом. Захват (взятие во владение) автономными коллективами, рабочими, сельскохозяйственными или промышленными ассоциациями и коммунами всего общественного капитала, земельной собственности, шахт, жилья, религиозных и общественных зданий, орудий труда, сырья, драгоценных металлов, ювелирных изделий и ценных камней, а также готовых изделий.

С позитивной, или органической точки зрения, равно как и с точки зрения создания нового экономического и социального порядка, а также с точки зрения формирования революционной силы и неизбежности борьбы восставших масс против реакции мы стремимся к *стихийной организации повстанческих групп* — во всех странах, поднявшихся во имя одного и того же принципа народных требований, - во временные коммуны вне всякой

зависимости от территориального деления и нынешних Государственных границ. Мы требуем немедленного созыва депутатов с императивным мандатом от всех коммун в революционные клубы (*foyers*²⁴⁶); немедленно создания федерации как этих коммун, так и клубов; сохранения баррикад и поддержания революционного возмущения для обеспечения общей обороны во всех точках восставших стран; объединения народных сил, стихийно организующихся для борьбы; разделения депутатского корпуса на отдельные и независимые друг от друга комитеты, которые, однако, должны неизменно взаимно договариваться, дополнять друг друга и помогать друг другу в случае необходимости. *Общеземельные и местные комитеты продовольственного снабжения, защиты революции, вопросов труда, временного владения капиталом, временной передачи капиталов и орудий труда в руки сельскохозяйственных и промышленных ассоциаций, транспорта, торговли, образования, местных и международных сношений, активной революционной пропаганды* и т. д. и т. п. — все они образуют великий федеративный Альянс революционной солидарности, действующий по непосредственной инициативе народных масс и с их непосредственного одобрения. Провозглашение *всемирной социальной и солидарной Революции*. Эффективный союз, а вернее, братское тесное объединение революционных социалистов всех стран против всей реакции и против всякого рода реакционеров, но особенно тех, которые под прикрытием революции становятся властью, стремятся к диктатуре, служат ей или защищают ее — т. е. против контрреволюции.

Особая цель Y

Для того, чтобы сформировать все эти революционные организации, совершенно необходимые для победы народного дела, чтобы, с одной стороны, активизировать, стимулировать и направлять их, а с другой — чтобы предотвратить саму возможность их вырождения и превращения в правительства, пусть даже временные, очевидна необходимость наличия силы, коллективной незримой организации, которая, следуя до конца определенной программе, открыто и полностью революционной, сама воздерживалась бы от всякого проявления руководящего или официального вмешательства и как раз в силу этого обладала бы гораздо более действенным и сильным влиянием на стихийное движение народных масс, равно как и на деятельность их депутатов и комитетов, и на все революционные меры, принимаемые ими. Такова единственная цель организации Y.

Таким образом, задачей этой организации не является только подготовка революции. Она в еще большей степени должна будет сохраняться и укрепляться в период революции, чтобы противопоставить свою коллективную, строго солидарную и тайную деятельность любому правительству или любой официальной диктатуре, поскольку

эта последняя не может не задушить революционное движение масс и не привести к возрождению политического Государства, руководящего, опекающего и уже в силу этого неизбежно бюрократического, милитаристского, угнетающего и эксплуатирующего — т. е. к новому господству буржуазии.

Братья У. должны поэтому тесно сплотиться еще накануне революции, чтобы организовать и направлять анархию и грозный разгул революционных страстей масс, не подавляя его; они должны будут придать революционному движению во всех странах тот характер всеобщности, без которого любое общенациональное или локальное движение не сможет сохраниться и в конце концов завершается неудачей.

Именно так они создадут непобедимую революционную силу, которая преодолевая и разрушая все искусственные границы между Государствами, собирая в единое целое пролетариат всех СТРАН: наций, коммун, провинций и стран, говорящих на разных языках, но восставших во имя одних и тех же народных требований, составит великое отечество Революции и противопоставит себя одному врагу — миру Реакции. Она объявит ей войну не на жизнь, а на смерть и не прекратит быть воинствующей и разрушительной Революцией до тех пор, пока хоть где-нибудь на земле будет существовать неравенство, угнетение, сохранится хотя бы один эксплуататор, наставник, *господин*.

Революционная тактика У

У. никогда не будет преследовать иной цели, кроме подготовки и организации во всех странах народной социальной Революции, такой как она определена в нашей программе, и осуществляемой теми практическими средствами — негативными и позитивными — которые представлены в нашей *революционной Политике*. Никогда и ни под каким предлогом она не будет завлечена соображениями уместности (*opportunité*²⁴⁷) или так называемой практичности, восхваляемой ловкачами, буржуазными политиками, которая может привести лишь к победе реакции. Средства пропаганды и действия У. должны всегда и во всем соответствовать ее цели, и поэтому она всегда будет шагать вперед, прямо, не позволяя ничему и никому сбить себя с пути. Она никогда не протянет руку помощи иной, чем она сама, революции, не будет заключать союзов с движениями противоположными или даже просто отличными от тех, которые определены ее программой. Она предоставит самим себе буржуазные революционные партии; она при любой возможности воспользуется результатами их агитации и их борьбы, но никогда не поможет им ни прямо, ни косвенно. Для нее абсолютно неприемлемы любые сделки и соглашения; она никогда не позволит членам других партий проникнуть в ее святая святых, ни оказать хоть какое-нибудь влияние на народные массы — поскольку лю-

бая другая цель, кроме ее цели, любое другое направление смогут только сбивать с пути, обманывать и развращать народные массы.

Истинная, единственно легитимная революция, последствием которой станет не политический триумф какой-либо партии или тех или иных личностей, а полное социальное освобождение масс — такова наша единственная цель, и всякая иная революция, эволюция, реформа или преобразование абсолютно ей противоречат, ибо могут иметь только один результат — задержку или отклонение нашей революции от ее цели. А потому любой из нас, кто посмеет протянуть руку помощи иной революции, будет рассматриваться всеми как предатель Народной революции. — Если нам суждено ожидание, наберемся честности и мужества ждать — потому что революции ни происходят более ради удовольствия людей, и для действительного освобождения масс, и чтобы наша революция восторжествовала, надо чтобы массы сами поднялись и совершили ее.

Наша революция по своей природе может быть только всемирной. Но существуют некоторые страны, которые в силу своей особой исторической, экономической и политической ситуации более чем другие, предрасположены к ней и способны сегодня начать ее. Поэтому столь же естественно, сколь и необходимо, чтобы У., нисколько не пренебрегая пропагандой и организационной работой в других странах, сконцентрировала наибольшую часть своих усилий на странах, которые обладают этой привилегией с революционной точки зрения и которые, как только эта революция разразится у них, должны будут стать центрами активной революционной пропаганды для других стран.

Естественно, что первая страна, которой посчастливится осуществить победную революцию, сразу же станет центром этой революционной пропаганды. Эта страна учредит на своей территории *Комитет революционной пропаганды*, состоящий из Р. Р. (представителей) всех стран, которому У. восставшей страны или стран окажут всяческое содействие; данная страна будет обязана помочь всеми необходимыми средствами, материальными и моральными, успеху этой пропаганды, и не только словами, но и делом.

Когда социальная революция вспыхнет в какой-либо стране, то нет никакой необходимости, чтобы революционеры других стран съезжались туда и формировали легионы, более того, это даже абсолютно запрещено. Революционеры каждой страны должны в этом случае, более чем когда-либо, оставаться и усиливать работу по организации революции в своей стране, так как не подлежит сомнению, что эффективную помощь восставшей стране они смогут оказать не формированием нескольких иностранных легионов, но одновременным восстанием их собственных стран.

Организация У

У. состоит из многих категорий:

I Интернациональные Братья

II. Национальные братства каждой страны

III. Областные или провинциальные братства

IV. Местные союзы.

Все эти категории имеют совершенно одинаковую программу, одну и ту же политику и революционную тактику, а также единый способ приема в организацию. При этом на всех уровнях организация Y. может принять нового члена лишь при всеобщем согласии имеющихся членов организации. Все в равной степени подчиняются верховному закону Y., всегда и везде выдвигая коллективную мысль и коллективное действие вместо любых индивидуальных инициатив.

Единственное различие между этими категориями состоит лишь в большем или меньшем масштабе деятельности, причем все нижестоящие категории должны быть организованы так, чтобы всегда подчиняться — *еще более фактически, чем юридически* — указаниям, которые им будут диктоваться высшими категориями.

Интернациональные Братья

A. Качества, требуемые от всех Интернациональных братьев

Качества, требуемые от всех Интернациональных братьев, это — не говоря уже о свойствах, необходимых для хорошего и преданного революционного конспиратора, а именно истинной революционной страсти, твердости, постоянства, умения хранить тайну, осторожности, силы характера, интеллектуального развития, храбрости — способность естественно и спонтанно подниматься над всеми узкими побуждениями, диктуемыми личными амбициями и тщеславием, семьей и патриотизмом, а также еще реже встречающееся у людей энергичных и способных умение растворять их личную инициативу в коллективном действии.

Необходимо, чтобы для каждого Интернационального Брата наша программа, а также наша революционная политика и революционная тактика являлись чем-то большим, чем результатом пустых философских абстракций или выражением неопределенных и расплывчатых чаяний — необходимо, чтобы они стали его жизнью, его господствующей страстью, его совестью и повседневным инстинктом, одновременно продуцируемыми и пламенными — внешне как можно более холодными, внутренне настолько пылкими, чтобы ни один внешний соблазн не смог их никогда побороть, чтобы никакими теоретическими и практическими софизмами их нельзя было сбить с пути.

Необходимо, чтобы победа социальной революции стала высшим интересом, господствующим и страстным для каждого, поскольку только эта страсть может — в любых условиях, при всех опасностях, соблазнах и трудностях, присущих жизни, — защитить от эгоистических побужде-

ний, амбиций, тщеславия, равно как и от подлых советов, продиктованных страхом.

Необходимо, чтобы его душа была достаточно широкой, а интеллект достаточно развитым, чтобы воспринять всемерный характер социальной революции, не признавать разумом и не принимать сердцем иного отечества, кроме этой всеобщности революции.

Необходимо, чтобы он действительно любил народ, искренне сочувствовал страданиям и унижениям масс. Необходимо, чтобы он страдал этими страданиями и стыдился того, чего стыдятся они, необходимо, чтобы он испытывал страсть к человечности, к человеческой справедливости и человеческому достоинству, чтобы он понимал и чувствовал, что сам может обрести свободу, достоинство и полностью стать человеком только при обретении свободы и человеческого достоинства всеми. Чтобы он поэтому всей душой ненавидел любые возможные проявления угнетения и эксплуатации, ненавидел угнетателей и эксплуататоров.

Будучи врагом любого господства и всякой эксплуатации, он должен отказываться от их использования в любой форме в отношении масс для личной выгоды. Тщеславные честолюбцы — независимо от их интеллектуальных и моральных качеств, их энергии, влияния, а также политических и социальных выгод, которые они могли бы принести нашему Альянсу, — должны поэтому безжалостно изгоняться из него, ибо их энергия и ум сами по себе могут лишь сделать их еще более опасными. Давайте использовать их всякий раз, когда это не представляет опасности, оставив им пустое удовольствие славой и молвой, но будем удерживать власть в своих руках и никогда не позволим им проникнуть в наш узкий круг.

Каждый интернациональный брат должен понять, что самый знающий и разумный человек, даже величайший гений может дать массам лишь то, что они уже вынашивают в себе, в своих подлинных нуждах, инстинктах и чаяниях; он не может дать ничего, кроме продуманной, научной формулировки того, что они сами чувствуют. Поэтому никто — ни индивидуально, ни даже коллективно — не может рассматриваться иначе, чем более или менее искусным акушером той революции, которую народ уже носит в своей утробе, но отнюдь не в качестве творца или главного действующего лица этой революции; что, следовательно, народ дает и таким людям больше, чем они могут ему дать, ибо они дают ему только форму, а он им саму сущность, и что всегда народ может преподавать им больше уроков, чем они ему.

Каждый интернациональный брат должен понять, что время господства личностей прошло. Господство личностей было абсолютно естественным и логичным в политических революциях, поскольку целью всякой политической революции является не что иное, как замена одного господства другим. Но оно абсолютно неуместно и должно стать невозможным в революции социальной, которая, имея единственной целью всестороннее и реальное освобождение масс, должна уничтожить в корне и во всех по-

следствиях сам принцип авторитета. — В социальной революции остается место лишь *для коллективной мысли и коллективного действия*.

Если его революционная страсть серьезна, то интернациональный брат не может ограничиваться лишь чувствами и словами по ее поводу, он должен стремиться воплотить ее в жизнь. Если он хочет этого, то должен искать и применять только те средства, которые ведут к ее осуществлению. Если он хорошо усвоил нашу программу и страстно стремится к нашей революционной цели, то должен понимать, что никакой отдельный человек, будь он даже гением, не сумеет ее достичь. Какой-либо гений, действуя по собственной инициативе, может, разумеется, добиться установления какого-то нового господства, он не может освободить массы. В этом смысле он вполне может иметь силу творить зло, но не добро. Человек, стремящийся к добру, ко всеобщему освобождению, а не к удовлетворению своих амбиций, тщеславия или алчности, должен суметь отказаться от пагубных или бесплодных удовольствий изолированной личной инициативы. Он должен понять, что нет ныне более благодетельной силы, чем коллективная сила, в которой все равны и свободны, и в самих интересах своей революционной страсти, сколь мало она ни была бы сознательной и серьезной, он должен стремиться стать частью этой коллективности, слиться с нею.

Эта тайная общность, Альянс, не может выродиться в общество избранных или корпорацию честолюбцев. От этой опасности он защищен, во-первых, своей революционной программой и открыто народной целью, а затем механизмом приема новых членов и братским контролем всех над каждым и каждым над всеми — бдительностью своего коллективного сознания; и, наконец, будучи заклятым врагом всякого авторитета и всякой официальной власти, он строго запрещает себе, в коллективном качестве и каждому из своих членов брать на себя любые авторитарные функции; его сила должна всегда оставаться тайной, невидимой и, насколько возможно, незаметной, и она навсегда останется ничем иным, как хорошо организованно суммой естественных влияний всех его членов, которые, подчиняясь коллективно принятому плану действий, оказывают воздействие каждый в своей сфере.

В. Взаимные обязанности и права Интернациональных братьев

1. Тот, кто вступает в союз Интернациональных братьев, посвящает себя бесповоротно душой и телом, мыслями, волей, страстью и действием, всеми своими способностями, своей энергией и достоинством служению социальной революции. Отныне этот союз становится его родиной, всего его члены — его братьями, более близкими, чем родственники по крови; он не будет стремиться ни к чему другому, кроме как к общей по-

беде союза, т. е. к победе социальной революции, исходя из того, что союз является необходимым орудием победы последней.

2. Все интернациональные братья полностью преданы друг другу, обязуясь соблюдать полную взаимную открытость, во всем, что касается их жизни, публичной и приватной, исповедовать любовь, истину, братскую искренность, оказывать помощь, поддержку и защиту до последней возможности.

Подобная открытость и взаимная искренность никогда, однако, не доходят до бестактности. Наше братство основано на взаимном уважении человеческого достоинства и свободы. Каждый Брат из уважения не станет вторгаться во внутренний мир и личную жизнь своего собрата, если тот ему сам этого не позволит. Строгие по отношению к самим себе, мы не должны быть чересчур неумолимыми цензорами друг для друга; мы должны привыкнуть прощать друг другу слабости, отлично понимая, что у каждого их достаточно и что именно поэтому каждый из нас испытывает потребность дополнять, исправлять и укреплять себя разумом, моралью и энергией всего нашего общества, когда сила, мужество и дух коллектива должны стать силой мужеством и духом каждого его члена. Мы не будем поэтому тратить время на то, чтобы поносить друг друга, и простим многое нашим братьям, пока они будут искренне стремиться стать лучше, стараться подняться до высот той миссии, которая на них возложена, и пока они на деле остаются верными Союзу.

Однако когда их слабости или ошибки грозят стать пагубными для Союза когда их слова и дела общественные и частные ставят их в противоречие с социалистической, гуманной моралью, к торжеству которой мы стремимся, долгом каждого является предостеречь и остановить их. В таких случаях следует действовать быстро и открыто, не за спиной обвиняемого, но прямо, обращаясь только к нему, либо делая ему необходимые замечания в присутствии всех других братьев. А тот, кто высказывает их, должен удерживаться от любого соблазна личного торжества, ибо не правда ранит, ранит торжествующая правда того, кто высказывает или думает, что высказывает ее; никогда, даже адресуя самые заслуженные упреки брату, не следует оскорблять его человеческое достоинство. В свою очередь, если брат, к которому обратились с подобными замечаниями, рассердится или затаит обиду, он докажет только то, что не может быть членом этого братства, ибо если уж что следует прежде всего искоренять среди нас, так это личное тщеславие и недостаточную и постыдную претензию быть всегда правым. Высший закон нашего братства, весь секрет нашей мощи — в растворении всех личных инициатив в коллективной мысли, воле и действиях. Это должно стать для всех нас больше, чем просто законом, должно стать нашей второй натурой, привычкой, и это возможно только в повседневной практике. В больших и малых вещах, относящихся к общему делу, мы должны отныне привыкнуть мыслить, желать, действовать только вместе, вместе советоваться и насколько возможно приходить к единогласным решениям.

4. Каждый Брат постоянно выполняет свои обязанности. Каждый день с утра и до вечера его мысль и его главная страсть, его высший долг — это пропаганда принципов Союза, его развитие и усиление его могущества. Его постоянной заботой должен стать поиск новых людей, особенно таких личностей, которые в определенной мере достойны стать членами Союза.

5. Каждый Брат имеет право не принять предложенное ему специальное задание и отказаться от чрезвычайных поручений, выполнения которых от него требуют, если ему мешает это сделать его особая ситуация, будь то в силу некоторых обстоятельств, болезни или его особой природы или же если эти поручения противоречат его личным мнениям и чувствам. — Но если брат постоянно отказывается выполнять порученное ему, Братство неизбежно приходит к выводу, что этот человек обманывает его и, быть может, обманывает самого себя относительно наличия у него революционной страсти. С другой стороны, Братство по мере возможности должно заботиться о том, чтобы всегда предлагать своим членам только такие задания и поручения, которые в наибольшей степени соответствуют их характеру, темпераменту, положению и возможностям, как материальным, так и интеллектуальным и моральным, а также, насколько возможно, их личным вкусам.

Каждый Брат, испытывающий сильную усталость из-за особых обстоятельств, болезни или даже просто утомление от предыдущей работы, имеет право на временный отпуск.

6. Каждый Брат может во всех жизненных обстоятельствах, публичных и частных, рассчитывать на индивидуальную или коллективную помощь, поддержку, выручку со стороны всех других Братьев. Это священный долг каждого и всех, а тот, кто откажется его выполнять, совершит по отношению ко всему Братству акт настоящего предательства.

С. Организация Интернациональных Братьев Учредительное собрание

1. Все Р. Р., собравшиеся на Ассамблее, образуют верховную власть Союза, его Учредительное Собрание.

2. Учредительное Собрание заседает регулярно, раз в год, в сроки, определяемые им же самим. Однако в чрезвычайной ситуации и под свою ответственность Центральное Бюро все же может созвать его, когда ему это покажется необходимым. Бюро также обязано созвать Собрание по требованию одной трети общего числа братьев под их серьезнейшую ответственность.

3. Учредительное Собрание является правомочным и его решения имеют законную силу только в том случае, когда в его составе заседает три четверти от общего числа Братьев; Братьям, которые не смогут принять участие в заседании, позволено голосовать в письменной форме или же передать свои голоса некоторым Братьям, которые направляются на Собрание; в этом слу-

чае, однако, голоса последних будут считаться простыми голосами. Решения Учредительного Собрания приобретают законную силу в том только случае, если за них будет подано простое большинство от общего числа Братьев.

Поскольку в Братстве не могут существовать различные партии, а также невозможно развитие и игра личных амбиций и тщеславия, следует надеяться, что большинство решений Учредительного Собрания будет приниматься единогласно.

Учредительное Собрание может изменить эти основоположения Союза только большинством в три четверти от общего числа Братьев.

При каждом заседании Учредительного Собрания регулярном или чрезвычайном, Центральное Бюро должно определить и сообщить всем Братьям через Национальные Советы все вопросы, представленные для обсуждения и голосования.

Каждый Брат может вносить на Учредительное Собрание свои индивидуальные предложения, но их обсуждение и голосование возможны только в том случае, если за срочность этого выскажется две трети присутствующих братьев.

4. Учредительное Собрание всегда начинает свою работу с анализа отчетов Центрального Бюро и Национальных Советов в общем ходе революционной работы и о конкретных ситуациях в каждой стране с точки зрения социальной революции. А затем, будучи надлежащим образом информированным по всем основным вопросам, оно обсуждает и определяет общий план революционной деятельности Союза, план, который, будучи один раз принят, может быть отменен только им самим; не будучи же отмененным, он *абсолютно* обязателен для всех Национальных Советов, которые должны реализовывать его в своих странах во что бы то ни стало, под постоянным наблюдением Центрального Бюро, чьим не только правом, но и обязанностью является в случае необходимости заставить их проводить этот план точно и действенно.

5. Учредительное Собрание вышеуказанным большинством голосов решает в последней инстанции все вопросы, как персональные, так и относящиеся к пропаганде, организации и революционной деятельности Союза во всех странах. Только оно может окончательно приостановить членство Брата, признанного виновным, исключить его и даже осудить на смерть, если только какой-либо Национальный Совет под свою полнейшую ответственность и ради всеобщего блага не возьмет на себя объявление и исполнение этого приговора.

6. Учредительное Собрание назначает на один год Центральное Бюро, состоящее из такого количества членов, которое окажется необходимым. Только оно может его отозвать, распустить или заменить одних членов другими до истечения установленного срока.

Оно может также через Областные Советы, которые должны ему абсолютно повиноваться, осуществлять замену одних членов Национальных комитетов другими.

Центральное Бюро

1. Центральное Бюро является центром связи между всеми Национальными Советами. Оно получает их отчеты о революционной ситуации в соответствующих странах и о важных событиях, происходящих там. — Оно собирает их, обобщает, чтобы извлечь выводы об общем состоянии революции — выводы, которые оно должно как можно чаще доводить до сведения Национальных Советов и, наконец, Учредительного Собрания во время его работы.

2. Центральное Бюро поддерживает сношения с Национальными комитетами через Интернациональных братьев, входящих в их состав; через них, а также посредством Национальных советов Бюро осуществляет постоянный контроль за развитием и направлением революционной пропаганды и работой революционных организаций во всех странах, призывая их строго придерживаться плана действий, установленного для каждой страны Учредительным Собранием.

3. Оно изобличает перед всеми Национальными советами и, наконец, перед Учредительным Собранием людей, деяния и факты, которые могут оказаться противоречащими делу революции и наносящими ей вред.

4. Оно несет ответственность за все свои действия, равно как и упущения сначала и в предварительном порядке перед всеми Национальными советами, а окончательно — перед Учредительным Собранием.

Национальные советы

1. *Национальный совет* каждой страны включает в себя всех Интернациональных Братьев, находящихся там постоянно или проездом, независимо от того, гражданами какой страны они являются.

2. Национальный Совет избирает из своей среды тех Интернациональных Братьев, которые должны составлять *Национальное бюро* страны и которые должны руководить всей общенациональной организацией этой страны.

3. В обычных обстоятельствах это Бюро представляет Национальный совет, строго придерживаясь его решений по претворению в жизнь в специфических условиях данной страны всех мер, установленных Учредительным Собранием и поддержанных в качестве таковых Центральным Бюро, с которым оно должно находиться в постоянной связи, общаясь с ним от имени всего Национального совета.

4. В экстренных случаях — будь то для разрешения разногласий между Центральным Бюро и Национальным бюро и Национальным комитетом, будь то в случае, если какое-либо событие вынудит Национальное бюро изменить направление своей революционной работы или же предпринять какие-то экстренные действия, будь то, наконец, при необходимости су-

дить интернационального брата — Национальное бюро или, по крайней мере, его большинство, непременно состоящее из интернациональных братьев (и естественно без согласия меньшинства, состоящего из национальных братьев), созывает весь Национальный совет в месте его заседаний, заранее известив его о вопросах, которые предстоит решить. — Во всех этих случаях Национальное бюро, никогда не отходя от общего пути, предписанного Учредительным Собранием, осуществляет меры, принятые большинством от общего числа членов Национального совета.

5. Члены Национального совета собираются, как правило, два раза в год. Для экстренного созыва не может быть ни чисел, ни определенного времени. Достаточно, чтобы его созыва, под свою ответственность, потребовали трое Интернациональных братьев, находящихся в стране; в этом случае Постоянное бюро обязано его созвать.

6. Все члены Национального совета, уроженцы или жители данной страны, в качестве таковых являющиеся и Национальными братьями осуществляют непосредственный и постоянный контроль за своей работой по организации, пропаганде и революционному действию Национального братства во всех областях этой страны. В своей совокупности они образуют зародыши всей организации Национальных братьев.

7. Они ставят в известность Постоянное бюро, а через него и Национальный комитет обо всем, что происходит в областях, где они проживают или через которые они проезжают. Но если они не обладают специальными полномочиями, которыми они могут быть наделены в качестве национальных братьев, то никогда не имеют права непосредственно вмешиваться в дела и должны избегать создавать помехи деятельности Национального комитета или парализовывать ее.

8. Интернациональные братья имеют право знать все. Но в том, что касается способов и путей выполнения, никто не должен стремиться узнать больше, чем ему необходимо для выполнения порученного ему специального задания. Все детали реализации должны быть известны лишь тем, кто на это специально уполномочен. Ведь неумение хранить тайну и праздно любопытство являются антиреволюционными пороками.

9. Братья, члены Национального совета, контролируют и оценивают все действия Интернациональных братьев, находящихся в данное время в этой стране.

10. Для виновных предусмотрено только пять видов различных наказаний: порицание, временное отстранение, окончательное отстранение, исключение и смерть, первые два вида могут быть вынесены Национальными Советами в отношении всех Братьев, находящихся в соответствующих странах. В экстренных случаях и если речь идет о судьбе Союза, Национальные Советы, осознавая, что принимают на себя серьезнейшую ответственность, и только единогласным голосованием присутствующих членов могут также осудить на смерть предателей и привести этот приговор в исполнение. В обычных же случаях три последних

вида наказаний — окончательное отстранение, исключение и смертная казнь — могут быть вынесены лишь Учредительным Собранием.

11. Для создания Национального совета требуется наличие по крайней мере троих Интернациональных Братьев.

D. Вербовка Интернациональных братьев

1. Прием новых Интернациональных Братьев осуществляется только Учредительным Собранием по представлению Национальных советов.

2. В странах, где из-за отсутствия трех членов Национальный совет еще не создан и которые по этой причине находятся в непосредственном подчинении Центральному Бюро, которое и несет за это ответственность перед Учредительным Собранием, избрание Интернациональных братьев происходит следующим образом: либо Центральное Бюро направляет туда одного, двух и, если возможно, большее число Интернациональных Братьев для создания там Национального Совета, который будет действовать в соответствии со всеми своими правилами; либо же Бюро, получив доклад одного или двух Братьев, находящихся в стране, и добавив к нему свое мнение, отправит копию его всем Национальным Советам, и от их единодушного одобрения и если при этом мнение Центрального Бюро останется положительным, будет зависеть представление нового Брата. — Учредительное Собрание вынесет решение о его избрании.

3. В те страны, где еще нет Интернациональных братьев, Центральное Бюро при всякой возможности будет стараться послать хотя бы одного и если возможно двух Братьев со специальным мандатом организаторов.

Они начнут с организации Национального братства этой страны, в отношении которой они станут естественными и ответственными посредниками в ее сношениях с Центральным Бюро. — В этой организаторской работе они будут тщательно соблюдать метод вербовки, принятый для всех уровней организации Союза, не принимая за раз более одного нового члена, при том что каждый вновь избранный член будет участвовать в выборах всех последующих, и что каждые выборы нового члена будут единогласными.

Если среди Национальных братьев, избранию которых они способствовали, организаторы заметят некоторых, а особенно одного, обладающих, по их мнению, всеми качествами, необходимыми для хорошего Интернационального Брата, они известят об этом Центральное Бюро, которое тогда возьмет на себя инициативу представления их Учредительному Собранию.

4. Как правило, в таком тонком и сложном деле, как выбор не тех Интернациональных Братьев, Национальные Советы и Центральное Бюро должны действовать с полным сознанием той огромной ответственности, которую они берут на себя, ибо один неверный выбор может разрушить всю организацию.

В случае ошибки Учредительное Собрание будет их судить и даже может приостановить осуществление прав тех Братьев, которые приняли наиболее активное участие в ошибочных выборах, а также может вмешаться в новые выборы.

II. Национальные Братства

Национальная организация каждой страны состоит из трех или четырех категорий:

1. Национальное Братство
2. Областные братства
3. При необходимости, Братства или союзы округов, причем очень крупные города могут считаться округами
4. Местные Братства или союзы.

Интернациональные братья каждой страны естественно образуют в ней учредительную группу, первоначальное ядро национальных братьев, число которых они увеличивают, постепенно принимая новых национальных братьев, вербуемых и принимаемых всегда только по одному, а не по два за раз, и только на основании единодушного решения всех уже существующих национальных братьев.

Областные, как и окружные, братства совершенно так же организуются национальными братьями (и, естественно, интернациональными братьями, но известными национальным братьям лишь в качестве национальных братьев), проживающими или находящимися проездом в различных провинциях или округах.

Местные Братства организуются абсолютно подобным же образом национальными братьями (и, естественно, интернациональными братьями, но известными областным братьям лишь в качестве областных братьев) — путем вербовки их членов всегда по одному за раз и с согласия всех уже существующих членов.

В совокупности своей, национальные, областные, окружные и местные братства образуют общенациональную организацию страны, во главе которой находится *Национальное Бюро*.

Эта организация должна строиться таким образом, чтобы на деле она всегда оставалась — как в целом, так и в каждой своей составной части — подчиненной Национальному совету. Для достижения этой цели, реализация которой находится под постоянной угрозой в силу естественного роста большинства низших категорий по сравнению с высшими (вполне понятно, что в каждой стране чисто национальных братьев будет всегда больше, чем интернациональных, а в каждой области число областных братьев больше, чем национальных и так далее) — абсолютно и прежде всего необходимо, чтобы Интернациональные братья, а за ними последовательно национальные и областные братья оказывали преобладающее интеллектуальное и мо-

ральное влияние на все Нижестоящие братства, и чтобы на деле благодаря своей постоянной энергии, интеллекту и эффективности своих действий они стали и оставались их душой, реальным, естественным и постоянно необходимым Центром, без наличия которого рухнет вся организация.

Точно так же необходимо, чтобы каждое братство никогда не выходило за рамки действий и прерогатив, закрепленных за ним в данном уставе.

Каждое братство образует руководящее и исполнительное бюро, состоящее из двух или большего числа членов и не имеющее председателя. — В каждой стране должно быть 1) *Национальное Бюро*; 2) *Столько Областных бюро*, сколько будет областных [братьев]; 3) *Окружное бюро*.

Национальное бюро должно, насколько возможно, состоять только из Интернациональных Братьев, которые во всяком случае должны, по крайней мере, быть в нем в большинстве; точно так же Областные и окружные бюро должны состоять исключительно из Национальных братьев, либо их там должно быть большинство.

Национальные братья, входящие в состав областных и окружных бюро, либо являющиеся рядовыми членами нижестоящих организаций, обязаны постоянно информировать *Национальное Бюро* обо всех деталях пропаганды и деятельности и в целом о ходе дел в их местности, округе и области.

Если за каким-нибудь индивидом будет признано наличие всех качеств, необходимых для Интернационального брата, его отнюдь не следует проводить по нижестоящим организациям — местным, окружным или областным; его сразу принимают в национальное братство. Точно так же принимают в областные братства тех, кого сочтут достойными стать национальными братьями.

Что касается интеллектуальных и моральных качеств, требуемых для различных категорий, то здесь, естественно, существует определенная градация. Но в любом случае при выборе людей необходимо руководствоваться в качестве верховного критерия их нравственными качествами, их революционной и человеческой честностью. Уровень интеллектуального развития, более или менее энергичная воля, революционное чувство и мужество, в зависимости от степени их развития и силы в каждом человеке, будут определять категорию организации, к которой он должен принадлежать.

Перед местными братствами стоит особая цель — развивать и организовывать Интернационал вокруг себя, постоянно пропагандировать в своих рамках наши принципы и создавать первичный союз воли и характера.

Областные братства, а под их руководством и окружные братства направляют — при помощи сплоченной группы своих членов, которые одновременно являются членами местных организаций — тайную и открытую работу последних.

Национальные братья заботятся о том, чтобы указания, даваемые областными братьями местным организациям, всегда соответствовали нашей программе, единой для всех категорий организаций, а также плану

действий, принятому национальным братством. Они должны являться душой всего Интернационала в своих странах.

В соответствии с этими общими и неизменными нормами, областные и местные организации создаются по особым правилам, определяемым специфическими условиями каждой области, округа и местности, причем всегда учитывается характер, естественные наклонности и даже географические условия жителей.

Из работы
«Государственность и анархия»
Прибавление А

Для предупреждения недоразумений считаем, однако, необходимым заметить, что то, что мы называем *идеалом* народа, ничего не имеет подобного с теми политически-социальными схемами, формулами и теориями, выработанными помимо народной жизни досугом буржуазных ученых или полуученых и предлагаемыми милостиво *невежественной народной толпе* как необходимое условие их будущего устройства. Мы не имеем ни малейшей веры в эти теории, и самые лучшие из них кажутся нам прокрустовыми кроватями, слишком узкими для того, чтобы охватить могучее и широкое раздолье народной жизни.

Наука, самая рациональная и глубокая, не может угадать формы будущей общественной жизни. Она может определить только *отрицательные* условия, логически вытекающие из строгой критики существующего общества. Таким образом, социально-экономическая наука при такой критике дошла до отрицания лично-наследственной собственности и, следовательно, до отвлеченного и, как бы сказать, *отрицательного* положения собственности коллективной, как необходимого условия будущего социального строя. Таким же путем дошла она до отрицания самой идеи государства и государственного, т. е. управления обществом сверху вниз, во имя какого бы то ни было мнимого права, богословского или метафизического, божественного или интеллигентно-ученого, и вследствие того пришла к противоположному, а потому и отрицательному положению — к анархии, т. е. самостоятельной свободной организации всех единиц или частей, составляющих общины, и их вольной федерации между собою, снизу вверх, не по приказанию какого бы то начальства, даже

избранного, и не по указаниям какой-либо ученой теории, а вследствие совсем естественного развития всякого рода потребностей, проявляемых самую жизнью.

Поэтому никакой ученый не в состоянии научить народ, не в состоянии определить даже для себя, как народ будет и должен жить на другой день социальной революции. Это определится, во-первых, положением каждого народа и, во-вторых, теми стремлениями, которые в них проявятся и будут сильнее действовать, отнюдь же не руководствами и уяснениями сверху и вообще никакими теориями, выдуманнными накануне революции.

Нам известно, что в России теперь развилось целое направление к образованию так называемых народных учителей. Утверждают, что должно прежде всего научить народ, а когда он научится и поймет свои права и обязанности, тогда только можно его бунтовать. Тут сейчас же является вопрос, чему вы станете учить народ? Не тому ли, чего сами не знаете, не можете знать и чему сами должны прежде всего выучиться у народа?

В этом направлении или в этой далеко, впрочем, не новой партии необходимо различать две категории.

Самая многочисленная — это категория доктринеров, шарлатанов, большею частью и себя-надувателей, которые, не отказываясь ни от каких удовольствий и выгод, доставляемых существующим обществом привилегированному и богатому меньшинству, вместе с тем хотят приобрести или сохранить репутацию людей, преданных в самом деле делу народного освобождения, а, пожалуй, даже революционеров, — когда это не бывает сопряжено с слишком большими неудобствами. Таких господ в России появилось слишком много. Они учреждают народные банки, артели, потребительные и производительные общества, занимаются, конечно, женским вопросом и именуют себя громко поборниками науки, позитивистами, а теперь марксистами. Общая черта, отличающая их, — это ничем не жертвовать, беречь и холить свои дорогие личности пуще всего, и вместе с тем желают слыть передовыми людьми во всех отношениях.

С этою категорию, как бы многочисленна она ни была, разговоры напрасны. До революции ее можно только разоблачать и срамить; а в революцию... ну, тогда будем надеяться, что они сами пропадут.

Но есть другая категория, состоящая из молодых людей честных, действительно преданных, и которые бросались в это направление в последнее время как бы с отчаяния, только потому, что им кажется, что при настоящих обстоятельствах другого дела и выхода нет. Мы не определим их ближе, боясь обратить на них внимание полиции; но те из них, которые прочтут эти строки, поймут, что слова наши обращены прямо к ним.

Именно их хотелось бы нам спросить: чему они намереваются учить народ? Хотят ли они преподавать народу рациональную науку? Сколько нам известно, их цель не такова. Они знают, что правительство остановило бы на первом шагу всякого, кто захотел бы внести

науку в народные школы, и знают кроме того, что самому народу нашему в его настоящем слишком бедственном положении совсем не до науки. Для того чтобы сделать доступною для него теорию, надо переменить его практику и прежде всего преобразовать радикально экономические условия его быта, вырвать его из повсеместной и почти поголовной голодной беды.

Каким же образом честные люди могут изменить экономический быт народа? Никакой власти у них нет, да и сама государственная власть, как мы это постараемся доказать ниже, бессильна исправить экономическое положение народа; единственное, что она может сделать для него, это — упраздниться, исчезнуть, так как ее существование несогласно с благом народным, могущим быть созданным только самим народом.

Что же могут сделать друзья народа? Возбудить его к самостоятельному движению и действию и прежде всего — утверждают именно добросовестные поборники того направления, о котором мы теперь говорили, — указать ему пути и средства к его освобождению.

Пути и средства могут быть двоякого рода: чисто революционные, стремящиеся прямо к организации всенародного бунта, и другие, более мирные, начинающие освобождение народа систематически медленным, но вместе с тем радикальным преобразованием его экономического быта. Этот второй метод, если ему хотят следовать искренно, исключает, разумеется, пошлую проповедь о сбережении, столь любимую буржуазными экономистами, по той простой причине, что чернорабочему народу вообще, и особенно нашему, сберегать решительно нечего.

Но что же могут сделать честные люди для того, чтобы толкнуть наш народ на этот путь медленных, но радикальных экономических преобразований? Не откроют ли они в деревнях кафедры социологии? Во-первых, все то же отечески бдительное правительство не позволит; ну, а во-вторых, крестьяне ничего не поймут и насмеются над самим профессором; да, наконец, и сама социология — наука будущая; в настоящее же время она несравненно богаче неразрешимыми вопросами, чем положительными ответами, не говорим уже о том, что нашим бедным мужикам заниматься ею, право, некогда, на них можно действовать только путем практики, отнюдь же не посредством теорий.

В чем же может состоять эта практика? Именно практика, ставящая себе главной, если не единственной целью — толкнуть всю огромную массу нашего крестьянства на путь самостоятельных экономических преобразований, в духе новейшей социологии? Она не может состоять ни в чем другом, как в образовании рабочих артелей и кооперативных обществ, ссудных, потребительных и производительных, и по преимуществу последних, как идущих прямее других к цели, т. е. к освобождению труда от господства буржуазного капитала.

Но возможно ли это освобождение при экономических условиях, преобладающих в настоящем обществе? Наука, опираясь на факты, а именно на целый ряд опытов, сделанных в продолжение последних двадцати лет в разных странах, решительно говорит нам: невозможно. Лассаль, которого мы, впрочем, далеко не последователи, доказал эту невозможность самым блестящим и популярнейшим образом в своих брошюрах, и в этом сходятся с ним все новейшие экономисты, хотя и буржуазные, но серьезные, как бы нехотя раскрывают немощь кооперативной системы, на которую довольно справедливо смотрят, как на спасительный громовод против социально-революционной грозы.

Интернационал, с своей стороны, много и в продолжение нескольких лет часто возбуждал вопрос о кооперативных товариществах и на основании многочисленных доводов пришел к следующему результату, высказанному на Лозаннском конгрессе (в 1867 г.) и подтвержденному на Брюссельском конгрессе (в 1868 г.).

Кооперация, во всех ее видах, есть, несомненно, рациональная и справедливая форма будущего производства. Но для того, чтобы она могла достигнуть своей цели — освобождения всех работающих масс и полного вознаграждения и удовлетворения их, необходимо, чтобы земля и капитал, во всех видах, сделались коллективной собственностью. До тех пор, пока этого не будет, кооперация в большем числе случаев будет раздавлена всемогущею конкуренциею больших капиталов и большой поземельной собственности; в редких же случаях, когда, например, тому или другому, непременно более или менее замкнутому, производительному товариществу удастся выдержать и пережить эту борьбу, результатом этой удачи будет лишь зарождение нового привилегированного класса коллективных счастливых в массе нищенствующего пролетариата. Итак, при существующих условиях общественной экономии кооперация рабочих масс освободить не может, тем не менее, однако, она представляет ту выгоду, что даже в настоящее время приучает работников соединяться, организоваться и самостоятельно управлять своими собственными делами.

Несмотря, однако, на признание этой несомненной пользы, кооперативное движение, сначала двинувшее нас быстро, в последнее время значительно ослабело в Европе, по той весьма простой причине, что массы рабочих, разубедившись, что в настоящее время они посредством ее могут достигнуть своего освобождения, не нашли нужным прибегать к ней для довершения своего практического воспитания, лишь только они потеряли веру в достижение цели, они пренебрегли и путем, к ней ведущим, или, вернее, путем, к ней не ведущим, а гимнастикой, даже и полезною, им некогда заниматься.

Что истинно на Западе, не может быть ложью на Востоке, и мы не думаем, чтобы кооперативное движение могло принять сколько-нибудь серьезные размеры в России. В настоящее время в России кооперация еще невоз-

можнее, чем на Западе. Одним из главных условий ее успеха, там, где она действительно удалась, была личная инициатива, выдержанность и доблесть, но личность гораздо более развита на Западе, чем у нас в России, где до сих пор преобладает гуртовое движение. Кроме того, сами внешние условия, как политические, так и общественные, а также и уровень образования на Западе несравненно благоприятнее для образования и развития кооперативных обществ, чем в России, и несмотря на все это, на Западе кооперативное движение зачехло. Каким же образом может оно ужиться в России?

Скажут, что самая стадообразность русских народных движений может благоприятствовать ему. Элементы прогресса, это беспрестанное усовершенствование организации работы, производства и продукта его, без которых борьба против конкурирующего капитала, и без того уже столь неравная, делается совершенно невозможною, несовместимы с гуртовой деятельностью, неизменно клонящеюся к рутине. Кооперация поэтому может процветать в России только в самых незначительных, чтобы не сказать крошечных, размерах и до тех пор только, пока она останется незаметною и нечувствительною для всеподавляющего капитала и для еще более подавляющего правительства.

Для нас, впрочем, понятно, как молодые люди, слишком серьезные и честные для того, чтобы тешить себя либеральными фразами и для того, чтобы маскировать свой эгоизм доктринерною, бездушною, бессмысленною, одним словом, миртовскою или кедровскою²⁴⁸ ученой болтовней; слишком живые и страстные, с другой стороны, чтобы оставаться, сложа руки, в постыдном бездействии, не видя перед собой другого исхода, бросаются в так называемое кооперативное движение. Это им дает, по крайней мере, средства и случай встретиться с работниками, стать как работник в их ряды, их узнавать и, по возможности, их соединять для достижения хоть какой-нибудь цели. Все же это несравненно утешительнее и полезнее, чем не делать решительно ничего.

С этой точки зрения, мы не имеем ничего против кооперативных попыток; но думаем, вместе с тем, что молодые люди, предпринимающие их, отнюдь не должны обманывать себя насчет результатов, которых могут они достигнуть. Эти результаты в больших городах и фабричных селах, посреди фабричных работников могут быть довольно значительны. Они будут чрезвычайно ничтожны посреди сельского населения, где они потеряются, как песчинки в степи, как капли в море...

Но справедливо ли, что нет теперь в России ни другого выхода, ни дела другого, кроме кооперативных предприятий? Мы думаем решительно, что это несправедливо.

В русском народе существуют в самых широких размерах те два первых элемента, на которые мы можем указать, как на необходимые условия социальной революции. Он может похвастаться чрезмерною нищетою, а также и рабством примерным. Страданиям его нет числа, и переносит он их не терпеливо, а с глубоким и страстным отчаянием, вы-

развившимся уже два раза исторически, двумя страшными взрывами: бунтом Стеньки Разина и пугачевским бунтом, и не переставшим поныне проявляться в беспрерывном ряде частных крестьянских бунтов.

Что же служит ему препятствием к совершению победоносной революции? Недостаток ли в общем народном идеале, который был бы способен осмыслить народную революцию, дать ей определенную цель и без которого, как мы выше сказали, невозможно одновременное и всеобщее восстание целого народа, а следовательно, невозможен и самый успех революции? Но вряд ли было бы справедливо сказать, что в русском народе уже не выработался такой идеал.

Если бы его не было, если бы он не выработался в сознании народном, по крайней мере, в своих главных чертах, то надо бы было отказаться от всякой надежды на русскую революцию, потому что такой идеал выдвигается из самой глубины народной жизни, есть непререкаемым образом результатом народных исторических испытаний, его стремлений, страданий, протестов, борьбы и вместе с тем есть как бы образное и общепонятное, всегда простое, выражение его настоящих требований и надежд.

Понятно, что если народ не выработает сам из себя этого идеала, то никто не будет в состоянии ему его дать. Вообще нужно заметить, что никому, ни лицу, ни обществу, ни народу, нельзя дать того, чего в нем уже не существует не только в зародыше, но даже в некоторой степени развития. Возьмем лицо; если мысль уже не существует в нем как живой инстинкт и как более или менее ясное представление, служащее как бы первым обнаружением этого инстинкта, то вы ему ни за что в мире не растолкуете и, главное, не втолкуете. Посмотрите на буржуа, довольного своей судьбой, надеетесь ли вы ему когда-нибудь объяснить право пролетария на полное человеческое развитие и на участие равное во всех наслаждениях, удовлетворениях и благах общественной жизни или ему доказать законность и спасительную необходимость социальной революции? Нет, если вы с ума не сошли, вы этого даже и пробовать не станете; а почему не станете? Потому что будете уверены, что будь даже этот буржуа от природы и добр, и умен, и благороден, и великодушен, и склонен к справедливости, — видите, какие я делаю уступки, а ведь таких буржуа немного на свете, — будь он чрезвычайно образован и даже учен, он все-таки вас не поймет и социальным революционером не сделается. А почему не сделается? По той простой причине, что жизнь его не выработала в нем тех инстинктивных стремлений, которые бы соответствовали вашей социально-революционной мысли. Если же бы, напротив, эти стремления в нем существовали хоть в зародыше или даже в самых нелепых видах представления, то как бы ни было приятно для его чувственности и ни удовлетворительно для его самолюбия его общественное положение, он не мог бы быть доволен собою.

Напротив, возьмите человека наименее образованного и самого нелепого, если вы в нем только действительно откроете инстинкты и честные, хо-

тя и темные, стремления, соответствующие социально-революционной идее, как бы дики ни были его настоящие представления, вы не пугайтесь, а только займитесь им серьезно, с любовью, и вы увидите, как широко и как страстно он обнимет, усвоит вашу идею или, вернее, свою собственную идею, потому что она не что иное, как ясное, полное и логическое выражение его собственного инстинкта, так что вы в сущности не дали ему ничего, не принесли ему ничего нового, а только уяснили ему то, что в нем жило гораздо прежде, чем он встретился с вами. Вот почему я говорю, что никто ничего никому дать не может.

Но если это справедливо в отношении к лицу, тем более это справедливо в отношении к целому народу. Нужно быть олухом царя небесного или неизлечимым доктринером, для того чтобы вообразить себе, что можно что-нибудь дать народу, подарить ему какое бы то ни было материальное благо или новое умственное или нравственное содержание, новую истину и произвольно дать его жизни новое направление или, как утверждал тридцать шесть лет тому назад покойный Чаадаев²⁴⁹, говоря именно о русском народе, писать на нем, как на белом листе, что угодно²⁵⁰.

В числе самых великих гениев до сих пор было мало таких, которые бы действительно сделали что-нибудь для народа; гении народа чрезвычайно аристократические, и все, что они сделали до сих пор, послужило только к образованию, к усилению и к обогащению эксплуатирующего меньшинства; бедные массы народа, покинутые и задавленные всеми, должны были пробивать свою гигантски-мученическую тропу к свободе и к свету бесконечным рядом темных и бесплодных усилий. Самые великие гении не приносили и не могли приносить нового содержания обществу, а, созданные самим обществом, они, продолжая и развивая многовековую работу, принесли и приносят только новые формы для того же содержания, беспрестанно вновь возрождающегося и расширяющегося самым движением общественной жизни.

Но, повторяю еще раз, самые прославленные гении ничего или очень мало сделали до сих пор собственно для народа, т. е. для многомиллионного чернорабочего пролетариата. Народная жизнь, народное развитие, народный прогресс принадлежат исключительно самому народу. Этот прогресс совершается, конечно, не путем книжного образования, а путем естественного нарастания опыта и мысли, передаваемого из рода в род и необходимым образом расширяющегося, углубляющегося по содержанию, усовершенствующегося и облакающего в свои формы, разумеется, чрезвычайно медленно, путем бесконечного ряда тяжелых и горьких исторических испытаний, доведших, наконец, в наше время народные массы, можно сказать, всех стран, по крайней мере всех европейских стран, до сознания, что им от привилегированных классов и от нынешних государств, вообще от политических переворотов, ждать нечего, и что они могут освободиться только собственным усилием своим, посредством социальной революции. Это самое определяет всеобщий идеал, ныне в них живущий и действующий.

Существует ли такой идеал в представлении народа русского? Нет сомнения, что существует, и нет даже необходимости слишком далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты.

Первая и главная черта — это всенародное убеждение, что земля, вся земля, принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее собственноручным трудом. Вторая столь же крупная черта, что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами; третья черта, одинаковой важности с двумя предыдущими, — это квазиабсолютная автономия, общинное самоуправление и вследствие того решительно враждебное отношение общины к государству.

Вот три главные черты, которые лежат в основании русского народного идеала. По существу своему они вполне соответствуют идеалу, вырабатываемому за последнее время в сознании пролетариата латинских стран, несравненно ближе ныне стоящих к социальной революции, чем страны германские. Однако русский народный идеал омрачен тремя другими чертами, которые искажают его характер и чрезвычайно затрудняют и замедляют осуществление его; чертами, против которых поэтому мы всеми силами должны бороться, и против которых борьба тем возможнее, что она уже существует в самом народе.

Эти три затемняющие черты: 1) патриархальность; 2) поглощение лица миром; 3) вера в царя.

Можно было бы прибавить в виде четвертой черты христианскую веру, официально-православную или сектаторскую²⁵¹; но, по нашему мнению, у нас в России этот вопрос далеко не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе, не только в католических, но даже и в протестантских странах. Социальные революционеры, разумеется, не пренебрегают им и пользуются всяким случаем, чтобы в присутствии народа сказать убийственную правду господу Саваофу²⁵² и богословским, метафизическим, политическим, юридическим, полицейским и буржуазно-экономическим представителям его на земле. Но они не ставят религиозный вопрос на первое место, убежденные в том, что суеверие народа, естественным образом сопряженное в нем с невежеством, не коренится, однако, столько в этом невежестве, сколько в его нищете, в его материальных страданиях и в неслыханных притеснениях всякого рода, претерпеваемых им всякий день; что религиозные представления и басни, эта фантастическая склонность к нелепому — явление еще более практическое, чем теоретическое, а именно, не столько заблуждение ума, сколько протест самой жизни, воли и страсти против невыносимой жизненной тесноты; что церковь представляет для народа род небесного кабака, точно так же как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле; как в церкви, так и в кабаке он забывает хоть на одну минуту свой голод, свой гнет, свое унижение, старается успокоить память о сво-

ей ежедневной беде — один раз в безумной вере, а другой раз в вине. Одно опьянение стоит другого.

Социальные революционеры знают это и потому убеждены, что религиозность в народе можно будет убить только социальной революцией, отнюдь же не отвлеченной и доктринерной пропагандой так называемых свободных мыслителей. Эти господа свободные мыслители с ног до головы буржуа, неисправимые метафизики по приемам, привычкам и жизни даже и тогда, когда называют себя позитивистами и воображают себя материалистами. Им все кажется, что жизнь вытекает из мысли, есть как бы осуществление предпосланной мысли, вследствие чего и утверждают, что мысль, и, разумеется, их бедная мысль, должна заправлять и жизнью; и не понимают они того, что мысль, напротив, вытекает из жизни и что для того, чтобы изменить мысль, надо прежде всего переменить жизнь. Дайте широкоую человеческую жизнь народу, и он вас удивит глубокою рациональностью своих мыслей.

Завзятые доктринеры, называющие себя свободными мыслителями, имеют еще другую причину предпосылать теоретическую, антирелигиозную пропаганду практическому делу. Они по большей части плохие революционеры и просто тщеславные эгоисты и трусы. К тому же по положению своему они принадлежат к образованным классам и очень дорожат комфортом и тонким изяществом, умственно-тщеславным наслаждением, которыми переполнена жизнь этих классов. Они понимают, что народная революция, по существу и по самой цели грубая и бесцеремонная, не остановится перед разрушением буржуазного мира, в котором им живется так хорошо, и потому, кроме того, что они отнюдь не намерены навлекать на себя значительные неудобства, сопряженные с честным служением революционному делу, и что им не хотелось бы также возбудить против себя негодование менее либеральных и смелых, но все-таки драгоценных покровителей, почитателей, друзей и товарищей по образованию, по житейским связям, по изяществу и материальному комфорту, они просто-напросто сами для себя не хотят и боятся такой революции, которая их самих свела бы с пьедестала и лишила бы вдруг всех выгод настоящего положения.

А между тем признаться им в этом не хочется, им непременно надобно удивить буржуазный мир своим радикализмом и увлечь революционную молодежь, а если можно, и самый народ за собою. Как же тут быть? Надо буржуазный мир удивить и не надо его сердить, надо увлечь революционную молодежь и вместе с тем избегнуть революционной пропасти! Для этого средство одно: устремить всю мнимо революционную ярость свою против господ бога. Так они уверены в несуществовании его, что гнева его не боятся. Другое дело начальство, всякое начальство, от царя до последнего полицейского! Дело другое люди богатые и могучие по своему общественному положению, от банкира и жида-откупщика до последнего купца-кулака и помещика! Их гнев может выразиться слишком чувствительно.

В силу такого рассуждения они объявляют беспощадную войну господе богу, отвергают наирадикальнейшим образом религию, во всех ее проявлениях и видах, громят богословие и метафизические бредни, все суеверия народные во имя науки, которую, разумеется, носят в карманах своих и которою испещряют все многоглаголивые писания свои, — но в то же самое время обращаются с чрезвычайно нежностью ко всем политическим и общественным силам мира сего, и если, вынужденные логикой и общественным мнением, позволяют себе даже их отрицать, то делают это так учтиво, так кротко, что надо иметь нрав чрезвычайно крутой, чтобы на них рассердиться, они непременно оставляют выходы и выражают надежду на их исправление. Эта способность надеяться и верить в них так велика, что они даже полагают возможным, что наш правительствующий сенат сделается рано или поздно органом народного освобождения. (Смотри последнюю, по числу третью программу неперидического издания «Вперед»²⁵³, скорое появление которого ожидается в Цюрихе)²⁵⁴.

Но оставим этих шарлатанов и обратимся к своему вопросу.

Народа никогда и ни под каким предлогом и для какой бы то ни было цели обманывать не следует. Это было бы не просто преступно, но и в видах достижения революционного дела вредно; вредно уже потому, что всякий обман по существу своему близорук, мелок, тесен, всегда шит белыми и гнилыми нитками, вследствие чего непременно обрывается и раскрывается, и для самой революционной молодежи самое ложное, самопроизвольное, самодурное и народу противное направление. Человек силен только тогда, когда он весь стоит на своей правде, когда он говорит и действует сообразно своим глубочайшим убеждениям. Тогда, в каком бы положении он ни был, он всегда знает, что ему надо говорить и делать. Он может пасть, но осрамиться и осрамить своего дела не может. Если мы будем стремиться к освобождению народа путем лжи, мы непременно запутаемся, собьемся с пути, потеряем из виду самую цель, и, если будем иметь хотя какое-нибудь влияние на народ, собьем с пути и самый народ, т. е. будем действовать в смысле и на пользу реакции.

Поэтому, так как мы сами глубоко убежденные безбожники, враги всякого религиозного верования и материалисты, всякий раз, когда нам придется говорить о вере с народом, мы обязаны высказать ему во всей полноте наше безверие, скажу более, наше враждебное отношение к религии. На все вопросы его по этому предмету мы должны отвечать честно и, даже когда становится нужно, т. е. когда предвидится успех, должны стараться ему объяснить и доказать справедливость своих воззрений. Но мы не должны сами искать случаев к подобным разговорам. Мы не должны ставить религиозный вопрос на первом плане нашей пропаганды в народе. Делать это, по нашему глубокому убеждению, односторонне и изменю народному делу.

Народ — не доктринер и не философ. У него нет ни досуга, ни привычки заниматься одновременно многими вопросами. Увлекаясь одним,

он забывает все другие. Поэтому наша прямая обязанность поставить перед ним главный вопрос, от разрешения которого, более чем от всех других, зависит его освобождение. Но этот вопрос указан самим положением его, всей его жизнью — этот вопрос экономически-политический, экономический в смысле социальной революции и политический в смысле разрушения государства. Занимать его религиозным вопросом — значит отвлекать его от настоящего дела, значит изменить его делу.

Народное дело состоит единственно в осуществлении народного идеала с возможным, в народе же самом коренящимся, исправлением и лучшим, прямее и скорее к цели идущим, направлением его. Мы указали на три несчастные черты, омрачающие, главным образом, идеал русского народа. Теперь заметим, что две последние: поглощение лица миром и богопочитание царя, собственно, вытекают как естественные результаты из первой, т. е. из патриархальности, и что поэтому патриархальность есть то главное историческое, но, к несчастью, совершенно народное зло, против которого мы обязаны бороться всеми силами.

Оно исказило всю русскую жизнь, наложив на нее тот характер тупоумной неподвижности, той непроходимой грязи родной, той коренной лжи, алчного лицемерия и, наконец, того холопского рабства, которые делают ее нестерпимой. Деспотизм мужа, отца, а потом старшего брата обратил семью, уже безнравственную по своему юридически-экономическому началу, в школу торжествующего насилия и самодурства, домашней ежедневной подлости и разврата. Гроб убеленный — выражение отличное для определения русской семьи. Добрый русский семьянин, если он человек действительно добрый, но бесхарактерный, значит, просто добродушная свинья, невинная и безответная, существо, ничего ясно не сознающее, ничего определенно не хотящее и делающее безразлично и тем будто бы ненарочно, почти в одно и то же время, добро и зло. Его действия гораздо менее определяются целью, чем обстоятельствами, минутным расположением и, главное, средою; привыкши повиноваться в семье, он продолжает повиноваться и гнуться по направлению ветра и в обществе, он создан быть и оставаться рабом, но деспотом не будет. На это у него не хватит силы. Он сам сечь поэтому не будет, но непременно подержит того несчастного, виновного или невинного, которого начальство высечь захочет; начальство же является ему в трех главных и священных видах: как отец, как мир и как царь.

Если же он человек с норовом и с огнем, он будет в одно и то же время и рабом и деспотом; деспотом, самодурствующим над всяким, кто будет стоять ниже его и будет зависеть от его произвола. Господа же его мир и царь. Если он сам глава семьи, он будет деспотом безграничным у себя дома, но слугою мира и рабом царя.

Община — его мир. Она — не что иное, как естественное расширение его семьи, его рода. Поэтому в ней преобладает то же патриархальное начало, тот же гнусный деспотизм и то же подлое послушание, а потому

и та же коренная несправедливость и то же радикальное отрицание всякого личного права, как и в самой семье. Решения мира, каковы бы они ни были, закон. «Кто смеет идти против мира!» — восклицает с удивлением русский мужик. Мы увидим, что кроме царя, его чиновников и дворян, стоящих, собственно, вне мира или, вернее, над ним, есть в самом русском народе лицо, смеющее идти против мира: это разбойник. Вот почему разбой составляет важное историческое явление в России — первые бунтовщики, первые революционеры в России, Пугачев и Стенька Разин, были разбойники.

В мире имеют право голоса только старики, главы семейства. Неженатая или даже женатая, но не отделенная молодежь должна исполнять и повиноваться. Но над общиною, над всеми общинами стоит царь, всеобщий патриарх и родоначальник, отец всей России. Поэтому власть его безгранична.

Каждая община составляет в себе замкнутое целое, вследствие чего — и это составляет одно из главных несчастий в России — ни одна община не имеет, да и не чувствует надобность иметь с другими общинами никакой самостоятельной органической связи. Соединяются же они между собою только посредством царя-батюшки, только в его верховной, отеческой власти.

Мы говорим, что это большое несчастье. Понятно, что такое разъединение бессилит народ и обрекает все его бунты, почти всегда местные и бессвязные, на неизбежное поражение и тем самым упрочивает торжество деспотической власти. Значит, одною из главных обязанностей революционной молодежи должно быть установление всеми возможными средствами и во что бы то ни стало живой бунтовской связи между разъединенными общинами. Задача трудная, но не невозможная, так как история указывает нам, что в смутные времена, напр., в лжедмитриевской междоусобице, в стеньки-разинской и пугачевской революции, а также и в новгородском бунте²⁵⁵, в начале царствования императора Николая²⁵⁶, сами общины, собственным движением, стремились к установлению этой спасительной связи.

Число общин несметно, а общий их царь-батюшка стоит над ними слишком высоко, только немножко ниже господ бога, для того чтобы ему управиться лично со всеми. Ведь сам господь бог для управления миром нуждается в службе бесчисленных чинов и сил небесных, серафимов, херувимов, архангелов, ангелов шестикрылых и простокрылых²⁵⁷, тем более царь не может обойтись без чиновников. Ему нужна целая военная, гражданская, судебная и полицейская администрация. Таким образом, между царем и народом, между царем и общиною становится государство военное, полицейское, бюрократическое и неизбежным образом строго централизованное.

Таким образом, воображаемый царь-отец, попечитель и благодетель народа помещен высоко, высоко, чуть ли не в небесную даль, а царь на-

стоящий, царь-кнут, царь-вор, царь-губитель, государство, занимает его место. Из этого вытекает, естественно, тот странный факт, что народ наш в одно и то же время боготворит царя воображаемого, небывалого и ненавидит царя действительного, осуществленного в государстве.

Народ наш глубоко и страстно ненавидит государство, ненавидит всех представителей его, в каком бы виде они перед ним ни являлись. Недавно еще ненависть его была разделена между дворянами и чиновниками, и иногда даже казалось, что он ненавидит первых еще более, чем последних, хотя, в сущности, он их ненавидит равно. Но с тех пор как вследствие упразднения крепостного права дворянство стало видимо разоряться, пропадать и обращаться к своему первоначальному виду исключительно служебного сословия, народ обнял его в своей общей ненависти ко всему чиновному сословию. Нужно ли доказывать, до какой степени ненависть его законна!

Государство окончательно раздавило, развратило русскую общину, уже и без того разращенную своим патриархальным началом. Под его гнетом само общинное избирательство стало обманом, а лица, временно избираемые самим народом, головы, старосты, десятские, старшины, превратились, с одной стороны, в орудия власти, а с другой, в подкупленных слуг богатых мужиков-кулаков. При таких условиях последние остатки справедливости, правды, простого человеколюбия должны были исчезнуть из общин, к тому же разоренных государственными податями и повинностями и до конца придавленных начальственным произволом. Более чем когда-нибудь, разбой остался единственным выходом для лица, а для целого народа — всеобщий бунт, революция.

В таком положении что может делать наш умственный пролетариат, русская, честная, искренняя, до конца преданная социально-революционная молодежь? Она должна идти в народ, несомненно, потому что ныне везде, по преимуществу же в России, вне народа, вне много миллионных чернорабочих масс нет более ни жизни, ни дела, ни будущности. Но как и зачем идти в народ?

В настоящее время у нас, после несчастного исхода нечаевского предприятия²⁵⁸, мнения на этот счет, кажется, чрезвычайно разделились; но из общей неурядицы мыслей выделяются уже теперь два главные и противоположные направления. Одно более миролюбивого и подготовительного свойства; другое — бунтовское и стремящееся прямо к организации народной обороны.

Поборники первого направления в настоящую возможность этой революции не верят. Но так как они не хотят и не могут оставаться покойными зрителями народных бед, то они решаются идти в народ, для того чтобы братски разделить с ним эти беды, а вместе с тем и для того, чтобы его научить, подготовить, не теоретически, а на практике, своим живым примером. Они пойдут в фабричные работники и, работая наравне вместе с ними, будут стараться распространять между ними дух общения...

Другие постараются основать сельские колонии, в которых, кроме общего пользования землею, столь известного нашим крестьянам, проведут и изменят начало им еще совсем неизвестное, но экономически необходимое, начало коллективного обрабатывания общей земли и равного разделения продуктов или цены продуктов между собою на основании самой строгой справедливости, не юридической, а человеческой, т. е. требуя больше работы от способных и сильных, меньше от неспособных и слабых, и распределяя заработки не в меру работы, а в меру потребностей каждого.

Они надеются, что им удастся увлечь крестьян своим примером, а главное, теми выгодами, которые они надеются получить от организации труда коллективного; такую же надежду питал Кабе, когда после неудавшейся революции 1848 г. он отправился со своими икарйцами в Америку, где и основал свою Новую Икарию, которая просуществовала очень недолго, а должно заметить, что для успеха такого опыта американская почва все-таки была благоприятнее русской. В Америке царит полная свобода, а в нашей благословенной России царит — царь.

Но этим не ограничиваются надежды наших подготовителей и мирных вразумителей народа. Устройством своей домашней жизни на основании полной свободы лица они хотят противодействовать той гнусной патриархальности, которая лежит в основе всего нашего русского рабства. Значит, они хотят поразить наше общественное главное зло в самом корне и, следовательно, содействовать прямо к исправлению народного идеала и к распространению в народе понятий практических о справедливости, о свободе, о средствах к освобождению.

Всё это прекрасно, чрезвычайно великодушно и благородно, но вряд ли исполнимо. А если кой-где и удастся, то это будет капля в море, и капля далеко не достаточная для того, чтобы подготовить, поднять и освободить наш народ; потребуется много средств, много живой силы, а результаты будут слишком ничтожны.

Те, которые рисуют себе такие планы и искренно намерены осуществить их, делают это, без сомнения, закрывши глаза, для того чтобы не видеть во всем ее безобразии нашей русской действительности. Можно наперед предсказать им все страшные, тяжкие разочарования, которые постигнут их при самом начале исполнения, потому что за исключением разве только немногих, весьма немногих счастливых случаев, большинство между ними дальше начала не пойдет, не будет в силах идти.

Пусть попробуют, если ничего другого не видят перед собою, но пусть же также знают, что этого мало, слишком мало для освобождения, для спасения нашего бедного мученика-народа.

Другой путь боевой, бунтовской. В него мы верим и только от него ждем спасения.

Народ наш явным образом нуждается в помощи. Он находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню. Но хотя и всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен, однако ча-

стных всплеск недостаточно. Надо поднять вдруг все деревни. Что это возможно, доказывают нам громадные движения народные под предводительством Стеньки Разина и Пугачева. Эти движения доказывают нам, что в сознании нашего народа живет действительно идеал, к осуществлению которого он стремится, а из неудач их мы заключаем, что в этом идеале есть существенные недостатки, которые мешали и мешают успеху.

Эти недостатки мы назвали и высказали свое убеждение, что прямая обязанность нашей революционной молодежи противодействовать им и употребить все усилия, чтобы побороть их в самом народном сознании, а для того, чтобы доказать возможность такой борьбы, мы показали, что она уже давно началась в самом народе.

Война против патриархальности ведется ныне чуть ли не в каждой деревне и в каждом семействе, и община, мир до такой степени обратились теперь в орудие ненавистной народу государственной власти и чиновнического произвола, что бунт против последних становится вместе с тем и бунтом против общинного и мирского деспотизма.

Остается богопочитание царя; мы думаем, что оно чрезвычайно поприелось и ослабело в самом сознании народном за последние десять или двенадцать лет благодаря мудрой и народолюбивой политике императора Александра благодущного. Дворянина-помещика-крепостника более нет, а он был громоотводом, стягивающим главным образом на себя всю грозу народной ненависти. Остался дворянин или купец-земледелец, крупный кулак, а главное, остался чиновник, ангел или архангел царский. Но чиновник исполняет волю царя. Как ни омрачен наш мужик безумною историческою верою в царя, он наконец это сам понимать начинает. Да как же и не понять! В продолжение десяти лет он со всех концов России посылает к царю своих просителей-депутатов, и все слышат из самых царских уст только один ответ: *«Вам не будет другой свободы!»*

Нет, воля ваша, русский мужик невежа, но не дурак. А он должен был бы быть круглейшим дураком, чтобы после стольких глаза колющих фактов и испытаний, вынесенных им на своей собственной шкуре, он [не] начал понимать наконец, что у него нет врага пуще царя. Втолковать, дать ему почувствовать это всеми возможными способами и пользуясь всеми плачевными и трагическими случаями, которыми переполнена ежедневная народная жизнь, показать ему, как все чиновничьи, помещичьи, поповские и кулацкие неистовства, разбои, грабежи, от которых ему нет житья, идут прямо от царской власти, опираются на нее и возможны только благодаря ей, доказать ему, одним словом, что столь ненавистное ему государство — это сам царь и не что иное, как царь, — вот прямая и теперь главная обязанность революционной пропаганды.

Но этого мало. Главный недостаток, парализирующий и делающий до сих пор невозможным всеобщее народное восстание в России, — это замкнутость общин, уединение и разъединение крестьянских местных миров. Надо во что бы то ни стало разбить эту замкнутость и провести между

этими отдельными мирами живой ток революционной мысли, воли и дела. Надо связать лучших крестьян всех деревень, волостей и по возможности областей, передовых людей, естественных революционеров из русского крестьянского мира между собою и там, где оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством. Эта связь не может быть другою как личною. Нужно, соблюдая, разумеется, притом, самую педантическую осторожность, чтобы лучшие, или передовые крестьяне каждой деревни, каждой волости и каждой области знали таких же крестьян всех других деревень, волостей, областей.

Надо убедить прежде всего этих передовых людей из крестьянства, а через них если не весь народ, то по крайней мере значительную и наиболее энергичную часть его, что для целого народа, для всех деревень, волостей и областей в целой России, да также и вне России, существует одна общая беда, а потому и одно общее дело. Надо их убедить в том, что в народе живет несокрушимая сила, против которой ничто и никто устоять не может; и что если она до сих пор не освободила народа, так это только потому, что она могуча только, когда она собрана и действует одновременно, везде, сообща, заодно, и что до сих пор она не была собрана. Для того же, чтобы собрать ее, необходимо, чтобы села, волости, области связались и организовались по одному общему плану и с единою целью всенародного освобождения. Для того же чтобы создалось в нашем народе чувство и сознание действительного единства, надо устроить род народной печатной, литографированной, писаной или даже изустной, газеты, которая бы немедленно извещала повсюду, во всех концах, областях, волостях и селах России о всяком частном народном, крестьянском или фабричном бунте, вспыхивающем то в одном, то в другом месте, а также и о крупных революционных движениях, производимых пролетариатом Западной Европы, для того чтобы наш крестьянин и наш фабричный работник не чувствовал себя одиноким, а знал бы, напротив, что за ним, под тем же гнетом, но зато и с тою же страстью и волею освободиться, стоит огромный, бесчисленный мир к всеобщему взрыву готовящихся чернорабочих масс.

Такова задача и, скажем прямо, таково единственное дело революционной пропаганды. Каким образом это дело должно быть совершено нашею молодежью, печатным образом рассказывать неудобно.

Скажем только одно: русский народ только тогда признает нашу образованную молодежь своею молодежью, когда он встретится с нею в своей жизни, в своей беде, в своем деле, в своем отчаянном бунте. Надо, чтобы она присутствовала отныне не как свидетельница, но как деятельная и передовая, себя на гибель обрекшая соучастница, повсюду и всегда, во всех народных волнениях и бунтах, как крупных, так и самых мелких. Надо, чтобы, действуя сама по строго обдуманному и положительному плану и подвергая в этом отношении все свои действия самой строгой дисциплине, для того чтобы создать то единодушие, без которого не мо-

жет быть победы, она сама воспиталась и воспитала народ не только к отчаянному сопротивлению, но также и к смелому нападению.

В заключение прибавим еще одно слово. Класс, который мы называем нашим умственным пролетариатом и который у нас уже в положении социально-революционном, т. е. просто-напросто отчаянном и невозможном, должен теперь проникнуться сознательною страстью социально-революционного дела, если он не хочет погибнуть постыдно и втуне, этот класс призван ныне быть приуготовителем, т. е. организатором народной революции. Для него нет другого выхода. Он мог бы, правда, благодаря полученному им образованию, стремиться достать какое-нибудь более или менее выгодное местечко в рядах уже чересчур переполненных и чрезвычайно негостеприимных грабителей, эксплуататоров и притеснителей народа. Но, во-первых, таких мест все остается меньше и меньше, так что они достижимы только для самого малого количества. Большинство останется только со срамом измены и погибнет в нужде, в пошлости и подлости. Мы же обращаемся только к тем, для которых измена немислима, невозможна.

Порвавши безвозвратно все связи с миром эксплуататоров, губителей и врагов русского народа, они должны смотреть на себя как на капитал драгоценный, принадлежащий исключительно делу народного освобождения, как на такой капитал, который должен тратить себя лишь на пропаганду народную, на постепенное возбуждение и на организацию все-народного бунта.

Комментарии

Реакция в Германии (Очерк француза)

Статья под заглавием “Die Reaction in Deutschland. Ein Fragment v. einem Franzosen“ была напечатана в журнале А. Руге «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst» (1842. № 247–251. 17–21 October. — S. 985–1002).

На русском языке впервые опубликовано в сборнике «Век ожидания». — М.: [Кн-во «Зеленый луч»], тип. «Сокол», 1907. — С. 71–109; переиздано: Корнилов А.А. Годы странствий Михаила Бакунина. — Л.; М., 1925; Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. — М.: Мысль, 1987. — С. 207–226; Бакунин М.А. Анархия и Порядок: Сочинения. — М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. — (Серия «Антология мысли»). — С. 105–130; Фридрих Шеллинг: pro et contra: Творчество Ф. Шеллинга в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология: К 225-летию со дня рождения Ф. В.И. Шеллинга / Ин-т философии РАН, Рус. христиан. гуманитар. ин-т ; [Сост., вступ. ст.: В.Ф. Пустарнаков]. — СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2001. — (Серия «Русский путь»). — С. 121–126. В настоящем издании текст печатается по изданию 1987 г.

¹ Имеется в виду восстановление и правление французской династии Бурбонов в 1814–1830 гг.

² Течение в правоведении первой половины XIX в., выступавшее в защиту феодальных порядков, против норм буржуазного права, выдвинутых в эпоху Великой французской революции.

³ Имеется в виду направление в немецкой философии (И.Г. Фихте-младший, поздний Шеллинг и др.), которое выступало «справа» против философии Гегеля, считая «откровение» источником «позитивного» знания.

⁴ Позитивисты — сторонники позитивной философии (см. выше).

⁵ Пентархистом Бакунин называет анонимного автора выпущенной в 1839 г. в Лейпциге книги «Die europäische Pentarchie» («Европейская пентархия»), направленной в защиту реакционной внешней политики русского императора Николая I. Пентархия, греч. — господство пяти; в особенности название международного союза 5 держав (России, Пруссии, Австрии, Франции, Англии), заключенного на ахенском конгрессе 1818 г., фактически распавшегося в 1822 г.

⁶ Христос (от греч. χρίω, букв. — помазанник), Иисус Христос — в христианском церковном учении основатель христианства.

⁷ Тартюф — святоша, господин Лояль (фр. tartuf(f)e — по имени персонажа комедии Жана-Батиста Мольера «Тартюф») — лицемер, ханжа (иносказательно).

⁸ По преимуществу (фр.).

⁹ Июльская революция 1830 г. (фр. La révolution de Juillet) — восстание 27 июля против действующей монархии во Франции, приведшее к окончательному свержению династии Бурбонов и установлению либерального королевства со значительными властными полномочиями буржуазии.

¹⁰ «Золотая середина» (фр.). Так определяли в период Июльской революции 1830 г. во Франции политику умеренных партий, стремившихся держаться на равноудалении от крайне правых и левых политических направлений.

¹¹ Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (27.8.1770, Штутгарт — 14.11.1831, Берлин) — немецкий философ, один из творцов немецкой классической философии и философии романтизма. «Наука логики» («Wissenschaft der Logik») — наиболее трудная для понимания работа Гегеля, которая представляет собой изложение необходимого движения мышления в чистых категориях мысли (Абсолютная идея).

¹² Речь идет о брошюре: Marheineke Ph. Einleitung in die öffentliche Vorlesungen über die Bedeutung der Hegelschen Philosophie in der christliche Theologie. Nebst einem Separatvotum über B. Bauers Kritik der evangelische Geschichte (Введение к публичным лекциям о значении гегелевской философии в христианской теологии. С приложением особого мнения о бруно-бауэровской критике евангельской истории. — Berlin, 1842).

¹³ Солон (др.-греч. Σόλων, Sólōn) (между 640 и 635 — около 559 до н. э.) — афинский политический деятель и социальный реформатор, элегический поэт, один из «семи мудрецов» Древней Греции.

¹⁴ Апокалипсис (редк. Апокалипс, с прописной буквы, от греч. ἀποκάλυψις — раскрытие, откровение) — название последней книги Нового Завета (в Библии). Иначе: Откровение Иоанна Богослова, т. к. христианская традиция приписывает авторство этой книги апостолу Иоанну Богослову.

¹⁵ Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм Йозеф фон (27.1.1775 — 20.8.1854) — немецкий философ. Был близок йенским романтикам. Выдающийся представитель идеализма в новой философии.

¹⁶ Лютер (Luther) Мартин (10.11.1483, Эйслебен, Саксония — 18.2.1546, там же) — великий основоположник и вождь Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма (лютеранства), переводчик Библии на немецкий язык. Среди главных мотивов его богословия — спасение только верой.

¹⁷ Свобода, Равенство и Братство (фр.) — девиз Великой французской революции 1789 г.

¹⁸ Наполеон I Бонапарт (итал. Napoleone Buonaparte, франц. Napoléon Bonaparte) (15.8.1769, Аяччо, Корсика — 5.5.1821, о. Святой Елены) —

французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799–1804), император французов (1804–1814, март–июнь 1815 г.).

¹⁹ Кант (Kant) Иммануил (22.4.1724, Кенигсберг, ныне Калининград — 12.2.1804, там же) — немецкий философ и учёный, родоначальник немецкой классической философии, стоящий на грани эпох Просвещения и Романтизма. Основные труды — «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790).

²⁰ Фихте (Fichte) Иоганн Готлиб (19.5.1762, Рамменау — 29.1.1814, Берлин) — немецкий философ и общественный деятель, представитель немецкого классического идеализма.

²¹ Луи-Филипп I (Louis-Philippe Ier) (6.10.1773, Париж — 26.8.1850, Клэрмонт, Великобритания) — король Франции с 1830 по 1848 г. (по конституции титуловался «король французов», *roi des Français*), представитель Орлеанской ветви династии Бурбонов. Последний монарх Франции, носивший титул короля.

²² Штраус (Strauss) Давид Фридрих (27.1.1808, Людвигсбург — 8.2.1874, там же) — немецкий философ-младогегельянец. Вслед за Л. Фейербахом проповедовал пантеистическую религию, основанную на чувстве человеческой зависимости от мировой закономерности.

²³ Фейербах (Feuerbach) Людвиг Андреас (28.07.1804, Ландсхут, Бавария — 13.09.1872, Рехенберг, близ Нюрнберга) — немецкий философ-материалист и атеист. Сперва представитель крайней левой школы Гегелевой философии, позже сторонник материализма и антропологизма и гуманизма.

²⁴ Бауер (Bauer) Бруно (6.9.1809, Эйзенберг — 13.4.1882, Риксдорф) — немецкий философ, младогегельянец. Приват-доцент Берлинского (1834–1839) и Боннского (1839–1842) университетов.

²⁵ Источник цитаты не установлен.

²⁶ Jules Elizar — псевдоним, которым подписал статью М. Бакунин.

Коммунизм

Статья, подписанная тремя звездочками, была опубликована на немецком языке в газете демократического направления «Der Schweizerischer Republikaner» («Швейцарский республиканец») (1843. №№ 44, 45 и 47 от 2, 6 и 13 июля), издававшейся Ю. Фребелем в Цюрихе. На русском языке впервые опубликована в журнале «Красный архив» (М., 1926. № 1 (14). С. 59–64). Переиздавалась: Бакунин, М.А. Избранные философские сочинения и письма. — М.: Мысль, 1987. — С. 233–241; Баку-

нин М.А. Анархия и Порядок: Сочинения. — М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. — (Серия «Антология мысли»). — С. 131–141. Здесь печатается по изданию 1987 г.

²⁷ Речь идет о выходявшей в Цюрихе газете «Der Schweizerischer Beobachter» («Швейцарский наблюдатель»), выражавшей взгляды консервативной партии.

²⁸ Вейтлинг (Weitling) Вильгельм (5.10.1808, Магдебург — 25.01.1871, Нью-Йорк) — деятель раннего немецкого рабочего движения, один из теоретиков уравнилельного коммунизма.

²⁹ Газета демократического направления «Der Schweizerischer Republikaner», в которой была опубликована настоящая статья М. Бакунина.

³⁰ Наполеон III — (Луи Наполеон Бонапарт) (Napoleon III), Шарль Луи Наполеон Бонапарт (20.4.1808, Париж — 9.01.1873, Чизлхёрст, близ Лондона) — французский император в 1852–1870 гг. Племянник Наполеона I.

Здесь речь идет о дипломатическом конфликте между правительством Швейцарии и Франции времен Луи Филиппа в связи с отклонением швейцарским правительством требования французского правительства о высылке поселившегося в Швейцарии после неудачного государственного переворота принца Луи Бонапарта (будущего Наполеона III).

³¹ Гервег, Хервег (Herwegh) Георг (31.5.1817, Штутгарт — 7.4.1875, Баден-Баден) — известный немецкий поэт. В 1841 г. издал в Цюрихе небольшую книжечку стихотворений под заглавием «Gedichte eines Lebendigen» («Стихи живого человека»). Осенью 1842 г. Г. Гервег познакомился с К. Марксом, А. Руге, М. Бакуниным и И. Тургеневым. Прусское правительство запретило задуманный Гервегом журнал «Der deutsche Bote aus der Schweiz» («Немецкий вестник из Швейцарии»). Гервег написал по этому поводу королю ставшее достоянием гласности довольно резкое письмо, за которое был выслан из Пруссии (1843). Вместе с М. Бакуниным выехал в Швейцарию. Однако под давлением прусских властей было принято решение о высылке Гервега из цюрихского кантона. После этого Гервег поселился в Париже, где вместе с Руге и Марксом предпринял попытку издавать «Немецко-французские ежегодники» (1844).

³² В 40-х гг. XIX в. термин «космополитизм» означал приверженность наднациональной идее единства человеческого рода, солидарности народов и стран как частей одного человечества. Применительно к коммунизму этот термин у Бакунина не совсем адекватно выражал его интернациональный характер.

³³ Иоанн — апостол и евангелист, называемый также Богословом.

³⁴ Лозунг Великой французской революции 1789 г.

³⁵ Статья осталась незаконченной.

**Речь, произнесённая 29 ноября 1847 г. в Париже
на банкете в годовщину польского восстания 1830 г.**

Речь была произнесена в Париже на традиционном собрании поляков и сочувствующих им французов, на которое Бакунин получил приглашение с просьбой выступить. Успех был огромным. Аплодисменты не раз прерывали оратора, а последние слова его были встречены бурной овацией. Вместе с тем 5 декабря 1847 г. российский посол в Париже Н. Д. Киселев сообщил о состоявшемся мероприятии и выступлении на нем Бакунина министру иностранных дел К. Р. Нессельроде и одновременно потребовал от правительства Гизо высылки Бакунина из Франции. Реакционный кабинет министров под давлением российского и австрийского правительств 9 декабря принял декрет о высылке русского эмигранта. 14 декабря, в день опубликования речи в «Реформе», это решение было сообщено Бакунину. Несмотря на попытки демократических кругов Парижа защитить Бакунина, он вынужден был вскоре покинуть пределы Франции.

Впервые речь напечатана в газете Ф. Флокона (Flocon) и А.О. Ледрю-Роллена (Ledru-Rollin) «La Reforme» (1847, 14 Decembre). Одновременно текст речи появился в немецкой и чешской печати (На немецком речь была издана в январе 1848 г. под заглавием “Russland wie es wirklich ist”. Mannheim, bei Nopp). На русском языке впервые опубликовано: Бакунин М.А. Речь и воззвания. — [СПб.]: Издание И.Г. Балашова, 1906. — С. 113–123. В настоящем издании печатается по книге: Бакунин, М.А. Избранные сочинения: [В 4-х т.] / Под ред. В. Черкезова. — Т. 1. — Лондон, 1915. — С. 1–12.

³⁶ В 1772 г. между Россией, Австрией и Пруссией была заключена конвенция о первом разделе Польши. Россия получила большую часть Инфлянт и Белоруссию по Двину, Друч и Днепр; Австрия — часть Малой Польши и большую часть Червонной Руси, за исключением Кракова; Пруссия — Вармию и Королевскую Пруссию до р. Нотеци, за исключением Данцига и Торна; из 780.000 кв. км за Польшей осталось 554.000. Войска трех государств оккупировали свои территории. В 1830–1831 гг. разразилось Польское восстание, которое охватило земли, находившиеся под властью царской России. После жестокого подавления восстания в Королевстве Польском начались гонения на деятелей освободительного движения. Конституция 1815 г. была отменена, ликвидированы сейм, отдельная польская армия, унифицировано административное устройство, закрыты университеты. В 1850 г. была ликвидирована таможенная граница между Королевством и Россией. Введенное в 1833 г. в связи с новой

попыткой поднять восстание (т. н. экспедиция Ю. Заливского) военное положение не отменялось до 1856 г.

³⁷ На Венском конгрессе 1814–1815 гг. последовал новый раздел Польши, в результате которого царская Россия получила большую часть бывшего Варшавского герцогства, составившую Королевство Польское (Царство Польское) (еще ранее, в 1807 г., к России был присоединен Белостокский округ). В 1815 г. в Королевстве Польском была введена подписанная императором Александром I относительно либеральная конституция, которая, однако, вскоре стала ограничиваться царскими властями, что стимулировало появление легальной оппозиции в сейме и возникновение тайных патриотических обществ в стране.

³⁸ Польское восстание началось 29 ноября 1830 г. выступлением тайного шляхетского военного общества в школе подхорунжих в Варшаве. Восставших поддержали тысячи ремесленников и рабочих города, овладевших арсеналом. Вместе с присоединившимися польскими воинскими частями повстанцы 30 ноября овладели Варшавой.

³⁹ В начале февраля 1831 г. главные силы русской армии несколькими колоннами вступили в пределы Царства Польского, начав польскую войну. В конце марта — начале апреля успехи польских войск, начавшееся восстание в Литве и вторжение польского повстанческого корпуса на Вольны осложнили положение царских войск. Но ошибки командующего польской армией ген. Я. Скшинецкого свели на нет успехи повстанцев, а после поражения 26 мая под Остроленкой их командование полностью утратило инициативу. Восстание за пределами Королевства вскоре было подавлено. Национальное правительство безуспешно пыталось (в т. ч. предложением вакантной польской короны) получить помощь Австрии, Франции, Пруссии. Антиреволюционная политика Национального правительства вызвала народные движения в Варшаве 29 июня и 15 августа; несколько изменников были казнены, но выступления народа остались стихийным движением протеста без руководства и программы. 6 сентября царские войска штурмом взяли западный пригород Варшавы — Волю. Правительство отказалось вооружить народ и поспешило сдать Варшаву: в ночь с 7 на 8 сентября была подписана капитуляция столицы. В начале октября 1831 г. остатки отрядов повстанцев перешли границы Пруссии и Австрии.

⁴⁰ Пестель Павел Иванович (24.6(5.7).1793, Москва — 13(25).7.1826, Петербург) — дворянский революционер, декабрист, полковник. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг.

⁴¹ Рылеев Кондратий Фёдорович (18(29).09.1795, с. Батово, ныне Гатчинский р-н Ленингр. обл. — 13(25).7.1826, Петербург) — русский поэт-декабрист. Из мелкопоместной дворянской семьи. Участник заграничных походов русской армии (1814, 1815 гг.).

⁴² Муравьев-Апостол Сергей Иванович (28.9 (9.10).1796, Петербург — 13(25).7.1826, там же) — декабрист, подполковник. Родился в семье видного дипломата и писателя, происходившего из старинной дворянской

фамилии. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.

⁴³ Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1803 — 13(25).7.1826, Петербург) — декабрист, подпоручик. С 1823 г. один из активнейших деятелей Южного общества декабристов.

⁴⁴ Каховский Пётр Григорьевич (1797 — 13(25).7.1826) — дворянский революционер-декабрист, один из активнейших участников восстания 14 декабря 1825 г. Из дворян Смоленской губернии.

⁴⁵ Галиция (Galizien) — провинция Габсбургской империи в 1772–1918 гг. Официальное название — Королевство Галиции и Лодомерии с Великим герцогством Краковским. Галиция образована в результате 1-го раздела Польши (1772) из части южнопольских и западноукраинских земель.

⁴⁶ Меттерних, Меттерних-Виннебург (Metternich-Winneburg) Клеменс Венцель Лотар (15.5.1773, Кобленц — 11.6.1859, Вена) — князь, австрийский государственный деятель и дипломат. В 1801–1803 гг. австрийский посланник в Саксонии, в 1803–1805 гг. — в Пруссии, в 1806–1809 гг. — посол в Париже. В 1809–1821 гг. министр иностранных дел и фактически глава австрийского правительства, в 1821–1848 гг. канцлер.

⁴⁷ Николай I (Николай Павлович Романов) (25.6(6.7).1796, Царское Село — 18.2(2.3).1855, Петербург) — император всероссийский (1825–1855 гг.). Третий сын императора Павла I.

⁴⁸ Людовик (Louis) XV (15.2.1710, Версаль — 10.5.1774, там же) — король Франции с 1715 г. Из династии Бурбонов.

⁴⁹ Речь о рекрутской (нем. Rekrut, от франц. recruter — набирать войска) повинности — системе комплектования русской регулярной армии в XVIII–XIX вв. По Указу 1705 г. рекрутской повинности подлежали все податные сословия, для которых она была общинной и пожизненной. Набор в армию крепостных крестьян по рекрутской повинности освобождал их от крепостной зависимости. Дворянство было свободно от рекрутской повинности и служило в армии на др. основаниях. Позже от рекрутской повинности были также освобождены купечество, семьи церковных служителей, почетные граждане, жители Бессарабии и отдаленных районов Сибири. Срок службы первоначально был пожизненным, с 1793 г. — 25 лет, с 1834 г. — 20 лет с последующим пребыванием в т. н. бессрочном отпуске в течение 5 лет. В 1855–1872 гг. были установлены последовательно 12-, 10- и 7-летние сроки службы и соответственно пребывание в отпуске 3, 5 и 8 лет. В 1874 г. рекрутская повинность была заменена всеобщей воинской повинностью.

⁵⁰ Речь о связях декабристов с основанным в Польше в 1821 г. Патриотическим обществом (Towarzystwo Patriotyczne). После ареста в 1822 г. радикальных членов общества к его руководству пришли умеренные представители шляхты, что обусловило, в конечном счете, неудачу переговоров с декабристами.

⁵¹ «Ещё Польша не погибла!» — гимн Польши — композиция «Mazurek Dąbrowskiego» («Мазурка Домбровского» или «Марш Домбровского»), на-

писанная Юзефом Выбицким (Józef Wybicki) в 1797 г. Первоначальное название — «Pieśń Legionów Polskich we Włoszech» («Песня польских легионов в Италии»), также известная по первой строке — «Jeszcze Polska nie zginęła» («Ещё Польша не погибла»), которую часто ошибочно принимают за национальный девиз Польши.

Манифест съезда славянского к народам европейским

В 1848 г. Прага стала одним из центров национально-освободительного движения, охватившего всю Австрийскую империю. В Праге было создано правительство во главе с Ф. Палацким, ставившее перед собой, однако, задачи чисто национальные. 1 июня 1848 года в Праге в здании Чешского музея открылся Славянский съезд, на котором были представлены делегаты от чехов, моравов, словаков, русинов (украинцев), поляков, хорватов и сербов. 340 делегатов съезда делились на 3 секции: чешско-словацкую, польско-русинскую и южнославянскую. Председателем съезда был Ф. Палацкий. М. Бакунин остановился в Праге в отеле «Голубая звезда», на съезде он был зарегистрирован по польско-русинской секции и избран в члены дипломатического комитета. Вместе с моравином Захом и поляком Либельтом Бакунин принял участие в составлении Манифеста к европейским народам, который провозглашал свободу всех народов и призывал к созыву общеевропейского конгресса. Закончить работу съезд не смог — 12 июня в Праге вспыхнуло восстание.

Манифест опубликован в приложении в сборнике: М.А. Бакунин. Речи и воззвания. — [СПб.] : Издание И.Г. Балашова, 1906. — С. 282–286. Здесь публикуется по этому изданию.

⁵² В квадратных скобках [] по тексту манифеста обозначены места, переписанные из проектов других лиц.

⁵³ Конец этого в высшей степени интересного документа, оставшийся непереверждённым М.И. Драгомановым, включает в себе требование, во имя справедливости, прекращения притеснений поляков, лишённых своей политической самостоятельности, протест против отторжения Познани и немечивания поляков и лужицких сербов, призыв мадьяр к прекращению насилий над венгерскими славянами и выражение надежды на освобождение турецких славян. В заключение манифест настаивает на необходимости созыва всеобщего съезда представителей всех европейских народов для разрешения всех международных вопросов. — (Прим. ред. источника).

Основы новой славянской политики

Две недели, проведенные в Праге на Славянском съезде, были наполнены для М. Бакунина не только заседаниями, выступлениями, спорами, но и работой над статьями, посвященными славянской политике и федерации (опубликованы в сентябре 1848 г. в журнале «Славянские летописи»). В этих работах излагался утопический и мало конкретный, но демократический по своей сущности план создания свободной славянской федерации, управляемой общеславянским советом. С идеями, нашедшими отражение в этих статьях, Бакунин выступал на пражском съезде. Однако его призывы имели определенный успех лишь у части делегатов, поскольку слишком разнородный был состав съезда, различны интересы и стремления его участников.

В нашей стране впервые опубликовано в сборнике: М.А. Бакунин. Речи и воззвания. — [СПб.] : Издание И.Г. Балашова, 1906. — С. 124–126. Здесь публикуется по этому изданию.

Основы славянской федерации

В нашей стране впервые опубликовано в сборнике: М.А. Бакунин. Речи и воззвания. — [СПб.] : Издание И.Г. Балашова, 1906. — С. 126–128. Здесь публикуется по этому изданию.

Внутреннее устройство славянских народов

Перевод с немецкого текста у Иордана. — Эта статья еще напечатана по-чешски в журнале «Сеч», выходявшем в Женеве в 1861 г., и в отдельном от него оттиске под заглавием «Zakladni pravidla politiky a federace slovanskè». — (Прим. ред. источника).

В нашей стране впервые опубликовано в сборнике: М.А. Бакунин. Речи и воззвания. — [СПб.] : Издание И.Г. Балашова, 1906. — С. 128–129. Здесь публикуется по этому изданию.

Воззвание к славянам русского патриота Михаила Бакунина, члена Славянского съезда в Праге

Обстановка вокруг славянского вопроса в Западной Европе в 1848 г. была чрезвычайно сложной. На пути национально-освободительной и революционной борьбы славян стояли не только силы реакции, но и национальная ограниченность лидеров славянского движения, не понимавших необходимости объединения всех революционных сил Европы, как славянских, так немецких и венгерских. В это сложное для революции время М. Бакунин сделал вывод, что, только объединившись, демократические силы Европы смогут свергнуть реакционные правительства. Эта идея и заставила его написать «Воззвание к славянам». Более месяца он писал и дорабатывал это свое обращение. Сохранившиеся черновые наброски свидетельствуют о различных редакциях документа. «Воззвание» Бакунина было напечатано в Лейпциге отдельной брошюрой и довольно широко распространено в Германии, Чехии, Польше, находя активный отклик в демократических революционных кругах. Ф. Энгельс отозвался на «Воззвание» в «Новой Рейнской газете» критической статьей «Демократический панславизм». С другой стороны, «Воззвание» Бакунина встревожило силы реакции в Австрии и России. Австрийские власти начали судебное преследование против брошюры и ее автора, обвинив его «в государственной измене».

Первое издание: *Aufruf an die Slaven. Von einem russischen Patrioten Michael Bakunin. Mitglied des Slavenkongresses in Prag. Koethen. Selbstverlag des Verfassers.* — Leipzig, 1848.

На русском языке впервые издано в Берлине: Издатель Г. Штейниц, [1904]. — 52 с. — (На обл.: Собрание лучших русских произведений. — Ч. 98). Впервые в нашей стране опубликовано в сборнике: М.А. Бакунин. Речи и воззвания. — [СПб.]: Издание И.Г. Балашова, 1906. — С. 129–154. (Перевод Т.С.Ж.). Переиздавалось: Бакунин М.А. Избранные сочинения : [В 4-х т.] / Под ред. В. Черкезова. — Т. 1. — Лондон: [тип. Листков «Хлеб и воля»], 1915. — С. 13–39. Здесь публикуется по изданию И.Г. Балашова.

⁵⁴ Шпрингер (Springer) Антон (1825–1891) — историк и историк искусств. С 1848 г. был профессором новой истории в пражском университете; в журналистике выступал защитником равноправности народностей Австрийской империи и новой конституции империи на федеративных началах; был сторонником выхода Австрии из Германского союза.

⁵⁵ Радецкий, Радец Йозеф фон (послостью: Иоанн Иосиф Венцель Антон Франц Карл Радецкий — нем. Johann Josef Wenzel Graf Radetzky von Radetz, чешск. Jan Josef Václav Radecký z Radče) (2.11.1766, Тршебнице — 5.1.1858, Милан) — граф, австрийский и русский (1849) генерал-фельдмаршал; выдающийся полководец Австрии. С 1831 г. командовал австрийской армией в Италии и приобрел здесь широкую известность, с одной стороны, как образцовый организатор армии и стратег, с другой — как жестокий и холодный реакционер.

⁵⁶ Виндишгрец Альфред Кандид Фердинанд (князь Windischgrätz) (1787–1862) — граф, австрийский военачальник. Участвовал в кампаниях 1813 и 1814 гг., в 1844 г. был назначен командующим войсками в Вене. Когда вспыхнуло восстание 1848 г., он хотел подавить его крутыми мерами; вследствие этого его перевели в Прагу, где также вспыхнул мятеж, который был подавлен. Когда в Вене 6 октября началось новое восстание, император вручил Виндишгрецу 16 октября начальство над всеми войсками империи (кроме корпуса Радецкого). Вена была взята 31 октября; репрессивные меры, принятые Виндишгрецем, не пощадили даже находившихся в Вене уполномоченных франкфуртского парламента.

⁵⁷ Врангели — графы, бароны и дворяне датского происхождения. Сведения об этом древнем роде доходят до начала XII столетия. Больше всего Врангели выдвинулись на военном поприще, на службе не только Дании и Швеции, но и Германии, Австрии, Голландии и Испании, а впоследствии и России. Они дали 7 фельдмаршалов, более 30 генералов, 7 адмиралов; некоторые из них возводились за их заслуги в графское достоинство (в Швеции, Испании, Германии).

⁵⁸ Франкфуртский парламент — общеупотребительное название для германского национального собрания 1848–1849 гг., заседавшего во Франкфурте на Майне с 18 мая 1848 г. по 30 мая 1849 г., состоял из 568 избранных всенародным голосованием членов. Неудача революции уничтожил всякое практическое значение франкфуртского парламента и его дела.

⁵⁹ Елачич (Jelacic) Йосип (16.10.1801, Петроварадин — 20.5.1859, Загреб) — граф, хорватский государственный деятель. Служил в австрийской армии (с 1841 г. полковник, с 1848 г. генерал). Примыкал к правому крылу хорватского национального движения. Участвовал в подавлении Венгерской революции 1848–1849 гг., Октябрьского восстания в Вене (1848).

⁶⁰ Кошут (Kossuth) Лайош (19.9.1802, Монок, комитат Земплен — 20.3.1894, Турин) — политический и государственный деятель Венгрии. Проживая в 1852–1859 гг. в Великобритании, Кошут встречался с А.И. Герценом, с которым находился в дружеских отношениях. В 1859 г. выступил инициатором создания венгерского легиона в войсках Дж. Гарибальди. В 1867 г. отказался вернуться в Венгрию по амнистии.

⁶¹ Кажется, и Бакунину, как польским политикам 1848 г. представлялось отделение русинов от поляков в Галиции новым разделом Польши,

несмотря на то, что в России он желал самостоятельности малороссов, т. е. таких же русинов. — (Прим. М. Др[агоманова]).

⁶² Австрийский император Фердинанд I (он же венгерский король Фердинанд V) (1793–1875) — старший сын императора Франца I; вступил на престол в 1835 г.

⁶³ Намек на немецкое происхождение императорской фамилии: Гольштейн-Готторпы (Holstein-Gottorp) — немецкая герцогская династия, правившая в т. н. герцогской части (разрозненные территории, основная часть которых лежит на севере Шлезвига) Шлезвиг-Гольштейна в 1544–1773 гг.; младшая линия датского королевского дома Ольденбурггов. В 1751–1818 гг. Гольштейн-Готторпы занимали королевский престол в Швеции. В 1761 г. готторпский герцог Карл Пётр Ульрих стал русским царем под именем Петра III (правил в 1761–1762 гг.), свергнут в результате переворота своей супругой, ставшей императрицей Екатериной II и бабушкой Николая I.

Положение в России (Современная картина)

Мысль об издании книги, посвященной России, давно занимала М.А. Бакунина. Ещё в Швейцарии в 1843 г. он достаточно близко подходил к подобной работе. Но особенно остро этот вопрос должен был встать перед ним в 1848–1849 гг., после того, как в парижской речи 29 ноября 1847 г. и особенно в «Воззвании славянам» в декабре 1848 г. он выступил перед революционной Европой в качестве человека, верящего в возможность близкой революции в России. Его выступления этого периода декларируют веру в русскую революцию. Поэтому «крупное сочинение», несомненно, должно было обосновать революционные декларации Бакунина, подвести под них фактический фундамент. К сожалению, эта работа не была закончена (в своих показаниях Бакунин говорил, что она вообще очень мало продвинулась), ввиду других неотложных дел. В напряженной революционной обстановке было не до крупной аналитической работы. Тем не менее потребность текущей политической агитации вынудила его в апреле 1848 г. вернуться к теме о положении дел в России: в это время им была написана, а вероятнее — продиктована, серия газетных статей на эту тему, позднее изданных отдельной брошюрой. Нет никакого сомнения, что при всей своей незаконченности и непроработанности эти статьи достаточно полно вводят читателя в круг мыслей, которые Бакунин со-

бирался высказать в своем не написанном «крупном сочинении» о России. Это делает брошюру в высшей степени ценным и важным документом.

Брошюра вышла в свет на немецком языке летом 1849 г. в Лейпциге в издательстве *Heinr. Matthes* под заглавием «*Russische Zustände. Ein Bild aus der Jetztzeit*» без указания автора. О подробностях написания этой работы и поисках доказательств авторства — см.: Николаевский Б. [И.] Взгляды М.А. Бакунина на положение дел в России в 1849 г.: (Забытая брошюра Бакунина) // *Летописи марксизма / Записки Ин-та К. Маркса и Ф. Энгельса.* — М.; Л. : Гос. изд-во, 1929. — Кн. IX/X. — С. 38–54.

Впервые на русском языке опубликовано: Анонимная брошюра М.А. Бакунина «Положение в России» // *Летописи марксизма / Записки Ин-та К. Маркса и Ф. Энгельса.* — М.; Л. : Гос. изд-во, 1929. — Кн. IX/X. — С. 72–92. Перевод А.М. Бургиной. Здесь публикуется по этому изданию.

⁶⁴ Иначе: Седмиградская земля или область, Трансильвания (латин. *Transilvania*, венг. *Erdély*, рум. *Transilvania*: «Залесье», нем. *Siebenbürgen*). После создания Австро-Венгерской монархии Трансильвания вошла в состав Венгерского королевства. После Первой мировой войны перешла Румынии.

⁶⁵ Эпизод этот рассказан Н.И. Тургеневым в его книге «Россия и русские», которая незадолго перед тем (в 1847 г.) была издана и произвела довольно сильное впечатление как во Франции, так и в Германии.

Тургенев Николай Иванович (12(23).10.1789, Симбирск, ныне Ульяновск — 29.10(10.11).1871, Париж) — русский государственный деятель, декабрист, экономист. С 1817 г. член литературного кружка «Арзамас». В 1818 г. вступил в «Союз благоденствия» и стал одним из его идеологов; выступал за республику. В 1821 г. председатель Московского съезда «Союза благоденствия». Один из основателей Северного общества декабристов; стоял на позициях умеренного крыла общества. В 1824 г. Тургенев уехал за границу и в восстании 14 дек. 1825 г. не участвовал. Заочно был приговорен к пожизненной каторге. Один из первых русских революционных эмигрантов. За границей опубликовал в 1847 г. на французском языке книгу «Россия и русские», которая легла в основу либерально-буржуазной концепции истории декабризма.

⁶⁶ Михаил Павлович (28.1.1798, Петербург — 28.08.1848, Варшава) — великий князь, четвертый сын императора Павла I. Участвовал в усмирении польского восстания 1830–1831 гг., отличился при штурме Варшавы.

⁶⁷ В связи с февральской революцией в Париже и революционным мятежом в Вене император Николай I издал 14/26.03.1848 г. манифест: «Россия, бастион Европы, не поддается революционным влияниям».

С этого времени Николай Павлович считал своим долгом вмешиваться во все европейские дела. Император, объявив в манифесте о своей непримиримости к «смутам», поставил западное общество в известность о готовности России противостоять «разрушительному потоку» в Европе. В Западной Европе этот документ был воспринят как вызов «международного жандарма». После оглашения манифеста в западные губернии были двинуты войска, готовые подавить волнения внутри России и — в случае необходимости — выйти за ее границы.

⁶⁸ Конарский (Konarski) Симон (иначе: Шимон) (5.3.1808, с. Добкишки — 27.2.1839, Вильнюс) — польский революционер. Участник Польского восстания 1830–1831 гг., после поражения которого был в эмиграции. На Украине, в Белоруссии и Литве создавал ячейки революционного «Содружества польского народа». Арестован в мае 1838 г. По приговору царского суда расстрелян.

⁶⁹ Биографические данные о Караваеве очень скудные. По некоторым сведениям Караваев был приговорен к ссылке на каторжные работы («Русский архив». 1869. С. 1121).

⁷⁰ Тугендбунд (Tugendbund), или союз доблести — тайное патриотическое общество, основанное в Кенигсберге (Пруссия) в апреле 1808 г. с целью возрождения «национального духа» (после разгрома Пруссии Наполеоном I). Объединяло св. 700 чел., главным образом представителей либерального дворянства, буржуазной интеллигенции, чиновников, не связанных с народными массами. Официально распущено в январе 1810 г.

⁷¹ Воронцов Михаил Семёнович (19(30).5.1782 — 6(18).11.1856, Одесса) — князь, российский государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1856). В Отечественной войне 1812 г. командовал дивизией, в 1815–1818 гг. — русским оккупационным корпусом во Франции.

⁷² Имеется в виду восстание 1846 г. в Кракове (Krakow, Krakau), городе в Галиции. По венскому соглашению между Пруссией, Россией и Австрией 6 ноября 1846 г. Краков был включен в состав австрийских владений.

⁷³ Бреславль (Breslau) — главный город прусской провинции Силезии и округа того же названия.

⁷⁴ Картельная конвенция (Kartelvertrag, или Kartelconvention) — под этим названием тогда был известен возобновленный 20 мая 1844 г. после некоторого перерыва договор между Россией и Пруссией о взаимной выдаче дезертиров, уголовных преступников и т. д. В марте 1848 г., тотчас же после революции, договор этот был фактически отменен, о чем были сделаны даже официальные сообщения, но уже в 1849 г. он был восстановлен.

⁷⁵ Екатерина II Алексеевна (21.4(2.5). 1729, Штеттин — 6(17). 11. 1796, Царское Село, ныне г. Пушкин) — российская императрица (с 28.06.1762 г.). Урожденная Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская.

⁷⁶ Александр I (12(23).12.1777, Петербург — 19.11(1.12).1825, Таганрог) — российский император с 12 марта 1801 г. Старший сын Павла I.

Его воспитанием руководила Екатерина II. Вступил на престол после убийства Павла I в результате дворцового заговора.

⁷⁷ Имеретия, Имерети — историческая область в Западной Грузии; центр — г. Кутаис (Кутаиси).

⁷⁸ В записке, составленной в 1850 г. в Кенигштейне, Бакунин этот эпизод относит к 1838 г., причем подчеркивает, что в это время он сам был в Петербурге, т. е. знает о нем вполне достоверно.

В действительности этот случай произошел с сорокалетним крестьянином Улеборгской губернии Петром Лямсом, беспоповцем, фанатиком, служившем работником у извозчиков, ударившем митрополита Петербурга Серафима (в миру Глаголевский Стефан Васильевич, 1763–1843) в его доме во время официального приема 11 августа 1839 г. По приказу Николая I Лямс, очень смело державшийся на допросах, был административно посажен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, где и умер в 1840-х гг. (См.: М.М. Петр Лямс // Русская Старина. 1875, сентябрь. С. 204–209).

⁷⁹ Пугачёв Емельян Иванович (ок. 1742, станица Зимовейская-на-Дону — 10(21).1.1775, Москва) — предводитель Крестьянского восстания 1773–1775 гг. в России.

⁸⁰ Пётр III Фёдорович, Карл Пётр Ульрих (10(21).2.1728, Киль, Германия — 7(18).7.1762, Ропша, под Петербургом) — российский император в 1761–1762 гг. Сын гольштейн-готторпского герцога Карла Фридриха и дочери императора Петра I Великого Анны Петровны.

⁸¹ Ростопчин Фёдор Васильевич (12(23).3.1763, дер. Ливны Орловской губ. — 18(30).1.1826, Москва) — российский государственный деятель, граф (с 1799 г.). С мая 1812 г. до 1814 г. главнокомандующий (генерал-губернатор) в Москве. После Бородинской битвы непосредственно содействовал истреблению Москвы огнем, не желая, чтобы она нетронутой досталась французам.

⁸² По-видимому, опечатка: и в источнике, и в «Dresdener Zeitung» стоит именно эта дата — 1842 г. Но по смыслу ясно, что Бакунин имел в виду 1812 г. (это подтверждается и сравнением с запиской 1850 г.).

⁸³ Легенда о «рогатом попе», не раз передававшаяся мемуаристами, нашла отражение и в художественной литературе, в частности, ее передает В.Г. Короленко (См.: «Записки моего современника». Берлин. Т. I. С. 107–108).

⁸⁴ Удельные крестьяне (конец XVIII — сер. XIX вв.) проживали на удельных землях и принадлежали императорской семье. Государственные крестьяне — особое сословие крепостной России, оформленное указами Петра I из оставшегося незакрепощенного сельского населения (черносошных крестьян и полоников Северного Поморья, сибирских пашенных крестьян, единоворцев, нерусских народностей Поволжья и Приуралья); жили на казенных землях и, пользуясь отведенными наделами, были подчинены управлению государственных органов и считались лично свобод-

ными. Крепостные (помещичьи, владельческие) крестьяне — особая категория крестьянства, образовавшаяся в конце XVI в., с установлением крепостного права, и до крестьянской реформы 1861 г. Крепостные крестьяне принадлежали на правах собственности дворянам-помещикам. Это самая многочисленная категория крестьянства Российской империи.

⁸⁵ Битва на реке Калке между русскими князьями и половцами с одной стороны, и монголами — с другой, произошла 31 мая 1223 г. Это было первое столкновение русских с монголами. Битва закончилась победой монгольских войск. Она была проиграна вследствие бегства половцев, которые смяли русских.

⁸⁶ Иван III Васильевич (22.1.1440 — 27.10.1505, Москва) — великий князь московский (с 1462 г.), старший сын Василия II Васильевича Тёмного. С 1450 г. упоминается как великий князь — соправитель отца. При Иване III завершилось образование территориального ядра Русского централизованного государства.

⁸⁷ Иван IV Васильевич Грозный (25.8.1530, с. Коломенское — 18.3.1584, Москва) — великий князь с 1533 г., первый русский царь (с 1547 г.). В результате военных походов Ивана IV в 1547–1552 гг. было присоединено Казанское ханство, в 1556 г. — Астраханское ханство; в зависимость от Ивана IV попали сибирский хан Едигер (1555) и Большая Ногайская орда (1557). После падения Избранной рады (1560) Иван IV единолично провел линию на укрепление самодержавной власти.

⁸⁸ Смутное время в России, продолжавшееся более четверти века — со смерти Ианна Грозного до избрания на царство Михаила Федоровича (1584–1613). Лжедмитрий I (г. рожд. неизв. — 17(27).5.1606, Москва) — самозванец, авантюрист, выдававший себя за русского царевича Дмитрия Ивановича, русский царь в 1605–1606. Лжедмитрий II (г. рожд. неизв. — 11(21).12.1610, Калуга) — самозванец, авантюрист, выдававший себя за русского царя Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I), якобы спасшегося во время восстания 17 мая 1606.

⁸⁹ Романовы — боярский род, с 1613 г. — царская (с избранием на царство Михаила Федоровича Романова), а с 1721 г. — императорская династия в России, правившая по февраль 1917 г.

⁹⁰ Алексей Михайлович (19.3.1629 — 29.1.1676) — второй русский царь династии Романовых (с 1645 г.), сын Михаила Фёдоровича.

⁹¹ Шехерезада — главный персонаж знаменитого арабского сборника сказок «Тысяча и одна ночь».

⁹² Фёдор III Алексеевич (30.5(9.6). 1661, Москва — 27.4(7.5). 1682, там же) — русский царь династии Романовых (с 29 янв. 1676 г.), сын царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской.

⁹³ Пётр I Великий (30.5(9.6).1672, Москва — 28.1(8.2).1725, Петербург) — русский царь (с 27 апр. 1682 г.), российский император (с 22 окт. 1721 г.), государственный деятель, полководец и дипломат. Единственный сын царя Алексея Михайловича от второго брака с Н.К. Нарышки-

ной. В острой борьбе с оппозицией провел крупные реформы, направленные на преодоление отсталости России от западных стран.

⁹⁴ Пётр II Алексеевич (12(23).10. 1715, Петербург — 18(29).1.1730, Москва) — российский император с 1727 г. Сын царевича Алексея Петровича и принцессы Софьи Шарлотты Бланкенбургской-Вольфенбюттельской; внук Петра I Великого.

⁹⁵ Анна Ивановна (28.1.1693, Москва — 17.10.1740, Петербург) — российская императрица с 25 янв. 1730 г. Дочь Ивана V Алексеевича, племянница Петра I.

⁹⁶ Елизавета Петровна (18(29).12. 1709, с. Коломенское, близ Москвы — 25.12.1761 (5.1.1762), Петербург) — российская императрица с 25 нояб. 1741 г., дочь Петра I и Екатерины I. Вступила на престол в результате дворцового переворота, свергнув и заточив в крепость малолетнего Иоанна VI (III) Антоновича.

⁹⁷ Меншиков Александр Данилович (6(16).11. 1673, Москва — 12(23).11.1729, Берёзов, ныне Берёзово Тюменской обл.) — российский государственный и военный деятель, граф (1702), светлейший князь (1707), генералиссимус (1727). Был денщиком Петра I (с 1686 г.), однако, преданность и усердие, незаурядные военные и административные способности выдвинули Меншикова в число самых близких сподвижников императора.

⁹⁸ В немецком тексте стоит «Munch», но несомненно, что речь идет о Минихе.

Миних Бурхард Кристоф (9.5.1683, Ольденбург — 16(27).10.1767, Тарту) — граф, российский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1732). Перешёл в 1721 г. на русскую службу в должности инженер-генерала.

⁹⁹ Остерман Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих) (30.5(9.6).1686, Бохум, Вестфалия — 20(31).5.1747, Берёзов, ныне пос. Берёзово Тюменской обл.) — российский государственный деятель, дипломат, граф (1730). На русской службе с 1703 г. С 1723 г. вице-президент Коллегии иностранных дел, в 1725–1741 гг. вице-канцлер.

¹⁰⁰ Потёмкин Григорий Александрович (13(24).9.1739, с. Чижово Духовщинско-го уезда, ныне Смоленская обл. — (16).10.1791, р-н г. Яссы) — российский государственный и военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал (1784). В 1783 г. реализовал свой проект присоединения Крыма к России, получив за это титул светлейшего князя Таврического.

¹⁰¹ Румянцев-Задунайский Пётр Александрович (4(15).1.1725, Москва — 8(19).12.1796, с. Ташань, ныне Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл.) — граф (с 1744 г.), русский полководец, генерал-фельдмаршал (1770). Сын сподвижника Петра I А.И. Румянцева. Деятельность Румянцева-Задунайского как полководца в значительной мере определила развитие русского военного искусства во 2-й пол. XVIII в. В 1764–1796 гг. президент Малороссийской коллегии и генерал-губернатор Малороссии,

активно проводил политику ликвидации автономии Украины. В 1775 г. получил почётное добавление к фамилии — Задунайский.

¹⁰² Орлов Григорий Григорьевич (6(17).10.1734 — 13(24).4.1783, Москва) — российский военный и государственный деятель, граф (1762). Брат А.Г. Орлова. Активный участник переворота 1762 г., возведшего Екатерину II на престол. После переворота — камергер двора. В 1763–1775 гг. генерал-фельдцейхмейстер русской армии.

¹⁰³ Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (22.5(1.6).1693, Москва — 10(21).4.1766) — российский государственный деятель и дипломат, граф (1742).

¹⁰⁴ Суворов Александр Васильевич (13(24).11.1729 или 1730, Москва — 6(18).5.1800, Петербург) — граф Рымникский (1789), князь Итальянский (1799), русский полководец и военный теоретик, генералиссимус (1799).

¹⁰⁵ Павел I (20.9(1.10).1754, Петербург — 12(24).3.1801, там же) — российский император (1796–1801). Сын Петра III и Екатерины II. В начале царствования Павел I изменил многие екатерининские порядки, однако по существу внутренняя политика Павла I продолжала курс Екатерины II.

¹⁰⁶ Лагарп (La Harpe) Фредерик Сезар де (6.4.1754, Роль, кантон Во — 30.3.1838, Лозанна) — швейцарский политический деятель. По профессии адвокат. В 1780-х гг. был приглашен императрицей Екатериной II в Россию в качестве воспитателя ее внука, будущего русского императора Александра I.

¹⁰⁷ Муравьев Никита Михайлович (19(30).7.1796, Москва — 28.4(10.5). 1843, слобода Уриковская, ныне с. Урик Иркутского р-на Иркутской обл.) — декабрист, капитан гвардии (1825). Участвовал в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Затем жил в Париже. В восстании 14 дек. 1825 г. не участвовал, но был арестован и осужден (смертная казнь, заменённая 20-летней каторгой). Каторгу отбывал в Нерчинских рудниках.

¹⁰⁸ Тульчин — город на Украине. В составе Российской империи с 1793 г. В 1795–1804 гг. был уездным городом, с 1804 г. — заштатным, затем местечко Подольской губ. В 1796–1797 гг. в Тульчине находилась штаб-квартира А.В. Суворова. В 1818 г. здесь образована Тульчинская управа «Союза благоденствия», ставшая с 1823 г. центром Южного общества декабристов.

¹⁰⁹ Таврида — название Крымского полуострова, которое было введено российским правительством после присоединения Крыма к России в 1783 г. Таврида — производное от названия тавров — древнего населения части Крыма. Здесь речь идет о так называемых «потемкинских деревнях».

¹¹⁰ В немецком тексте: «des einzigen russischen Ordens der Basilianer», дословный перевод дается и здесь. Однако по существу это утверждение не соответствует действительности: как известно, православное монаше-

ство в России никогда не было объединено в ордены западного типа. По-видимому, это ошибка немецкого редактора, которого, возможно, ввел в заблуждение несомненно известный ему факт, что из всех католических монашеских орденов в России тех лет допущен был только орден ба-зильянецев.

¹¹¹ Иннокентий (Гизель) (1600–1683) — киевский ученый, родился в Пруссии, в реформатской семье. Иннокентий был одним из учнейших людей в Малороссии XVII в. В 1669 г. издал обширное сочинение «Мир с Богом человеку». По хронике Феодосия Софоновича Гизель составил знаменитый «Синописис», бывший главным учебным пособием по истории до М.В. Ломоносова.

¹¹² Митрополит Филарет (в миру — Дроздов Василий Михайлович) (26.12.1782, Коломна Московской губернии — 19.11.1867, Москва) — епископ Русской Церкви, российский православный богослов; с 3 июля 1821 г. архиепископ (с 22 августа 1826 г. — митрополит) Московский и Коломенский. Наиболее крупный представитель церковной иерархии эпохи Николая I, был горячим апологетом тогдашней реакции и защитником крепостного права. В описанном эпизоде 1848–1849 гг. император стал на сторону обер-прокурора и «освободил» Филарета от присутствия в Синоде.

¹¹³ Бенкендорф Александр Христофорович (23.6(4.7).1781, по др. данным 1783 — 23.9 (5.10).1844) — российский государственный деятель, граф (с 1832 г.) — один из главных проводников реакционной внутренней политики Николая I. 14 дек. 1825 г. командовал кавалерией при подавлении восстания декабристов. С июля 1826 г. до конца жизни — шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии.

¹¹⁴ Перовский Лев Алексеевич (9(20).9.1792 — 9(21).11.1856, Петербург) — граф, российский государственный деятель, генерал от инфантерии (1855). Побочный сын графа А.К. Разумовского. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. Был членом ранних декабристских организаций, но в 1821 г. от движения отошел. Выйдя в отставку, в 1823–1826 гг. служил в Коллегии иностранных дел, в 1826–1840 гг. в департаменте и Министерстве уделов (с 1840 г. товарищ министра). В 1841–1852 гг. министр внутренних дел. По записке «Об уничтожении крепостного сословия в России», поданной Перовским Николаю I, в 1846 г. был учрежден т. н. «Секретный крестьянский комитет».

¹¹⁵ Здесь автор ошибся: руководил окончившимся неудачей походом 1839–1840 гг. в Хиву родной брат будущего министра внутренних дел — Перовский Василий Алексеевич (9(20).2.1795, г. Почеп, ныне Брянской обл. — 8(20).12.1857, Алушка) — российский военный деятель, генерал-адъютант (1833), ген. от кавалерии (1843), граф (с 1855 г.). В 1832–1842 и 1851–1857 гг. военный губернатор Оренбургской губ. и командир Отдельного Оренбургского корпуса.

Хивинское ханство препятствовало расширению торговых связей России со Средней Азией. В ноябре 1839 г. 5-тысячный отряд под командованием В.А. Перовского выступил из Оренбурга на Эмбу и далее на Хиву, но из-за плохой организации похода (отсутствие теплой одежды, недостаток топлива и др.) в условиях необычно суровой зимы был вынужден летом 1840 г. вернуться в Оренбург, потеряв св. 3 тыс. чел. от болезней и холода.

¹¹⁶ Кокошкин Сергей Александрович (1785 — 11.08.1861, СПб.) — петербургский обер-полицеймейстер (1830–1847), генерал-майор, впоследствии генерал от инфантерии (1856), Несмотря на многочисленные обвинения во взяточничестве, пользовался расположением императора Николая I. В 1847–1856 гг. черниговский, полтавский и харьковский генерал-губернатор, с 1856 г. — сенатор.

О России

Статья написана в первых числах мая 1863 г. и тогда же напечатана в шведских газетах «Aftonbladet» (№ 108, 10.05.1863; № 110, 15.05.1863; № 112, 18.05.1863) и «Nya Dagligt Allehanda» без подписи, под заглавием «Бакунин о России». По-французски напечатана в «La Cloche» (№ 27, 15.09.1863) под заглавием «Письма Михаила Бакунина о России». Упоминания об этой статье, со слов аугсбургской «Allgemeine Zeitung», встречаются в полемике «Дня» с Герценом в 1863 г. по польскому вопросу. Впервые на русском языке опубликована В. Полонским (Былое. — Пб., 1925 [на тит. л. — 1924]. — № 27/28. — С. 22–27) по материалам, найденным им в Московском историко-революционном архиве (ныне — Государственный архив Российской Федерации — ГАРФ). Здесь публикуется по этому изданию.

¹¹⁷ Герострат (Herostratos) (гг. рожд. и смерти неизв.) — грек из г. Эфес (Малая Азия), сжегший в 356 до н. э. храм Артемиды Эфесской (считался одним из 7 чудес света), для того чтобы обессмертить свое имя. Имя Герострата получило нарицательное значение, им называют честолюбцев, добивающихся славы любой ценой.

¹¹⁸ с фр. *cannibale* — крайне жестокий, кровожадный человек

¹¹⁹ с любовью (лат.)

¹²⁰ Эта неосторожная фраза автора «Исповеди» и «всеподданнейшего» прошения Александру II, по-видимому, послужила основанием для опубликования покаянных материалов о Бакунине. Александр II, внимательно следящий за заграничными выступлениями Бакунина, прочитал

эту его статью и сделал на докладе по ее поводу обиженно-надутую надпись: «вполне достойно этой личности». Шведский министр иностранных дел Мандерстрем опубликовал памфлет, используя материалы, предоставленные ему царской охранкой.

¹²¹ Габсбурги (Habsburger) — династия, правившая в Австрии в 1282–1918 гг., в Чехии и Венгрии в 1526–1918 гг. (с 1867 г. — в Австро-Венгрии), в Испании и ее владениях в 1516–1700 гг.; императоры «Священной Римской империи» (постоянно — в 1438–1806 гг., кроме 1742–1745 гг.).

¹²² Дон-Кихот (Don Quijote) — по имени героя одноименного романа испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведры (Cervantes Saavedra) (1547–1616) — бескорыстный, но смешной мечтатель, создавший себе фантастический, нежизненный идеал и растрачивающий свои силы в борьбе с воображаемыми препятствиями, проявляя бесплодное, ничемное геройство.

¹²³ Велепольский (Wielopolski) Александр (13.3.1803, дер. Сендзевице, Буский повят — 30.12.1877, Дрезден) — маркиз, польский государственный деятель. В 1861–1863 гг. занимал руководящие должности в администрации Королевства Польского. Участвовал в подготовке и проведении частичных реформ 1861–1862 гг.

¹²⁴ Речь идет о великом князе Константине Николаевиче Романове (9(21).9.1827, Петербург — 13(25).1.1892, Павловск), втором сыне императора Николая I, брате императора Александра II. Константин Николаевич был наместником Царского Польского в 1862–1863 гг.

¹²⁵ «Колокол» — первая русская революционная газета, издававшаяся А.И. Герценом и Н.П. Огарёвым в эмиграции (в Лондоне) в 1857–1867 гг.

¹²⁶ Центральный национальный комитет (ЦНК; Centralny Komitet; Narodowy) — руководящий центр повстанческой организации в период подготовки и развертывания Польского восстания 1863–1864 гг. Основан в окт. 1861 г. в Варшаве как подпольный Комитет движения, с лета 1862 г. — ЦНК. В его состав входили польские революционеры — Я. Домбровский, И. Хмельнский, З. Падлевский, Б. Шварце, С. Бобровский.

¹²⁷ «Земля и воля» — тайное революционное общество, образованное в России в начале 1860-х гг., в период первой революционной ситуации, возникшей после крестьянской реформы 19 февраля 1861 г., насчитывало около 200 человек. Предположительно в руководство обществом входили Н. А. и А.А. Серно-Соловьевичи, Н.Н. Обручев, С.С. Рыманенко, А.А. Слепцов, В.С. Курочкин, Н.Г. Чернышевский, Н.И. Утин. Представителями за границей считались А.И. Герцен и Н.П. Огарев. Со спадом революционной ситуации «Земля и воля» весной 1864 г. самораспустилась.

¹²⁸ Готский альманах (Almanach de Gotha) — генеалогический сборник, издающийся ежегодно с 1763 г. (в 1945–1997 гг. не выходил) в немецком городе Гота. Альманах включает списки наиболее известных родов королевских домов и высшего дворянства Европы.

Статьи из журнала «Народное дело = Le cause du peuple»

Журнал был основан М.А. Бакуниным по инициативе Н.И. Жуковского. Подписей под публикациями нет, однако материалы первого номера «Народного дела» в основном принадлежат перу Бакунина. Передовая статья «Наша программа» написана Бакуниным совместно с Жуковским, но и она повторяет основные идеи более обширной программы Бакунина, известной как «Революционный катехизис» (вышла отдельным листом в издании Элпидина — Женева, сент. 1868 г.). Журнал вышел в начале сентября 1868 г. незадолго до второго, Бернского, конгресса Лиги мира и свободы. Отдельные статьи неоднократно переиздавались. Здесь публикуются полностью все материалы журнала по первоисточнику 1868 г.

Жуковский Николай Иванович (21.10(2.11).1833, Уфа — 28.4(10.5).1895, Женева) — русский революционер, бакунист. В 1861–1862 г. участник революционных кружков в Петербурге. Избежал ареста, выехав в 1862 г. за границу, где сблизился с издателями «Колокола» и стал одним из деятелей «молодой эмиграции». В 1863–1864 гг. жил в Дрездене, откуда организовал транспортировку изданий вольной русской печати в Россию. В 1868–1869 гг. состоял в бакунинском Альянсе социалистической демократии. В 1869 г. Жуковский вступил в члены I-го Интернационала, но в 1872 г., после исключения Бакунина, в знак солидарности с ним вышел из Интернационала. В 1870-е гг. сотрудничал в газете «Работник» и был одним из редакторов журнала «Община».

¹²⁹ Элпидин Михаил Константинович (1835, с. Никольское Лаишевского у. Казанской губ. — 1908, Женева, Швейцария) — русский революционер-шестидесятник, деятель вольной русской печати. 6 июля 1865 г. бежал из Казанского тюремного замка, эмигрировал, примкнул к «молодой эмиграции». В 1866 г. организовал в Женеве русскую типографию, в 1881 г. — книжную лавку.

¹³⁰ Греч Николай Иванович (3(14).8.1787, Петербург — 12(24).1.1867, там же) — русский журналист, писатель, филолог. В 1812–1839 гг. редактор-издатель (с 1825 г. совместно с Ф.В. Булгариным) журнала «Сын отечества», до середины 1820-х гг. связанного с декабристскими кругами. После подавления восстания декабристов Греч становится монархистом и реакционером. В 1831–1859 г. совместно с Булгариным издавал газету «Северная пчела», пользовавшуюся покровительством III отделения с.е.и.в. канцелярии.

¹³¹ Булгарин Фаддей Бенедиктович (24.6(5.7).1789, Минская губ. — 1(13).9.1859, близ Дерпта, ныне Тарту, Эстония) — русский журналист, писатель. С 1825 г. — издатель-редактор совместно с Н.И. Гречем (см. выше).

¹³² Бокль (Buckle) Генри Томас (24.11. 1821, Ли, Кент — 29.5.1862, Дамаск) — английский историк и социолог-позитивист. Главный труд — двухтомная «История цивилизации в Англии» (1857–1861; рус. пер. в «Отечественных записках», 1861, отд. изд., 1863–1864). Взгляды Бокля проникнуты верой в безграничную силу разума и обществ, прогресс, ненавистью к клерикализму, убеждением в возможности использования научных методов (особенно статистики) для познания законов истории.

¹³³ «Русское слово» — ежемесячный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге с 1859 г. графом Г.А. Кушелевым-Безбородко. Для редактирования были сначала приглашены Я.П. Полонский и Аполлон Григорьев, но очень скоро их заменил А. Хмельницкий. В журнале публиковались специальные исследования, часто весьма почтенные (Буслаева, Костомарова и др.). С середины 1860 г. образовалась новая редакция во пл. с Г.Е. Благовестловым; ведущими сотрудниками стали Д.И. Писарев, В.А. Зайцев, Н.В. Шелгунов, Д.Д. Минаев, А.К. Шеллер-Михайлов, Н.В. Соколов. Направление обновленного «Русского слова» определяли преимущественно его литературная критика и публицистика, прежде всего — деятельность Писарева. По важнейшим общеполитическим вопросам журнал разделял революционно-демократическую линию «Современника» (обличение самодержавия, крепостничества и капиталистических порядков, проповедь идей утопического крестьянского социализма). Журнал подвергался преследованиям правительства; дважды его издание приостанавливалось, затем он был запрещен (1866).

¹³⁴ народы (древнеслав.)

¹³⁵ Шопенгауэр (Schopenhauer) Артур (22.2.1788, Данциг, ныне Гданьск — 21.9.1860, Франкфурт-на-Майне) — немецкий философ-идеалист. Основное сочинение — «Мир как воля и представление» («Die Welt als Wille und Vorstellung»), 1819, второе издание — 1844, третье — 1859).

¹³⁶ Впервые в свет работа И. Канта «Критика Чистого Разума» вышла в свет в 1781 г.

¹³⁷ Юм (Hume) Дейвид (7.5.1711, Эдинбург, Шотландия — 25.8.1776, там же) — английский философ, историк, экономист и публицист. Сформулировал основные принципы новоевропейского агностицизма, предшественник позитивизма. В 1739 г. опубликовал главное свое сочинение «Трактат о человеческой природе». В 1753–1762 гг. работал над восьмитомной «Историей Англии». В 1763–1766 гг. на дипломатической службе в Париже.

¹³⁸ Впервые опубликована в 1788 г.

¹³⁹ Имеются в виду труды Г. Гегеля: «Феноменология духа» (1807), «Лекции по философии истории» (1837), «Лекции по эстетике» (1835–1838), «Лекции по философии религии» (1821–1830), «Лекции по истории философии» (1833–1836).

¹⁴⁰ Гейне (Heine) Генрих (13.12.1797, Дюссельдорф — 17.2.1856, Париж) — великий немецкий поэт, публицист, критик.

¹⁴¹ Бюхнер (Büchner) Фридрих Карл Христиан Людвиг (29.9.1824, Дармштадт — 1.5.1899, там же) — немецкий врач, естествоиспытатель и философ. Представитель вульгарного материализма, — считал, что сознание, как зеркальное отражение действительности, является материальным, отрицал диалектику и социальную природу человека. Был сторонником и пропагандистом дарвинизма и распространял его принципы на общественную жизнь, разделяя таким образом идеи социального дарвинизма.

¹⁴² Фохт, Фогт (Vogt) Карл (5.7.1817, Гисен — 5.5.1895, Женева) — немецкий естествоиспытатель и философ, представитель вульгарного материализма; участник Революции 1848 г., член Франкфуртского национального собрания. Популяризируя идеи естественно-научного материализма, дарвинизма и атеизма, Фохт отождествлял сознание с материей, полагая, что мозг выделяет мысль примерно так же, как печень — жёлчь.

¹⁴³ Молешотт (Moleschott) Якоб (9.8.1822, Хертогенбос, Нидерланды — 20.5.1893, Рим) — немецкий физиолог и философ, представитель вульгарного материализма. Фактически отождествлял философию с естествознанием, а в мышлении видел лишь физиологический механизм. Сочинения Молешотта, переведенные на русский язык, пользовались большой популярностью в России в эпоху 1860-х гг.

¹⁴⁴ Спартак (Σπάρτακος, Spartacus) (ум. 71 до н. э.) — в Древнем Риме вождь восстания рабов 73 (или 74) — 71 гг. до н. э., одного из самых значительных восстаний периода античности. Восстание Спартака ускорило установление в Риме императорской формы правления.

¹⁴⁵ Араго (Arago) Доминик Франсуа (26.2.1786 — 2.10.1853, Париж) — французский астроном, физик и политический деятель, член Парижской АН (с 1809 г.).

¹⁴⁶ Речь о работе Г. Гегеля «Энциклопедия философских наук» (1817).

¹⁴⁷ Точнее: Шелли (Shelley) Перси Биш (4.8.1792, Филд-Плейс, Суссекс — 8.7.1822, залив Специя) — английский поэт. Социально-политические взгляды Шелли сложились под воздействием идей Великой французской революции, сочинений французских просветителей XVIII в., Т. Пейна и особенно родоначальника западноевропейского анархизма В. Годвина, с которым Шелли познакомился в 1813 г. и на чьей дочери Мэри был женат.

¹⁴⁸ Бокль (Buckle) Генри Томас (24.11.1821, Ли, Кент — 29.5.1862, Дамаск) — английский историк и социолог-позитивист, автор крупного исследования «История цивилизации в Англии» (1857–1861 гг. в 2-х. тт.; первый рус. пер. — 1861 г., «Отечественные записки», отд. изд. — 1863–1864 гг.).

¹⁴⁹ Дарвин (Darwin) Чарлз Роберт (12.2.1809, Шрусбери, — 19.4.1882, Даун, близ Лондона) — английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения о происхождении видов животных и растений путем естественного отбора.

¹⁵⁰ Льюис (Lewis) Джордж Генри (18.4. 1817, Лондон, -28.11.1878, там же) — английский журналист, литературный критик и философ-позитивист, последователь О. Конта. Большую популярность имела его «История философии...» (т. 1–4, 1845–1846; рус. пер. 1865), где Льюис рассматривает историю философии как историю заблуждений, доказывающую невозможность иного пути познания, кроме позитивизма.

¹⁵¹ Спенсер (Spencer) Герберт (27.4.1820, Дерби — 8.12.1903, Брайтон) — английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма. Философия Спенсера явилась дальнейшим развитием позитивизма О. Конта, хотя сам Спенсер и отрицал свою зависимость от его взглядов. Влияние на Спенсера оказали также агностицизм Д. Юма и Дж. С. Милля, кантианство, натурфилософские идеи Ф. Шеллинга и шотландская школа. Спенсер является основоположником органической школы в социологии.

¹⁵² Милль (Mill) Джон Стюарт (20.5.1806, Лондон — 8.5.1873, Авиньон) — английский философ-позитивист, экономист и общественный деятель. С 1841 г. состоял в переписке с Огюстом Контом, философские и социологические взгляды которого оказали на него глубокое влияние. Однако, разделяя ряд философских и логических установок позитивизма О. Конта, Милль отвергал его социально-политическую доктрину, в которой усматривал систему духовного и политического деспотизма, игнорирующую значение человеческой свободы и индивидуальности.

¹⁵³ Петрашевцы, общество петрашевцев, кружок петрашевцев — группа молодежи, собиравшаяся во 2-й половине 1840-х гг. в Петербурге у М.В. Петрашевского (с 1845 г. собрания стали еженедельными («пятницы») и получили известность среди прогрессивной общественности); утопические социалисты и демократы, стремившиеся к переустройству самодержавной и крепостнической России. Петрашевцы стояли в самом начале процесса формирования революционного демократического лагеря, идеологами которого в то время были В.Г. Белинский и А.И. Герцен.

Петрашевский (Бутаевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1(13).11.1821, Петербург — 7(19).12.1866, с. Бельское, ныне Красноярского края) — русский революционер. Редактор и автор большинства теоретических статей «Карманного словаря иностранных слов» (вып. 2, 1846 г.), в котором пропагандировались демократические и материалистические идеи, принципы утопического социализма.

¹⁵⁴ Речь о польском восстании 1863 г., жестоко подавленном генерал-губернатором Северо-Западного края М.Н. Муравьевым, получившим за это кличку «Муравьев-вешатель».

¹⁵⁵ Международное товарищество рабочих — I Интернационал.

Несколько слов молодым братьям в России

Написано на русском языке и впервые издано отдельной брошюрой в Женеве Нечаевской организацией в 1869 г. на 4 страницах, без титульного листа и обложки. Автор указан в конце текста: Михаил Бакунин. Переиздано в приложении к кн.: Письма М.А. Бакунина к Герцену и Огареву. — Женева, 1896. — С. 463–468. Здесь публикуется по первому изданию.

¹⁵⁶ 1863–1864 гг. — Январское восстание: началось 22 января 1863 г. и продолжалось до поздней осени 1864 г.

¹⁵⁷ Каракозовское дело — политический процесс в Верховном уголовном суде (10 августа — 1 октября 1866 г.) над членами кружка ишутинцев по обвинению в причастности к покушению Д.В. Каракозова на Александра II. Под следствием — свыше 2 тыс. человек, 36 подсудимых. Каракозов приговорен к смертной казни, 8 человек к ссылке на каторгу, 9 — сосланы в Сибирь.

Каракозов Дмитрий Владимирович (23.10(4.11).1840, с. Жмакино Сердобского у. Саратовской губ., ныне Пензенская обл. — 3(15).9.1866, Петербург) — участник русского революционного движения, состоял в тайном революционном обществе в Москве.

Кружок ишутинцев — тайная революционная организация, основанная в Москве в сент. 1863 г. Н. А. Ишутиным с целью подготовки крестьянской революции путём заговора интеллигентских групп. Ишутин Николай Андреевич (3(15).4.1840, Сердобск, ныне Пензенской обл. — 5(17).1.1879, Кара) — один из первых русских профессиональных революционеров — утопистов-социалистов, сочетавших идею пропаганды социализма в народе с заговорщической и террористической тактикой.

¹⁵⁸ Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630, станица Зимовейская-на-Дону — 6(16).6.1671, Москва) — предводитель восставших в Крестьянской войне 1670–1671 гг. в России.

Из работы «Усыпители»

Написано и впервые напечатано на французском языке: «Egalite». Paris, 1869. №№ 23–27. На русском языке впервые опубликовано в сборнике: Историческое развитие Интернационала: [Сб.]. — Ч. 1. — [Цюрих : изд. бакунистов, 1873]. — С. 19–42. Переиздано отдельной брошюрой: СПб.: Равенство, 1906. — VIII, 24 с. и в сборнике

работ: Бакунин М.А. Избранные сочинения. Т. IV. — Пб.: Голос труда, 1920. — С. 23–40. Здесь публикуется по первому русскому изданию: С. 31–42.

¹⁵⁹ иносказательно: не духовному, а материальному мамона — (церк.) богатство, пожитки, земные сокровища

Всестороннее образование

Впервые напечатано на французском языке как продолжение статьи «Усыпители»: *Egalite*. — Paris, 1869. — №№ 28–31. На русском языке впервые опубликовано в сборнике: Историческое развитие Интернационала: [Сб.]. — Ч. 1. — [Цюрих : изд. и тип. бакунистов, 1873]. — С. 67–94. Переиздано: Бакунин М.А. Избранные сочинения. Т. IV. — Пб.: Голос труда, 1920. — С. 41–63; Бакунин М.А. Анархия и Порядок : Сочинения / Сост. и предисл. М.А. Тимофеева. — М.: Изд. ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. — С. 350–372. Здесь публикуется по последнему изданию, сверенному с первым русским изданием.

¹⁶⁰ личность и факт нами не определены; по-видимому об этом было сообщение в печати

¹⁶¹ Лассаль (Lassalle) Фердинанд (11.4.1825, Бреслау, ныне Вроцлав, Польша — 31.8.1864, Женева) — знаменитый немецкий философ, юрист, экономист и политический деятель, один из основоположников европейского социализма.

¹⁶² Международное товарищество рабочих — I Интернационал.

¹⁶³ Вольтер (Voltaire) (псевд.; настоящее имя и фамилия Мари Франсуа Аруэ (Arouet)) (21.11.1694, Париж — 30.5.1778, там же) — французский писатель, философ, историк. Член французской академии (1746). По своим философским взглядам Вольтер — деист, последователь Дж. Локка, И. Ньютона. Наибольшее значение в художественном наследии Вольтера имеют его философские повести.

¹⁶⁴ Здесь речь идет исключительно о научной философии вообще, которая опирается на наблюдения и опыт, а не о позитивистской философии О. Конта.

¹⁶⁵ Кетле (Quetelet) Ламбер Адольф Жак (22.2.1796, Гент — 17.2.1874, Брюссель) — бельгийский математик, астроном, метеоролог, социолог; один из создателей научной статистики. Профессор математики и астрономии в Брюсселе (1819). Кетле оказал значительное влияние на развитие количественных методов в социальных исследованиях. Он доказал, что некото-

рые массовые общественные явления (рождаемость, смертность, преступность и др.) подчиняются определенным закономерностям.

¹⁶⁶ Священное писание — название сборника книг, составляющих Библию и содержащих истины религиозно-нравственного характера, которые признаются сообщенными свыше, по особому Божьему откровению.

¹⁶⁷ Тертуллиан (Tertullianus) Квинт Септимий Флоренс (ок. 160, Карфаген — после 220, там же) — христианский богослов и писатель. Был пресвитером, вероятно, в Карфагене; в полном расцвете сил уклонился от католичества и впал в монтеизм (около 202 г.), которому оставался верен до конца жизни. Мышление Тертуллиана отмечено тягой к парадоксам. Если современные ему христианские мыслители стремились привести библейские учения и греческую философию в единую систему, то Тертуллиан всячески подчеркивает пропасть между верой и разумом.

¹⁶⁸ Третий конгресс I Интернационала состоялся в Брюсселе 6–13 сент. 1868 г. В нем участвовало около 100 делегатов из Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Франции и Швейцарии.

Всесветный революционный союз социальной демократии: Русское отделение к русской молодёжи

Написано в первой половине 1870 г. в серии пропагандистских брошюр, прокламаций и других изданий, предназначенных для русской аудитории, впервые напечатано на русском языке: [Genève : impr. Czernieski, 1870]. — [1], 32 с. Переиздано: Русское отделение. К русской молодёжи. — Genève : M. Elpidine, 1888. — 61 с.; То же. — Берлин : Г. Штейниц, [1904]. — 86 с. Печатается по последнему изданию.

¹⁶⁹ Ультрамонтанство (от лат. *ultra montes* — за горами, т. е. за Альпами, в Риме) — религиозно-политическое направление в католицизме, сторонники которого отстаивают идею неограниченной верховной власти римского папы и его право вмешиваться в светские дела любого государства.

¹⁷⁰ Римский Папа, папа (лат. *papa*, от греч. *πάππας* — отец) — глава католической церкви и государства Ватикан.

¹⁷¹ Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin) Александр Огюст (2.2.1807, Париж — 31.12.1874, Фонтене-о-Роз) — французский политический деятель, мелкобуржуазный демократ, был адвокатом в Париже, с 1841 г. — член палаты депутатов. Один из основателей (1843) оппозиционной радикальной газеты «La Réforme». Выступал против Парижской Коммуны 1871 г.

¹⁷² Мадзини, Мадзини (Mazzini) Джузеппе (22.6.1805, Генуя — 10.3.1872, Пиза) — итальянский революционер, буржуазный демократ, один из вождей итальянского национально-освободительного движения,

руководитель и идеолог его левого республиканско-демократического направления.

¹⁷³ Рочдейл (Rochdale) — город в Великобритании, в графстве Ланкашир, на р. Роч, в предгорьях Пеннин, в составе конурбации Большой Манчестер.

¹⁷⁴ Шульце-Делич (Schulze-Delitzsch) Франц Герман (29.8.1808, Делич — 29.4.1883, Потсдам) — немецкий экономист и политический деятель. Во время Революции 1848–1849 гг. был депутатом прусского Национального собрания, примыкая в нем к либеральной группировке — «левому центру». Шульце-Делич принадлежал к вульгарным экономистам.

¹⁷⁵ Гирш, Хирш Макс (Hirsch) (30.12.1832, Хальберштадт — 26.06.1905, Бол. Гамбург) — немецкий экономист. Изучив положение рабочих в Англии и Шотландии, он, вернувшись в Германию в конце 1860-х гг., положил начало так называемым «Deutsche (Hirsch-Dunckersche) Gewerkvereine» («Немецких (Гирш-Дункерских) профсоюзов»), которые, в противовес идеям социал-демократии, основаны на гармонии интересов рабочих и предпринимателей.

¹⁷⁶ Дункер (Duncker) Франц Густав (4.06.1822, Берлин — 18.06.1888, там же) — немецкий публицист, основатель «Volkszeitung», ставшей одним из влиятельных органов демократической партии. Участвовал в политическом движении 1848 г., был одним из основателей немецкого национального общества (1859), членом прусской палаты депутатов, северо-германского и германского рейхстага. Сподвижник М. Гирша.

¹⁷⁷ Пьемонт (Piemonte) — область на северо-западе Италии. Включает 6 провинций: Турин, Верчелли, Кунео, Алессандрия, Новара, Асти.

¹⁷⁸ Ломбардия (Lombardia) — административная область в Северной Италии, самая крупная по площади и населению в стране. Включает 9 провинций: Бергамо, Бреша, Варесе, Кремона, Комо, Мантуя, Милан, Павия, Сондрио.

¹⁷⁹ Каталония (Cataluna) — историческая область на северо-востоке Испании. Включает провинции Барселона, Таррагона, Жерона и Лерида.

¹⁸⁰ Андалусия (Andalucia) — историческая область в Южной Испании. Включает 8 провинций: Альмерию, Гранаду, Кадис, Кордову, Малагу, Севилью, Уэльву, Хаэн. Главный город — Севилья.

¹⁸¹ Так в тексте. Правильно: Гарридо, Гарридо-и-Тортоса (Garrido-y-Tortosa) Фернандо (1821, Картагена — 1883, Кордова) — испанский социалист-утопист, последователь Фурье, республиканец, политический деятель. Гарридо считал зародышем будущего справедливого экономического строя потребительскую и кредитную кооперацию, выступал за мирную эволюцию общества путем реформ, был сторонником федеральной республики в Испании.

¹⁸² Так в тексте. Правильно: Пи-и-Маргаль (Pi-y-Margall) Франсиско (29.4.1824, Барселона — 29.11.1901, Мадрид) — испанский политический деятель, революционер-демократ. В 1851 г. опубликовал «Историю

живописи Испании», которая была запрещена церковью и предана анафеме. В том же году вышли его «Этюды о средних веках», за которые Пи-и-Маргаль был отлучен от церкви. В начале 1850-х гг. примкнул к республиканцам и стал одним из лидеров Демократической партии. Принимал активное участие в Революции 1854–1856 гг. В 1866 г. эмигрировал во Францию, где познакомился с работами П.Ж. Прудона; позднее перевел их на испанский язык.

¹⁸³ Маркс (Marx) Карл Генрих (5.5.1818, Трир — 14.3.1883, Лондон) — социолог, экономист и политический деятель. Марксу принадлежала ведущая роль в основании Международного товарищества рабочих (I Интернационала). Он был участником учредительного собрания 28 сент. 1864 г., фактически возглавил руководящий орган Товарищества (позднее стал именоваться Генеральным советом). Раскрывая законы движения капиталистического способа производства и утверждая, что их действие неизбежно обуславливает необходимость революционной замены его коммунистическим строем, Маркс дал всестороннее экономическое обоснование теории пролетарской революции.

¹⁸⁴ Речь о I Интернационале — Международном товариществе рабочих.

¹⁸⁵ Архимед (Archimedes) (ок. 287 до н. э., Сиракузы, Сицилия — 212 до н. э., там же) — древнегреческий ученый, математик и механик.

¹⁸⁶ прозелит (еврейск. гейр и гейрим, от гур — пребывать, странствовать, приютиться, обитать где-либо) — чужеземец, иностранец, странник, пришелец, поселенец

¹⁸⁷ Оуэн (Owen) Роберт (14.5.1771, Ньютаун, Уэльс — 17.11.1858, там же) — английский социалист-утопист. Представлял будущее общество в виде свободной федерации небольших социалистических самоуправляющихся общин, основанных на общем владении собственностью и труде.

¹⁸⁸ Кабе (Cabet) Этьенн (1.1.1788, Дижон — 8.11.1856, Сент-Луис, США) — французский публицист, писатель, утопический коммунист. Участник движения карбонариев и Революции 1830 г.; историк революции («Популярная история французской революции 1789–1830», т. 1–4, 1839–1840) и издатель журнала «Le Populaire» (с 1833 г.), автор романа «Путешествие в Икарию» (1840). Из-за репрессий эмигрировал в Бельгию, затем в Великобританию (1834), где познакомился с Р. Оуэном, при содействии которого получил в Техасе (США) участок земли и организовал колонию икарийцев (1848).

¹⁸⁹ Энгельс (Engels) Фридрих (28.11.1820, Бармен, ныне р-н Вупперталь — 5.8.1895, Лондон) — один из основоположников марксизма, друг и соратник К. Маркса. После смерти Маркса в 1883 г. на основе многочисленных черновых рукописей и фрагментов Энгельс составил и опубликовал окончательный текст не изданных Марксом томов «Капитала». Основные труды Энгельса: «Крестьянская война в Германии», «Диалектика природы», «Анти-Дюринг», «Социализм в Германии» и др.

¹⁹⁰ Беккер (Becker) Иоганн Филипп (19.3.1809, Франкенталь — 7.12.1886, Женева) — деятель международного и немецкого рабочего движения. С 1830-х гг. участвовал в революционном движении. После Революции 1848–1849 гг. стал сторонником Маркса и Энгельса. Был активным деятелем I Интернационала, одним из организаторов его немецких секций в Швейцарии, редактором журнала «Der Vorbote».

¹⁹¹ Кайенна (фр. Cayenne) — столица Французской Гвианы, заморского департамента Франции и единственного европейского континентального владения в обеих Америках.

¹⁹² Правильно: чартисты (от англ. Chartism) — сторонники социально-политического движения в Англии с конца 1830-х до конца 1840-х гг., получившего имя от поданной в 1839 г. парламенту петиции, называвшейся хартией или народной хартией. Чартисты надеялись, что реформированный, согласно их желаниям, парламент сумеет найти верные средства для устранения социальных бед, против которых они протестовали.

¹⁹³ тред-юнионы (от англ. trade — профессия, ремесло и union — объединение, союз) — название профсоюзов в Великобритании и ряде др. англоязычных стран

¹⁹⁴ фени, фенианы (Fenians) — название обширной ирландской сепаратистской ассоциации, сформировавшейся в 1861–1862 гг. и быстро распространившейся как в Ирландии, так и в Америке

¹⁹⁵ Персины (собственно: Fialin, Жан-Жильбер-Виктор, герцог де Persigny) (11.1.1808, Saint-Germain-Lespinnasse, деп. Луары — 12.1.1872, Ницца) — французский государственный деятель. В 1836 и 1840 гг. участвовал в попытках Луи-Наполеона захватить власть, участник переворота 2 декабря 1851 г., в 1852–1854 и 1860–1863 гг. министр внутренних дел.

¹⁹⁶ Николай Алексеевич Милютин (6(18).6.1818, Москва — 26.1(7.2).1872, там же) — российский государственный деятель, статс-секретарь, один из главных разработчиков Крестьянской реформы 1861 г. По политическим взглядам — умеренный либерал, близкий к славянофилам. Автор и редактор многих статистических трудов.

¹⁹⁷ Речь о М.Н. Муравьёве.

¹⁹⁸ Речь о П.А. Шувалове.

¹⁹⁹ Берг Фёдор Фёдорович (Friedrich Wilhelm Rembert von Berg) (1793, Шлосс-Загниц, Лифлянд. губ. — 6.1.1874, С.-Петербург) — российский дипломат, географ и военачальник, генерал-фельдмаршал (1865); граф Великого княжества Финляндского. Принимал участие в войнах с Наполеоном (1812–1814), турками (1828–1829) и Польшей (Восстание 1830 г.). В 1854–1861 гг. генерал-губернатор Финляндии. С 1863 г. последний наместник Царства Польского.

²⁰⁰ Речь об А.Л. Потапове.

²⁰¹ Расстрел правительственными войсками рабочей демонстрации в Рикамари 16 июня 1869 г. и стачечников в Обене 6 окт. 1869 г.

²⁰² «La Marseillaise». Вышла под ред. В. Рошфора (Rochefort) в ноябре 1869 г.

Письмо к С.Г. Нечаеву

Впервые письмо Бакунина, написанное на русском языке, опубликовал французский русист М. Конфино в журнале «Cahiers du monde russe et soviétique» (1966. Vol. VII. № 4). Письмо С.Г. Нечаеву от 2 июня 1870 г. было переиздано в «Архиве Бакунина» под редакцией Артура Ленинга (см.: Archives Bakounine. IV. Michel Bakounine et ses relations avec Sergej Nečaev. 1870–1872. — Leiden, 1971. — С. 103–141) и воспроизведено в парижской версии этого издания (см.: Bakounine M. Oeuvres completes. — Т. 5. — Paris, 1977. — P. 103–141). В нашей стране это письмо впервые опубликовано в приложении к статье: Житомирская С. В., Пирумова Н.М. Огарев, Бакунин и Н.А. Герцен-дочь в «нечаевской истории (1870)» // Литературное наследие. — Т. 96. — М., 1985. — С. 499–522), переиздано: Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика: [Сб.]. — М.: Правда, 1989. — С. 527–568. Как первая, так и остальные публикации представляют собой воспроизведение сохранившейся копии этого письма. В копии оказались отдельные пропуски и неразобранные слова. Публикаторы некоторые места расшифровали по смыслу (по тексту отмечены знаком [...]), другие — оставили нерасшифрованными (отмечены знаком <...>). Здесь печатается по последнему изданию.

Нечаев Сергей Геннадьевич (20.9(2.10).1847, с. Иваново, ныне г. Иваново — 21.11(3.12).1882, Петербург) — деятель российского революционного движения. С 1866 г. переехал в Петербург, где сдал экзамен на звание учителя, преподавал в Сергиевском приходском училище. Вольнослушателем Петербургского университета участвовал в студенческих волнениях 1868–1869 гг., возглавляя вместе с П.Н. Ткачёвым и др. радикальное меньшинство. Иезуитским лозунгом «цель оправдывает средства», положенным в основу «Катехизиса» (1869), Нечаев руководствовался с первых шагов революционной деятельности. В янв. 1869 г., распустив ложный слух о своем аресте, Нечаев уехал в Москву, а в марте скрылся за границу. В Женеве, выдавая себя за бежавшего из Петропавловской крепости представителя революционного комитета, вошел в доверие к М. А. Бакунину и Н. П. Огарёву. Вместе с ними развернул пропагандистскую кампанию на средства, выданные Огарёвым, вопреки противояствию А.И. Герцена, из фонда, предназначенного для субсидирования революционной деятельности (т. н. «Бахметевский фонд»). Возвратившись в сент. 1869 г. в Москву, Нечаев

представился доверенным не существовавшего русского отдела «Всемирного революционного союза», создал отдел тайного общества «Народная расправа», якобы имевшегося уже повсеместно. Столкнувшись с недоверием и противодействием члена организации студента И.И. Иванова, обвинил его в предательстве и 21 нояб. 1869 г. убил при участии 4 других членов. В конце ноября выехал в Петербург, где пытался продолжать деятельность по созданию тайного общества. 15 дек. 1869 г. в связи с начавшимися арестами по делу нечаевцев (было привлечено 87 чел.) бежал в Швейцарию. Получив вторую половину «Бахметевского фонда», Нечаев опубликовал ряд прокламаций, обращенных к различным слоям русского общества. Совместно с Огарёвым издавал «Колокол» (апрель–май 1870 г., № 1–6). Злоупотребление Нечаевым именем I Интернационала вынудило Генеральный совет в 1871 г. официально отмежеваться от Нечаева. Теоретическая беспринципность, его мистификаторские и провокаторские методы Нечаева, разоблаченные при содействии Г.А. Лопатина, побудили Огарёва и Бакунина порвать летом 1870 г. все отношения с Нечаевым. В сент. 1870 г. Нечаев издал в Лондоне журнал «Община» (№ 1), затем, разыскиваемый агентами царского правительства, скрывался в Париже и Цюрихе, поддерживал связи с польскими бланкистами. 14 авг. 1872 г. был арестован в Цюрихе Швейцарское правительство выдало Нечаева России, как преступника уголовного. 8 янв. 1873 г. в Москве он был приговорен за убийство Иванова к 20 годам каторжных работ. Заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, где в конце 1870-х гг. распропагандировал солдат караульной команды и подчинил их своему влиянию. В дек. 1880 г. установил связь с Исполнительным комитетом «Народной воли», подготовил план своего освобождения, от которого затем отказался, не желая отвлекать силы народолюбцев от покушения на Александра II. Умер в равелине.

²⁰³ Нечаев изображал себя в качестве представителя комитета революционного русского общества, которое фактически не существовало.

²⁰⁴ Знаком <...> здесь и далее обозначены пропуски в копии письма, знаком [...] — слова, вставленные публикаторами по смыслу.

²⁰⁵ Локарно (итал. Locarno) — город на юге Швейцарии. Расположен в италийском кантоне Тичино на северном берегу озера Лаго-Маджоре. М. Бакунин переехал сюда из Женевы в октябре 1869 г. Нечаев приехал к нему в начале 1870 г.

²⁰⁶ Брошюра Бакунина «К офицерам русской армии», написанная им в январе 1870 г., в том же году вышла в Женеве. В этой брошюре Бакунин предрекал наступление часа «последней борьбы между Романовским Гольштейн-Готторбским Государством и между русским народом», призывал создать антигосударственную «революционно-народную организацию» и организовать заговор с целью разрушения «всего сословно-государственного мира в России».

²⁰⁷ Из четырех петрашевцев, с которыми Бакунин был знаком по Сибири названы только трое: М.В. Буташевич-Петрашевский, Ф.Н. Львов и Ф.Г. Толь. Четвертым знакомым М.А. Бакунина был Н.А. Спешнев.

Львов Фёдор Николаевич (11(23).8.1823, Рязанская губ. — 23.5(4.6).1885, Петербург) — русский революционер. Из дворян. Штабс-капитан лейб-гвардии Егерского полка. По делу петрашевцев в 1849 г. приговорен к расстрелу, замененному 12 годами каторжных работ, которые отбывал в Шилкинском, Александровском и Нерчинском заводах. По амнистии 1856 г. вышел на поселение. В Сибири занимался химическими и техническими исследованиями, сотрудничал в иркутской печати. Возвратился в Петербург в 1863 г. В 1871–1882 гг. секретарь Русского технического общества и редактор его «Записок».

Толь, Толль Феликс-Эммануил Густавович (17.2(1.3).1823, Нарва — 9(21).11.1867, Петербург) — петрашевец. По делу петрашевцев отбывал каторгу в Керевском заводе в Томской губ. По возвращении из ссылки с конца 1850-х гг. сотрудничал в журналах.

Спешнев Николай Александрович (1821, Курская губ. — 17(29).3.1882, Петербург) — русский революционер. Из дворян. В 1842–1846 гг. жил за границей, участвовал в освободительном движении в Швейцарии. Изучал философские и социально-экономические труды Л. Фейербаха, Ш. Фурье, П.Ж. Прудона и др. Один из руководителей петрашевцев, по делу которых был приговорен к расстрелу, замененному 10 годами каторги; находился в Александровском заводе Нерчинского округа (до амнистии 1856 г.). В 1857–1859 гг. редактор «Иркутских губернских ведомостей»; вместе с генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым-Амурским участвовал в экспедиции по Амуру.

²⁰⁸ В издании 1985 г. (в «Литературном наследии»): «знал», что искажает смысл высказывания Бакунина.

²⁰⁹ Герцен Александр Иванович (псевд. — Искандер) (25.3 (6.4).1812, Москва — 9(21).1.1870, Париж) — известный русский революционер, писатель, философ и публицист.

²¹⁰ Потёбня Андрей Афанасьевич (19(31).8.1838, Ромны — 20.2(4.3).1863, близ Скалы) — русский революционер. Из дворян. Служил в Шлиссельбургском полку подпоручиком. Поддерживал связь с А.И. Герценом и Н.П. Огарёвым. Во время Польского восстания 1863–1864 гг. приезжал в Лондон для встречи с ними.

²¹¹ Утин Николай Исаакович (27.7(8.8).1841 — 19.11(1.12).1883, Петербург) — русский революционер. Родился в семье купца-миллионера. Осенью 1861 г. за участие в студенческих волнениях арестован и исключен из Петербургского университета. В 1862 г. году сдал экзамены экстерном. В это же время стал членом общества «Земля и воля», был выбран в ЦК. В 1863 г. уехал из России. В Лондоне сотрудничал с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. Из-за возникших разногласий разошелся с Герценом, а в 1865 г. стал его открытым противником. С 1867 г. член I Интернационала. В 1868–1870 гг. входил в редколлегию газеты «Народное дело». В середине 1870-х гг. перестал заниматься революционной деятельностью. В 1878 г. возвратился в Россию, уехал на Урал, где работал инженером.

²¹² нечто совершенно неизвестное; недоступная, недостижимая область (лат.).

²¹³ Огарёв Николай Платонович (24.11(6.12).1813, Петербург — 31.5(12.6).1877, Гринвич) — известный русский революционер, публицист, поэт. В 1869–1870 гг. участвовал в пропагандистско-агитационной кампании М.А. Бакунина и С.Г. Нечаева, а также в нечаевском «Колоколе».

²¹⁴ В Москве Нечаев появился в сентябре 1869 г.

²¹⁵ от осет. абыраг, абрег — скиталец, разбойник.

²¹⁶ В копии: «но какой».

²¹⁷ Марат (Marat) Жан Поль (24.5.1743, Будри, Швейцария — 13.7.1793, Париж) — один из предводителей Великой Французской Революции, радикальный журналист, лидер якобинцев. Известен под прозвищем «Друг народа», в честь газеты, которую он издавал. Один из наиболее ярких сторонников якобинского террора.

²¹⁸ Савонарола (Savonarola) Джироламо (21.9.1452, Феррара — 23.5.1498, Флоренция) — флорентийский религиозно-политический деятель, поэт. В 1497 г. был отлучен от церкви. В ответ он выступил с призывом созвать церковный собор для низложения папы. Не желая идти на разрыв с Римом, флорентийская синьория арестовала Савонаролу, ему были предъявлены обвинения религиозно-политического характера. По приговору синьории он был казнен.

²¹⁹ В копии ошибка: «Мецену».

Тецель (Tezel, собств. Diezel), Иоганн (1470 по др. данным — ок. 1455, Пирн — 1519, Лейпциг) — саксонский монах, доминиканец. Как апостольский комиссар папы Льва X, оставил о себе известность торговлей с 1502 г. в Германии индульгенциями, которые он продавал самым беззастенчивым образом, навязывая их, вымогая за них деньги, утверждая при этом, что значение индульгенции превышает значение крещения. Вследствие нападок Лютера в 1517 г. удалился в монастырь.

²²⁰ В копии: «ценны».

²²¹ В публикации 1985 г. предлагается сомнительная расшифровка: «Интернациональ-тайно-революционный союз». Немного ниже Бакунин употребляет название Интернациональный союз.

²²² В копии: «изменения».

²²³ В брошюре «Постановка революционного вопроса», вышедшей в Женеве в 1869 г. без подписи, Бакунин ставит вопрос о роли молодежи как объединяющего начала в стихийных народных бунтах.

²²⁴ Лопатин Герман Александрович (13 (25).1.1845, Н. Новгород — 26.12.1918, Петроград) — русский революционер, член Генерального совета I Интернационала, первый переводчик «Капитала» К. Маркса в России.

²²⁵ В издании 1985 г.: «изустной».

²²⁶ Неясности в источнике, возможно: «для совокупления разобщенных».

²²⁷ Речь идет о статье «Наша программа», написанной М.А. Бакуниным вместе с Н.И. Жуковским и опубликованной в журнале «Народное дело» (1868. № 1).

²²⁸ В копии ошибка: «характеризовать».

²²⁹ По сообщению М. Конфино, к этому месту Н.А. Герцен сделала примечание: «По просьбе Бакунина Семен Серебренников прибавил после в другой копии слова “отнюдь не”, которые совершенно изменяют смысл этой фразы» (см.: *Cahiers du monde russe et soviétique*. — P., 1966. — № 54. — P. 674). Возможно Н.А. Герцен ошибалась. Комментаторы публикации 1985 г. считают, что вставленные слова подчеркивают очень важную для Бакунина мысль о допустимости «опутывания», обмана и иезуитизма по отношению к врагу и недопустимости их по отношению к друзьям.

²³⁰ Лойола (Loyola) Игнатий (23.10.1491(?), замок Лойола, пров. Гипускоа — 31.7.1556, Рим) — основатель ордена иезуитов (1534). Мелкий испанский дворянин. Избранный в 1541 г. пожизненно «генералом» ордена, Лойола превратил его в орудие контрреформации. Он выработал организационные и моральные принципы ордена. В своем сочинении «Духовные упражнения» Лойола изложил систему иезуитского воспитания, целью которого ставил подавление индивидуальной воли человека и превращение его в послушное орудие церкви; считал допустимыми любые средства ради «вящей славы божьей».

²³¹ В копии ошибка: «неоспоримо».

²³² Бахметьевский фонд — средства (20 тыс. франков), которые оставил Герцену на дело пропаганды русский помещик П.А. Бахметьев, уезжая на Маркизские острова, где собирался поселиться. Бахметьев больше не появлялся, а на деньги не раз заявляла претензию «молодая» эмиграция.

²³³ Речь идет о Генри Сетерленде, сыне Мэри Сетерленд — подруге Н.П. Огарёва. О какой сплетне идет речь — непонятно.

²³⁴ Тата — старшая дочь А.И. Герцена Наталия Александровна (1844–1936).

²³⁵ Тучкова-Огарева Наталия Алексеевна (1829–1913) — вторая жена Н.П. Огарева, после приезда в Лондон (1856) стала женой А.И. Герцена.

²³⁶ Тхоржевский Станислав — польский эмигрант (с 1845 г.), друг и многолетний сотрудник А.И. Герцена, владелец книжной лавки в Лондо-

не (в Soho Street City), вместе со своим соотечественником Л. Чернецким принимал активное участие в работе Вольной русской типографии.

²³⁷ Серебренников Семен Иванович — русский эмигрант, уроженец Иркутской губ. В конце 1860-х гг. был студентом (Петербургск. ун-та?) Технологическ. ин-та; курса не окончил. В 1868 г. содержал в Петербурге типографию, основанную в 1867 г. на артельных началах. В 1869 г. эмигрировал в Швейцарию; был студентом Цюрихского политехникума; принимал участие в русских эмигрантских кругах. В 1870 г. по поручению (?) С.Г. Нечаева должен был ехать в Россию, но 9 мая был арестован швейцарской полицией, принявшей его за разыскиваемого Нечаева. Находился под арестом в течение двенадцати дней, после чего вел процесс против швейцарского правительства. Благодаря обнаружению близости к Нечаеву, не мог появиться в России и остался за границей. Принимал участие в работе I Интернационала. С 1873 г. жил в Париже. В мае 1874 г. русским правительством ему было предложено вернуться в Россию в течение шестимесячного срока; на вызов не явился. Арестован в 1874 г. в Пруссии и выдан (?) русским властям.

²³⁸ В копии ошибка: «Крыжова».

Прыжов Иван Гаврилович (22.9(4.10).1827, Москва — 27.7(8.8).1885, Петровский Завод, ныне г. Петровск-Забайкальский Читинской обл.) — русский историк, публицист, этнограф. Участник революционного движения 1860-х гг. В 1848–1850 гг. учился в Московском университете. Занимался этнографией, фольклором, русской историей. Начал печататься в 1860 г. В 1869 г. познакомился с С.Г. Нечаевым и стал членом организации «Народная расправа»; в том же году был арестован и в 1871 г. по «процессу нечаевцев» осужден на 12 лет каторжных работ и вечное поселение в Сибири. Отбывал каторгу в Забайкалье, с 1881 г. жил там же на поселении.

²³⁹ Озеров Владимир Александрович — бывший уланский офицер, эмигрант. Принимал участие в польском восстании. В 1866 г. выехал за границу через Ригу. Член Женевской секции I Интернационала, близкий человек к Бакунину. Вместе с З. Ралли был участником покушения в 1872 г. на Стемпковского, предавшего Нечаева, но успел скрыться до ареста. В том же году участвовал в конгрессе Юрской секции I Интернационала вместе с Гольштейном и Ралли. На похоронах Бакунина в 1876 г. он один из всех присутствовавших эмигрантов отказался от слияния бакунинской партии с общей «Интернациональной лигой».

²⁴⁰ Речь идет о вилле, на которой когда-то жила группа турецких эмигрантов.

²⁴¹ В начале 1869 г. М. Бакунин, находящийся в тяжелом материальном положении, взялся за перевод 1-го тома «Капитала» Маркса, предложенный ему петербургским издателем Н. П. Поляковым через посредничество живущего за границей студента Н. Н. Любавина, и получил за работу аванс в 300 рублей, однако был не в силах успешно выполнить это дело.

17 февраля 1870 г. С.Г. Нечаев написал угрожающее письмо русскому студенту Любавину, требуя оставить Бакунина в покое и освободить от всех обязательств. Письмо, написанное на бланке Центрального Комитета Народной Расправы и украшенное печатью с топором, кинжалом и пистолетом, заканчивалось угрожающими словами: «В противном случае придется прибегнуть к мерам, не столь деликатным». Издатель перепоручил перевод Г.А. Лопатину и Н.Ф. Даниельсону (опубликован в Санкт-Петербурге в 1872 г.). А письмо к Любавину, попав к Марксу, было использовано последним в исключении Бакунина из I Интернационала.

Из работы «Парижская Коммуна и понятие о государственности: первый опыт социальной революции»

Впервые опубликовано на русском языке в переводе с французского с подзаголовком «Отрывок из неизданной рукописи» в эмигрантском журнале «La Commune. Община: Социально-революционное обозрение». — Genève, 1878. — №№ 5, 6/7. Переиздавалась: С письмом П.А. Кропоткина к издателям «Анархической Библиотеки». — Женева: Новая русск. тип., 1892. — X, 20 с. — (Анархич. б-ка. — № 1); под заглавием «Первый опыт социальной революции: (La commune de Paris et la notion d'Etat)» в сборнике «Союз равных: Сб. статей П. Кропоткина, М. Бакунина, Жана Грера, Элизе Реклю и друг.» — [М.: Издание «Равенства», тип. «Сокол», 1906]. — 40 с.; Избранные сочинения [В 5 т.]. — Т. IV. — Пб., М.: тип. «Голос труда», 1920. — С. 247–266.

Здесь публикуется по последнему изданию: С. 249–252, 257–266.

²⁴² Прокруст — в древнегреческой мифологии прозвище великана-разбойника, который насильно укладывал путников на ложе и тем, кто был больше его размеров, обрубал ноги, а малорослых вытягивал до размеров ложа (отсюда имя Прокруста — «растягивающий»). В переносном значении «прокрустово ложе» — искусственная мерка, не соответствующая сущности явления; насильственно налагаемые на что-либо ограничения.

²⁴³ Тьер (Thiers) Адольф (14.4.1797, Марсель — 3.9.1877, Сен-Жермен-ан-Ле) — французский государственный деятель, историк, член Французской академии (1833). Содействовал вступлению на престол Луи Филиппа. Накануне Июльской революции 1830 г. Тьер был одним из руководителей либерально-буржуазной оппозиции, после революции эволюционировал в реакционного буржуазного политика.

²⁴⁴ Цицерон (Cicero) Марк Туллий (3.1.106 до н. э., Арпинум — 7.12.43 до н. э., близ Кайеты, совр. Гаэта) — древнеримский политический деятель, оратор, писатель, один из создателей и классиков латинского литературного языка. Сохранились (не считая отрывков) 58 речей, 19 трактатов и свыше 800 писем Цицерона.

Программа интернационального братства

Программа была написана М.А. Бакуниным в Цюрихе в период с 30 авг. по 13 сент. 1872 г., т. е. во время Гаагского конгресса I Интернационала, на котором Бакунин был исключен из его рядов. Программа подводит итоги социально-политических исканий Бакунина 1864–1872 гг. и в сжатом виде содержит в себе все ключевые положения, касающиеся целей, революционной стратегии и тактики, структуры тайной организации, которые были сформулированы и более подробно раскрыты в других работах этих лет. На русском языке впервые опубликована по французской рукописи в Вестнике Московского университета. Серия 12. Социально-политические науки. — М., 2006. — № 5. — С. 27–43. Перевод с франц. яз. В.Г. Мосолова. Здесь публикуется по этому изданию.

²⁴⁵ Под Y. автор здесь и далее зашифровал Интернациональное братство.

²⁴⁶ дословно: фойе, вестибюль (фр.)

²⁴⁷ своевременность, уместность (фр.)

Из работы «Государственность и анархия». Прибавление А

«Государственность и анархия» — самая крупная работа М.А. Бакунина, одна из немногих, написанных им на русском языке. Подзаголовок: «Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих» определяет основную тему. Рассматривая историю Германии, Франции, славянских стран, автор делает, с одной стороны, вывод о возобладании полнейшей реакции в Германии, обуреваемой, как он полагал, страстью завоевания, преобладания «государствования», а с другой — вывод о грядущей социальной революции, зарождающейся на юге Европы (Италия, Испания, Франция), к которой, по его мнению, присоединятся народы европейского северо-запада, а затем все славянские народы.

Под общим заголовком «Государственность и анархия» осенью 1873 г. вышла первая часть задуманной Бакуниным работы Государственность и анархия: [Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих]. Введение. — Ч. 1. — [Женева], 1873. — 1 т. — (Изд. Социально-революционной партии. — Т. 1). — Ч. 1. — 1873. — [2], 308, 24 с.}. Вторую часть он намеревался посвятить истории рабочих ассоциаций в Германии и других странах Европы, а также проблемам «всенародного бунта» и организации рабочих масс на принципах анархизма. Сборник «Историческое развитие Интернационала», вышедший в том же 1873 г., фактически составил вторую часть труда на тему «Государственность и анархия».

На русском языке полностью «Государственность и анархия» публиковалась у нас в стране в изданиях: Бакунин М.А. Избранные сочинения [В 5 т.]. — Т. 1 / С биограф. очерком В. Черкезова. — Пб.: Голос труда, 1919. — 320 с.; То же. — 2-е изд. — Пб.-М.: Голос труда, 1922 [обл. 1920]. — 254 с.; Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика : [Сб.] / [Журн. «Вопр. философии» и др.]. — М.: Правда, 1989. — С. 291–526. В конце 1960-х гг. эта работа была переиздана на языке оригинала и в переводе Марселя Боди на французский язык в качестве третьей части издания: Archives Bakounine (Leiden, 1967), а затем в издании: Bakounine M. Œuvres complètes (Т. 4. Paris, 1976). «Прибавление А» из этой работы публикуется здесь по изданию 1989 г.

²⁴⁸ В конце 1860-х — начале 1870-х гг. в центре политической концепции П.Л. Лаврова находилась идея активно действующего революционного меньшинства разночинной интеллигенции и молодежи, опиравшейся на этико-социологический метод, который со временем не без оснований получил название субъективного метода. В глазах Бакунина, ориентированного на массовые, стихийные народные движения, идеалы которых научно, теоретически, по его мнению, обосновать невозможно и не нужно, лавризм представлялся как «доктринерство» и «ученая болтовня». Миртов и Кедров — псевдонимы Лаврова.

²⁴⁹ Чаадаев Пётр Яковлевич (27.5(7.6).1794, Москва — 14(26).4.1856, там же) — русский мыслитель и публицист. В 1808–1811 гг. учился в Московском университете, где сблизился с Н.И. Тургеневым и И.Д. Якушкиным. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. С 1816 г. член масонской ложи «Соединённых друзей». В 1819 г. был принят в «Союз благоденствия», в 1821 г. в Северное общество декабристов, но деятельным членом тайных обществ не был и относился к ним сдержанно-скептически.

²⁵⁰ Речь о первом из «Философических писем» П.Я. Чаадаева, опубликованном в 1836 г.

²⁵¹ сектаторская (от лат. *sectator* — спутник, приверженец) — сектантская

²⁵² Саваоф (ивр. *שָׂוֹאֹף* = цеваот, букв. «(Господь) Воинств») — один из эпитетов Бога в иудейской и христианской традициях. Это имя может означать как «Господь воинств Израилевых», так и «Господь воинств Ангельских». В отличие от других названий Бога (Элохим, Иегова, Адонай), Саваоф выдвигает особенно свойство всемогущества, образ которого заимствован от воинства.

²⁵³ «Вперёд!» — название двух русских зарубежных изданий (журнал и газета) 1870-х гг. под ред. П.Л. Лаврова, являвшихся органами «лавристского» направления в революционном народничестве. Журнал «Вперёд!» выходил с 1 (13) авг. 1873 г. в Цюрихе (в 1874–1877 гг. — в Лондоне) как «непериодическое обозрение» (5 выпусков). Тираж 2 тыс. экз. В 1875–1876 гг. в Лондоне выпускалось двухнедельное обозрение — газета «Вперёд!» (48 номеров). Тираж в 1875 г. — 2 тыс. экз., в 1876 г. — 3 тыс. экз.

²⁵⁴ Речь об августовском номере журнала П.Л. Лаврова «Вперед» (Цюрих, 1873 г.).

²⁵⁵ Имеется в виду восстание 1650 г. в Новгороде, вызванное ухудшением положения посадских людей в связи с принятием «Соборного Уложения» царя Алексея Михайловича (1649 г.).

²⁵⁶ Декабрьское восстание 1825 г.

²⁵⁷ В иудантической, христианской и мусульманской мифологиях ангелы — созданные богом бесплотные существа, призванные служить единому богу, воюя с его врагами, воздавая ему честь, неся его волю стихиям и людям. В христианстве иерархия ангельских чинов наиболее подробно разработана Псевдо-Дионисием Ареопагитом: 1 триада — серафимы, херувимы, престолы; 2 триада — господства, силы, власти; 3 триада — качала, архангелы, ангелы (см.: Мифы народов мира. — Т. I. — М., 1980. — С. 76–78, 362).

²⁵⁸ В январе 1873 г. С.Г. Нечаев был приговорен за убийство к 20-ти годам каторжных работ, что и дало Бакунину основание сделать вывод о «несчастном исходе нечаевского предприятия».